

Костанайский государственный университет имени А.Байтурсынова

УДК 94 (574): 323.331

На правах рукописи

АЙТМУХАМБЕТОВ АЙДАР АБАЕВИЧ

**Казахские служащие Российской империи: формирование,
профессиональная и общественно-политическая деятельность в
XIX – начале XX вв. (исторический аспект)**

07.00.02 – Отечественная история (История Республики Казахстан)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук,
профессор Кабульдинов З.Е.

Республика Казахстан
Семей, 2010

Содержание

Обозначения и сокращения	3
Введение	4
1 Особенности становления и эволюции казахского студенчества Российской империи на примере Санкт-Петербургского, Саратовского, Томского и Казанского университетов	34
1.1 Количественная характеристика и региональный состав казахского студенчества.	34
1.2 Специализация казахского студенчества.....	61
1.3 Социально-имущественная характеристика казахского студенчества	76
2 Профессиональная деятельность казахских служащих	89
2.1 Формирование казахских служащих в условиях военно-административной модели управления.....	89
2.2 Казахские специалисты в группах: учителей, врачей, фельдшеров, ветеринаров.....	100
2.3 Казахские служащие в органах административно-территориального управления.....	127
2.4 Казахские служащие в судебно-правовой сфере	140
2.5 Формы адаптации казахских служащих.....	161
3 Общественная деятельность казахских служащих	176
3.1 Работа казахских служащих в благотворительных, культурных и научных организациях.....	176
3.2 Казахские служащие в развитии казахской периодической печати и литературы.....	215
4 Политическая деятельность казахских служащих	236
4.1 Казахские служащие и мусульманское движение.....	236
4.2 Казахские служащие-депутаты Государственных Дум.....	255
Заключение	308
Список использованных источников	320

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

ЦГА РК – Центральный государственный Архив Республики Казахстан;

ГАГА – Государственный Архива города Астаны;

ЦДНИ ВКО – Центр документации и новейшей истории Восточно-Казахстанской области

РГИА СПб – Российский государственный исторический Архив города Санкт-Петербурга;

ГАОрО – Государственный Архив Оренбургской области;

ГАСО – Государственный Архив Саратовской области;

НА РТ – Национальный Архив Республики Татарстан;

ГУТО ГАТО – Государственное Управление Тюменской области
Государственный Архив Тюменской области;

ГУТО «ГА в г.Тобольске» – Государственное Управление Тюменской
области Государственный Архив города Тобольска;

ГАТО – Государственный Архив Томской области;

ГАОО – Государственный Архив Омской области.

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. В диссертации представлено комплексное исследование системы подготовки и развития категории казахских служащих на территории Российской империи в XIX – в начале XX века. С начала XIX века в Младшем и Среднем жузах начинают проводиться административно-территориальные реформы, в перспективе определившие изменения в системе управления казахским обществом. Впоследствии по причине глобальных тенденций, а именно переселенческой программы, территориально-земельных ограничений, расширения административно-бюрократической системы управления происходят изменения в социальной структуре казахского народа. Таким образом, в исследуемый период постепенно и систематически формируются профессиональные группы из европейско-образованных казахов, ориентированных прежде всего на обеспечение государственного делопроизводства. Имперские власти в процессе усиления влияния метрополии актуализировали роль казахской аристократии и приближенной к ней по социально-имущественному статусу знати из других категорий казахского общества. Реализация этой кадровой политики способствовала развитию системы народного образования в крае.

Учебные заведения на территории Казахстана, прежде всего, были рассчитаны на представителей этих слоев казахского общества. В первой половине XIX века в Младшем и Среднем жузах формируется казахское офицерство – группа военнослужащих, профессионально занятых в управленческом звене. Дальнейшая политика укрепления имперского влияния определила потребность увеличения и разветвления административно-бюрократического аппарата. В этот период на этнотерриторию казахов происходит переселение населения из западных и центральных районов империи, что сопровождалось возникновением новых стационарных центров, развития оседло-земледельческой культуры, расширения социального сектора и инфраструктуры.

В данной ситуации акцентировалась необходимость наличия профессионально подготовленных специалистов в медицине, ветеринарии, учительском секторе и в других направлениях социально-культурной сферы. В исследуемый период в казахском обществе складываются эти категории служащих. В начальный период развития и внедрения государственной системы просвещения казахская молодежь получила возможность обучения в официальных учебных заведениях уровня городских школ и училищ. Впоследствии казахи имели право обучения в университетах, что обуславливалось потребностью подготовки национальных кадров для обеспечения деятельности административных структур и социального сектора в условиях реформации общества и государства. В конце XIX века подготавливается группа казахов, образованных по университетским стандартам. Итак, в страте казахских служащих происходила их дифференциация по социальному статусу, образовательному уровню,

имущественному обеспечению и профессиональной специализации.

Казахские служащие функционировали на огромной территории. Определенная часть специалистов работала в административных городах, являвшимися областными или уездными центрами. Руководствуясь интересами освоения края и эволюции казахского народа в сложившихся реалиях, национальные служащие активизировали общественную работу, представленную в виде организации благотворительных обществ, сотрудничества с РГО, издания периодической печати и литературы, участия в статистических экспедициях, переписи населения и так далее.

В процессе обострения политической и социально-экономической ситуации в империи прогрессивная часть казахских служащих вовлекается в политическую деятельность. Это выразилось в их сотрудничестве с различными политическими партиями и движениями. Казахские общественные деятели взаимодействовали с мусульманскими движениями, в которых лидировали представители тюркских и мусульманских прогрессистов. Казахские представители непродолжительный период действовали в работе Государственной Думы России, тесно контактируя с мусульманской фракцией, кадетами, сибирской думской группой и рядом других фракций и групп. На базе широкого круга источниковых материалов, данных периодики и монографических исследований получены результаты, имеющие научно-историческое значение в ракурсе исследования социальной структуры казахского общества и природы взаимоотношений его социальных групп. В исследовании предпринята попытка изучить длительный процесс формирования и эволюции категории казахских служащих в трансформационный период ломки веками сложившихся номадных форм отношений и традиционной кочевой государственности. На основе обработки значительного объема архивных материалов показана динамика изменения профессиональных групп служащих в пределах Российской империи. Исследованы вопросы социальной стратификации, профессионального ориентирования и системы обучения по русско-европейской модели новых профессиональных групп в казахском социуме. Рассмотрены проблемы общественной и политической деятельности прогрессивных казахов.

Актуальность исследования. В современный период поступательного развития Республики Казахстан актуализируется задача повышения профессионализации и эффективного использования знаний служащими всех направлений. Важным элементом реализации данной политики является административное реформирование. В выступлении Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на Международной научно-практической конференции «Роль государственной службы в повышении конкурентоспособности страны» 17 июня 2008 года в Астане обозначилась задача разработки и реализации новой концепции модели государственной службы в Казахстане [1]. Модернизация казахстанского общества существенно возвышает статусность гражданских служащих, задействованных в социальной системе.

Актуальность исследования определяется значимостью изучения складывания системы государственных служащих, что предполагает:

во-первых, изучение опыта работы служащих дореволюционного периода в ракурсе реализации закона о государственных служащих весьма важно в процессе дальнейшего реформирования социума и государственности;

во-вторых, в современный период развития и совершенствования системы патриотического воспитания подрастающего поколения представляет научный интерес гражданская позиция казахских служащих, вовлеченных в исследовательскую и общественно-политическую деятельность;

в-третьих, полное освещение многогранной деятельности казахских интеллектуалов имеет важное значение в восприятии истории казахского народа и его роли на обширном территориальном пространстве взаимодействия разных обществ и культур;

в-четвертых, накануне празднования юбилея независимости Республики Казахстан акцентируется значимость роли категории служащих в длительном процессе развития казахского социума к современной форме государственности.

В данном ракурсе научный интерес представляет процесс формирования корпуса казахских служащих, их профессиональная, общественная и политическая деятельность в XIX – начале XX века. Принципы и методы подготовки казахских специалистов проходили в условиях трансформации Российского государства. По мнению российского ученого Миронова Б.Н., в XVIII-XIX веках в России сохранялся сословный строй. В первой половине XIX века социальная структура российского общества в новом Своде законов 1832 года получила юридическое оформление как строго сословная. [2] В результате реформ 1860-х годов происходит нивелирование сословных привилегий и трансформирование сословий в классы и профессиональные группы. Таким образом, во второй половине XIX века в Казахстане фактически формируются профессиональные группы просвещенных по русско-государственным образовательным стандартам казахских служащих, имевших существенные отличия от остальных представителей казахского общества.

Со второй половины XIX века в империи стал употребляться термин «интеллигенция». Это иностранное слово интерпретируется в значении работника умственного труда, специализирующегося в различных областях науки, техники и культуры, то есть социальный слой людей, занятых в этой сфере [3, с.258] В официальных материалах, отчетах, переписке, в ведомостях, инструктивных документах значение «интеллигенты» редко применялось относительно работников государственных структур.

Следует отметить, что просвещенные граждане, занятые в системе делопроизводства, медицинском секторе, педагогической деятельности, по официальной документации обладали чинами и званиями. Впервые регламентация системы военных, гражданских и придворных чинов и порядок прохождения службы была введена Петром I в законодательном акте «Табеле о рангах». У военных и гражданских служащих понятие «чин» означало

служебный разряд (класс) [4, с.420].

Обязанности и права каждой профессиональной категории определялись соответствующим Уставом. Так, например, по документу «Положение о киргизах, об их правах, управлении духовными делами, устройства медицинской части, школы в степи. Расписания и управления Акмолинской области 1822 год», в пункте 251 указывалось на обязанности «медицинских чинов», то есть уездных и городских врачей, уездных и повивальных бабок общим врачебным уставом [5, л.15].

По реформам 20-годов XIX века в Казахстане официально вводились Положения о штатах управлений. Эти документы содержали раздел классов 4-го разряда по должностям, по мундиру и по пенсии применительно к сотрудникам областных и уездных управлений. Штатные должности канцелярских работников, к которым относились руководители, а также делопроизводители, помощники, бухгалтеры, журналисты, архивариусы, переводчики, письмоводители, сотрудники прокуратуры и полиции были отражены в документации [6].

Инкорпорирование казахских специалистов в имперскую модель управления, судопроизводства, государственной системы просвещения и медицины предполагало их уравнивание в правах с работниками этих сфер. Таким образом, казахские специалисты официально вводились в группу служащих. Например, в личном деле выпускника Казанского университета М.Карабаева содержится информация об исключении его «из киргизского сословия» в связи с «определением на государственную службу» в степени лекаря и звания уездного врача [7, л.7].

Понятие служба ассоциируется как работа, занятие служащего и места его работы. Соответственно служащим по определению является «работник, занятый интеллектуальным, нефизическим трудом в разных сферах деятельности, государственной, административной, хозяйственной и другой» [8, с.118]. Это значение отражает суть профессиональной подготовки и занятости изучаемой группы просвещенных казахов.

На рубеже XVIII-XIX веков четко обозначилась тенденция доминирования имперской системы управления на территории проживания казахов. Вследствие данной политики в регионе внедряется комплексная длительная программа, направленная на включение казахского народа в орбиту тотального влияния имперских структур. Соответствующая программа включала широкий комплекс административно-территориальных, управленческих, судебных, образовательных реформ, ориентированных на ликвидацию преобладающей деятельности местной аристократии и изменения традиционной структуры казахского социума. Эти новации неоднозначно воспринимались казахским народом. В изменяющейся политической обстановке казахская аристократия, прежде всего, проявляет политическую гибкость, целевые установки которой заключались в сохранении доминирующей статусности на этнотерритории казахов.

В процессе внедрения имперских реформ в первой половине XIX века

формируется незначительная страта казахских служащих, функционировавших в схеме военно-административного управления. Таким образом, данный период характеризуется организацией и жизнедеятельностью казахского офицерства аристократического происхождения, задействованного в большей степени в гражданской сфере.

Синхронно в этот период вследствие внедрения вертикальной системы обучения наблюдается ориентирование казахской молодежи на гражданские учебные заведения. В ментальных установках казахского народа и, прежде всего, его наиболее престижных кругов происходит изменение некоторых ценностных ориентиров.

Во второй половине XIX века увеличивается динамика включения казахского населения в образовательную систему на территории области. С течением времени происходит дифференциация казахских учащихся по социальному статусу и имущественным показателям. На рубеже XIX – начала XX века значительную часть ученического корпуса и студенчества составляли выходцы из сословия знати. Соответствующая мотивация поведения представителей указанных семей диктовалась насущной необходимостью достижения лидирующих позиций с вовлечением в административно-управленческие структуры.

Реальным показателем продвижения казахских специалистов в вертикали управления являлись повышенная трудоспособность, дисциплинированность и отточенное мастерство. В силу сложившихся реалий статусность казахских служащих в иерархии управления ограничивалась позициями вспомогательного характера. По административным реформам 60-х годов XIX века казахские служащие на уровне уездного управления официально получали право помощников уездного начальства и не более. Поэтому их потомки ориентировались впоследствии на деятельность в социально-бюджетных сферах и правовой системе. Именно по этим категориям в Казахстане наблюдался вакуум, что теоретически предполагало карьерный рост с соответствующими факторами обеспеченности казахских служащих. В XIX веке в Казахстане и близлежащих территориях активизировалась роль татарских и среднеазиатских миссионеров, оппозиционно настроенных к действующему режиму. Со второй половины XIX века имперский режим проявляет беспокойство усиливающимся влиянием татар, которые составляли значительный процент населения в городах Казахстана. В данный период вырабатывается программа вытеснения татарского элемента из всех сфер духовной жизни казахов. Царское правительство акцентировало необходимость подготовки национальных кадров в сфере медицинско-фельдшерского обслуживания, ветеринарии, школьного образования и т.д. Официальная политика интегрирования центра с провинцией выдвигала на повестку дня реализацию этих задач. Таким образом, со второй половины XIX века в народе происходит медленный процесс формирования определенных групп служащих. Особенности родоплеменной структуры казахского народа предопределили природу взаимной комплиментарности и протектирования по принципу

семейной близости и земляческих отношений. Этот фактор актуализировал сохранение деловых отношений казахских служащих, рассредоточенных на огромной территории Казахстана и близлежащей зоны.

В немногочисленной группе национальных служащих происходило осознание их идентификации по месту работы и профессиональным характеристикам от других казахских социальных групп. В ходе медленного переустройства гражданского общества Российской империи преломлялось самосознание казахских служащих, осознававших меру ответственности за будущее казахского народа. В данную эпоху наблюдается трансформация политической ситуации в Российской империи, определившей обострение противоречий между консервативным направлением и прогрессивной мыслью. Противоречивость социально-экономических и политических реформ в государстве акцентировали участие казахских служащих в общественно-политических событиях. По сути смыслового содержания и качественных характеристик казахские служащие олицетворялись с категорией национальной интеллигенции, подготовленной по европейским стандартам с сохранением этнодуховной основы. С конца XIX века казахские интеллигенты активно включаются в реформационное движение, направленное на реорганизацию имперской модели управления. На повестку дня ими выдвигается широкий спектр значимых проблем, реализация которых в их представлении должно было способствовать становлению государственности казахов и возрождению их этничности. Соответствующие факторы подверглись основательному изучению и анализу в исследовании.

Совокупность изложенных обстоятельств определяет научную актуальность изучения темы истории формирования, развития и общественной и политической деятельности казахских служащих. Исследование поставленной проблемы представляет научный интерес в свете современной ситуации формирования корпуса служащих и их задач в эволюции общества и государства.

Степень изученности проблемы. Проблема формирования, профессиональной и общественно-политической деятельности казахских служащих периода XIX – начала XX века только начала активно исследоваться в отечественной науке.

Ранее, под влиянием доминировавшей политической идеологии, данная проблема изучалась фрагментарно применительно к определенным историческим личностям. Впоследствии в динамике обретения государственной независимости и эволюции общества, выделенные исторические сюжеты данной темы получили освещение в работах ученых. Президент Н.А. Назарбаев актуализирует «... неоспоримый приоритет позитивных уроков истории, на которые и следует опираться в нашей повседневной работе» [9, 327]. Примечательно апеллирование многих исследователей к социальной роли национальной интеллигенции в судьбе казахского народа. В исследовательских работах анализируется многогранная деятельность казахских интеллектуалов. В этот период просвещенные казахи

занимались делопроизводством или состояли в социальной сфере. Фактически по роду службы и официальному статусу эти группы казахских граждан являлись служащими. За весь аналогичный отрезок истории казахских служащих существенным фактором их численного увеличения, адаптации к социально-экономическим реалиям и социализации являлось образование. Образовательная модель в регионе с имперского периода представлялась в 2-х ипостасях – собственно имперской и традиционной.

В ракурсе проработки данной темы сохраняется актуальность сборника В.В Васильева [9]. Современник и участник внедрения государственной модели просвещения Васильев изложил ценные материалы относительно подготовки казахских учащихся в немногочисленных училищах на локальной территории воздействия Оренбургской администрации. Автором приведен перечень фамилий казахских учеников, впоследствии зарекомендовавших себя специалистами в служебной сфере, охарактеризована социальная структура казахских учащихся ряда училищ и изложены сведения относительно их стипендиальной формы обучения.

В работе Д.Валидова акцентирована значимость этой проблемы для татарского народа Поволжья. Автор, раскрывая проблему эволюции татарской литературы, конкретизировал особенности казахской периодики [10, с.112].

В современный период сохраняется актуальность трудов Ч.Валиханова. Ч.Валиханов – общепризнанный специалист, многопланово состоявшийся в социальных науках. Ч.Валиханов исследовал проблемы этнокультурных особенностей казахского народа в системе влияния Российской империи [11, с.175].

Значительный объем информации содержится в публикациях и сочинениях И.Алтынсарина [12, с.232]. На фоне изложенных им данных формируется представление о развитии государственной модели просвещения в областях и реакции казахского населения на инновационные изменения.

Значительный фактологический материал по истории и жизнедеятельности врача М.Карабаева содержится в публикации В.С.Познанского и Калашникова А.А. [13, с.117]. Исследователи на базе сибирских архивов осветили служебную деятельность казахского врача М.Карабаева в Сибири. Материалы этой публикации весьма ценны в практике изучения работы казахских служащих в Сибири.

При жизни А.Кунанбаев составил свой знаменитый труд, в которой казахский мыслитель актуализировал проблему адаптации казахского общества в результате взаимовлияния аграрно-кочевой и модернизационной европейской культуры [14, с.68]. В произведении Кунанбаева звучал призыв познания казахами востребованных знаний и научных дисциплин, необходимых во избежание деградации.

Одной из монографических работ по истории просветителей края является труд Гармса И.Я. [15, с.42]. Автор на основе исследуемых материалов описал учительскую деятельность А.Васильева, по роду службы связанного с казахскими учителями. В монографии содержатся сведения относительно

казахских учителей, осуществлявших свою деятельность в данный момент на территории края. Гармс на основе данных описал систему коммуникационных отношений между казахскими служащими различной профессиональной направленности на территории Тургайской области.

В научном труде Бурабаева М.С. изложены основные этапы становления и развития общественной мысли в Казахстане в первое десятилетие существования Советской власти [16]. Он исследует деятельность общественно-политических представителей казахского народа – А.Букейханова, А.Байтурсынова, М.Дулатова, М.Жумабаева. Автор акцентирует значение Каркаралинской петиции, которая стала следствием революционных событий 1905 года и имела большой резонанс в казахском обществе.

Представляет ценность труд Ш.Кудайберды-Ұлы. Его работа являлась одной из первых научных попыток представителей казахской интеллигенции указанного периода комплексного исследования истории казахского народа. В данном аспекте соответствующее произведение характеризует умонастроения просвещенных казахов к осознанию проблемы единства народа [17, с.2].

Следует отметить научно-исследовательскую литературу истории тюркского движения в Российской империи. В работе А.Аршаруни и Х.Габидуллина изложена история формирования панисламизма и пантюркизма в России [18, с.41]. Авторы актуализировали роль татарских религиозных деятелей и служащих в организации мусульманского движения на территории империи. Авторами дана противоречивая оценка общетюркского движения. Очевидно, данная тенденция была задана спецификой роста тоталитаризма в Советском государстве.

В работе отечественного ученого С.Ф. Мажитова рассматривается проблема политической деятельности национального просветительства и интеллигенции, которые были ориентированы на процесс реформирования в условиях имперской колониальной политики [19].

В научной публикации С.Аккулыулы на основе документальных источников изучены малоисследованные эпизоды из жизни А.Букейханова [20, с.198]. Автор характеризует Букейханова как одного из общепризнанных лидеров казахского национально-освободительного движения, анализирует факт избрания Букейханова казахским обществом на съезд земских и городских деятелей России как важный аспект признания его заслуг.

Проблема формирования казахского оппозиционного движения начала XX века получила освещение в монографии Аманжоловой Д.А. [21, с.21-23]. По мнению автора, становление мировоззрения будущих лидеров «Алаш» совпало с грандиозными событиями общественно-политического характера в государстве. Своеобразие национального движения определялось сочетанием западной демократии и традиционализма, чувством патриотизма и достижениями мировой цивилизации. Прогрессивные служащие, как, например, А.Букейханов и его сторонники, признавали прогресс процесса оседания, выступали за сохранение общинного уклада жизни казахов, мотивируя свою позицию неподготовленностью населения к комплексу

колониционных мероприятий. По мнению автора, оживление казахского движения после событий 1905-1907 годов произошло в 1911-1913 годы. В этот период казахские лидеры актуализировали проблему выработки единой позиции в системе землепользования и выражения интересов казахского народа в государственных органах.

Общественно-политическая деятельность казахских интеллигентов интенсивно исследуется с рубежного периода конца 80-х начала 90-х годов XX века. В данном ракурсе представляет интерес монография исследователя Кул-Мухаммеда [22, с.234]. В монографии автором изучена в комплексе деятельность одного из основателей партии «Алаш» Жакыпа Акпаева. На примере рассматриваемой личности изложена история его политической и общественной деятельности, которая по целевым установкам в сущности была характерна для определенного круга политически активной части казахских интеллектуалов. Автор акцентирует внимание на политико-правовых взглядах Акпаева. Примечателен его вывод об эффективности концептуальных взглядов Акпаева, идеи которого впоследствии нашли отражение в законодательной сфере Советского государства.

В ракурсе изучения исследованной темы представляет интерес работа российского исследователя Ланда Р.Г. [23, с.163]. Рубежный период XIX-XX веков ознаменован развитием джадидского движения, в орбите влияния которого оказался Казахстан. Автором проанализирована работа тюркомусульманской интеллигенции по созданию единого политического блока с целью коллективной защиты мусульманского населения государства. Ланда рассмотрел депутатскую деятельность тюркских представителей в Государственных Думах, в которых по ряду позиций они продолжили программу джадидов. Автор комплексно рассмотрел взаимовлияние мусульманской и европейской цивилизации в составе Российской империи. Закономерно этот симбиоз, по его мнению, сыграл свою роль в деятельности казахской интеллигенции.

В публикации Анохиной З.К. проанализирована работа тюркских депутатов Приуралья в Государственных Думах. На этой территории традиционно проживали этнически близкие тюркские народы. Объективно депутаты от тюркских общин в I и II Государственных Думах отражали интересы тюркского сообщества [24, с.153].

Обучавшиеся казахские юноши по имперской, т.е. светско-государственной схеме имели возможность функционирования в государственных органах управления, различных канцеляриях, в сфере судопроизводства, образовательных, медицинских учреждениях и т.д. История обучения казахских юношей в Казанских учебных заведениях получила свое изложение в работе Кенжетаева Б.А. [25, с.56]. Автор акцентировал внимание на Казанских учебных заведениях, в которых получили образование несколько десятков казахов исследуемого периода. Кенжетаев на основе использованного круга научных исследований и архивных данных реконструировал модель создания и обучения казахского студенчества в учебных заведениях Казани. В

работе Кенжетаяева приводятся цифровые показатели и фамилии студентов, что представляет ценную информацию в познании истории казахского студенчества.

Сборник статей Бабаджанова М.С. содержит этнографическую информацию и социально-экономические сведения относительно казахского народа [26, с.108]. Примечательно апеллирование автора к обострению аграрных проблем на территории проживания казахов и переселенцев. Фактически казахские служащие в первом поколении критически воспринимали имперскую доминанту во всех сферах жизнедеятельности казахского народа.

В работе Устинова В.М. излагается судьба одного из представителей казахской интеллектуальной мысли Т.Рыскулова, в которой на основе анализа биографии Рыскулова показана дифференциация категории казахских служащих по политическому принципу [27, с.35]. По мнению автора, Рыскулов увлекся марксистской идеологией под влиянием социально-экономической ситуации в регионе. Марксистское учение предполагало комплекс взаимосвязанных мероприятий в преодолении сложностей эволюции угнетенных народов. Очевидно, увлечение радикальными идеями характеризовало значительную часть казахской образованной молодежи, что нашло свое отражение в работе Устинова.

Политическое развитие Казахстана исследованного периода получило свое освещение в монографии Жиренчина К.А. [28, с.242]. Автор с научных позиций проанализировал развитие политических движений в регионе.

Участие казахских общественных деятелей в сложных перипетиях начала XX века в Российской империи основательно изложено в мемуарных воспоминаниях Тогана З.В. [29, с.116]. Очевидец и участник политических событий З.Тоган персонально охарактеризовал казахских деятелей, неоднократно рассматривая их роль в контексте развития общемусульманского антиимперского движения; им проанализированы партийные убеждения казахских прогрессистов в сложный период социального раскола 1917 года.

В работе Козыбаева М.К. освещена политическая деятельность одного из ярких представителей казахской общественности А.Букейханова [30, с.82].

В работе Г.Храпченкова и В.Храпченкова дан анализ теоретико-методологических аспектов и проблем развития школьного просвещения и педагогической мысли в регионе в дореволюционное время [31, с.97]. Авторами освещена образовательная сфера в областях и охарактеризована ролевая функция казахских учителей-просветителей И.Алтынсарина, А.Балгимбаева. Фактически немногочисленная группа казахских учителей способствовала реализации просветительской программы в областях.

В публикации М.Абдеша воссоздается картина формирования казахского студенчества в университетах империи [32, с.42]. Представленный перечень фамилий студентов существенно облегчил пополнение банка данных.

В статье Н.Хеезбаевой изложена история формирования газеты «Казахстан». Автор проанализировала общественно-культурную значимость

печатного издания в локальной территории Западного Казахстана среди местного населения. Хеезбаева осветила участие в издании газеты редактора Е.Бюйрина. В ряду публикаций по конкретным личностям следует отметить наличие определенных материалов в воссоздании биографии [33].

Работа Сыдыкова Е.Б. представляет фундаментальное научное исследование эпохального периода утверждения советского режима в Казахстане [34, с.14]. Данный процесс проходил в условиях трансформации политических взглядов и убеждений определенного круга казахских деятелей, ранее связанных с «Алашским» движением. Автор на основе широкого круга источников объективно рассмотрел длительный процесс формирования общественно-политической системы на территории края.

История формирования категории казахских военных исследованного периода систематически изложена в коллективной работе авторов под редакцией Алтынбаева М.К., Балакаева Т.Б., Белана П.С., Григорьева В.К., Козыбаева М.К., Нурмагамбетова С.К., Нурпеисова К.Н., Тасбулатова А.Б. [35, с.90-94]. Авторами представлена процедура становления профессиональных казахских военных. На базе источников авторы изложили социальную и профессиональную стратификацию казахского офицерства.

Деятельность плеяды казахских общественных лидеров детально исследована в работах отечественного историка Абуева К.К. [36].

Особо следует отметить работу Алексеенко Н.В. и Алексеенко А.Н. «Население Казахстана за 100 лет», в которой на основе опубликованных материалов содержатся сведения о социально-экономических процессах, демографических изменениях, количестве, национальном и социальном составе населения [37, с. 36].

В начале XX века в Казахстане формируется плеяда казахских общественных лидеров, тесно связанных между собой по общественно-политической деятельности. Жизнедеятельность группы просвещенных казахов изложена в учебном пособии Турсунова И.А. [38, с.30]. Им освещены данные из истории процесса просвещения казахов и как следствие этого общественно-политической деятельности А.Букейханова, М.Айтпенова, М.Жумабаева, С.Сейфуллина, К.Кеменгерова. В большинстве они – либо обучались, либо являлись уроженцами Омского Прииртышья.

Комплексное исследование политической ситуации в регионе определяет необходимость изучения политической платформы казахских лидеров, ориентированных на сотрудничество с союзными партиями и движениями. В этой связи следует выделить монографию Валихановой Н.С. [39, с.29]. Серьезный анализ автором мусульманского движения в регионах России резюмирует ее вывод о важной составляющей мусульманско-прогрессивного движения – джадидизма, первоначально возникшего как реформаторский метод в системе обучения тюркских народов. Впоследствии джадидизм, по ее утверждению, трансформировался в регионах в национальное движение. Автор считает, что джадиды не смогли создать единую программу действий. В контексте джадидского движения Валиханова Н.С. рассматривает культурно-

просветительскую работу казахских интеллектуалов. При этом казахские служащие продолжали сохранять отношения с центрами Поволжья и Средней Азии.

Ролевая функция татарских представителей в социально-культурной сфере казахского общества рассмотрена в публикации Г.Султангалиевой [40, с.35]. Автор основательно рассмотрела длительный период взаимодействия представителей татарской общины в казахском обществе.

Изучение жизнедеятельности казахского интеллигента Мухамеджана Тынышпаева нашло свое отражение в материалах Ф.Осадчего [41, с.23]. В работе автором проанализировано многогранное творчество яркого казахского интеллигента Тынышпаева, даны биографические сведения из его жизни. В частности, в рамках исследования представляет интерес его студенческий период, резюмируется значимость, влияние образованных интеллектуалов как М.Тынышпаев в казахском обществе. По мнению автора, образовательный статус и активная гражданская позиция казахских интеллигентов определяли их положение в обществе.

Бесспорно, значительной личностью в когорте казахских интеллигентов является М.Чокаев. Воспоминания автора весьма полезны в моделировании ситуации начала XX века. Автор дала подробный анализ социально-культурной характеристики Чокаева и его окружения. Рост становления личности Чокаева проходил в противоречивых обстоятельствах влияния колониационных реформ в казахском обществе. Фактически просвещенные Чокаев и его единомышленники использовали приобретенный опыт официального оппозиционирования государству и тем самым расширяли сферу своего воздействия в интеллектуально-политическом поле центра империи и ее провинции в восточных регионах. В свете изучения биографии М.Чокаева характерно апеллирование к его мемуарам [42,с.21]. Мемуары Чокаева охватывают малоизвестные моменты из истории процесса развития государственности Центральной Азии. Чокаев на основе собственных воспоминаний описывает события на территории обширного региона. В этой связи примечательно представлена Чокаевым характеристика городских центров, расположенных на территории Казахстана и близлежащих регионов.

История ислама в Российской империи на основе документов и статистических показателей размещена в сборнике, составленном Араповым Д.Д., в котором имеются сведения относительно социального обеспечения и стоимости жизни российского чиновничества периода конца XIX века [43, с.312].

В ряду научных трудов познания и роли казахской интеллигенции представляет интерес научное издание Ашнина Ф.Д., Алпатов В.М., Насилова Д.М. [44,с.208]. Авторы отмечают значительные потери казахской интеллигенции в процессе репрессий 30-х годов XX века. В сборнике авторами описана научно-учительская деятельность казахских просветителей А.Байтурсынова, М.Жумабаева, А.Букейханова: приведены данные относительно общественной и политической направленности работы казахских

просветителей. Таким образом, фактически авторский коллектив подтверждает процесс включения интеллектуалов в политику через научно-культурную работу.

На основе различных источников представлен анализ колониальной политики царского правительства и его трагические последствия для казахского населения. В ракурсе деятельности Государственной Думы представляет интерес исследование Г.Карасаева, в котором освещаются события 1916 года в Казахстане, вызвавшие негативную реакцию думских депутатов [45].

Казахские общественные деятели, сочетая сотрудничество с российскими либералами и мусульманским движением, консолидировались в целевой программе защиты казахского народа от колониационных реформ, и прежде всего разрешения земельного кризиса и реализации национально-культурных проблем. Таким образом, казахские служащие составили основу партии «Алаш».

Историографический анализ этой проблемы получил освещение в работе Нурмагамбетовой Р.К. [46, с.14]. На основе анализа большого количества источников и историографических материалов автором исследована проблема накопления научных знаний по истории национально-освободительного движения казахов. Автором критически изложены проблемы создания казахскими прогрессистами конституционно-демократической партии в Казахстане. Нурмагамбетова, на основе анализов программных установок кадетской партии с опорой на библиографию, утверждает о разнице в позиции ее руководства и казахских прогрессистов относительно права самоопределения казахов. Автором подробно проанализированы монографии относительно процесса обучения казахской молодежи в университетах России и зарубежья. Впоследствии под влиянием революционных событий 1905-07 годов младотурецкой и иранской революций в казахском обществе произошло усиление активности казахских деятелей.

Переселенческая политика стала главным фактором в освоении казахских земель царским правительством. По мнению исследователя Нурбаева К.Ж., ещё в начале XX века казахская интеллигенция во главе с А.Букейхановым дала критическую оценку колониаторским мероприятиям царизма. В частности, Букейханов в своих трудах использовал такие термины, как «завоевание», «покорение» и другие для обозначения данного процесса [47, с 21].

В работе ученого К.Нурпеисова раскрыта общественно-политическая деятельность Х.Досмухамедова в динамике формирования казахского прогрессивного движения [48, с. 102].

В публикации Х.Абжанова и С.Селиверстова актуализирована проблема анализа тенденций развития Казахстана и сопредельных стран Евразийского региона в период XVIII–XX веков [49]. Авторами обозначен период завершающей фазы имперского присутствия как конкуренция между традиционным и индустриально-рыночными обществами. По мнению ученых в это время объективно проходило становление социального слоя казахов в лице

предпринимателей, промышленников, национальной интеллигенции и наемных работников. Исследователи резюмируют стратифицирование национальной интеллигенции, в недрах которой формировались новые профессиональные группы.

Представляет интерес статья А.Есбайулы, в которой им изложен новый фактологический материал, необходимый для познания деятельности врача Карабаева [50, л.3]. В реестре литературы, посвященной непосредственно историческому прошлому и проблеме казахских служащих, существует ряд произведений, написанных современниками, что весьма актуально.

В работе ученого Г.Алпыспаевой рассматривается история становления и развития городского сектора в Акмолинской области, как фактора взаимопроникновения и взаимодействия местного населения и переселенчества [51, с.118].

Труд Е.Куандыка посвящен изучению многогранной деятельности казахских интеллигентов XIX – XX веков [52].

В работе Садвокасовой описаны проблемы духовной экспансии имперского режима в культуре казахского народа. Используя многочисленные материалы, автор раскрывает проблемы развития в регионе светского и мусульманского движений оппозиционно настроенных к имперскому режиму. Автором изучена социальная природа национально-культурного движения в Казахстане. Определенно, по мнению автора наблюдалось сближение лидеров мусульманской элиты и светского направления в системе противодействия царскому режиму [53, с.221].

Тематический сюжет создания образовательной модели в дореволюционном Казахстане исследован в статье Абжанова Х.М. [54]. Ученым проанализирован научный материал и обоснованно представлены выводы, характеризующие влияние студенческого периода в становлении мировоззрения и общественно-политических взглядов казахской молодежи. Справедливы данные автора о высоких профессиональных нагрузках на казахских специалистов по причине их невысокой численности применительно к 5-миллионному казахскому народу. В его публикации по социальной истории казахской интеллигенции продолжена теоретическая мысль осознанности восприятия казахским народом интеллектуальной элиты как важной социальной группы в преодолении социально-политического кризиса края [55].

В результате событий первой русской революции в империи вводится новый законодательный орган управления – Государственная Дума. С деятельностью Государственной Думы связывали свои надежды представители либеральных слоев империи. В работе О.Озганбая исследована политическая деятельность казахских представителей [56, с.10]. Автор на основе источников и монографических исследований объективно показал вклад казахских депутатов в реализацию программы обеспечения достойного будущего казахского народа. В ряде работ по истории казахских думцев – это одна из первых монографий, в которой максимально рассмотрена их роль. В ней автор осветил и позицию казахских служащих в период событий восстания 1916 года.

Заслуживает научного внимания работа О.Озганбая, посвященная жизнедеятельности Х.Досмухамедова [57, с.10]. Автором изучена биография одного из основателей партии «Алаш», детально прослежена студенческая пора в истории Досмухамедова. В монографии О.Озганбай проанализировал влияние политически активных личностей, в частности депутата Б.Каратаева на идейное становление казахской учащейся молодежи. В монографии рассматриваются традиции казахского меценатства, патронирования и правопреемственности, обусловившие формирование категории казахских служащих, исследована трансформация мировоззрения группы учащейся молодежи на фоне переломных событий начала XX века.

В перечне работ, посвященных теме формирования мировоззрения, просвещенных казахов, заслуживает научного интереса монография А.Кульбаевой и Р.Айтиева, уделивших повышенное внимание роли А.Айтиева в установлении Советской власти на территории Казахстана [58, с.14-15]. Вовлечение Айтиева в социалистическое движение по материалам авторов, началось с бурных событий 1905 года, которые являлись следствием обострения общей политической ситуации в государстве. Таким образом, на примере выходцев из народной среды как Т.Рыскулов, А.Айтиев и ряда других, получивших образование и задействованных в качестве служащих, исследователи показали процесс становления и развития социалистической идеологии в Казахстане.

Особый интерес вызывает статья З.Кабульдинова, направленная на реанимацию истории видного общественного деятеля Казахстана А.Сеитова [59, с.50]. Автором освещена политическая ситуация и разнополярная позиция казахских деятелей в данное время.

В работе К.Кеменгера раскрыта роль казахских деятелей Омского региона в общественно-культурной жизни XIX – начале XX веков. Автором использованы архивные материалы города Омска. На основе выявленных документов автор описал творчество Ж.Акпаева, К.Кеменгерова, Ж.Аймауытова и другие [60].

История становления мировоззрения Т.Рыскулова освещена в монографии А.Кошанова, О.Сабдена, А.Абдугалова, которые воссоздали биографическую картину жизни Т.Рыскулова [61]. В работе затронуты проблемы социально-экономической ситуации, определившей позиции части просвещенных казахов. Активность исследователей, интересующихся судьбой казахских лидеров исследуемого периода, возросла со второй половины 90-х годов XX века.

В публикации А.Бедановой представлена информация о семейной чете учителей Нургали и Назиры Кульжановых в ракурсе изучения социальной роли казахского учительского корпуса [62].

Научный интерес представляет монография Ермекбаева Ж.А. [63]. Теоретико-методологическое исследование автора обращено к истории формирования казахской диаспоры и ирреденты. Определенно казахские служащие, длительное время проживавшие за пределами этнородовой территории, являлись объектом исследования указанного автора.

В публикации Конкаевой О.Б. представлена деятельность казахских служащих С.Асфендиярова и Х.Досмухамедова [64,с.145].

В работе Садырбаева А.С. и Ибрагимовой М.С. отражена общественно-политическая роль А.Козбагарова в развитии региона периода начала XX века [65, с.162].

Сборник, содержащий сведения о деятелях движения Алаш, был подготовлен известными исследователями данной проблемы под названием ««Алаш» қозғалысы» и вышел отдельным изданием в 2008 году. Данная работа отличается более полным описанием всех участников партии Алаш, а также приводятся имена малоизвестных деятелей, принявших активное участие в движении Алаш. Приводятся их биографические данные, а также рассмотрены основная общественно-политическая и научная деятельность [66].

Деятельность лидеров казахской интеллигенции рассматривали такие исследователи, как Ахметова Л.С., Григорьев В.К., Шойкин Г.Н. В данном труде более широко раскрыты биографические сведения видных деятелей казахской интеллигенции начала XX в., как А.Букейханова, А.Байтурсынова, Т.Рыскулова [67].

В результате переселенческой политики на территории Казахстана происходило увеличение численности населения из европейской части империи. По данным исследователей Алдабергенова К.М. и Мананбаева Ж.И. только на территории Павлодарского уезда Семипалатинской области за незначительный хронологический период произошло увеличение удельного веса европейского населения [68].

В целом современная историография характеризуется традиционными методологическими принципами и взглядами относительно формирования и многогранной деятельности казахских служащих, в частности, стремлением кардинально и с критических позиций переосмыслить исторический процесс роли казахских служащих как профессиональной группы в эволюции казахского народа.

Таким образом, ученые провели значительную работу по изучению истории формирования корпуса казахских служащих и их общественно-политической деятельности. Однако некоторые проблемы исторической науки изучены недостаточно по причине доминирования идеологической конъюнктуры, затруднявшей достоверность познания истории. Анализ состояния изученности проблем истории формирования и деятельности казахских служащих свидетельствует о необходимости дальнейших исследований ученых с целью освещения следующих малоизученных вопросов:

во-первых, комплексной характеристике казахского студенчества в высших учебных заведениях по социально-имущественному, финансовому статусу, качеству обучения и специализации;

во-вторых, профессиональной деятельности и общественной работы казахских военных, служащих администрации и социальной сферы.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования заключается в научном изучении процесса формирования казахских

служащих, их профессиональной деятельности, общественной и политической роли в истории казахского народа.

В соответствии с указанной целью поставлены следующие задачи:

- охарактеризовать количественную характеристику и региональный состав казахского студенчества;
- исследовать факторы специализации казахского студенчества;
- изучить социально-имущественную характеристику казахского студенчества;
- выявить особенности формирования казахских военнослужащих в условиях административной модели управления Российской империи;
- определить профессиональную стратификацию казахских служащих по степени их образованности и занятости в различных сферах;
- исследовать основные факторы становления и развития казахских служащих в медицинско-фельдшерской сфере, ветеринарии и в учительском секторе;
- проанализировать профессиональную деятельность казахских служащих в системе административно-территориального управления и судебно-правовой сфере;
- определить аспекты форм адаптации казахских служащих в условиях их профессиональной деятельности;
- рассмотреть причины создания общественно-научных организаций казахскими служащими и их деятельность;
- выделить роль казахских служащих в организации и развитии казахской периодической печати и литературы;
- проанализировать влияние казахских общественных деятелей и представителей мусульманских движений в деле защиты интересов тюркских и мусульманских народов;
- показать деятельность казахских депутатов Государственных Дум – выходцев из числа служащих и их сотрудничество с либерально-демократическими движениями Российской империи в ракурсе реформирования государственности.

Объектом исследования является история формирования казахских служащих, их профессиональная, общественная и политическая деятельность в XIX – начале XX веков

Предметом исследования служат факторы, обусловившие формирование и развитие казахских служащих в условиях модернизации Российской империи.

Методологической основой исследования являются принципы диалектики и синергетики, а также идеи и концепции ученых, рассматривающих вопросы политической эволюции и социально-экономического развития социума. При написании диссертационной работы сохранялись принципы историзма, научной объективности и комплексного подхода при изучении проблемы.

Исходя из того, что в основе структурно - функционалистской методологии выступает функционалистская составляющая проведен анализ

социальной структуры общества, точнее, связи между элементами и целым. Исходным выступает выяснение связей между структурными единицами и способами их функционирования. Следовательно, определяются области возможных вариантов в социальной структуре объекта исследования. При условии сохранения структурной целостности прогнозируются и научно реализуются возможные и невозможные состояния системы, границы допустимых сочетаний элементов.

Исходная вторая составляющая в структуралистской тенденции в структурно - функционалистской методологии основана на анализе вычленения входящих в состав социальной структуры соотношении между общим и частным (общества, его состояния, классов, социальных слоев), а также единиц (элементов, факторов переменных составных). Определенная тем самым установка исследования послужила исходным пунктом для многостороннего анализа процессов социального изменения динамики казахских служащих Российской империи в рассматриваемый временной исторический период.

Теоретическая исследовательская концепция позволила подойти к изучению формирования, профессиональной и общественно- политической деятельности казахских служащих Российской империи в XIX -начале XX века как к системе.

Одновременно изучение отдельных аспектов проблемы автором предполагала применение сравнительно-исторического и проблемно-хронологического методов исследования.

Использование метода системного и комплексного изучения позволило раскрыть объект исследования как образование, характеризующее целостностью и взаимосвязью элементов. Исходя из данного положения, в исследовании рассматривается история формирования и развития категорий казахских служащих как цельной системы. Метод сопоставления фактов и данных извлеченных источников создал возможность систематизировать сведения о конкретных личностях. Использование статистического метода позволило изучить количественную характеристику изменения казахских служащих в указанные хронологические рамки. Данный метод использовался при составлении и сопоставлении качественных характеристик исследуемых групп по таким критериям, как пол, образовательный статус, социально-имущественная характеристика, возраст. Определенная роль в разработке методологической базы исследования принадлежит теоретическим положениям, резюмирующим обобщения и выводы ряда ученых.

Источниковая база исследования. Источниковую базу исследования составили архивные материалы, выявленные в фондах Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), Государственного архива города Астаны (ГАГА), Центр документации и новейшей истории Восточно-Казахстанской области (ЦДНИ ВКО), Российского Государственного исторического архива города Санкт-Петербурга (РГИА СПб), Государственного архива Оренбургской области (ГАОрО), Государственного

Архива Саратовской области (ГАСО), Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), Государственного Учреждения Тюменской области Государственного архива Тюменской области (ГУТО ГАТО), Государственного Учреждения Тюменской области Государственного архива города Тобольска (ГУТО «ГА в г.Тобольске»), Государственного архива Томской области (ГАТО), Государственного архива Омской области (ГАОО), газеты и журналы, статистические сведения и отчеты.

Первую группу источников составили ранее малоизученные документы казахстанских и российских архивов. В динамике исследования использованы архивные материалы, содержащие информацию относительно биографических сведений и социализации просвещенных казахов.

В диссертационном исследовании наиболее интенсивно использованы материалы Центрального Государственного архива Республики Казахстан: фонда 25 – «Тургайское областное правление» (1868-1919 гг.), фонда 4 – «Областное правление Оренбургских киргизов» (1868-1917 гг.), фонда 64 – «Канцелярия Степного генерал-губернатора» (1868-1918 гг.). В этих фондах имеется значительное количество материалов по ряду казахских служащих Тургайской и Акмолинской областей.

В процессе исследования были привлечены архивные документы, содержащие сведения о конкретных персоналиях, задействованных в системе делопроизводства. В фонде 25 ЦГА РК обнаружены материалы по И.Алтынсарину, А.Сейдалину, Т.Сейдалину, С.Джантуруину, М.Баймухамедову, А.Балгимбаеву. Анализ указанных документов позволяет выявить малоисследованные моменты из жизнедеятельности казахских служащих. По соответствующим материалам возможно проследить биографию известных казахских деятелей. В данных документах точно представлены даты повышения по службе и награждения исследуемых личностей. В источниках содержится анализ финансового обеспечения исследуемых служащих. Таким образом, скрупулезное исследование подобных документов позволяет выявить определенные закономерности в судьбах служащих.

В материалах фондов содержится документация о состоянии школ и постановке учебного процесса во властях, финансовом и социальном статусе казахских учащихся училищ и университетов.

Большую научную ценность представляют материалы Государственного архива города Астаны. Нами досконально изучен фонд 430 – объединенная коллекция. В этом фонде сконцентрирован внушительный объем данных относительно значительной части казахских служащих, в исследованных документах содержится информация об участии служащих в работе мусульманских съездов в России. Научную ценность представляют документы о роли служащих в организации национальной печати и литературы. Следует отметить документы по процессу обучения казахских студентов в исследованных университетах. В данном ракурсе обнаружены материалы относительно К.Айчуакова, М-Г.Чутаева, Р.Марсекова.

Автором использованы материалы Государственного архива Восточно-

Казахстанской области. Нами использованы документы нескольких фондов: фонд 72 – «Губревком города Семипалатинска», фонд 74 – «Семипалатинский губернский исполком города Семипалатинска», фонд 266 – «Губернский суд». Материалы указанных фондов содержат сведения о деятельности казахских служащих в дореволюционный период на территории Семипалатинской области. В личных делах представлены биографии исследуемых личностей с указанием их образовательного статуса, социального обеспечения и профессии.

Исследование проблемы казахского студенчества определило обращение к источникам персонального цикла. В материалах Санкт-Петербургского Российского государственного исторического архива обработке подверглись дела казахских студентов фонда. В ходе исследования автор обнаружил более 10 дел казахских студентов столичного университета. В делах содержится информация следующего характера: биографические сведения студентов и их родителей, аттестаты зрелости оконченных ими до поступления в университеты гимназий, сведения о семейном составе, фрагменты их официальной переписки с областными властями и администрацией высшего учебного заведения. В ряде дел сохранилась информация о ходатайстве казахских высокопоставленных чиновников за студентов. Периодически в делах встречается информация о здоровье студентов. Анализ подобной информации позволяет систематизировать сведения о студентах по определенной схеме.

В результате применения данного метода оказалась возможной классификация сведений о студентах по выявлению их средневозрастного уровня на период поступления в университет, социальной структуре, определению областного принципа их распределения и обозначения перспективы их профессиональной стратификации по анализу обучения на факультетах. Соответствующий метод исследования дел позволил выявить ряд закономерностей, прозвучавших в качестве официальных выводов в работе.

В процессе исследования нами изучены материалы Национального архива Республики Татарстан. Основательно проанализирован фонд 977 – «Казанский императорский университет». В этом фонде содержатся сведения о 30 казахских студентах, обучавшихся на юридическом и медицинском факультетах Казанского университета. В фонде сосредоточена подробная информация по казахским студентам, что определила научные заключения об их социальной структуре, профессиональном ориентировании и областной характеристике. Сравнительный анализ содержательной части документации указанных архивов позволяет сделать вывод о предпочтительном выборе казахской молодежью соответствующих высших учебных заведений. Изучение большого количества дел подтверждает особенность выбора казахскими юношами престижных в их представлении юридических факультетов.

В динамике изучения нами обработаны материалы Государственного архива Саратовской области, в котором проанализирован фонд 293 – «Саратовский императорский университет». Все обнаруженные данные по саратовским студентам демонстрируют их обучение на медицинском факультете. Изучение личных дел студентов показывает их региональную

принадлежность к западным территориям Казахстана и близлежащему сектору пограничья. Очевидно, казахи ориентировались на выбор медицинского факультета соответствующего университета, целенаправленно обучаясь в специфических учебных заведениях, как, например, реальных училищах.

В ходе работы изучались личные дела казахских студентов Томского университета в Государственном архиве Томской области – фонд 102 «Томский императорский университет». В фонде было выявлено 5 дел относительно зафиксированных студентов.

В данном случае апеллирование к обнаруженной документации определило общие закономерности и выводы. Детальный анализ всей информации показывает незначительную численность национальной группы студентов в стенах Саратовского и Томского университетов. Соответствующие аспекты обуславливались территориальным фактором. В частности, Томск находился на значительном географическом удалении от степных областей. Более того, особенности инфраструктуры, как, например, качество железных дорог и их проходимость создавали фактор предпочтительности выбора учебного заведения казахскими абитуриентами.

Немаловажную роль в выборе университета играл принцип распределения казахских студенческих стипендий. В реестре личных дел казахских студентов периодически встречаются одни и те же персоналии. Данная ситуация характеризует относительную мобильность казахских студентов, переводившихся из одного университета в другой с целью обладания стипендией. Материалы статистики демонстрируют высокие цифровые показатели студентов-переводников. Периодически сведения о конкретных студентах одновременно встречаются в разных архивах.

В фондах Государственного архива Томской области содержатся многочисленные делопроизводственные документации. Научный интерес представляют источники фонда 125 – «Канцелярия Главного инспектора училищ Западной Сибири». В документах содержится бесценная информация об условиях состояния казахских школ и училищ, количестве мусульманских школ в областях, замены татарского языка преподавания в казахских школах

В этом фонде обнаружено дело 898 «Переписка с канцелярией Степного генерал-губернатора и директоров Училищ Акмолинского и Семипалатинского областей о преобразовании киргизских интернатов в сельскохозяйственные, ремесленные и профессиональные школы». В этом деле анализируется проблема преобразования казахских интернатов с учетом необходимости реорганизации системы народного образования. Областные власти актуализировали эту проблему по причине низкой успеваемости и высокой заболеваемости казахских учеников. По мнению чиновников от образования предлагаемые преобразования должны были способствовать профильному обучению казахских детей. В этом же фонде содержится дело 507 «Переписка с военным губернатором Акмолинской и Омской областей о русско-киргизских школах в Акмолинской и Семипалатинской областях». Материалы дела освещают проблему функционирования русско-казахских школ в Акмолинской

и Семипалатинской областях. В деле досконально рассмотрена финансовая сторона открытия этих школ. Очевидно, подобные школы приобретали популярность в казахском обществе и действовали за счет сборов с казахского общества. Представляет интерес дело 597 «Выписка из отчета Министерства народного просвещения о порядке замены татарского языка киргизским в учебных заведениях Степных областей Западной Сибири». Во второй половине XIX века в империи обозначилась «татарская проблема», связанная с ростом татарского влияния. Татары правительством идентифицировались как носители сепаратизма. В связи с этим царское правительство инициировало вытеснение татарского языка из официального делопроизводства и замену его казахским языком. Продолжением этой темы является содержательная часть дела 798 «Переписка с директорами училищ Акмолинской и Семипалатинской областей о введении преподавания татарского и киргизского языков в Петропавловском городском училище».

Особую ценность представляют сведения Государственного архива города Тобольска. Нами изучены материалы фонда И-158 – «Окружной суд». В фонде содержится дело 139 «Дело по канцелярии председателя Тобольского окружного суда о службе помощника секретаря, не имеющего чина Акпаева». В деле представлены ранее неизвестные материалы о служебной деятельности Акпаева в Сибири. В этом фонде имеется дело 176 «Дело по канцелярии председателя Тобольского окружного суда о службе Р.Марсекова». В деле представлены служебная деятельность и биографические сведения из жизни Марсекова в период его работы в Тобольской губернии. Значительный объем материалов содержится по А.Турлубаеву в деле 255 «Личный состав чинов и адвокатуры округа Тобольского окружного суда». В этом фонде в делах 195 «Годовой отчет за 1907 год», 8534 «Дело Тобольского окружного суда за 1911 год» имеется ценная информация о казахском юристе Темирове А.Т.

Нами обработаны материалы Государственного архива Тюменской области. Изучены источники фонда 65 – «Ялуторовский суд», фонда 78 – «Тюменские училища». По материалам изученных фондов получены сведения о финансовом обеспечении служащих сибирских учреждений.

Весьма значимые сведения для изучения процесса подготовки казахских служащих извлечены из фондов 6, 79, 82 Государственного архива Оренбургской области. В фонде 6 «Просвещение и здравоохранение» содержится богатейший комплекс письменных источников, отражающих деятельность казахских служащих в исследуемый период. В фонде 79 «Оренбургская мужская гимназия» представлены материалы казахских учащихся, многие из которых дополнили ряды служащих. В фонде 82 «Оренбургское реальное училище» содержатся сведения о казахских выпускниках училища. Сравнительный анализ количества и качества позволяет сделать выводы о престижности гимназического образования в казахском обществе.

В диссертации представлены материалы Государственного архива Омской области. Сведения о казахских учащихся Омского технического училища

имеются в фонде 43 «Омское техническое училище». В фонде 115 «Омская учительская семинария» содержится информация о казахских семинаристах. Изучение материалов этих фондов востребовано с целью познания истории формирования категории казахских служащих на территории Акмолинской и Семипалатинской областей. Фонд 190 «Прокурор Омской судебной палаты» содержит сведения о казахских лидерах, находившихся под негласным наблюдением царских властей за политическую деятельность. В материалах фонда 270 «Омское жандармское управление» имеется дело о политической и общественной деятельности А.Букейханова.

Вторую группу источников составляют материалы периодических изданий исследуемого периода – газет и журналов, в которых отражены факты и сведения, связанные с исследуемой темой. Автором проштудировано значительное количество периодики, обнаруженной в архивах и библиотеках Казахстана и России. В частности, автором исследована содержательная часть казахской национальной периодики – «Тургайская газета» и «Приложение к Акмолинским областным ведомостям». Эти газеты функционировали на территории значительной части Казахстана. Примечательно, что в создании газет и их распространении значительную роль сыграли казахские служащие Б.Каралдин, И.Аблайханов и ряд других. Значительная часть информации содержится в «Акмолинских областных ведомостях», издававшихся на территории Акмолинской области. В этой газете содержится ценный материал относительно профессиональной и общественной работы казахских чиновников. В газете содержатся сведения, востребованные для пополнения банка данных по казахским медикам, судьям, фельдшерам.

Большой фактологический материал содержится в сибирских периодических изданиях: «Сибирская жизнь», «Сибирь», «Сибирский студент», «Сибирский вестник», «Омский телеграф». В этот период сибирские корреспонденты публиковали материалы по истории казахов смежных степных областей.

Значительный объем информации содержится в материалах дореволюционной периодической печати. Научный интерес представляют публикации в одном из популярных журналов этого периода - «Сибирских вопросах». Официально журнал издавался в Санкт-Петербурге. Направленность материалов журнала по названию и содержанию была ориентирована на анализ ситуации Сибирского региона, под которым в научно-общественных кругах понималась территория Сибири, Дальнего Востока и прилегающих областей Северного Казахстана. Оппозиционный тон журналу задавали представители российской общественности. При этом всплеск злободневных статей приходится на период 1907 и последующих годов, т.е. времени пробуждения общественной мысли. Скрупулезный анализ публикаций свидетельствует о росте интереса читающей публики к обзору проблем на этнотерритории проживания казахов. Степень информированности корреспондентов журнала отличается широкой осведомленностью. Следует выделить публикации определенной группы корреспондентов журнала,

несомненно, тесно связанных с сибирскими общественными кругами. В частности, это автор И.Родионов, а также печатавшиеся под псевдонимами «ИП», «XVZ», «V», «L» ряд других корреспондентов [69]. Значительная часть публикаций акцентирует внимание публики на социально-экономический кризис в казахской общине. Например, в публикациях автора L приведены хроникальные данные голода на территории Степных областей, возникшего вследствие экономических потрясений. Автором в данном случае указаны непосредственные причины обострения ситуации в регионе вследствие непродуманных действий правительства. В статье автора V с экономических позиций представлена характеристика процесса изъятия у казахов земельных ресурсов в пользу переселенцев, что, по его мнению, существенно обостряло аграрно-переселенческие проблемы.

Большой перечень публикаций содержит информацию относительно деятельности казахских депутатов в Государственной Думе. Значимый объем информации относительно биографических сведений казахских депутатов содержится в публикации И.Родионова [70]. На основе представленных им данных формируется полная картина относительно количественного состава, социальной стратификации, профессиональной ориентации, политических убеждений и возрастных характеристик сибирских депутатов, к которым он причисляет казахских уроженцев Акмолинской и Семипалатинской областей. В статьях корреспондента журнала под псевдонимом И.П. содержатся сведения относительно партийной платформы казахских депутатов, в том числе связанного с кадетами А.Букейханова [71]. В статье автора под псевдонимом ИП, представлено исследование относительно партийной стратификации депутатов второй Государственной Думы.

Особой злободневностью отличаются статьи сибирского общественного деятеля Л.Чермака [72]. В его публикациях звучит откровенная критика в адрес статистических предприятий, курировавших переселенческое управление. Чермак констатировал факт незаконного изъятия земельных ресурсов у казахского населения, предвещая в дальнейшем обострение социально-политической ситуации в крае.

В публикации Я.Полферова показана динамика избирательной компании в Степных областях [73]. Автор на конкретном материале продемонстрировал степень информированности казахского населения о важном политическом инструменте – Государственной Думе. В его статье отчетливо показана сфера влияния просвещенных казахов в казахском обществе

В методике анализа информации примечательна подборка материалов журнала по версии «Хроника», в которой содержатся цифровые показатели и конкретные факты экономической ситуации в областях. В материалах дореволюционной печати имеются сведения областного уровня. Например, в «Отчете журнала общего присутствия Семипалатинского областного управления», помещенного в газете «Семипалатинский листок», был представлен анализ обсуждения проблем функционирования Степного положения на областном уровне. При этом корреспондентом актуализировался

острый вопрос торгово-рыночных отношений в аграрном секторе как нового метода аренды и купли-продажи земли.

В статье «XVZ» показана позиция сибирских депутатов и консолидированных с ними казахских думцев в решении аграрного вопроса с целью избежания силового противостояния между казахами и переселенцами в местах их компактного расселения [74]. Таким образом, корреспондентом в одной из публикации описывалась процедура дискуссии между группой депутатов и руководителем сектора земледелия и землеустройства Васильчиковым К.М.

В журнале неоднократно освещались социально-экономические проблемы казахского населения. Так, например, в одном из номеров в разделе «Околодумская хроника» была опубликована телеграмма каркаралинских казахов на имя депутатов Лаптева и Коншина. Изучение пунктов этой телеграммы и характеристика ее конечных адресатов подчеркивает ролевую функцию в казахском обществе местных прогрессистов, несомненно оказавших на него влияние в составлении подобных телеграмм, петиций, обращений.

В данном аспекте примечательна публикация корреспондента под псевдонимом L [75]. В его статье показана мотивация сотрудничества в составе группы сибирских депутатов и представителей других регионов. В реестре представленных депутатов указанного корреспондента обозначены депутаты Тургайской, Уральской и Сырдарьинской областей, т.е. регионов, не связанных территориально с Сибирью. Таким образом, автор продемонстрировал позицию депутатов этих областей Беремжанова, Каратаева, Алдабергенова, стремившихся к кооперации с сибиряками по вопросам организации переселенческого дела в регионе, введения земства, проведения землеустроительных работ и т.д. Примечательна информация автора о решении сибирской группы и их товарищей признания журнала своим ведущим печатным органом. Фактически члены группы ассоциировали с данным периодическим изданием свой главный информационный орган коммуникационных связей с населением.

Думский период депутатов сибирской группы, равно как и казахских деятелей, анализировался в подборке материалов И.Родионова, в интерпретации которого на страницах журнала освещались протоколы сибирской группы. По данным протоколов выявляется тактика ядрового центра группы в решении злободневных проблем. В протокольной части собрания аргументирована и изложена коллективная позиция группы и функциональные обязанности ее представителей в реализации поставленных задач с участием их в деятельности комиссии. В частности, Каратаев работал в аграрной комиссии, его соотечественник Беремжанов – в юридической.

Некоторые малоисследованные эпизоды думского периода отражены в материалах журнала. Так, в «Сибирских вопросах» содержится полная версия обращения к сибирской депутатской группе акмолинских казахов по аграрным вопросам. По стилистике изложения и форме обращения содержание данного документа тождественно подобному обращению семипалатинских казахов [76].

Следующим весомым документом применительно к этому журналу являются публицистические материалы автора ИП, статьи которого обычно указывались как отчетные письма депутата о работе Государственной Думе. В содержательной части этих «писем» трактовалась конкретная картина ежедневной работы депутатов по вопросам применительно к важным проблемам в пределах империи, Сибири и прилегающих областей Казахстана.

Следует отметить, что в журнале периодически освещались материалы областного масштаба с анализом частной позиции государственных деятелей. В частности, в статье корреспондента под псевдонимом V прозвучала критика в адрес Степного генерал-губернатора Надарова, оказавшего административное давление на семипалатинских казахов, выступавших в качестве делегатов от населения по вопросам разрешения аграрного кризиса в области [77].

В публикации Д.Абельдинова раскрыта деятельность Букейханова по проблеме востребованности земства как общественного государственного института в Степных областях. Автор акцентирует стремление Букейханова к реализации идеи казахской автономии в Российском государстве [78].

В перечне дореволюционных публикаций вызывает интерес аналитическая статья Коншина Н.А., приуроченная к роспуску Государственной Думы в 1906 году. По анализу автора, являвшегося уроженцем региона, в Степных областях имелись необходимые кадры для реализации земской идеи от всех национальных групп. Проблема земства в регионе нашла отражение в материалах местных корреспондентов. Так, в одной из местных публикаций журналиста под псевдонимом «Посторонний» прозвучала характеристика казахского населения как мобильной этнической группы, ориентированной на восприятие прогрессивных модернизационных взглядов в реорганизации системы властной модели по методу земского самоуправления [79].

В работе использованы материалы «Обзоров Акмолинской области», «Обзоров Семипалатинской области», «Обзоров Тургайской области». Анализ содержания официальной периодики позволяет сделать выводы о состоянии социального сектора в исследуемых областях. В этих документах содержится большой объем сведений о состоянии учебных заведений и медицинской сферы.

В исследовании применялись материалы официальной статистики. Подобные сведения содержатся в статистических сборниках, сформировавшихся в дореволюционный период по областному принципу. К таковым документам относятся «Адрес-календари» и «Памятные книжки», официально патронируемые губернской и областной администрацией. В этих сборниках содержится социально-экономический обзор областей по следующим критериям: история административной единицы, численность населения, анализ инфраструктуры. В материалах статистики имеются данные по городским сословиям - чиновничеству и мещанству. Скрупулезный анализ показателей выявленной документации позволил собрать сведения относительно казахских городских служащих. Казахские граждане, как правило, фигурировали под этническим обозначением, облегчавшим проблему

поиска. Синхронно в сборниках излагается профессиональная характеристика служащих, уровень их финансового содержания, обозначение занимаемой ими должности, классность и чины.

Сопоставление материалов статданных резюмирует общий вывод о незначительной численности городских казахских служащих. При этом соблюдалось их единичное представительство в различных государственных структурах. Как правило, по исследованным сведениям, казахские служащие работали в низовом административном звене в качестве клерков и переводчиков. В динамике событий фиксируется увеличение удельного веса национальных специалистов в системе судопроизводства.

Сравнительный анализ распределения чиновников по областям подтверждает их концентрацию в областных и губернских центрах. Традиционно наиболее высокий удельный вес национальных служащих фиксировался в городах Оренбургского края, Омске и Семипалатинске. В основном, помимо переводчиков и письмоводителей, доминировали юристы.

Обработке подверглось значительное количество указанных журналов за длительный хронологический период XIX века до 1916 года. Примечательно, что зафиксированные в городах или других стационарных центрах казахские служащие функционировали долгое время. Очевидно, казахские служащие с течением времени адаптировались к городским условиям и осознавали преимущество проживания в городах. В результате анализа документации выявлен определенный перечень казахских служащих, фамилии которых не встречались в исторической литературе и фондах исследованных училищ и университетов. Материалы «сухой» статистики документальных сборников дополняются информационными сведениями об общественной деятельности казахских служащих. Казахские служащие исследуемого периода принимали участие в организации общественных мероприятий в интересах населения. Таким образом, формируется характеристика общественной активности категории служащих, принимавших участие в создании официально регистрируемых мусульманских обществ, медицинских организаций, сборе добровольных пожертвований и т.д.

Автором проштудированы материалы кадетской газеты «Речь». В публикациях этой газеты в период XX века отслеживалась деятельность мусульманской фракции Государственной Думы. На страницах газеты представлен критический анализ позиции казахских общественных деятелей.

Автор в результате длительных поисков предпринял попытку исследований научной деятельности казахских интеллектуалов, сотрудничавших с Западно-Сибирским Русским Географическим обществом. Эти материалы обнаружены им в журнале: «Записки Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества».

Третью группу источников составляют исследования по произведениям казахского фольклора. В национальном фольклоре отражена суть происходивших событий исследуемого периода.

Хронологические рамки диссертации охватывают период XIX – начала

XX века, ассоциирующегося со структурными изменениями казахов вследствие реформ и последующих глобальных процессов, отразившихся в развале империи. Основной упор сделан на период со второй половины XIX века, то есть на время интенсивных нововведений, вызвавших увеличение удельного веса категории казахских служащих и их профессиональную и общественно-политическую деятельность.

Территориальные рамки исследования соответствуют административным границам Букеевской Орды, Уральской, Акмолинской, Тургайской, Семипалатинской областей. По состоянию на XIX – начало XX вв. в современных государственных границах это территория Западно-Казахстанской, Актюбинской, Северо-Казахстанской, Акмолинской, Восточно-Казахстанской, Карагандинской областей Республики Казахстан, Оренбургской и Омской, Тюменской и Томской областей Российской Федерации.

Научная новизна исследования. Научная новизна исследования определяется тем, что оно является первым комплексным исследованием истории формирования и многогранной деятельности казахских служащих. До современного периода казахстанскими учеными эта проблема исследовалась фрагментарно, что не позволяло создать цельную картину процесса образования и роли казахских служащих в судьбе казахского народа.

Впервые на основе новых исследованных источников автором проанализированы количественные параметры, социальная характеристика, специализация, имущественная обеспеченность казахских студентов четырёх университетов. Автором применена более точная конкретизация данных параметров по изученным университетам. По введенным ранее неисследованным материалам автором проанализирована сфера деятельности казахских военных в качестве управленцев и переводчиков.

На основе новых источников рассмотрена категория казахских служащих в уездных управлениях, судах, канцеляриях. Уровень подготовки служащих был представлен программным курсом училищ, семинарий и университетов.

Впервые проанализирована деятельность казахских юристов в судебно-правовых структурах с учетом выявленных нами новых источников.

В настоящем исследовании уточнена научная, благотворительная и культурная деятельность казахских служащих, направленная на эволюцию казахского народа.

На базе введенных в оборот новых неизвестных источников получены данные о деятельности казахских служащих – депутатов Государственных Дум и об их сотрудничестве с думскими группами, в частности, с сибирской группой.

Научно-практическая значимость определяется достоверностью результатов работы, подтвержденных результативностью исследования научных проблем и с доказательностью полученных выводов. В научный оборот введен значительный пласт ранее не введенных в оборот архивных материалов, акцентированных на раскрытие важных проблем зарождения и деятельности казахских служащих в обширном ареале. Использование

источникового материала позволило осуществить воссоздание картины социальной градации казахского народа и ролевого участия просвещенных деятелей в истории его эволюции. Достоверность выводов диссертации и научных обобщений является основой для последующего изучения заданных проблем. Материалы исследования могут быть использованы при изучении процесса социальной истории казахов. Результаты исследования возможны к применению при подготовке специальных курсов для студентов по общественным дисциплинам, по истории формирования казахских служащих.

Положения, выносимые на защиту, определены задачами, представленными в диссертации и комплексно выражены следующим образом:

Во-первых, количественная характеристика и региональный состав казахского студенчества формировались под влиянием таких факторов, как территориальная близость университетов к северным и западным областям; формированию мотивации достижения лидерства выходцев из знатных социальных групп под влиянием процесса реформирования системы управления;

Во-вторых, большинство казахских студентов обучались на юридических факультетах, что объяснялось их потребностью защиты личных прав и включению в административные и правовые структуры. На второй позиции по численности после юристов находились казахские студенты медицинских факультетов, ориентированных на включение в медицинскую сферу. Минимальное количество студентов зафиксировано на физико-математических факультетах в связи со слабым развитием индустриальной базы в Казахстане. Незначительное количество казахов получили образование по специальности востоковедов, которая оказалась маловостребованной;

В-третьих, социально-имущественная характеристика студентов оказалась разнополярной. Большинство из них имели статус малообеспеченных, что при ситуации дефицита финансов и хронических перегрузок негативно сказывалось на качестве обучения и сроках окончания университетов;

В-четвертых, в условиях административной модели управления в первой половине XIX века на территории Среднего и Младшего жузов формируется группа казахских военнослужащих. Основу этой группы составили выходцы из элитных слоев. Большинство казахских военных были задействованы в гражданских структурах управления;

В-пятых, в результате административно-территориальных и социально-экономических реформ формируются категории казахских служащих, дифференцированных в административных органах управления, в судебно-правовых структурах;

В-шестых, в XIX веке формируются профессиональные группы учителей, врачей, фельдшеров и ветеринаров. Качество их подготовки базировалось на государственных образовательных стандартах. Только незначительная часть из соответствующих специалистов состоялась в городской среде. Большинство из них функционировали в сельской местности.

В-седьмых, большинство казахских служащих административно-

территориальных и судебно-правовых органов действовали на уровне переводчиков и писарей, то есть находились на низовом уровне. Образовательный статус чиновников был представлен курсом семинарий, училищ и университетов. Высокопоставленных чиновников в этой категории оказалось немного. В судебно-правовой сфере оказались востребованными дипломированные выпускники юридических факультетов университетов, которые работали в качестве судей, адвокатов, следователей. Часть правоведов состоялись в городских государственных учреждениях;

В-восьмых, подготовленные государственной политикой образования просвещенные казахи инкорпорировались в новую цивилизационную среду, сохраняя национальную идентичность. Прогрессивные представители казахских служащих на уровне занимаемых должностей пытались улучшить ситуацию в регионе;

В-девятых, прогрессивные представители казахских служащих формируют благотворительные и научные организации, необходимые для защиты интересов казахского народа и его эволюционного развития;

В-десятых, под влиянием казахских служащих формируются национальная периодическая литература и печать. Таким образом, в областях возникают национальные периодические издания, суть которых заключалась в информировании казахского народа и пробуждения его национального сознания;

В-одиннадцатых, в процессе обострения политической ситуации казахские общественные деятели, представленные казахскими служащими, начинают активно контактировать с лидерами мусульманского движения;

В-двенадцатых, в начале XX века представители казахской общественности включаются в деятельность Государственных Дум. В данный период казахские депутаты, используя легитимные методы политической деятельности в сотрудничестве с такими движениями и фракциями, как мусульманские депутаты, автономисты, сибирская группа и другими стремились выразить интересы казахского народа.

Апробация результатов исследования. Материалы исследования опубликованы в 42 научных публикациях. Основные результаты исследования отражены в 12 публикациях диссертанта в научных изданиях рекомендованных Комитетом по контролю в сфере образования и науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Материалы исследования нашли свое отражение в публикациях на 13 международных конференциях в Казахстане и России, в частности, в городах Кокшетау, Омск, Астана, Уральск. Автором опубликованы материалы на региональных конференциях и научных журналах в Казахстане и России.

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, четырех разделов, заключения, списка использованных источников. Во введении раскрывается актуальность, цели и задачи исследования, показана новизна и практическая значимость работы.

1 ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ КАЗАХСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО, САРАТОВСКОГО, ТОМСКОГО И КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТОВ

1.1 Количественная характеристика и региональный состав казахского студенчества

Во второй половине XIX века казахи получили доступ в университеты империи. Соответствующее решение правительства определялось необходимостью усовершенствования административно-управленческой структуры в областях. С целью усиления влияния государства в крае актуализировалась проблема наличия национальных специалистов в системе управления и социального сектора. Университеты находились в столичных городах империи – Москве и Санкт-Петербурге и крупных административных центрах. Очевидно, в государстве сохранялся дефицит университетов и как следствие этой причины – нехватка квалифицированных кадров во многих социальных сферах. Университеты точно распределялись в городах, имевших административный статус с высоким удельным весом в местном населении управленческих кадров. Регионально эти города отличались от других в локально-территориальной зоне по стратегическому положению, экономической значимости и социально-культурным параметрам. Таким образом, процедура организации университетов в империи диктовалась объективной необходимостью их рассредоточения в городах общеимперской значимости. Социальную основу студенческого контингента на начальной стадии составляли представители высших иерархических звеньев, прежде всего ориентированных на восприятие инновационных тенденций. Значительную роль сохраняло финансовое обеспечение функционирования университетов и как следствие этого – платное обеспечение учебного процесса студенчества.

Динамика общемировых политических и экономических процессов оказывала влияние на изменение общественной ситуации в России. Дальнейшее включение России в европейскую цивилизацию вызывало изменения социального устройства и системы отношений. Соответственно общество реагировало на трансформационные процессы, вырабатывая новые ментальные особенности с соответствующим психотипом поведения. По солидной информативной базе и сообщениям многочисленных российских информаторов в недрах казахского общества происходило коренное преломление в восприятии государственно-светской системы просвещения. Данная модель образования характеризовалась многочисленными изъянами, но в сознании многих граждан ассоциировалась как единственная реальность проявления собственной индивидуальности в рубежный период XIX-XX веков утверждения европоцентристской модели с авторитарным стилем отношений. Очевидно, высшие слои казахского народа оказались восприимчивыми к реформируемой системе образования по вертикальному принципу.

К основному ареалу расселения казахов по территориально-географическому признаку оказались близки города Казань, Саратов и Томск, в которых функционировали высшие учебные заведения.

Казань располагалась в Поволжье и с древних времен воспринималась как сосредоточие европейско-русской и татарско-мусульманской культур. В сознании тюрков этот город традиционно ассоциировался с крупным духовным и ученым центром. Исследователь казахской литературы и фольклора М. Ауэзов отличал значимость Казани как важного мусульманского центра в сознании казахов [80, с.91]. Местные религиозные школы-медресе и мектебы отличались научностью и академизмом. В Казани сохранялись сильные позиции местного татарского купечества, из недр которого нарождалась активная на российском рынке татарская буржуазия. Пожалуй, из всех тюркских народов империи именно татары отличались наличием отлаженной схемы тесных торгово-корпоративных связей на уровне межличностных и семейных отношений.

С периода XV века в татарском народе формировалась система подготовки бюрократических кадров, пополнявших имперскую структуру правления. В Казани в то время сохранялся высокий удельный вес русского населения, потенциально претендовавшего на получение высшего образования. По многим параметрам, Казань, прежде всего, естественно исторически сохраняла доминанту в восточных провинциях как индустриальный и культурный сектор концентрации различных конфессий. Впоследствии казахские интеллигенты активно сотрудничали с местными татарскими прогрессистами. Достаточно отметить наличие в городе развитой типографской базы, ставшей в определенной мере основой эволюции казахской литературы и книгоиздательства. Татарская периодическая печать имела распространение в местном регионе. Актуально сохранение привлекательности Казани как важного города для уроженцев тюркских народов, в том числе и для казахов.

Саратов в Поволжье представлял собой крупный городской центр. Лингвистическое название города импонировало казахам. Природно-климатические условия лесостепного региона оказались идентичны условиям проживания казахов. В городе, равно как и во многих других центрах Восточного Заволжья, сохранялось преобладание татарского элемента в жизненно-важных социальных сферах. У казахского населения с давних пор сложилось определенное представление о Саратове, население которого отличалось этническим и конфессиональным многообразием. Поволжско-Приуральская область на подсознательном восприятии казахов смежной зоны рассматривалась как один из очагов исламской цивилизации. Этот стереотип активно поддерживался всей динамикой общественных процессов. В частности, в данный период татарские представители составляли значительный удельный вес населения городов Уральской, Тургайской и Акмолинской областей и частично других регионов этнотерритории казахов. Представители татар энергично способствовали распространению элементов исламской культуры, татарской литературы, различных методов обучения.

Наиболее отдаленным городом от казахских областей являлся Томск. Этот

город возник в Сибири после падения ханства Кучума. В отличие от Казани и Саратова, Томск олицетворялся населением как результат следствия проникновения в местную цивилизацию уроженцев из западных районов Российской империи. В мировосприятии обывателя указанного периода и даже просвещенных европейцев, Сибирь ассоциировалась как социально-запущенный край, отвлеченный от мировой действительности. Соответствующий нелицеприятный колор закрепился за описываемой областью вследствие результата бесчисленной череды высылки представителей различных социальных групп и оппозиционных монархическому режиму движений из европейской части. Восточная Сибирь с крупным центром Томском уступала более развитым областям Западной Сибири, на фоне которой выделялся Омск, имевший к тому времени сложившийся административный статус.

Многочисленные хроники российских публицистов пестрят сведениями, характеризующими умонастроения местных европейских уроженцев, ориентированных на выезд в центральные и западные губернии [81, с.134]. Многолетнее пребывание пришлых мигрантов в суровых монотонных условиях отразилось на их повседневной жизни. Целевые аспекты имперской политики сохранения целостности государства определили вектор ее воздействия на восточных рубежах. Следует отметить, что уже во времена действия Государственной Думы начала XX века сибирские депутаты особенно настойчиво подчеркивали принцип соблюдения интересов населения Сибири, предоставления региону льготного режима функционирования, активного проведения социально-экономических преобразований. В ракурсе данной политики в 1878 году открывается Томский университет, которому суждено было стать, пожалуй, наряду с Западно-Сибирским РГО важным сектором в культурно-научной жизни всей Сибири и близлежащей зоны Степных областей.

Санкт-Петербург имел статус столичного центра империи. Различные казахские депутации в этот город наглядным образом сохранялись в памяти казахов. Аудиовизуальное название города сохраняло свою чуждость для казахов. Столица располагалась в области распространения русской и европейской культур. Географически столица находилась от этнотерритории казахов гораздо дальше в отличие от вышеперечисленных университетских центров.

Ритмы жизнедеятельности аграрных народов формировались природно-климатическими факторами. Поездки в Санкт-Петербург, отличавшиеся длительностью, энергозатратами и материальными издержками, в казахской среде оставались прерогативой узкой группы привилегированного меньшинства. Ситуация стала изменяться со времени запуска железнодорожной магистрали, что увеличило грузопотоки, численность мигрантов и сократило временные рамки их перемещения. Научно-технические новшества, наряду с распространением телеграфа, усовершенствования почтовой службы, внедрения системы денежных переводов кардинально изменяли ситуацию.

Области Северо-Западного Казахстана исторически оказались втянутыми в орбиту воздействия Российского государства значительно раньше в сравнении с областями Южного Казахстана. Установление имперского режима управления в приграничных районах сопровождалось импортом русско-европейских новаций во все сегменты жизнедеятельности народа. Созданные в XVIII-XIX веках города Оренбург, Троицк, Уральск, Кустанай, Челябинск, Омск, Семипалатинск имели существенные отличия от сформировавшихся в южных регионах самобытных городов. Социально-экономические отношения в бурно развивавшихся этносмешанных городах казахско-русского приграничья меняли сложившиеся веками стереотипы казахского населения. Специалист по истории и культуре Катанов отмечал: «Русские определяют киргиз на более крупные должности такие, как например чиновников особых поручений, мировых судей, уездных начальников, полковников и даже генералов. В этих должностях киргизы являются такими же примерными служащими, как и русские [82, л.5].

Города Оренбург и Омск отождествлялись ими как составной элемент их этнической культуры. Казахские аристократы, в силу установившейся политической практики, идентифицировали свои поездки в таковые центры с сформировавшимся этикетом деловых отношений. Новый стиль административно-управленческой работы сохранял и подчеркивал статус казахских вельмож в складывавшейся новой иерархии. Проживание национальных служащих в городах являло демонстрацию возможности их инкорпорирования в доминировавшие структуры на уровне взаимодействия народов смежных зон. Одни из первых служащих Ч.Валиханов, Г.-Б. Валихан и ряд других в стартовый период своей карьеры проживали в этих городах. В дальнейшем они, как и их последователи на пике своей карьеры, переместились в Санкт-Петербург. Их планомерное перемещение из провинциальной зоны в города и столицу характеризует складывавшийся алгоритм действий в реалиях усиления метрополии в провинциях. Следствием этой ситуации являлся процесс формирования принципа предпочтения у некоторых представителей просвещенной казахской молодежи – миграция в столицу по причине стремления к достижению достойного социального статуса. Со второй половины XIX века наблюдается перемещение казахской молодежи в университетские города Санкт-Петербург, Казань, Саратов, Томск. Согласно справедливому утверждению ученого Х.М. Абжанова, казахская молодежь подходила к выбору высших учебных заведений вполне осознанно по принципу престижности обучения и востребованности специальности: «Во-первых, предпочтение отдавалось наиболее авторитетным, престижным вузам; во-вторых, приобретались именно та специальность, по которой испытывалась острая потребность в степи» [54].

Согласно нашим подсчетам, произведенным на базе имеющихся источников, можно отметить, что общее количество казахских студентов по исследованным университетам за весь период их обучения до 1917 года составляло 63 человека [83]. Из них подавляющее большинство составляли

уроженцы северо-западных областей. Численная характеристика казахских студентов по университетам выглядит следующим образом:

Таблица 1 – Количественная характеристика обучавшихся казахских студентов [83]

Город	Учебные заведения	Количество студентов
Санкт-Петербург	Университет	20
Казань	Университет	30
Саратов	Университет	6
Томск	Университет	7

Содержание таблицы свидетельствует о численном соотношении казахских студентов в исследованных университетах. По количеству казахских студентов за весь период их обучения лидировал Казанский университет. От общего количества казахских студентов университетов студенты Казанского университета составляли 48%. Данная ситуация определялась географической близостью Казани к территории проживания казахов и наличием стипендиальных квот для казахского населения.

На второй позиции по численности казахских студентов был Санкт-Петербургский университет. Студенты Санкт-Петербургского университета составляли 32% от общего количества казахских студентов. Казахские юноши получили возможность обучения в Санкт-Петербургском университете гораздо раньше в отличие от Саратовского и Томского университетов. Наименьшее количество казахских студентов зафиксировано в Саратовском и Томском университетах. Томский университет географически располагался дальше от мест компактного проживания казахов в отличие от Казанского и Саратовского университетов. Количество стипендиальных квот для казахских юношей в Томском университете было меньше в сравнении с Казанским и Санкт-Петербургским университетами.

Характерно, что в ряде городов имелось несколько высших учебных заведений, составлявших конкуренцию университетам.

Отличительные особенности присущи Казани. Альтернативу Казанскому университету составлял местный ветеринарный институт. Объективно распределение национальных студентов между двумя учебными заведениями. Профессиональный профиль и направление специальностей этих учебных заведений соответствовали жизненным ориентирам, природному воспитанию, менталитету и социально-бытовому укладу казахов. Пример легендарных личностей, сформировавшихся в университетах, являлся образцом подражания для казахской молодежи. Следует отметить, что в Санкт-Петербурге, помимо исследованного университета, находилось еще несколько высших учебных заведений, в которых учились казахские студенты. Наиболее высокий удельный вес казахов сохранялся в университетах. Значительным фактором в подготовке казахского студенчества являлись функционировавшие в областях стипендии из взносов казахского населения

Проведенный нами анализ позволяет сделать ряд заключений. Во-первых, в исследуемый период казахи обучались в изученных университетах, во-вторых, наиболее высокая численность студентов наблюдалась в Казанском университете.

Важным фактором сложившейся картины является устоявшийся в тот период в сознании казахских юношей и их родителей стереотип, во многом определявший путь своих сыновей. Казахские уроженцы выбирали для учебы то учебное заведение, которое сулило реальные перспективы с учетом характеристик результатов своих предшественников. Действительно, сложившиеся военные династии в казахской среде доминировали всего лишь столетие и фактически теряли свою прерогативу по причине изменения модели комплектации управленческих кадров при сопутствующих реформах комплексного механизма властных отношений в степных областях. В гораздо меньшем количестве казахи обучались в других высших учебных заведениях Санкт-Петербурга. Например, в лесотехническом институте или в Военно-медицинской академии зафиксировано незначительное количество казахских студентов.

Аналогичная тенденция распределения учащихся сохранялась и в других городах при наличии гораздо меньшего количества высших учебных заведений. В Саратове местный университет сохранял статус самого крупного учебного заведения края. В соответствии с этим логично заключить предпочтительный выбор большинством казахских студентов городов Санкт-Петербурга и Казани.

Итак, анализ архивных источников и научных исследований по истории казахского студенчества демонстрирует их высокую численность из изученных университетов в Казанском университете. На следующей позиции по количеству студентов находился Санкт-Петербургский университет.

Значительным фактором формирования казахского студенчества являлся областной принцип. В следующей таблице представлена характеристика студентов по областному признаку.

Таблица 2 – Областная структура казахского студенчества (1868-1917 годы) [83]

Университет	Внутренняя Орда. (Букеевская орда)	Уральская обл.	Тургайская обл.	Акмолинская обл.	Семипалатинская обл.	Сырдарьинская обл.	Семиреченская обл.	другие
Санкт-Петербургский университет	4	1	6	2	2	1	1	1-(Тобольск) 1-(Челяб. губ.) 1-(Уфим. губ.)

Казанский университет	8	3	15		2	1	1	
-----------------------	---	---	----	--	---	---	---	--

Продолжение таблицы 2

Саратовский университет	2	4						
Томский университет	2			2	3			

Как показывают данные нашей таблицы, количество казахских студентов из областей в исследованных университетах оказалось различным. Только в Санкт-Петербургском университете, из числа других, фиксируется более полное представительство казахских юношей. В то же время в Казанском университете по изученным источникам не обнаружены представители Акмолинской области, Сибири и ряда, смежных с Казахстаном российских губерний.

Представительство казахов в Саратовском университете ограничивалось выходцами из Буковской Орды и Уральской области, в Томском университете – Буковской Орды, Акмолинской, Семипалатинской областями. При этом в этих университетах обучались юноши из Буковской Орды, в которой процесс развития русско-государственной модели образования начался гораздо раньше. Общее количество буковцев составило 16 человек от всего количества исследованных или 25%.

Тургайские учащиеся преобладали в Казанском университете, но не обучались в Саратове и Томске. Соотношение тургайцев к казахским студентам составляло 33%.

Общее количество уральцев составляло 8 студентов или 13%. Уральцы по исследованным материалам не обучались в Томске. Общее количество акмолинцев составляло 4 человека или 6% от количества студентов. Акмолинцы обучались в Санкт-Петербургском и Томском университетах.

Представители Семипалатинской области в количестве 5 человек учились в Санкт-Петербургском, Казанском, Томском университетах. Их процентное соотношение к казахским студентам составляло 11%.

Незначительное количество студентов зафиксировано по Семиреченской и Сырдарьинской областям. Южная часть Казахстана гораздо позже попала под юрисдикцию России. В этих областях государственная модель образования по своим характеристикам уступала образовательным процессам в северных и западных областях. Поэтому удельный вес казахских студентов из южных областей оказался гораздо ниже.

Характеристика цифровых показателей свидетельствует о неравномерном распределении студенческого контингента. В среднем высокий удельный вес сохранялся за уроженцами Буковской Орды, Уральской, Тургайской областей. Примечательно лидерство по численным показателям студентов в Санкт-Петербургском и Казанском университетах. Объяснение соответствующей картине частично изложено выше. Восприятие имперской модели обучения

казахским населением во многом складывалось под впечатлением показательной деятельности местной знати.

С рубежного времени начала XIX века в прилегающих зонах к европейской части империи существовала патронатная схема казахских аристократов-властителей к государственным стандартам обучения. Известный меценат, хан Внутренней Орды Джангир Букеев внедрял на подвластных ему территориях ханские школы во многом близкие по методическому инструментарию государственным светским училищам [84, с.114]

В то же время наша таблица показывает практически полное отсутствие или незначительное количество студентов из Семиреченской и Сырдарьинской областей. Этот факт мы склонны объяснить следующими причинами: во-первых, отдаленность этих областей от крупных образовательных центров; во-вторых, наличием больших расходов на обучение, что требовало дополнительных затрат с учетом длительного пути; в-третьих, небольшим количеством городских учебных центров в южных регионах, закончив которые они могли поступать в университеты.

Южный Казахстан был полностью включен в состав Российской империи только лишь в первой половине 60-годов XIX века.

Общий анализ подготовки казахского студенчества к моменту их поступления в университеты демонстрирует преобладание в их составе выпускников гимназий. Во второй половине XIX века казахи получили право доступа для обучения в гимназиях государства.

Гимназии – крупные среднеспециальные учебные учреждения – располагались в городах и пользовались популярностью среди населения как элитные школы. Большинство казахов проживало в аулах и смешанных сельских поселениях, зачастую далеко расположенных от городов. Правительство, заинтересованное в подготовке чиновничьих кадров из казахов, пропагандировало преимущества государственного светского просвещения.

Создание стипендиальных квот для казахов Степного края в областных центрах и близлежащих городах метрополии и агитационная компания обеспечили условия для формирования прослойки гимназистов-казахов. Статус гимназического образования способствовал подготовке казахов для обучения в университетах. Казахские выпускники университетов не имели конкуренции в своей этнической среде и претендовали на занятие вакантных должностей в государственных учреждениях.

В этой связи особый интерес вызывает изучение гимназических аттестатов казахов, которые рассматривали элитное государственное образование как шаг в удачное будущее. В качестве исследования выбраны 12 студентов-казахов Санкт-Петербургского университета, чьи аттестаты сохранились в личных делах.

В приведенной таблице показано распределение казахских студентов Санкт-Петербургского университета по окончанным гимназиям.

Таблица –3 Гимназии оконченные студентами [83]

№	Ф.И.О.	Гимназия	Место проживания до обучения в гимназии
1.	Л.Турлубаев	Омская гимназия	Акмолинская область
2.	А.Темиров	Тобольская гимназия	г. Тобольск
3.	Б-Х. Ниязов	Оренбургская гимназия	Уральская область
4.	Б.Каратаев	Оренбургская гимназия	Уральская область
5.	Л.К.Ниязов	Оренбургская гимназия	Букеевская Орда
6.	С.Джантурин	Оренбургская гимназия	Уфимская губерния
7.	Ж.Сейдалин	Оренбургская гимназия	Тургайская область
8.	С.Нуралиханов	Оренбургская гимназия	Букеевская Орда
9.	Ж.Акпаев	Томская гимназия	Семипалатинская область
10.	А.Сейдалин	Троицкая гимназия	Тургайская область
11.	И. Вали-Хан	Санкт-Петербургская гимназия	Акмолинская область
12.	М.Чокаев	Ташкентская гимназия	Сырдарьинская область

Как видно из нашей таблицы, казахи Санкт-Петербургского университета получили образование в гимназиях. Этот фактор позволяет сделать ряд выводов: во-первых, казахи с целью поступления в университет предпочитали обучение в гимназиях; во-вторых, гимназии имели высокий статус в сознании казахов в сравнении с другими среднеспециальными учебными заведениями; в-третьих, преобладающее количество студентов Санкт-Петербургского университета ранее обучались в Оренбургской гимназии. Это объяснялось территориальным положением Оренбурга, расположенного в непосредственной близости от Уральской, Тургайской областей, Букеевской Орды и Уфимской губернии.

Итак, из них 6 человек окончили Оренбургскую гимназию, по 1 человеку учились в Тобольской, Томской, Омской, Троицкой, Санкт-Петербургской, Ташкентской гимназиях. Большинство из них имело диплом об окончании Оренбургской гимназии. Квоты в Оренбургскую гимназию распространялись на уроженцев Тургайской, Уральской областей и Букеевской Орды. В силу территориального фактора Оренбург был ближе к центральным областям в отличие от других периферийных городов и доминировал по социально-культурным параметрам. Поэтому обучение в нем носило предпочтительный

характер для казахов западных областей края.

В административном центре Оренбурга с 60-х годов XIX века успешно функционировала гимназия, в организации которой принимали участие казахские уроженцы Оренбургского края под воздействием своих старшин.

В отмеченных областях уже в 70-80-е годы XIX века функционировала ступенчатая форма непрерывного получения знаний от аульных школ к волостным, уездным училищам и гимназиям, или учительским семинариям. Анализ количества обучавшихся казахских учеников в гимназии, реальном училище и учительском семинарии в Оренбурге показывает предпочтительный выбор юношами гимназий. Например, в Оренбургской гимназии за весь период обучалось – 70-80 казахов; в реальном училище – 20 казахов [85]. Подобная тенденция сохранялась и в других регионах. Студенческий корпус в университетах в основной массе состоял из дипломированных гимназистов.

В 60-70-е годы XIX века в Оренбургской гимназии обучались казахские юноши из Астраханской губернии, Тургайской и Уральской областей. С начала 90-х годов XIX века началась процедура перевода казахских стипендий в Астраханскую гимназию и Уральское реальное училище. Мотивация перемещения уроженцев Букеевской орды в Астраханскую гимназию и уральцев в Уральское реальное училище заключалась в устранении естественной причины удаленности от Оренбургской гимназии. Этот фактор существенно снижал социальную неустроенность казахских учащихся и в перспективе способствовал их успеваемости. В процессе перевода уральцев в местное училище областные власти рассчитывали на формирование местной системы подготовки казахских специалистов [9, с 200].

Социальный состав исследованных студентов Санкт-Петербургского университета имеет пестрый характер. Так, из 12 человек 45% являлись выходцами из семей чиновников различного административного ранга. По изученным архивным данным удалось установить наличие 7 султанов из числа исследуемых.

Превалирование лиц султанского сословия мы объясняем следующим:

- во-первых, после введенной административной реформы 1867-1868 годов потомки Чингисхана были приравнены к простолюдинам, т.е. они потеряли право занимать государственные должности на основе только лишь своего социального статуса. Это активизировало их стремление к поискам альтернативных путей повышения своего статуса, и в данном случае некоторая их часть выбрала образовательный способ реализации своих амбиций;

- во-вторых, именно из среды султанского сословия до 1867-1868 годов продолжали рекрутироваться султаны-правители в Младшем жузе и старшие султаны в Среднем жузе. Поэтому шло механическое восполнение чиновничьих рядов;

- в-третьих, во многих султанских семьях уровень материального обеспечения был выше в сравнении с представителями из других социальных групп, что предопределило их способность проживания и обучения в городах.

В приведенной таблице показана успеваемость казахских студентов

Санкт-Петербургского университета в гимназический период.

Таблица 4 – Успеваемость казахских студентов Санкт-Петербургского университета в гимназический период [83]

Ф.И.О.	Логика	Матем.	Матем. географ.	Физика	История	Географ.	Гимнаст.	Законоведение	Философ проп.	Греч. яз.	Лат. яз.	Фран.яз.	Нем.яз.	Русский язык	Закон Божий	Дата оконч гимназии
А.Турлубаев (Омск)	5	3	4	4	5	4	+			4	5	4	4	4	-	1897
А.Темиров (Тобольск)	3	3	3	3	4	3				-	3	4	4	3	-	1915
Б-Х.Ниязов (Оренбург)	5	5	5	5	5	5	4			5	5	-	5	5; 4	5	1892
Б. Каратаев (Оренбург)	4	4; 3	3	3	4;3	4				4	4; 5	-	3	4;5	5	1898
Ж.Акпаев (Томск)	4	3	4	4	4	4				-	3	4	-	3	-	1886
А.Сейдалин (Троицк)		3	3	3	3	4		4	3		3	3	3	3	-	1914
А-К.Ниязов (Оренбург)	5	4			4	4	4			-	4	-	5	4	5	1892
С.Джантурин (Оренбург)	4	4	4	4	4	3				5; 4	4	5	-	4; 3	5	1883
И.Вали-хан (СПб)	3	3	3	3	3	3				4	3	5	5	3	-	1892
М.Чокаев (Ташкент)		5	4	5	5	5		5	5	-	4	4	4	5	-	1910
Ж.Сейдалин (Оренбург)	3	3	-	3	3; 4	4				-	3	3	-	4	5	1900

С.Нуралиханов (Оренбург)	3	4	4	3	4	4					-	4	3	-	3	4	1899
-----------------------------	---	---	---	---	---	---	--	--	--	--	---	---	---	---	---	---	------

Таблица свидетельствует, что курс дисциплин в гимназиях с 80-х годов XIX века вплоть до 1915 года практически не изменялся. В гимназический период учащиеся демонстрировали различные успехи. Анализ сведений позволяет выявить следующее: во-первых, 7 студентов или 60% из числа исследованных студентов Санкт-Петербургского университета Турлубаев А., Б-Х. Ниязов, Ж. Акпаев, А-К. Ниязов, С-Г. Джантурин, М. Чокаев, С-Г. Нуралиханов обучались с преобладанием положительных результатов на «хорошо» и «отлично». Этот показатель характеризует качество успеваемости казахских гимназистов, осознавших свою перспективу. Во-вторых, большинство исследованных учащихся в гимназический период изучали все дисциплины. При этом «Законоведение» и «Философская пропедевтика» изучались только Сейдалиным А. и Чокаевым М. Сейдалин и Чокаев не изучали «Логик» в отличие от остальных. Это объяснялось тождественностью содержательной части указанных предметов, что позволило гимназистам получить диплом об окончании гимназии. Дисциплину «Гимнастика» посещали только братья Ниязовы.

Обучение в гимназии являлось осознанным решением со стороны мальчиков-казахов, испытывавших сильное влияние родителей. В среднем гимназический период длился 8 лет, по 1 году обучения в классе, или 9 лет с учетом подготовительного класса, способствующего казахским ученикам преодолеть психологический барьер слабого знания русского языка.

В 8-ом, т.е. в выпускном классе, учащиеся-казахи четко представляли свой дальнейший творческий путь, ассоциируя его с обучением в университете. Поэтому они отчетливо осознавали, что гимназический диплом является показателем качества их знаний. Гимназический курс обучения включал такие дисциплины, как «Закон Божий», «Русский язык с церковнославянским и словесностью», «Логика», «Латинский язык», «Греческий язык», «Математика», «История», «География», «Немецкий язык», «Французский язык», «Гимнастика». Приоритет в гимназии оставался за гуманитарными дисциплинами. Это соответствовало традициям и воспитанию казахов, выросших в сельской, аульной среде, далекой от индустриального развития.

В метрических свидетельствах казахи фигурируют под обозначением «киргизы», «магометане». Некоторые метрические свидетельства содержат соответствующую подпись муллы района административного проживания ученика. Большинство казахов, в силу многих причин, никогда не являлись ортодоксальными мусульманами, хотя и придерживались основных идеологических постулатов ислама. Характерно, что из числа исследованных учащихся все выпускники Оренбургской гимназии имели положительный результат по христианскому предмету «Закон Божий», при этом только у одного учащегося, «оренбуржца» Нуралиханова С., зафиксирована отметка

«хорошо». Остальные представители этой группы имели результат «отлично». Из числа других представителей гимназий Турлубаев А., Акпаев Ж., Сейдалин А., Чокаев М. в аттестатах по данному предмету не имели результата, т.е. официально освобождались от обучения по данному предмету. Статус Темирова А. и Вали-хана И. не известен.

Вероятно, изучение «Закона Божьего» в Оренбургской гимназии считалось обязательным, в отличие от других гимназий. Процесс христианизации в Степном крае начался во второй четверти XIX века, а точнее с 1881 года, когда была создана Киргизская миссия на базе Алтайской миссии для христианизации, в первую очередь, казахов обширной Семипалатинской области. С 1894 года по решению миссионерского комитета учреждается миссия в Тургайской области в Кустанае, Актюбинске и поселке Александровка. Исследователь влияния православной миссии в крае Н.Чернявский отмечал: «Не забудем, что мы сами постарались навязать им мусульманскую религию и руководителей мулл.» [86, с.123]. Однако христианские миссионерские школы среди казахских общин получили слабое развитие. Это объяснялось не только усиленным влиянием мусульманства у казахов, но и спецификой кочевого быта, что вызывало их индифферентность к монотеизму, далекому от язычества. По мнению исследователя Н.Н.Балкашина, деятельность миссионеров в Алтайском крае среди казахов «встретила затруднения». «Что касается кочевых киргизов, то распространение между ними христианства встретили бы затруднение в самих распорядках их обыденной жизни... По сказанным причинам христианство не привилось к кочевникам» [87, л.7]. Городские школы являлись наиболее приемлемой формой обучения, т. к. многие сельские школы, и тем более аульные, в силу объективных причин не всегда выполняли свои функции. Казахские ученики, подчиняясь требованиям администрации гимназии, изучали «Закон Божий». Отличный результат по данной дисциплине свидетельствует о лояльности учеников к русской культуре, посредством которой шло их приобщение к европейской. Это ясно понимали гимназисты и их родители – административные работники, желавшие дальнейшего продвижения своих сыновей по иерархической лестнице. Характерно, что в гимназические и в университетские годы обучения лишь незначительный процент казахов приняли крещение. Влияние городской среды с элементами урбанизированности и индивидуализации труда устраняло актуальность принятия основных канонов любой религии. Впоследствии большинство либеральных казахов-интеллигентов, получивших в университетах образование, отстаивавших независимость мусульманского культа в России, выступали за развитие либерально-демократических ценностей.

Предмет «Русский язык с церковнославянским и словесностью» способствовал изучению русской грамматики и лексики. Казахские учащиеся осознавали значимость русского языка, имевшего статус государственного. Анализ гимназических аттестатов свидетельствует – 6 учащихся имели положительный результат по этому предмету. Ученик С-Г. Джантурин имел

смешанный результат «4» и «3». Знания остальных учащихся характеризовались удовлетворительным баллом. В словесном приложении к аттестатам данные гимназисты характеризовались как хорошо владеющие русским языком, что обеспечивало базу для их обучения в университете. Особый интерес вызывает тот факт, что наибольшую результативность показывали «оренбуржцы». Казахи-гимназисты проживали в местном пансионе. Наряду с ними в пансионе проживали казахские ученики других оренбургских училищ. Традиционное общение с русскоязычным большинством, взаимопомощь в обучении, характерная для корпоративной национальной среды, отлаженная система преподавания в гимназии обеспечили условия для прекрасного освоения ими русского языка. Анализ образовательного уровня преподавательского состава Оренбургской гимназии показывает, что 13 из 18 специалистов получили образование в университетах и филологических институтах [88, л.3]. Филологические институты специализировались на подготовке филологов, а для Оренбургской гимназии, важнейшим условием для подготовки молодых кадров являлось наличие профессионалов. Поэтому не случайно казахские выпускники гимназий традиционно преобладали среди учащихся в центральных университетах государства в отличие от казахских выпускников других учебных заведений. Учащиеся А.Темиров, Ж.Акпаев, А.Сейдалин, И. Вали-хан, представлявшие другие гимназии, показали удовлетворительный результат по данной дисциплине. Вероятно численность казахских учеников Томской, Тобольской, Санкт-Петербургской, Троицкой гимназий, равно как и других училищ этих городов, была намного меньше. Отсутствие субъективного фактора групповой взаимопомощи предопределило индивидуализацию труда этих учеников с соответствующим распределением материальных ресурсов, времени и изучением наиболее сложных в их понимании дисциплин. «Русский язык» как специфический предмет не представлял для них особой сложности, хотя бы на бытовом разговорном уровне, в отличие от ряда других.

Преподавательский корпус гимназий отличался образовательным уровнем подготовки своих сотрудников. Например, директор Томской гимназии Шепетев В.П. окончил Санкт-Петербургский историко-филологический институт. Аналогичный институт закончил инспектор этой гимназии Курочкин И.М. Директор Тобольской гимназии Панов П.И. имел звание магистра богословия Казанской духовной академии, инспектор гимназии Смолев А.А. окончил физико-математический факультет Московского университета. Омской гимназией заведовал выпускник Санкт-Петербургского историко-филологического факультета Муратов И.Д. Инспектор этой же гимназии Снегирев И.А. имел звание магистра славянской филологии. Из 14 преподавателей Омской гимназии 11 человек имели высшее образование, остальные специализировались по диплому учительских семинарий и юнкерских училищ. Аналогичные показатели были характерны для Верненской гимназии [89, с.31].

Логическое распределение дисциплин в систематической

последовательности в гимназиях определенно способствовало формированию фундаментальных знаний у заинтересованных в своем обучении студентов. Курс программного обучения в гимназиях периода 80-х годов XIX века и последующего времени был унифицирован и составлялся с учетом возрастных особенностей учащихся. На примере анализа рабочих школьных планов Томской мужской гимназии логично выявляются общие закономерности качества подготовки. Например, в 1-м классе гимназии учащиеся изучали помимо «Закона Божьего» и «Русского языка с церковно-славянской словесностью и логикой», также «Математику», «Географию», «Чистописание и рисование», «Латинский язык». Во 2-м классе добавлялись языковые дисциплины: «Французский и немецкий языки». На 3-м году обучения в программу обучения вводился «Греческий язык». Лингвистические дисциплины велись вплоть до окончания курса обучения.

Количество недельных часовых уроков по «Греческому языку», «Французскому языку», «Немецкому языку» в 8 классе составляло соответственно 5;6;3;2. Традиционно во всех классах большое количество асов сохранялось за классическими языками от 5 до 6 в сравнении с «Немецким и французским языками» - от 2 до 3 [90]. Специфика обучения по предметам заключалась в усвоении письменности и развитии ораторского искусства. Данная модель обучения оправдывала себя в подготовке казахских учащихся.

В этой связи уместно проанализировать успеваемость учащихся по иностранным языкам, которые изучались ими в гимназический период. Большинство казахов в университетах обучалось на гуманитарных факультетах, в частности, юридическом и медицинском. Специфика обучения на данных факультетах предполагала сносное владение классическими языками - греческим и латинским. Анализ аттестационных ведомостей свидетельствует: 7 гимназистов имели положительный результат по предмету «Латинский язык». По архивным данным 7 гимназистов по «Греческому языку» не имели экзаменационного результата, знания 5 гимназистов оценивались на баллы «4» и «5». Цифровые данные констатируют прогрессивный процесс успеваемости казахов-гимназистов по классическим предметам.

Преподавание французского и немецкого языка соответствовало духу времени, ибо эти европейские языки доминировали во всех сферах социально-культурной, экономической, политической жизни в мире. Знание данных языков обеспечивало карьерное продвижение человека. Сопоставительный анализ аттестатов свидетельствует, что 7 гимназистов изучали 1 язык, вероятно, по праву выбора. Из них С. Нуралиханов, С-Г. Джантурин, Ж. Сейдалин, Ж. Акпаев изучали французский язык. А-К. Ниязов, Б-Х. Ниязов, Б. Каратаев – немецкий. Остальные гимназисты зафиксированы как обучавшиеся по двум языкам. Положительным баллом отмечены успехи С-Г. Джантурина, А. Турлубаева, А-К. Ниязова, Б-Х. Ниязова, А. Темирова, Ж. Акпаева, М. Чокаева, И. Вали-Хана. Знания остальных учеников оценены баллом «удовлетворительно». Примечательно, что учащиеся А. Темиров, Ж. Акпаев, И. Вали-хан, показавшие удовлетворительный результат в «Русском языке»,

получили более высокую степень подготовленности по этим иностранным языкам. Изучение иностранных европейских языков для большинства казахских учеников начиналось в гимназии, тогда как «Русский язык» был обязателен к усвоению в государственных аульных школах. Европейские наблюдатели отмечали, что у казахских учеников – выходцев из провинциальной глубинки – память была развита до совершенства. В частности к культурным приобретениям» [91, с.120]. Способность к усвоению языков – характерная черта казахов, занятых кочевым бытом.

Преобладание в воспитании у казахов в связи с реалиями экономического бытия гуманитарно-художественных элементов с атрибутами созерцательности и преклонения перед природой создало предпосылки для обучения их в гимназиях, где господствовали дисциплины гуманитарно-нравственной направленности, что отвечало потребностям и запросам казахов. По гуманитарным дисциплинам «Логика», «История», «География» гимназисты традиционно показывали высокие результаты. Так, по предмету «Логика» 3 из них – А. Турлубаев, Б-Х. Ниязов, А-Х. Ниязов – имели балл «5». Баллом «4» отмечены успехи 3-х учеников – У. Каратаева, Ж. Акпаева, С-Г. Джантурина. «Логика» отсутствует в реестре предметов М.Чокаева, А.Сейдалина. «Философская пропедевтика» в аттестате М.Чокаева, близкая по содержанию «Логике», оценена баллом «5». Успеваемость А.Сейдалина по данному предмету имеет результат «3». Предмет «История» оценен у 8-х положительными результатами, 2-е имеют смешанный балл «3» и «4», 2-е балл «3». Хорошими показателями оценена успеваемость учащихся по «Географии», при этом только 2-е имели удовлетворительный результат.

По «Математике» 6 учащихся имели удовлетворительный результат, успеваемость 1 оценена смешанным баллом «4» и «3». По предмету «Физика» знания 6-х гимназистов обозначены баллом «3». По предмету «Математическая география» – смешанной гуманитарно-технической дисциплине – 4 учащихся имели удовлетворительный успех.

Приведенные показатели в целом характеризовали качественность подготовки казахских гимназистов, ориентированных на университеты. Аналогичные показатели зафиксированы в свидетельствах казахских студентов других университетов.

Ряд казахских гимназистов великолепно закончили гимназии. Например, в 1910 году М.Чокаев успешно окончил Ташкентскую гимназию и претендовал на золотую медаль. Генерал Самсонов потребовал заменить золотую медаль на серебряную. Это намерение губернатора края вызвало возмущение местной общественности, в том числе русских интеллигентов и профессоров. Потребовалось личное вмешательство директора гимназии Граменицкого, не согласного с решением Самсонова. Общественность настаивала на вручении золотой медали М. Чокаеву [42, с.21].

На юридическом факультете Казанского университета обучался Ахмет Беремжанов, являвшийся уроженцем Тургайской области. Как и большинство тургайцев он окончил Оренбургскую гимназию. Руководством гимназии он

охарактеризовывался как «весьма даровитый от природы развитый юноша, во время учения высказал особенности трудолюбия, почему при окончании курса был удостоен серебряной медалью» [92, л.4]. Беремжанов был выходцем из весьма состоятельной семьи. Семейство Беремжановых генеалогически имело связь с батыром Жанибеком, являвшегося соратником хана Абулхаира. На протяжении нескольких столетий это семейство прочно удерживало позиции повышенной социальной статусности в казахской среде. В то же время А. Беремжанов являлся первым представителем своей фамилии, получившим возможность обучения в университете, который окончил в 1899 году. Его отец бий Кургамбек Беремжанов в 31 год занимал должность младшего помощника начальника Тургайского уезда. Бийское звание определяло статусность К. Беремжанова и алгоритм его действий. К. Беремжанов за службу имел награды [93, л.19].

Анализ документации демонстрирует превалирующее большинство в составе казахского студенчества выпускников гимназий. Данный показатель носил вполне условный характер. Так, например, по статистическим данным в Томском университете в 1904 году обучалось 665 студентов, в том числе 241 гимназист и 424 семинариста. В прежние годы статистиками фиксировался более высокий процент семинаристов [94, с.129].

Томск располагался в наименее благоустроенном регионе империи. Сибирские информаторы признавали необходимость привлечения в обширные области Сибири трудоспособного, интеллектуального потенциала из Европейской России. Томский университет отличался наименьшей численностью учащихся. Во избежание подобной ситуации в Томский университет разрешался официальный доступ воспитанников духовной семинарии. Практика привлечения семинаристов в университеты в империи вводилась с конца 20-х годов XIX века. Фактически семинаристы составляли костяк университетской профессуры XIX века [94, с.131].

В российском обществе во второй половине XIX века усилилось общественное стремление к правовому равенству и гражданской свободе. На примере казахских юношей фиксируются единичные факты продолжения обучения семинаристов в университетах. В сознании казахских юношей и их консультантов, ориентированных на карьерный успех, гимназии имели существенные преимущества. Гимназические знания предоставляли право доступа в университеты, по успешному окончанию которых казахские специалисты занимали повышенный социальный уровень.

Студенческий контингент Томского университета состоял из уроженцев Сибири, выходцев из Кавказа, представителей Европейской России, Малороссии. Претендентов на обучение не пугали особенности сурового сибирского климата. В виде исключения в Томский, Варшавский и Юрьевский университеты разрешался приём выпускников духовной семинарии [94, с. 131].

По данным статистики, общая численность студентов в Казанском университете составляла около 3500 человек. В начале XX века в Казани обучались представители многих областей империи, в том числе Кавказа и

Сибири. В этот же период наблюдается наплыв выпускников семинарий в Казань, которые в виде исключения решением ректората зачислялись на юридический и филологический факультеты [95, с. 2].

В числе казахских студентов по-прежнему преобладали гимназические выпускники. С 1905 года сибиряки получили доступ во все университеты. Именно с этого периода преодолевается локально-местническая особенность функционирования Казанского университета. Уроженцы Сибири имели право поступления на естественный, математический и филологический факультеты. В это же время на юридический и медицинский факультеты они не имели доступа. Поэтому большинство сибиряков, выбирая престижные факультеты, оставались в Томске. Кроме того, определенная часть студентов, ориентированная на обучение в столице, обыкновенно зачислялась в Казанский университет, равно как и в другие провинциальные университеты, а затем по окончании 1 курса переводились в столичные университеты [95, с.2].

В целом общее количество в Казанском университете уроженцев Сибири в 1905 году составляло всего 4%. Значительная часть сибиряков предпочитали столичные университеты. По данным социологического опроса, одним из важных мотивов перемещения сибирских юношей в столицу являлись факторы так называемого «свободного преподавания» и «свободного слова». Аналитики отмечали развитие в столичных университетах демократической мысли в отличие от провинциальных городов. Более того, в Санкт-Петербургских университетах, в частности, разрабатывались и читались новые курсы, неизвестных во многих университетах государственно-правовых дисциплин. Из 132 студентов-сибиряков большинство составляли юристы – 48, меньшинство филологи – 9. [95, с.67]. Общее количество уроженцев Степного края составляло 20 человек. Все студенты-сибиряки Казанского университета состояли в общесибирском землячестве численностью в 60 членов. У землячества существовало собственное правление. Члены землячества регулярно проводили собрания. В обществе функционировала система финансовой поддержки нуждающихся. На базе общества действовал кружок изучения Сибири. Сибиряки наладили отношения с редакциями сибирских газет и получали следующие периодические издания: «Сибирская газета», «Сибирская мысль», «Сибирь» и ряд других. При обществе состояли сотрудники сибирских газет. В числе сибирских студентов наблюдалась стратификация по партийному признаку: социал-демократы, социалисты-революционеры, кадеты. Причем большинство из партийных студентов относились к социал-демократам и социалистам. В университете сохранялся незначительный антагонизм между гимназистами и семинаристами. Гимназисты отмечали повышенную агрессию и чрезвычайное самолюбие выпускников семинарии. Семинаристы апеллировали к исторической справедливости, упрекая гимназистов в излишней избалованности и искусственной престижности в обществе. В полемической беседе, между студентами бывший семинарист, по воспоминаниям современников заявил следующее выпускникам-гимназистам: «...Вы, обеспеченные дети чиновников,

шутя, учились в гимназии, без труда проходили в университет, мы с трудом попадали в него, а учились, работали не меньше Вас» [95, с.74].

Сравнительный анализ деятельности казахских выпускников гимназий и семинарий показывает стремление гимназистов к дальнейшему совершенствованию через систему высшего образования. Большинство исследуемых семинаристов дальнейшую карьеру, согласно инструкции и статусности диплома, продолжали учителями школ или переводчиками с незначительным уровнем оклада. Реализовавшие свои возможности в университетский период казахские гимназисты состоялись в судебно-правовой сфере, административных органах управления и в медицине. Очевидно, социальная стратификация имперского общества с соответствующими императивами воспитания определяли алгоритм действий значительной части учащейся молодежи. Социально-бытовые противоречия между представителями социальных страт вытекали в мировоззренческие установки и политические взгляды.

Следует отметить относительную дешевизну в провинциальных городах в сравнении со столичными центрами. Например, согласно статистике, некоторые казанские студенты находили возможность просуществовать на 10 рублей в месяц. Многие студенты отмечали вполне приемлемые суммы проживания в 120 рублей [95, с.77]. Опрос сибирских студентов показал желание вернуться на родину многих из них.

Начальную подготовку будущие студенты получали в областных центрах и провинциальных крупных городах с отлаженной инфраструктурой, игравшей значительную роль в функционировании областного просвещения. Так, большинство уроженцев Букеевской орды, Уральской, Тургайской областей ориентировались на Оренбург, который в их представлении сохранял большую предпочтительность в отличие, например, от Астрахани или Саратова. Акмолинцы и семипалатинцы пополняли учащийся корпус Омских школ и, в частности, местной гимназии. В верненских и ташкентских училищах предпочитали обучаться выходцы из Сырдарьинской, Семиреченской областей и Туркестана. Информаторы, охарактеризовывая материально-техническую базу в сравнительном аспекте школ и училищ по областям, выделяли более сносную ситуацию по социально-бытовым критериям в областных центрах.

На рубеже XIX-XX веков в областях на уровне многих семей действовало восприятие схемы стремления к успеху посредством обучения. Общественный институт получения образования в престижных училищах в сознании казахов трактовался как действенный способ адаптации к сложившимся реалиям и необходимость противодействия внешним катаклизмам. В мировосприятии казахов снижалась ролевая значимость кадетских корпусов по факту туманной перспективы в случае их окончания. В 1866 году Оренбургский кадетский корпус преобразовывается в военную гимназию. В этот период «По Высочайшему утверждению – прием в военную гимназию для воспитанников детей киргиз, султанов, старших биев велено было прекратить: образовывать же своих детей, предоставление им гражданских учебных заведениях» [96,

с.12]. Значимость гражданского училища в их представлении олицетворялась с возможностью вхождения в такие профессиональные сферы, как медицина, учительство или административные структуры. К моменту поступления в университет определенная часть вчерашних гимназистов реально сознавали свое будущее, конструируя модель поведения на основе опыта своих предшественников. Поступки этих молодых людей, сложившихся под влиянием трансформационных событий, носили типический характер.

В период, предшествующий обучению в университете подавляющее большинство казахских юношей жили в сельской местности. Из исследованной группы студентов только единицы проживали в городах. К основной группе горожан относились дети служащих. Процесс заселения казахами городов Степных областей начался с периода их основания. Профессиональная группа национальных служащих традиционно не составляла весомого процента в городском секторе. Изначально и в последующий период большинство городских казахских служащих составляли низкооплачиваемые чиновники различных канцелярий. Финансовый фактор оказывал влияние на процедуру обучения казахских юношей. В приведенной таблице указаны казахские студенты, проживавшие в городах в предшествующий период поступления в университеты.

Таблица 5 – Сведения о казахских юношах, проживавших в городах до поступления в университет [97]

Ф.И.О. студента	Название населенного пункта
Сейдалин Жиганшах	Кустанай
Темиров Аббас	Тобольск
Мангельдин Султанбек	Ташкент

Как показывают данные таблицы, количество казахов, проживавших в городах в период, предшествующий их поступлению в университеты, составляло всего 3 человека. Соответствующая ситуация объяснялась следующим: во-первых, общая численность образованных по государственным стандартам казахов в исследуемый период в городах была незначительной; во-вторых, городской слой казахов, занятых в интеллектуальной сфере с нефизическим трудом только складывался и был представлен в основной массе специалистами в первом поколении, потомки которых в перспективе получили возможность проживания в городах.

В основной массе казахские студенты получили опыт проживания в городах за период своего гимназического обучения. Казахи адаптировались к городским реалиям в областных центрах – Оренбурге, Омске, Ташкенте и др. Безусловно, Санкт-Петербург и Казань масштабно отличались от перечисленных городов, но казахские студенты владели двумя преимуществами, отличавшими их в студенческий период – знание русского языка и способность к контактному общению в городской среде. У казахских

юношей в студенчестве формировалось осознанное стремление к получению знаний.

Исследование качества успеваемости казахских учеников в начальный момент их длительной учебной стези демонстрирует высокую степень их отчисляемости в младших классах различных училищ. Слабо владеющие русским языком, городским стилем поведения, оторванные от привычной общинно-коллективистской среды провинциальной действительности, казахские мальчики сложно вписывались в ауру русскоязычных городов. Многие ученики отчислялись на ранней стадии обучения. В последующее время акклиматизированные к городским условиям казахские юноши добивались существенных успехов на ниве обучения. Особенно данная тенденция проявлялась в тех училищах, в которых казахские учащиеся составляли определенную численность.

На примере изученных омских и оренбургских школ резюмируется вывод наличия коллективистских отношений у казахских учеников, консолидированных по этническому признаку среди иноязычного большинства. Метод корпоративных связей, сконцентрированных в городских пансионатах казахов, благотворно сказывался на их личностном настрое в восприятии новой информации. Такие сообщества сохраняли ауру малой родины казахской патриархальной действительности. Эта практика отношений проявлялась у студенческой казахской молодежи в последующий период. Например, в 20-х годах XX века казахские студенты советских оренбургских школ часто устраивали самопроизвольные мероприятия с соблюдением национально-культурной атрибутики праздничных ритуалов [98, с. 149].

Исследование структуры казахского народа показывает наличие незначительного числа фамильных династий, относившихся к категории потомственных горожан. Действительно состоявшиеся в городах преуспевающие Аблайханов, Темиров, Айтпенов и другие имели статус горожан в первом поколении. Аблайханов и Темиров представляли аристократические семьи с выраженным имущественным достатком. Соответствующий фактор в определенной мере положительно воздействовал на их прогрессивный результат. Потомки этих личностей всем своим воспитанием городского окружения представляли тип сложившихся казахских горожан. По информативным сообщениям, инфраструктура городов Степных областей отличалась от индустриальной базы и социального обеспечения такого мегаполиса, как Санкт-Петербург. В студенческое время казахские студенты обладали прочно устоявшейся в их сознании мотивационной идеей усвоения новых знаний. При разработке дальнейшей перспективы, ориентированные на карьерный успех, ученики городских училищ иначе оценивали свое настоящее время как стартовую возможность дальнейшего совершенствования.

Повзрослевшие юноши проявляли трезвый расчет в выборе профессии. Практицизм решения диктовался анализом многочисленных факторов их пребывания в совершенно иной социокультурной среде, функционировавшей

по иным общественным императивам крупных центров.

В университетский период фиксируются незначительные эпизоды отчисления казахских студентов. В приведенной таблице показано количество отчисленных студентов с указанием причин:

Таблица 6 – Сведения об отчисленных студентах [99]

Ф.И.О	Университет	Причина отчисления
Темиров Аббас	Санкт-Петербургский университет	Отчислен за неуплату
Юсупгалиев Батыргалий	Саратовский университет Казанский университет	Умер от сыпного тифа
Джантурин Селим-Гирей	Санкт-Петербургский университет	Уволен по прошению
Итпаев Ережеп	Томский университет	Уволен по прошению
Нуралиханов Селим-Гирей	Казанский университет	Уволен по прошению
Кудайбергенов Заир-Мухамед	Казанский университет	Умер от инфекции
Мангельдин Султанбек Алдабекович	Казанский университет	Отчислен за неуплату
Иманбаев Аубакир Ишмухамедович	Казанский университет	Отчислен за неуплату

По данным нашей таблицы можно заключить следующее. Во-первых, количество отчисленных студентов составило 8 человек, что применительно к 55 студентам составляло 15%. Студенты отчислялись по объективным причинам, связанным с их заболеванием или тяжелым материальным положением. Во-вторых, большинство студентов отчислялось из Казанского университета. На следующей позиции находился Санкт-Петербургский университет. Итак, в пропорциональном соотношении количество отчисленных казахских студентов соответствовало их численности по исследованным университетам.

На примере студента Итпаева возможно смоделировать алгоритм действий ряда отчисленных студентов, которые возможно имели альтернативу своего будущего. По окончании Омской семинарии он в 1894 году обучался на медицинском факультете Томского университета. В студенческий период он получил положительную характеристику названного университета. В 1897 году он отчислился «согласно прошению по домашним обстоятельствам» [100, л.3]. Мотивы отчисления Итпаева не указаны. Он лишился матери, будучи студентом 1 курса. Вероятно, материальные сложности существенно затруднили обучение Итпаева. Он начал служебную деятельность в Омском окружном суде в должности переводчика. В чиновничьей сфере он дослужился

до звания коллежского секретаря и по финансовому обеспечению, пожалуй, не столь сильно уступал медикам.

Таким образом, большинство студентов достигали поставленной цели и своими действиями являли образец подражания для своих земляков. Отслеживание их дальнейшей творческой и служебной работы показывает желание большинства из них включения на государственную службу. Основы частной собственности в сфере частного делопроизводства или оказания интеллектуальных услуг в условиях развития капиталистических отношений в империи только проникали в общество с доминирующими аграрно-общинными отношениями. Очевидно многие казахские выпускники, не имевшие опыта частной деятельности, пополняли ряды чиновничества.

Однако уже в начале XX века появилась пока незначительная группа частных поверенных, т.е. юристов, специализировавшихся на индивидуальных консультациях. Тому примером может быть деятельность университетских выпускников А. Турлубаева, Ж. Акпаева и других.

В других производственных нишах медицине, учительстве, канцелярской работе дипломированные выпускники предпочитали городской сектор. В их практической деятельности отчетливо проявилась элитарная ментальность граждан, ориентированных на привилегированную роль государства.

Индивидуально-личностное начало казахских общинников, согласно выработанным веками общественным традициям, изначально подчинялось требованиям коллективного большинства во имя блага всех членов патриархальной семьи. Формировавшиеся индивидуально в иной городской среде казахские студенты преломляли свое сознание, реально оценивая собственные возможности, показателем которых, пожалуй, был длительный путь их совершенства. Но при сложившихся обстоятельствах трафаретной модели начальной стадии применения собственных умений и знаний выпускники должны были учитывать право их успешной карьеры в государственном секторе при соблюдении контролируемых государством общественных нормативов и этических ценностей.

В ракурсе исследования истории формирования казахского студенческого контингента представляет интерес динамика изменения численности казахских студентов по временным периодам. Безусловно, одним из показателей численности учащихся оставались стипендиальные квоты, которые фактически не изменялись, функционируя в единичных вариациях на территории областей. В среднем период обучения в российских университетах составлял 5 лет, поэтому стипендиальная квота логично подвергалась распределению через аналогичный календарный срок. В реальности, по объективным причинам, процедура обучения стипендиатов затягивалась. Этот фактор вносил изменения в сюжет последовательности формирования студенчества. В приведенной таблице отражена динамика характеристики изменений количественного потенциала казахского студенчества в университетах.

Таблица 7 – Количественное соотношение казахского студенчества по хронологии с 80-х годов XIX века до 1917 года [93]

Университет	Хронологический период	Численность студентов	Хронологический период	Численность студентов	Хронологический период	Численность студентов
Санкт-Петербургский университет	70-90-е годы XIX века - нач. XX века	7	90-е годы XIX века - нач. XX века	10	1905-1917 годы.	3
Казанский университет		4		11		15
Саратовский университет						6
Томский университет				1		6

Как видно из нашей таблицы, количество казахских студентов в 4 университетах изменялось на рубеже XIX-XX веков. Если в 70-90-е годы XIX века казахских студентов было всего 11, то в последующий период они составляли 22 человека, а с 1905 до 1917 года их численность составила 30 человек. Таким образом, сравнительный анализ численности студентов показывает, что их количество в период 70-х годов – начала XX века увеличивается в 2 раза с предыдущим, а 1905 года увеличивается с предыдущим в 1,4 раза.

Заметное увеличение казахского студенчества мы объясняем следующим. Во-первых, агитационной компанией в лице казахских служащих и национальных периодических изданий, в частности, «Казах», «Тургайская газета», «Особые «Прибавления» Акмолинским ведомостям»; во-вторых, положительным влиянием примером роста казахских служащих; в-третьих, возрастающим национально-демократическим движением казахов, пробуждавшим национальное самосознание и потребность представителей народа в дальнейшем совершенствовании.

Анализ таблицы показывает незначительную численность студентов в начальный период 70-90-х годов XIX века. В данное время в областях только организовывалась имперская модель обучения, составляющей которой были учительские семинарии и гимназии. Прием казахских учеников в указанные

учебные заведения фиксируется с периода начала 70-х годов XIX века. В данное время в этих училищах формировалась первая группа казахских учеников, значительная часть из которых ограничивалась полученным образованием и останавливалась на достигнутом, реализовывая свой потенциал в различных сферах. В последующие годы фиксируется изменение численности учащихся. Традиционно количественное большинство сохранялось в Санкт-Петербургском и Казанском университетах. Данные университеты в восприятии казахов сохраняли свою привлекательность по статусности обозначенных городов. Немаловажную роль играла система коммуникационных отношений. На наибольшем расстоянии от этнотерритории казахов располагался Томск. Этот фактор учитывался абитуриентами в выборе учебных заведений. В казахской среде в хронологическое время XIX века создаются наследственные династии, представители которых обучались в университетах. Интерес к обучению у молодых людей создавался под впечатлением карьеры их отцов, обязательным атрибутом совершенства которых считался университетский диплом.

Параллельно в начале XX века складывается процедура преемственности обучения в университетах. Определенная разница между членами семьи заключалась в выборе учебного заведения. Так, студент Аббас Сейдалин стремился получить специальность в Санкт-Петербургском университете. Его отец Жансултан Сейдалин окончил Санкт-Петербургский университет [101, л.2]. Представители казахской общественности осознавали необходимость получения высшего образования молодежью. Дороговизна обучения оставалась одним из главных препятствий в обучении казахских студентов. Процедуру обучения в коммерческой форме, т.е. «своекоштно» выбирали немногие. На подобную форму обучения претендовали выходцы из имущественно обеспеченных семей.

В данном ракурсе примечательно сохранение разноуровневого социального состава казахского студенчества. Изначально потенциальной публикой восприятия новационных направлений были представители аристократических семей. По аналогии с началом XIX века власти, прежде всего, апеллировали к знатным сословиям с целью привлечения их представителей в кадетские корпуса. Данная ситуация получила свое подтверждение к моменту открытия гимназий и как следствие этого – привлечения к обучению в них молодых казахов. Надобности в реализации подобной миссии привлекательности университетского образования в казахском обществе и в частности в султанстве последней четверти XIX века не существовало, так как казахи отчетливо ощущали ее необходимость.

Мотивация выбора длительного обучения по светской имперской модели и ее составляющей – университетского образования казахскими аристократами в ряду общих причин определялась их стремлением к сохранению статусности престижного положения в обществе. Управленческие реформы изменили структуру организации властных отношений в крае. Сословная принадлежность к страте чингизидов и ряда престижных групп определяло

положение ее представителей в выработанной веками схеме властных отношений в вертикали соподчинения. По сути, на протяжении XIX столетия казахская знать постепенно лишалась привилегированной статусности в казахском народе вследствие имперского вмешательства.

Но именно аристократы и лидирующие слои «черной кости», чутко реагирующие на ломку привычных отношений, акцентировали перспективы в системе образования, с целью сохранения утрачиваемой статусности. Результативность действий высшесловных семей и их конкретных представителей проявлялась в уровне материального положения, финансовой обеспеченности и ролевой функции в иерархии власти. Казахские аристократические семьи в системе общественных отношений исторического сюжета XIX начала XX века являли пример гибкой адаптации к меняющимся реалиям. Методы физического сопротивления в системе противодействия мощной имперской государственности и аграрно-кочевой цивилизации продемонстрировали недостаточность ресурсов защиты сословных и национальных интересов казахской знати. Поставленные на грань выбора дальнейшего совершенства, т.е. принятия или отрицания доминирующих форм имперской государственности, клановые вожди находились перед дилеммой восприятия и сочетания восточной и европейско-русской цивилизации.

Культивируемое в данных семьях проявление комплиментарности к различным формам государственности – имперско-монархической и традиционно кочевой с присущими абсолютно разными культурами предопределило востребованность их представителей в общественно-государственных процессах. Казахские султаны активно включались в образовательную сферу и составили костяк национального студенчества университетов. Творческое совершенство казахских феодальных семей стало побудительным мотивом стремления к первенствующему положению выходцев из приближенных к аристократам сословий. В XIX веке усилилась межпартийная борьба между родами за занятие должностей волостных управителей. Впоследствии студенческий контингент продолжал пополняться выходцами из рядовых слоев общества. В следующей таблице отражена социальная структура казахского студенчества:

Таблица 8 – Социальная структура казахских студентов [83]

Университеты	Численность студентов	Численность лиц султанского сословия	Фамилия Султанов
Санкт-Петербургский университет	20	7	Селим-Герей Нуралиханов, Жиганшах Сейдалин, Аббас Темиров, Искандер Газы Вали-Хан, Аббас Сейдалин, Селим-Гирей Джантурин, Бахытжан Каратаев
Казанский университет	30	8	Асадулла Идигин, Магзум Каратаев, Аубакир Алдияров,

			Галиахмет Арунгазыев, Мухамед Газы Чугаев, Султанбек Мангельдин, Нурмухамед Алдияров, Сейлбек Джантурин
--	--	--	---

Продолжение таблицы 8

Саратовский университет	6		
Томский университет	7		

Как показывают данные таблицы, численность лиц султанского сословия от общего количества казахских студентов составляло 24% или 15 человек. Соответствующий показатель позволяет сделать ряд выводов: во-первых, удельный вес лиц султанского сословия оставался высоким; во-вторых, наряду с султанами в университетах обучались представители других социальных групп, что являлось показателем значительного престижа высшего образования в казахском обществе.

В отдаленной от городов национальной казахской среде сохранялись функционировавшие веками нормы родоплеменных, межсоциальных отношений. Понятие фамильно-сословной чести отражалось в формах поведения представителей элитных слоев общества. В условиях городской среды, сконцентрированные в немногочисленных училищах, казахские юноши преодолевали вековые нормативы социальной отчужденности, вырабатывая новые виды отношений на фоне этнической идентичности. Впоследствии именно эта категория европейски-образованных граждан инициировала идеи национальной государственности с дальнейшим отрицанием родоплеменных противоречий, что вполне логично на перспективу должно было стать их обоснованием постепенной ликвидации традиционных форм кланового влияния в общественной сфере. Данные противоречия являлись объектом критики мыслителя А. Кунанбаева.

Негативный резонанс кланово-фамильной борьбы формировался в сознании казахских студентов, впитывавших ауру больших городов с этномозаичным населением, подчиненным унифицированной системе государственного управления.

На сохранившихся групповых фотографиях казахских студентов прослеживается визуально их стремление к взаимному единству. Узы студенческой дружбы проецировались в комплиментарные творчески-деловые связи. Поколению рубежа XIX-XX веков впоследствии выпала доля преобразовательной деятельности в политических событиях 1917 года и последующих годов. Именно в городской среде стационарных центров на примере видоизменяющихся общественных отношений русско-европейского сообщества под воздействием капитализации экономики и частнособственнической психологии развивающегося рынка отрицающего

социально-родовые противоречия, формировалась новая психология казахских студентов. Наглядным примером их совершенства являлись биографии И. Алтынсарина, Б. Утетлеуова и ряда других казахских интеллигентов, придерживавшихся критериев оценивания персональных данных по индикаторам делового подхода.

Существенным элементом социализации казахов являлось их первоначальное образование. В независимости от социально-имущественного статуса большинство из них имели уровень гимназического образования и фактически по образовательному уровню соответствовали приемлемым интеллектуальным базовым стандартам. Степень владения русским языком у данной категории была высокой. Семейно-генеалогические признаки их происхождения в индивидуально-творческом общении училищ и университетов не имели той существенной роли, как например, в период начала XIX века, когда проводилась административно-агитационная работа по привлечению юношей в кадетские корпуса. В соответствующее время проникновения имперской власти в области и постепенного укрепления ее влияния учитывалась ролевая функция престижных казахских фамилий и как следствие состояние их представителей в кадетских училищах и на службе, что нашло свое подтверждение в государственной переписке с акцентом на учет данных обстоятельств со стороны администрации.

С конца XIX века реалии политической ситуации существенно изменились. Выделенные казахские области ассоциировались властью как законные территориальные сегменты империи и поэтому наличие казахских аристократов в училищах и университетах, по сути, воспринимались как приемлемый норматив. Очевидно, административные структуры отмечали данную тенденцию, сложившуюся вследствие социальной трансформации казахского народа. Примечательно, что из обширного реестра исследованных училищ, то есть семинарий, ремесленных школ, реальных школ, технических заведений, 2-х классовых и 5-классных школ, гимназий Казахстана и близлежащих школ Приуралья, Поволжья, Сибири, Туркестана казахские султаны преобладали в гимназиях. Закономерна их концентрация в университетах России, сложившаяся вследствие многих причин.

Итак, количественная характеристика и областной состав казахского студенчества формировались под влиянием значительной группы факторов. Территориальная близость университетских центров к северо-западным областям предопределила доминирующее участие уроженцев Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской областей и Букеевской Орды в казахском студенчестве. Длительная процедура реформирования системы управления способствовала формированию мотивации достижения лидерства представителями ведущих социальных групп, составлявших высокий удельный вес на престижных факультетах. В целом университетская модель обучения носила привлекательный характер для казахской молодежи.

1.2 Специализация казахского студенчества

Мобилизованные в условиях реорганизации национальной структуры аристократические фамилии на достижение карьерного результата стремились занять и занимали те социальные ниши, которые должны были обусловить их достойный уровень жизни и стартовые условия продвижения в иерархии социальных отношений. Административный корпус на уровне волостного начальства формировался выходцами из знатных семей. В данный период в казахском народе складывается слой управленческих династий формировавшихся из ведущих фамилий. Впоследствии во второй половине XIX-начало XX века создавались наследственные казахские чиновничьи семьи, основой которых были служащие знатного происхождения. Как правило, показательный пример отцов активизировал действия их детей.

Ниже в таблице показана характеристика служебного статуса родителей казахских студентов:

Таблица 9 – Профессиональная характеристика казахских управленцев (вторая половина XIX века) [83]

Университеты	Ф.И.О. студента	Социальное происхождение	Служебный статус отца
Санкт-Петербургский университет	Нуралиханов Селим-Гирей	султан	Нуралиханов Зулкарнай, депутат средней дистанции Внутренней Орды, хорунжий
	Сейдалин Жиганшах	султан	Сейдалин Альмухамед статский советник, судья
	Темиров Аббас	султан	Темиров Абдулла, статский советник, судья
	Ниязов Батыр-Хаир	-	Юсуп Ниязов, войсковой старшина
	Каратаев Бахытжан	султан	
	Сейдалин Аббас	султан	Джансултан Сейдалин, член Троицкого окружного суда
	Ниязов Мирахмед	-	Юсуф Ниязов, отставной войсковой старшина.
	Джантурин Селим-Гирей	султан	Джантурин Сейтхан, войсковой старшина
	Валихан Искандер Газы	султан	
Казанский университет	Беремжанов Ахмед	-	Беремжанов Курганбек, помощник Тургайского уездного начальника
	Идигин Асадулла	султан	

	Алдияров Аубакир	султан	Алдияров Бермухамед, почетный гражданин правитель Сарайской волости. Тургайск. обл.
Продолжение таблицы 9			
	Каратаев Магзум	султан	
	Арынгазыев Галиахмет	султан	
	Чутаев Мухаметказы	султан	Чутаев Казыгерей, учитель
	Мангельдин Султанбек Алдабекович	султан	Мангельдин Алдибек, чиновник
	Алдияров Нурмухамед	султан	Алдияров Каумен, обер- офицер, сотник.
Томский университет	Джантурин Сеилбек	султан	Джантурин Мейрамбек, уездный начальник
	Сеитов Асылбек	-	Джуман Сеитов служащий канцелярии

Как показывают данные нашей таблицы, по обнаруженным источникам, у 10-х казахских студентов султанского происхождения из 15-ти отцы были задействованы на государственной службе. К султанскому сословию не относились 4 студента, при этом их родители занимали административные должности в системе управления. Проведенный анализ позволяет сделать ряд заключений: во-первых, у 14 студентов или 22% от 63 исследованных родители работали в государственных структурах, причем подавляющее большинство из них оказались задействованы на административной работе; во-вторых, в казахском студенчестве продолжалось увеличение численности выходцев из семей, не имевших отношения к государственным структурам.

Более того, из нашей таблицы видно, что из 14 служащих 10 относились к султанскому сословию, что составляло 71 %. Это свидетельствует о том, что несмотря на юридическое уравнивание лиц султанского сословия с другими социальными группами по инерции значительную часть государственных должностей занимали потомки чингизидов.

В приведенной таблице четко отражена тенденция включения национальной знати в имперские сегменты управления. Из среды элитных сословий в исследованных документах не было представителей учительских и медицинских групп вплоть до начала XIX века. В начальное время функционирования государственной модели обучения выходцы из знати пополняли административный корпус.

Отсутствие или единичное представительство в профессиональных группах учителей, врачей, ветеринаров, инженеров, техников и т.д. членов из знатной среды во многом объяснялось традициями воспитания с ориентацией

на развитие лидерских качеств, востребованных в управлении коллективами. Перечисленные виды деятельности являлись прерогативой представителей других групп и зачастую базовые познания в этих сферах передавались по наследству. В хрониках, научных исследованиях и мифологии не встречается сведений о владении представителями знатных сословий тайн врачебного искусства или учительского мастерства. Некоторые звенья профессиональных групп отсутствовали в казахском народе по глобальной причине неразвитости соответствующих форм производства, например инженерного мастерства или железнодорожного транспорта.

Государственные виды деятельности, в частности, европейские медицина, учительство и ряд других только внедрялись в повседневную жизнь казахов с периода середины XIX века. Эти профессии по факту их локализации в стационарных центрах в ряде областей не конкурировали с традиционными видами деятельности казахского общества. Созданные в областях медицинские учреждения владели удручающее состояние по воспоминаниям современников и очевидно не производили должного положительного впечатления на казахскую знать. Поэтому вплоть до периода 70-90 годов XIX века уважающие свой фамильный статус казахские представители из служебных династий стремились в управленческие звенья.

Визуально аристократ в ипостаси канцелярского клерка, торговца или фельдшера не вписывался в картину восприятия народных масс. Общественное мнение аграрно-кочевой стихии определяло алгоритм действий выходцев из знати и являлось индикатором их социального положения. При этом встречались эпизодические примеры нарушения этой традиции. Ярким показателем социальной метаморфозы являлся творческий путь И.Алтынсарина. В заключительной фазе своей производственной деятельности он в течение длительного времени ассоциировался, во мнении казахской среды, как один из основных организаторов всей системы народного образования в Тургайской области и в структурной вертикали находился на недостижимой вершине для многих аристократов и чиновников.

В данном ракурсе представляет интерес анализ выбора казахскими юношами факультетов и специальностей. Казахские учащиеся ориентировались на те специальности познания, в которых обеспечивали в их представлении нормальное существование в отдаленной перспективе. Вряд ли ими или их родителями разрабатывалась стратегия финансового обогащения по факту наличия диплома. Данный показатель казался весьма туманным при фиксированных окладах служащих. Юноши апеллировали, прежде всего, к востребованности конкретной профессии в принципе, применительно к условиям и к особенностям жизни на этнотерритории расселения казахов.

И все-таки казахских выходцев из типичной аульной глубинки оказалось немного. Большинство юношей, выросших вблизи волостных или уездных станций, рассчитывали на замещение вакантной производственной ниши на территории своего родового удела. В соответствии с собственными запросами и возможно с социальным заказом высокопоставленных родителей часть

студентов трезво оценивали собственный потенциал, рассчитывая на службу в городском секторе. В городах концентрировались канцелярские учреждения. Прежде всего, это были города, располагавшиеся в зоне Степных областей и Туркестана, т.е. территорий областного проживания казахов. В приведенной таблице показано распределение казахских студентов по факультетам

Таблица 10 – Распределение казахских студентов по факультетам [83]

Университеты	Численность казахских студентов по факультетам				
	юридический	востоковедение	физико-математический	медицинский	др.
Санкт-Петербургский университет	15	4	1		
Казанский университет	18			12	
Саратовский университет				6	
Томский университет	4			3	
	37	4	1	21	

Как видно из нашей таблицы, абсолютное большинство молодых казахов выбрали юридические специальности. Таковых мы насчитали 37 человек или 59%, от всех студентов университетов. Данное обстоятельство мы склонны объяснить следующим: в условиях давления колониальных властей родители желали предоставить своим потомкам право образования с целью обеспечения ими в перспективе своей квалифицированной защиты; во-вторых, в связи с незнанием казахского языка подавляющему большинству юристов, судей следователей существовала необходимость подготовки национальных специалистов с юридической подготовкой. В-третьих, финансовый оклад работников с юридическим образованием в правовых структурах был выше в отличие от представителей других профессий

По выявленным данным вполне логичен вывод о минимуме казахских студентов на технических специальностях, то есть физико-математическом факультете. За весь период функционирования подобных специальностей в исследованных университетах обучалось небольшое количество казахов. Из числа казахских студентов выявлен С.-Г. Джантурин. На физмате Казанского университета обучался А.Нурмухамедов. Впоследствии он перевелся на юридический факультет [102, л.10].

Физико-математические и приближенные к ним технико-точные дисциплины не получили тотально-массового распространения в казахском народе в отличие от гуманитарно-социальных наук. В крае сохранялось

отсутствие или слаборазвитость индустриальной сети, что и не подразумевало большой востребованности в инженерно-технических кадрах.

Дефицит технических кадров восполнялся командированием в край специалистов из европейской части России. Конкуренция приезжим квалифицированным фактически отсутствовала. Подобная практика притока специалистов сохранялась в советское время.

В большинстве училищах преподавались начальные азы математических дисциплин. Это накладывало дополнительные трудности для усвоения технической базы. Перспективное функционирование технических школ создавало дополнительные трудности для социального бюджета в содержании специальных мастерских и прочей материально-технической базы. Целевая задача действия подобных школ актуализировала проблему выполнения цикла условий, сопряженных с поиском подготовленных кадров, организацией учебных практик, обновления технического оборудования.

В служебных записках чиновников краевого образования акцентировались объективные трудности реализации данного проекта [103, л.5]. Характерно, что в Омске для обеспечения потребностей действовавшей сибирской железной дороги в 80-е годы XIX века начинает работу местное механико-техническое училище. По мнению инспекционной комиссии, училище отставало от необходимых нормативов по качеству технического парка. За весь период работы этого училища в его стенах обучалось чуть более 10 казахских юношей [102]. Выпускник этой школы А.Букейханов продолжил свое обучение в Санкт-Петербургском лесотехническом институте. Аналогичные перспективы имел его сотоварищ по школе Д. Сатыбалдин, который не воспользовался шансом по ряду причин. Судьба некоторых выпускников-техников Омской школы неизвестна. В то же время А. Букейханов работал статистом в научных экспедициях начала XX века. Упомянутый выше С.-Г. Джантурин состоялся в качестве служащего в Уфимской земской управе.

Незначительное казахское меньшинство сохранялось и на филологических факультетах, в частности на факультете восточных языков. Изучение восточных языков, особенно в научных кругах, имело свой престиж. В политической доктрине государства доминировала идеология сохранения имперского влияния в Средней Азии и близлежащем восточном приграничье. Российские ученые-ориентологи создали научно-методическую базу для развития подобных специальностей и факультетов. В период создания военных корпусов казахских кадетов с учетом их тюрко-лингвистической базы направляли в так называемые азиатские эскадроны с углубленным изучением тюркских, персидских и арабских языков.

Специфика факультета восточных языков подразумевала подготовку профессионалов, перспектива которых заключалась в деятельности в силовых структурах, научных учреждениях, дипломатических миссиях и в переводческой сфере. Данные факультеты сохраняли свою значимость в реализации государственных запросов в подготовке востребованных кадров. Российские наблюдатели отмечали развитие у казахов до совершенства

наблюдательности, словесного искусства, всех видов памяти, богатства народной литературы. Специалист по хозяйству казахов Я.Я.Полферов отмечал: «Он (казак, примечание автора) любознателен, восприимчив, ценит науку и любит поэзию» [104, с.7].

Казахский язык лингвистически сохранял свою близость к восточным языкам. Соответствующий фактор существенно облегчал изучение целой серии восточных языков казахскими студентами. Арабский и персидский языки не воспринимались казахами как абсолютно чуждые по наличию идентичных моментов, проявлявшихся в значении определенных терминов, имен и прочих социально-бытовых определений, постепенно импортируемых в казахскую среду в течение длительного времени под влиянием распространения ислама, научного прогресса и развивавшихся коммуникационных связей.

Два наиболее культурных центра исследования восточных культур располагались в Казани и Санкт-Петербурге. По выявленным исследованиям на факультете Восточных языков обучалось несколько казахских студентов. Практическая реализация применения знаний дипломированными специалистами предполагалась в переводческой сфере административно-территориальных учреждений. Все получившие известность казахские служащие специализировались на знании восточных языков, неоднократно участвуя в миссии переводчиков при различных обстоятельствах. Тому показательными были примеры казахских офицеров, неоднократно востребованных в казахских депутациях, среднеазиатских посольствах и дипломатических акциях к императорскому дому. Тем выразительнее ощущалось ими и их последователями впечатление от достигнутого успеха.

На протяжении XIX века в регионе складывалась практика подготовки переводчиков в узкой сфере казахского и русского языков. Налиествовавшие краевые школы пополняли группу национальных переводчиков, задействованных на разных уровнях. Знавшие русский язык казахские студенты предпочитали иную альтернативу своего совершенства. По окончании университетов практически никто из них не работал в переводческой сфере, реализовывая свои данные по профессиональным параметрам или в управленческих структурах. Билингвические данные предопределили выбор для обучения студентами восточных языков. В гимназический период студенты изучали классические языки. В реестре иностранных языков преобладали европейские, в частности, французский. Очевидно, выбор этих факультетов носил осознанный характер. Основная группа студентов-филологов обучалась в столичном университете. Это Кульманов, Сыртланов, Алиев [105]. Обучаясь на факультете восточных языков, Кульманов выучил татарский, арабский, турецкий, персидские языки. Университетская комиссия в 1888 году посчитала его достойным степени кандидата наук [106, с.32]. Самый ранний период поступления и обучения на данный факультет зафиксирован в 1877 году, когда абитуриент Кульманов выбрал профессию знатока восточных языков.

В конце 80-х начале- 90-х годов XIX века на данном факультете учились Сыртланов и Султангазин. На рубеже XIX- XX веков в числе студентов этого

подразделения состоял Алиев. В предреволюционное время учащимся по этой специальности числился Темиров. Примечательно, что Султангазин впоследствии закончил юридический факультет. Получение двойного диплома было редкостным явлением в среде образованных по университетским стандартам казахов. Выбирая дополнительно юридическое образование, Султангазин исходил из значимости правового диплома, применение которого несло определенные выгоды для его обладателя.

Казахи обучались на медицинских факультетах. Медицинское искусство в заданных европейских стандартах внедрялось в городской зоне и на близлежащих территориях. Врачебно-фельдшерская сеть областей унифицировалась в процессе утверждения имперских институтов управления и, прежде всего, рассчитывалась на переселенческую публику. Мигрировавшие из центральных областей специалисты лингвистически были далеки от местной этнической среды. Преломление мировосприятия казахской молодежи происходило под влиянием нравственного воздействия состоявшихся учителей, ратовавших за подготовку национальных врачебных кадров. Общее количество получивших образование в исследованных университетах врачей-казахов составило 21 человек [83]. Социальный состав студентов-врачей оказался неоднородным. В числе врачей были незначительно представлены представители султанства или других знатных фамилий. Так, Алдияров являлся выходцем из султанской семьи [107, л.13]. В категории медиков он являлся одним из немногих султанов-чингизидов по крови. На медицинском факультете Казанского университета обучался Нурмухамед Сардарович Айчуваков. Айчуваков окончил Оренбургскую гимназию и подобно другим султанам имел сильную мотивацию в выборе специальности управленца. Однако он, как и султан Тургайской области Алдияров, поступил на врачебную специальность. Айчуваков являлся уроженцем Уральской области [108, л.3]. Айчуваков имел основания подобно землякам уральцам к обучению в Уральском реальном училище с последующим зачислением в Саратовский университет. Руководствуясь другими причинами, Айчуваков гимназическое образование получил в Оренбурге. Выпускник медицинского факультета Томского университета Асылбек Сеитов оказался востребованным как специалист-врач.

Наиболее высокая численность казахских студентов медицинских факультетов зафиксирована в Казанском университете. По медицинскому профилю обучались в Казанском университете -12, в Саратовском-6, в Томском 3 студентов [83]. Врачи изначально ориентировались на служебную деятельность в медицинских учреждениях, рассредоточенных в провинции. Медицинская сфера в отдаленных от городов сельских пунктах при всеобщей слабой развитости социального сектора страдала от дефицита врачебных кадров. Данным фактором руководствовались юноши при выборе специальности. Процесс подготовки квалифицированных врачей начался гораздо позже в отличие от категории переводчиков или учителей. На конец XIX – начало XX века в городах функционировала группа переводчиков,

пополняемых выпускниками школ. Немногочисленный слой национальной группы учительства в городах формировался медленно. За всю историю функционирования врачебно-фельдшерского казахского корпуса только единицы из них состоялись в городах.

В Тургайской области большой популярностью обладал М.Карабаев, получивший распределение в один из уездных городов. Большинство казахских медицинских специалистов состоялись в провинции. В числе названных специалистов известны Алдияров, Айчуваков, Айтбакин [83]. Параллельно с перечисленными учебными заведениями в империи существовал ряд других университетов, специализировавшихся на подготовке медиков. В стенах Санкт-Петербургского военно-медицинского университета получили образование Х.Досмухамедов, А.Кутебаров, Н.Имагамбетов [105]. Основная масса врачей группировалась в 4-х исследованных университетах. При Саратовском университете действовал ускоренный курс медицинского факультета. Сравнительный анализ количества студентов на факультетах показывает, что студенты-медики находились на втором месте после студентов-юристов. Данное обстоятельство объясняется следующим: во-первых, признанием многими казахами европейской медицины; во-вторых, повышением социального статуса специалистов-медиков; в-третьих, наличием гарантированного финансового обеспечения.

Врачи осознавали фактор отсутствия реальной конкуренции в провинции по причине дефицита или нежелания перевода русских специалистов. С дипломированными выпускниками конкурировали местные знахари-баксы, врачующая роль, которых бесспорно признавалась казахским большинством. Содержание традиционного штата не требовало финансового обеспечения и затрат со стороны общества. Однако уже в XIX веке значительная часть казахского населения начинает признавать результаты официальной медицины. Положительный эффект воздействия во многом определялся с индивидуальным режимом работы врачей и их помощников – фельдшеров, санитаров, повивальных бабок, оспопрививателей и других.

В истории подготовки медицинских национальных кадров редко практиковался метод повышения квалификации. Эта закономерность прослеживалась в территориальных рамках империи по всем национальным профессиональным группам. В данном аспекте показателен поступок Батыргалия Юсупгалиева, зачисленного в 1911 году в Саратовский университет на медфак. «Обучавшему первоначально в Ханском-Ставочном городском четырехклассном училище и имеющему документ на звание фельдшера» Юсупгалиеву было выдано «свидетельство» [109]. Впоследствии он окончил Астраханскую гимназию. Юсупгалиев мотивировал свое решение востребованностью в получении медицинского образования. Какие-либо другие учебные заведения, оконченные им в документах, не прослеживаются. Теоретически выпускники гимназии не специализировались в медицине и, вероятно, не имели права работать в данной социальной сфере. Это правило подверглось нарушению по тривиальной причине дефицита докторов в волости

замещенных светско-образованным гимназистом.

Результативная деятельность медицинских работников базировалась на фундаментальном университетском образовании. В гимназический период учащиеся штудировали классические дисциплины – греческий и латинский языки. Познания в данных языках, прежде всего, оказались необходимы при освоении медицинских и правовых знаний.

Для поступления на медицинский факультет существовала потребность знания латинского языка. По существовавшему положению о зачислении каждый студент медфака обязывался «выдержать испытания» по латинскому языку в течение первого года пребывания в университете [110]. В 80-90 годах XIX века фиксировалось снижение успеваемости казахских юношей в школах по отчетной статистике. С целью предотвращения подобного ухудшения ситуации впоследствии правительством 11 апреля 1869 года вводятся законы об освобождении казахских учащихся от обязательного изучения классического языка [111, л.80]. Многие учащиеся отказались от введенной льготы, осознанно претендуя на изучение классики с целью поступления по профилю необходимости выделенных языков.

Определенные закономерности прослеживаются в качестве доуниверситетского обучения студентов медицинского факультета Саратовского университета. Общее количество студентов на медицинском факультете по выявленной документации составляло 6 человек. Причем 3 из них являлись уроженцами Уральской области и 3 выходцами из Букеевской Орды [110]. Таким образом, представители западных регионов этнотерритории казахов предпочитали обучение географически близком Саратове.

Эти студенты обучались в университете в разное время и представляли зачастую разные уезды и волости. Поэтому контакты между ними в университетский период, как и у многих казахских студентов других университетов, вероятно, отсутствовали. Из 6 студентов только двое окончили Астраханскую гимназию - Ниязов и Юсупгалиев. Курс обучения в гимназиях длился 8 лет с обязательным изучением латинского языка, который оказался востребованным в университете по специальности. Студенты Исенгулов, Бийсенов, Шугумов, Касабулатов окончили Уральское войсковое реальное училище [110]. Курс обучения в училище составлял 7 лет. При этом вышеуказанные ученики обязательно заканчивали так называемый «дополнительный» класс. Впоследствии выпускники училища подвергались экзаменационным испытаниям по латинскому языку при Оренбургском учебном округе в объеме знаний 8-ми классов [110]. Важнейший фактор зачисления в университет, заключавшийся в знании латинского языка, оставался неизменным. В данном случае казахские учащиеся проявляли перспективный расчет сложившейся ситуации. Лишенные возможности обучения в престижных близлежащих центрах Астраханской и Оренбургской гимназиях, они стремились на стипендиальные квоты в Уральское реальное училище. Обязательная программа обучения в войсковом училище в дополнительном классе соответствовала гимназическому курсу.

В данном аспекте примечателен анализ качества успеваемости учеников этого училища Бийсенова, Касабулатова и Исенгулова по сохранившимся выпускным аттестатам. Они поступили в училище в разное время. Так, Бийсенов был зачислен в училище в 1901 году, Исенгулов и Касабулатов поступили в 1903 году. Все трое перечисленные ученики окончили училище в 1909 году и очевидно являлись одноклассниками [110]. Данный фактор традиционно играл положительную роль в сложившейся системе взаимопомощи казахских учащихся. В приведенной таблице показаны результаты окончательных испытаний выпускников училища.

Таблица 11 – Результаты выпускных экзаменов казахских выпускников [110]

Предмет	Ф.И.О.		
	<i>Бийсенов</i>	<i>Исенгулов</i>	<i>Касабулатов</i>
	Результат	Результат	Результат
Физика	удовл.	удовл.	удовл.
Рисование	хор.	хор.	хор.
Черчение	хор.	хор.	хор.
Русский язык	удовл.	удовл.	удовл.
Немецкий язык	удовл.	хор.	удовл.
Французский язык	удовл.	хор.	хор.
Арифметика	удовл.	хор.	хор.
Алгебра	удовл.	хор.	удовл.
Геометрия	хор.	хор.	хор.
Тригонометрия	удовл.	хор.	хор.
История	хор.	хор.	хор.
География	отл.	хор.	отл.
Естествознание	хор.	хор.	удовл.

Как показывают данные нашей таблицы, качество результатов демонстрирует сносную подготовленность учащихся к обучению в университет. При этом процент положительных результатов на «хорошо» и «отлично» у Бийсенова составил 50%, Исенгулова 100%, Касабулатова 75%.

Общий положительный результат исследованные учащиеся показали по таким дисциплинам, как «Геометрия», «История», «География», «Рисование», «Черчение». Учащиеся Исенгулов и Касабулатов показали хорошую успеваемость по «Французскому языку», «Арифметике», «Тригонометрии». Таким образом, эти учащиеся в значительном объеме усвоили технические дисциплины, ориентированные на применение полученных знаний в будущем. При этом следует отметить, что казахские учащиеся в технических школах числилось меньше в сравнении с гимназиями и учительскими семинариями. Данный фактор во многом связан с отсутствием индустриально-промышленной базы в регионах. Вчерашние аграрии в лице казахских учащихся ориентировались на дисциплины социального цикла, которые по своей

содержательной сути и принципам усвоения оказались близки ментальности казахов с элементами созерцательности, образного представления и поэтики чувств.

Медицинский сектор с присущими сегментами физиологических предметов в большей степени оказался близок студентам реального училища. Примечательны результаты испытаний познаний учащихся в языках. По итоговым данным они показали положительную динамику в знании иностранных, т.е в немецком и французском языках. Эти языки исторически оказались созданными на базе латинского языка. Характерно быстрое усвоение этих дисциплин казахами, осознавшими перспективу экзамена по латыни. Исторический опыт их предшественников и, безусловно, консультации старших товарищей способствовали алгоритму действия учеников. Из всех перечисленных дисциплин студенты легче усваивали «Русский язык». Данный язык оставался языком общения в городской учебный период. Без познания в этом языке осложнялась социализация казахов. Казахские ученики ограничивались владением русского языка, эффективно распределяя свои возможности и время на изучение других востребованных предметов. Аналогичная закономерность прослеживалась в действиях многих казахских учеников, демонстрировавших великолепные знания по другим наукам. Согласно свидетельствам об окончании училищ выпускники имели право поступления в университеты.

Полный курс программного изучения на медицинском факультете включал 27 медицинских дисциплин. Анализ качества успеваемости студентов медицинского факультета свидетельствует об их удовлетворительных успехах. По существовавшим стандартам при познании медицинских предметов в учебном процессе сочетались теоретические знания с практическими лабораторными занятиями. Изучение непривычных дисциплин усложняло процедуру обучения казахских студентов. В частности, Бийсенов и Исенгулов одновременно сдавали экзамен по латинскому языку в знании строго отдельного предмета гимназического курса. Данная процедура носила обязательный характер на основании циркулярного распоряжения Министра Народного Просвещения от 13 июня 1908 года [112, л.416]. Таким образом, на правительственном уровне соответствующая проблема касательно заполнения студенческого контингента выпускниками школ получила свое решение.

По документации общих сведений о выпускниках гимназии, Бийсенов и Исенгулов зафиксированы в качестве выпускников Оренбургской гимназии [112, л.415]. Очевидно, при данной гимназии бывшие учащиеся реального училища изучали латинский язык. И все же большинство казахских студентов медицинского факультета окончили университет по специальности «лекарь».

И если на престижные правовые специальности юноши зачастую зачислялись под впечатлением конъюнктуры, выгоды, карьеры, то вероятный выбор врачебной сферы диктовался их личной склонностью к медицине и желанием выражения гражданской позиции оказании помощи обществу в условиях предрассудков.

Медицинско-фельдшерские кадры готовились в фельдшерских школах, расположенных в городах Приуралья и Сибири. Большинство исследованных нами казахских врачей и фельдшеров не повышали свою квалификацию в университетах. Характерно, что при дефиците врачей фельдшеры фактически выполняли обязанности врачей в провинциальной глубинке.

Казахские юноши обучались на юридических факультетах. Общее количество казахских студентов-юристов составляло 30 человек в исследованных университетах. Юридическая специальность сохраняла свою популярность во второй половине XIX -начала XX века. В казахском обществе параллельно функционировало традиционное судопроизводство и имперская законодательная система. Исторически правовая сфера в казахском социуме являлась прерогативой знатоков обычного права – биев. Сложная процедура судопроизводства обеспечивала институт наличия профессиональных судей, становившихся таковыми по факту получения знаний. У казахов, равно как и у всех тюркских народов, существовала самобытная модель подготовки кадров, основанная на знании незыблемых нормативов, сочетания смежных правовых систем, контактировавших в локальной зоне родовых коллективов, владения ораторским искусством и соответствием четко установленным образцам поведения.

В исторической мифологии сохранились многочисленные факты делегирования обществом юридических полномочий выходцам из различных сословий по соответствию обозначенных выше критериев. От биев требовалась повышенная самооценка в выборе принимаемого решения. Ведущие политические вожди эпохи прошлого стремились к получению судебновластных полномочий. На фундаментальность народного традиционного права указывали многие иностранные наблюдатели, оценивая его особенности сохранения гармонии казахского социума [113, с.9].

В южных пригородных регионах концентрации оседлого населения сохранялось мусульманское право – шариат, специалисты которого сочетали рациональное соблюдение религиозных правил со светскими традициями жизни общества. Казахские аристократы с целью сохранения лидерских функций часто апеллировали к бийскому институту управления. В истории редко встречаются сюжеты идейных противоречий авторитарных лидеров с популярными биями. Тандемное сочетание лидеров «белой кости» с «чернокостной» элитой обеспечивало укрепление властной вертикали в родовых подразделениях, объединенных в территориальных рубежах влияния фамильного клана.

Административно-территориальные реформы 60-х годов XIX века видоизменили, в том числе систему национального судопроизводства, ограниченную в рамках социально-бытовых отношений. Уровень и сфера влияния чингизидов не ограничивались только общественным воздействием посредством бийского института, равно как и других традиционных форм, функционировавших ранее национальных императивов. Доминанта империи с преобладающей ролью государственного суда изменила статус адатных норм

суда в местной системе управления.

Казахская знать, прежде всего, искусственно, всем ходом общественно-политических процессов ставилась в зависимость от имперской власти. На данный исторический момент возвышается значение имперской правовой системы в мировоззрении местной знати. Постепенная унификация делопроизводства способствовала усилению государственного элемента в общественной сфере отношений. Реальным механизмом, ограничивавшим укреплявшиеся в областях имперские структуры, являлось государственное судопроизводство при сохранившейся практике ограничения вертикального роста казахских служащих в местной иерархии на уровне уездно-волостного начальства.

Бурный XIX век, особенно события его второй половины, со всей очевидностью наглядно демонстрировали пример постепенной ломки существовавших социальных установок под воздействием влияния комплекса реформ, при которых наметилась тенденция внедрения европейских норм жизнедеятельности на основе частной собственности и индивидуализации труда. Ощущавшие неотвратимые реформы аристократы, прежде всего, ориентировали своих потомков на университетское образование в юридической сфере, как наиболее востребованной для стабилизации в будущем конкретной казахской личности, представлявшей интересы своей семьи. При дефиците квалифицированных юристов в областях аналогичные функции возлагались на казахских служащих, не имевших правовой подготовки, но обладавших общественным статусом в казахской среде.

Социальная структура казахского студенчества юридических факультетов отличалась неоднородностью. В этой группе всегда сохранялся высокий удельный вес представителей знати. Так, общее количество студентов-аристократов достигало показателя в 15 человек [83]. Впоследствии представители других сословий фиксировались в составе юристов. Большинство выпускников училищ ориентировались на специальность правоведа. Обладание юридическим дипломом обеспечивало вакансию на государственной службе. Выпускники-правоведы имели большой спектр в сфере занятости при наличии значительного количества различных учреждений канцелярского типа, рассредоточенных в крупных населенных пунктах. Этот фактор теоретически предполагал проживание молодых казахских специалистов в соответствующих селениях. Подавляющее большинство студентов были первыми представителями в своих семьях и оценивали соответствующий результат как положительное следствие текущих энергозатрат.

В российских университетах изучалось государственное законодательство, основанное на романо-германском праве. Новое право европейских народов представлялось абсолютно чуждым институтом для казахской общественности. Желание и стремление юношества к обучению на юридических факультетах свидетельствовало об их признании новой судебной системы как одного из основных механизмов управления обществом. Данная ситуация являлась

показателем возможного обладания правовыми знаниями любым представителем общества при наличии необходимого образовательного запаса и финансовых средств. Соответствующие факторы делали невозможным получение образования по юридической специальности большей части молодежи. Казахские студенты в реальности осознавали особенности своего обучения, которое в их представлении ассоциировалось как благополучный шанс.

На юридических факультетах наблюдалась практика обучения казахских студентов по праву семейной преемственности. Карьерное продвижение отцов являло наглядный пример для выбора учебного заведения их детей. На других факультетах за весь период исследования подобных казахских «студенческих династий» не было. Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать объективные выводы относительно специализации казахского студенчества исследованных университетов.

Согласно проведенному анализу, казахские студенты обучались на правовых, физико-математических, филологических, медицинских специальностях исследуемых университетов. Изначально, на университетскую модель образования, прежде всего, были настроены представители элитных слоев казахского общества, т.е. султанов и социально близких им групп, реально осознававших перспективность выбранного пути. Казахские юноши выбирали те факультеты, образовательный статус которых способствовал их включению в медицинский центр и административно-управленческие структуры на территории их проживания. Минимум казахских юношей получили образование на физико-математическом факультете по причине недостаточно развитой индустриальной базы в Казахстане. Незначительное количество казахов получили образование по специальности востоковедов. Диплом востоковеда оказался маловостребованным в казахском обществе в данный период. Большинство настроенных на университетское обучение казахов не имели четкого представления о данной профессии. В их представлении медицина и юриспруденция обладали большей прерогативой.

Казахские студенты зафиксированы в Казанском, Саратовском, Томском университетах. Причем подавляющее большинство из них учились в Казани. В этой категории сохранялся незначительный удельный выходцев из аристократической среды. Таким образом, в казахском студенчестве наряду с султанами обучались выходцы из рядовых групп.

В казахском студенчестве исследованных университетов сохранялся высокий удельный учащийся юридического факультета. В условиях реформирования административно-управленческой структуры и формирования новых профессиональных групп сохранялся престиж юридического образования как удачного старта карьерного продвижения и социализации казахских юношей.

В группе казахских юристов зафиксирован высокий процент представителей престижных групп казахского общества, наиболее чутко реагирующих на структурные преобразования. В данной среде формируется

положительный фактор семейной преемственности. Таким образом, в начале XX века продолжается процесс создания казахского студенчества.

Итак, специализация казахского студенчества в исследованных университетах определялась рядом факторов: престижем высшего образования, что обусловило включение дипломированных специалистов в государственные структуры; заинтересованностью выходцев из знатных слоев общества в сохранении лидирующих позиций; востребованностью специалистов в профессиях юриспруденции и медицины. Большинство исследованных студентов обучались на юридических факультетах с целью возможной работы в судебных структурах. На второй позиции по количеству находились студенты медицинских факультетов, что свидетельствовало о востребованности национальных медицинских кадров и признании официальной медицины в казахском обществе. Минимальная численность студентов была на других факультетах в связи со слабым развитием индустрии и промышленного комплекса в крае.

1.3 Социально-имущественная характеристика казахского студенчества

Важным фактором формирования казахского студенчества являлась стипендиальная форма обучения. Стипендии учреждались во всех губерниях и областях империи с целью финансирования юношей из малообеспеченных семей. Аналогичный метод вспомоществования был введен правительством для создания казахского студенчества. Стипендии, как правило, формировались из денежных взносов с казахского населения. Собранные суммы вкладывались в особо ценные бумаги, капитал из которых являлся финансовым источником пополнения стипендиального фонда. Каждая стипендия имела название в честь конкретной известной личности. Количество стипендий в областях ограничивалось незначительной цифрой. Обучавшиеся в университетах студенты в официальной документации обозначались под определением стипендиатов, в зависимости от наличия функционировавших стипендий. В среднем каждая стипендия предназначалась для обучения одного стипендиата на ограниченный срок университетской программы. Объективно претендентами на стипендию могли являться подающие надежды юноши из малообеспеченных семей. Однако по причине доминирующей официальной структуры учебного процесса казахские учащиеся, прежде всего, получали знания в аульной или волостной школе, впоследствии в городском училище, далее они имели право обучения в университете. В действительности большинство юношей из аульной среды ограничивались обучением в начальной стадии по многим причинам, в том числе по факту дороговизны пребывания в городах. Поэтому в университеты поступали ученики, окончившие в большинстве случаев гимназии и реже семинарии. Определенную часть из них представляли выходцы из семей чиновников уже во втором поколении. К таковым относились следующие стипендиаты: А.Нурмухамедов, М.Каратаев, Н.Алдияров, С.Нуралиханов, Ж.Сейдалин [83]

.Настоящими претендентами на стипендии и их фактическими обладателями становились зачастую представители из престижных социальных сословий с определенно-финансовым обеспечением и статусным положением их родителей. В данной градации оказались возможны исключения по факту качества обучения студентов.

Процедура распределения стипендий зависела от государственных заслуг родителей претендентов на стипендию. Например, при выделении мест при Оренбургской гимназии право на обучение получили сын умершего инспектора школ Тургайской области И. Алтынсарина Габдулла и сын зауряд-хорунжего султана Даулетгерее Ахмеда Джантурина - Исен Галий [114, л.4]. При таких обстоятельствах чиновники имели основания рассчитывать на социальные льготы за служебную деятельность

В среднем годовой объем стипендии колебался в сумме от 300-до 400 рублей. В частности, финансовый объем тургайской стипендии им. Крыжановского составлял 350 рублей. Стипендиальная сумма уроженца Внутренней Орды достигала 300 рублей. Распределение финансовых средств зависело от необходимых затратных сумм на обучение и личных потребностей студентов. На примере студентов Санкт-Петербургского университета возможно проанализировать финансовые расходы. Студенты в основном проживали на Васильевском острове, где располагалось дешевое жилье. Студент Ж.Сейдалин платил в месяц за комнату 11 рублей [115, л.2]. В среднем 1 год проживания на квартире студентам обходился в 100 рублей. Уроженцу Тургайской области, студенту Казанского университета на проезд в одну сторону выделялось 25 рублей в дополнение к 50 рублей на «первое обзаведение», т.е. закуп вещей первой необходимости [116, л.1]. Общая сумма проездных составляла 50 рублей. Петербуржец А. Турлубаев в официальном запросе на имя военного губернатора Акмолинской области запрашивал деньги в объеме 35 руб. на приобретение учебных пособий и закуп необходимых вещей. [117, л.7] . Студент С-Г. Джантурин за слушание курса лекций за полугодие оплачивал 25 рублей [118, л.6]. Данную сумму указывал в отчетной ведомости студент Б.Каратаев. Следовательно, за два полугодия студент университета в среднем оплачивал 50 рублей. Студенты обязывались оплачивать в пользу университета дополнительные 5 рублей [119, л.15].

Годовая стипендия студентов Томского государственного университета составляла в среднем 300 рублей, и со всеми причитающимися расходами данных средств оказалось явно недостаточно для нормального жизнеобеспечения. Джанайдаров в официальном обращении в совет профессоров признавал собственную неплатежеспособность. В частности, он писал «Только что получил прошение от 8 ноября о возврате 50 рублей .... Я обращаюсь к Вам; не найдете ли Вы возможность возратить 25 рублей, которые внесены мной в гонорарную сумму. Относительно стипендии до сих пор ничего неизвестно. Вот такое мое материальное положение» [120, л.10]. Стипендии высылались по частям, при этом сроки их высылки зависели от оперативности сбора финансовых сумм с населения. Представители казахской

общественности в петициях и запросах на имя властей неоднократно сообщали о необоснованности расходов казахских общественных денег на нужды переселенцев или в меркантильных интересах местного областного начальства. Исходя из деловой переписки казахских студентов, логичен вывод о недостаточности у них денег для безбедного существования.

В приведенной таблице показаны данные об именных стипендиатах.

Таблица 12 – Данные о казахских стипендиатах [83]

Университет	Стипендия	Сумма, рублей	Ф.И.О. студентов	Годы обучения	Область
Санкт-Петербург университет	Стипендия им. Крыжановского	326	Ж. Сейдалин	1901	Тургайская
Санкт-Петербург университет	Стипендия Акмолинской обл.	400	А. Турлубаев	1897	Акмолинская
Санкт-Петербург университет	Стипендия Акмолинской обл.	360	И-Г. Валихан	1895	Акмолинская
Санкт-Петербург университет	Стипендия Внутр. Орды	300	Б.Ниязов	1894	Букеевская Орда
Санкт-Петербург университет	Стипендия им. Крыжановского	-	Б.Каратаев	1888	Уральская обл.
Санкт-Петербург университет	Стипендия Семипал. обл.	-	Ж. Акпаев	1899	Семипалат. обл
Саратовский университет	Стипендия Уральской обл.	350	Г. Исенгулов Б. Бийсенов	1910	Уральская обл.
Саратовский университет	Стипендия Букеевской Орды	300	Б. Юсупгалиев	1913 году	Букеев. Орда
Томский университет	Внутренняя Орда	300	С.Г. Нуралиханов	1906	Букеев..Орда
Томский университет	Стипендия Семиреченской обл.	360	И. Джаксылыков	1897	Семиреч. обл.
Казанский университет	им. Крыжановского	340	Ирмухамедов	1909	Тургайская
Казанский университет	им. Крыжановского	-	Н. Алдияров	1881-1887годы	Тургайская
Казанский университет	им. Крыжановского	-	М.Каратаев	1893-1899годы	Уральская
Казанский университет	им. Крыжановского	-	М. Карабаев	1881-1886годы	Тургайская

Как показывают данные нашей таблицы, стипендиаты были представлены от Тургайской, Акмолинской, Уральской, Семипалатинской, Семиреченской областей и Букеевской Орды. Проведенный анализ позволяет сделать ряд

заклучений: во-первых, стипендии начинают формироваться с 80-х годов XIX века, то есть с периода начала притока казахской молодежи в университеты; во-вторых, в среднем объем годовых стипендий составлял от 300 до 400 рублей по областям, причем этой суммы денег оказалось недостаточно для безбедного обучения казахов; в-третьих, областные стипендии распределялись в незначительном количестве для их обладателей по изученным университетам, что в целом влияло на численность казахских студентов.

Стипендиаты Сейдалин, Вали-хан, Каратаев относились к султанскому сословию, Ниязов был сыном войскового старшины. Выделенные студенты, равно как и многие другие казахские студенты, убедительно доказывали тезис о своей финансовой несостоятельности. В действительности оклады служащих применительно к денежным запросам обучающихся казахских студентов оставались невысокими. Часть султанских семей теряли статусность состоятельных фамилий. Данный фактор подвиг юных аристократов к реализации собственных возможностей. Стипендии для их обладателей являлись весомым источником доходов. Например, сын прославленного офицера Альмухаммеда Сейдалина-Жиганшах Сейдалин откровенно признавался о недостаточности пенсии отца, которая полностью затрачивалась на многодетную семью. Впоследствии участковый пристав Васильевского острова документально подтвердил «бедное» состояние Ж. Сейдалина [115, л.2]. Он ходатайствовал ректора университета об освобождении его от уплаты за прослушанный курс. По официальным подтверждениям директора Оренбургской гимназии М.Каратаев признавался как малообеспеченный студент: «Каратаев Магзум - 22 лет, сын умершего киргизского султана средствами не обеспечен» [121, л.10].

Батырхаир Юсуфович Ниязов, по документальному подтверждению управления Букеевской Орды, признавался несостоятельным и освобождался от платы за обучение по причине материальных трудностей его семьи [122, л.24]. Его отец - чиновник Орды квалифицировался по шкале материальной необеспеченности в связи с наличием многодетной семьи. Султан Бахытжан Каратаев сигнализировал о своей бедности, добиваясь права освобождения за курс лекций. В своем запросе правлению университета он в частности писал: «... мне дается с прошлого года, вследствие моей бедности стипендия им. Крыжановского. Обстоятельства назначения за мной стипендии таковы, что исключают возможность платы за слушание» [121 л.45]. В запросе на имя инспектора университета Жакуп Акпаев ходатайствовал о льготах на проезд по железной дороге по причине материальных сложностей: «имею честь выдать мне удостоверение о бедности для получения льготного билета от господина градоначальника города по Николаевской железной дороге» [123, л. 33]. Искандер Валихан в свободное время подрабатывал преподаванием уроков, зарабатывая необходимые средства. С 1893 года он добивался назначения ему стипендии из-за финансовых трудностей. По факту произведенного областными властями анализа его «бедный» статус не получил подтверждения, но уже в 1895 году он освобождался от уплаты за лекции и получил право

на стипендию [124, л.27]. Айдархан Турлубаев в своем запросе областному начальству откровенно признавался о своей бедности. Студент юрфака Казанского Университета Чутаев ходатайствовал перед Тургайской администрацией об оказании ему финансовой помощи ввиду его несостоятельности. Просьба его осталась без удовлетворения: «...ходатайство его о выдаче пособия отклонена за неимения на то средств» [125, л.6]. Мухаммед Газы Чутаев с детства рос без отца и находился на попечении своей матери.

По положению о распределении стипендии право на ее получение имели студенты с результативной успеваемостью. Таким образом, получавшие стипендии студенты при сложных обстоятельствах материального обеспечения показывали хороший результат, оправдывая возложенные на них надежды со стороны казахского общества.

В категории казахских студентов наблюдались единичные случаи отчисления их за неуплату. По этой версии в 1917 году отчислился из Санкт-Петербургского университета Аббас Темиров [126, л.2]. Его отец Абдулла Темиров занимал ответственную должность в Тобольском суде и считался личностью обеспеченной. Вероятно, в данном случае весьма актуальной остается дата – период раскола и беспокойного положения в государстве, что очевидно подвигло студента Темирова покинуть Санкт-Петербургский университет.

Хроническое безденежье, сопровождаемое стрессовыми ситуациями, отражалось на здоровье студентов. В источниковых данных фиксируются многочисленные случаи заболеваний казахских учащихся в период, предшествующий обучению в университете. В городское время юноши только адаптировались к совершенно иному режиму социальных отношений с непривычной системой питания и экономным распределением финансовых средств. На момент обучения в университетах студенты обладали необходимым опытом пребывания в городской среде. При этом наблюдались существенные отличия студенческого периода от доуниверситетского времени казахских юношей во многих социальных сферах. Студенты проживали на съемных квартирах в отличие от представленных им пансионов интернатовского типа в доуниверситетское время. Университетские города по территориальным масштабам и административной значимости отличались от провинциальных и областных центров. Для проживания в университетских центрах требовались дополнительные финансовые затраты.

Климатически Санкт-Петербург, Томск имели существенные отличия от областей Казахстана. Выборочный анализ личных дел студентов демонстрирует высокую степень их заболеваемости. Особенно остро сложилась ситуация в Томском университете. Природно-климатические условия Сибири вносили свои коррективы в ритм работы местного университета. Томск находился на расстоянии 7 дней проезда по железной дороге до Москвы. По признанию ректора университета этот фактор затруднял развитие творческих связей местной профессуры со своими коллегами: «Вследствие той же отдаленности

профессора Томского университета находятся в положении более невыгодном, нежели их товарищи в России, так как, не считая утомительности, поездки у них на самый переезд, считая до Москвы в оба конца, не менее двух недель фактически сокращается срок их летнего отпуска». В результате научных командировок профессоров и преподавателей в Центральную Россию часто фиксировались срывы занятий. В целом по отчетной ведомости за 1903 - 1904 учебный год только на юридическом факультете фактически из 773 лекций преподавателей по разным причинам не вычитали 202 занятия. Характерно, что из них 106 лекций профессора не проводили по болезни. Другой веской причиной данного события являлось слабое развитие коммуникационных линий. Это затрудняло перемещение студентов в осенне-зимнее время. Данные обстоятельства обуславливали причины массовых неявок студентов на занятия. Руководство университетов компенсировало объективные издержки учебного процесса введением курсовых сочинений с сопутствующим диспутом их содержательной части. Соответствующие меры вводились во избежание срыва учебного процесса [127, л.3].

Медицинские карты казахских юношей пестрят наличием инфекционных диагнозов. Динамика роста заболеваемости студентов из-за слабого иммунитета сохранялась за всю историю развития казахского студенчества в XIX-начале XX веков. Этот фактор существенно влиял на процесс обучения студентов. Например, Турлубаев из-за обострения ревматизма не смог вовремя приехать в Санкт-Петербург [117, л.7]. Студент Саратовского университета Бийсенов по причине заболевания не имел возможности в установленные сроки сдать переводные экзамены, что представляло для него непредвиденные сложности: «Ныне Бийсенов, не имевший возможность ввиду болезни держать означенное испытание, ходатайствует об отсрочки последнего» [128, л.6]. Накануне выпускных экзаменов заболел Абдул-Керим Ниязов. Степень заболевания эпидемным гриппом Ниязова оказалась велика, и он вынужден был уехать домой для лечения кумысом [129, л.40]. Аналогичную процедуру лечения предложили специалисты Санкт-Петербургского клинического военного госпиталя страдавшему от тяжелого заболевания Ж. Акпаеву [123, л.27]. По причине заболевания Акпаеву грозило повторное обучение пройденного курса с возможностью потери стипендии. Принимая во внимание негативные стороны этого результата, совет университета постановил перевести его на следующий курс с обязательной сдачей экзаменов. Акпаеву не удалось в установленные календарные сроки окончить университет по причине слабости здоровья. Только через год в 1903 году он получил диплом юриста.

Студент медицинского факультета Томского университета И. Джаксалыков ввиду слабости здоровья получил рекомендации медиков к продолжению лечения кумысом в степи: «Ввиду слабости здоровья остаться на лечении кумысом в степи и отсрочить переэкзаменовку предмета до Рождества Христова». По этой причине он не успевал сдать экзамены в положенные сроки [130, л.13]. Формулировка «уехать в степь для лечения кумысом» довольно часто встречается в резюмирующем заключении медиков относительно лечения

казахских юношей в городских училищах и университетов. Вероятно, медики осознавали относительную слабость приспособляемости этой категории студентов к хроническим перегрузкам в условиях городов. Процедура возвращения на родину подразумевала целый комплекс эффективного воздействия традиционно привычной пищи в сочетании с другими факторами на релаксацию организма казахов.

К сожалению, были фатальные исходы. Так, преуспевающий студент медицинского факультета Б. Юсупгалиев в 1916 году скончался от сыпного тифа [109, л.11].

Значительную роль в казахском обществе играли родственные связи. Протекционные связи на уровне родственных или семейных отношений идентифицировались казахами как существенный фактор в их дальнейшей социализации. Например, студент Ж. Сейдалин возлагал большие надежды на двух высокопоставленных казахских военных, обозначенных им как родственников - отставного генерала Губайдуллы Чингисхана и гвардейского полковника Газы-Булата Вали-Хана [115, л.1]. Эти военные проживали в Петербурге, оказывая посильную помощь приезжим казахам. Сейдалин в официальных письмах называл одну из побудительных причин обучения именно в Санкт-Петербургском университете - наличие этих титулованных лиц. Примечательно, что его брат планировал по окончании кадетского корпуса поступить в Михайловское артиллерийское училище. Помимо родственных связей актуализировалась проблема социальной близости представителей султанских династий. В данном случае выявляется пример корпоративной солидарности казахских военных, так как отец Сейдалина А. Сейдалин возвысился, прежде всего, военными успехами и был известен указанным выше офицерам как успешный военнослужащий.

Выходец из султанской среды С-Г. Джантурин приходился племянником генерал-майору Г. Чингисхану, служившему в середине 1880-х годов в МВД. В источниках зафиксированы эпизоды протектирования имперским чиновником казахских юношей [131, л.14]. Полковник лейб-гвардии Г.-Б.Валихан лично ходатайствовал перед Степным генерал-губернатором М.А. Таубе в 1890 году о предоставлении стипендии своему племяннику Искандеру Валихану [132, л.40]. Перечисленные аристократы являлись уроженцами разных областей, отдаленных большими расстояниями. Представители султанских кланов редко меняли родовую территорию. Очевидно, под родственными связями подразумевалась взаимная комплиментарность соответствующих лиц по этносоциальному признаку. Ещё в этот момент казахские аристократы идентифицировали свою близость на основании генеалогической принадлежности Чингизидов.

Часть студентов были выходцами из многодетных или неполных семей. В частности, султан Ж. Сейдалин в раннем юношестве лишился родителей. Вся его семья из 6 детей находилась на попечении мачехи [115, л.2]. Искандер Валихан выступал с прошением об оказании ему помощи. По официальным сведениям столичной канцелярии, на попечении его родителей находилось

еще 3 детей и поэтому они не в состоянии оказались финансировать его обучение [124, л.17]. Студент Саратовского университета Мирахмет Ниязов был выходцем из неполной семьи. Он рано потерял отца - Юсуфа Чумбаловича Ниязова, дослужившегося до чина Войскового старшины Букеевской Орды [133, л.4]. Студент Магзум Каратаев в детстве лишился отца и рассчитывал только на себя [121, л.15].

Казахские студенты оценивали преимущества своего университетского обучения. Расчетливый анализ перспектив своего совершенства в университетских городах активизировал их поступки. Некоторые учащиеся, используя удачный шанс, прилагали усилия к параллельному обучению в других университетах и институтах. Например, студент Санкт-Петербургского университета Ж.Сейдалин проявил желание в 1892 году пройти курс лекций в императорском археологическом институте [115, л.7]. В практике обучения казахов синхронное обучение в разных учебных заведениях носило нечастый характер. Выбор Сейдалина оказался оправдан. Ж. Акпаев в студенчестве посещал лекции в Санкт-Петербургском археологическом институте [123, л.52]. Впоследствии он продолжил творческое общение с краеведами в Западно-Сибирском отделении РГО. Занимаясь общественно-научной работой, казахские служащие через сотрудничество с РГО и другими научными организациями повышали свой образовательный уровень. На рубеже XIX-XX веков некоторые студенты пытались совместить учебу в нескольких высших учебных заведениях.

Студент физмата Санкт-Петербургского университета С-Г. Джантурин в 1884 году ходатайствовал у ректора о разрешении его поездки в Киев сроком на 1 месяц [118, л.10]. Редко кто из казахских чиновников или студентов совершал поездки в столь отдаленный город. По всей видимости, у Джантурина – человека из состоятельной семьи действительно существовали веские мотивы поездки в Киев, возможно с ознакомительной туристической поездкой. Такой метод путешествий по информативной базе русской классической литературы активно практиковался в студенческие годы. Через год Джантурин вновь обратился с прошением к администрации университета о представлении ему 3-х месячного летнего отпуска для посещения Новгородской и Уфимской губерний. В источниках не раскрываются мотивы этой поездки, но сам момент проведения отпуска в Новгородской губернии вызывает интерес творческих порывов Джантурина. Джантурин, пожалуй, единственный казахский служащий, сделавший карьеру в земской канцелярии. Канцелярия располагалась за пределами этнотерритории казахов в Уфимской губернии. В этой губернии прошла вся сознательная жизнь Джантурина. В губернии находилось его родовое имение. Джантурин являлся выходцем из состоятельной семьи и в будущем сумел рационально распорядиться всеми имевшимися данными. Искандер Газы Валихан в 1895 году намеревался поехать в 2-х месячный отпуск за границу для сопровождения своего дяди [124, л.37]. Интерес представляет тема заграничных поездок казахов в имперский период.

Казахские студенты рационально подходили к периоду своего обучения в

университетах. В данном ракурсе примечателен анализ их семейно-брачных отношений. Некоторые дипломированные специалисты вступали в брак после окончания университета. Из числа студентов зафиксированы немногие заключившие браки в период обучения. Так, студент Саратовского университета И. Касабулатов в 1912 году вступил в брак с уроженкой Саратовской области Биби-Айшой Мухитдиновой: «по метрической книге мусульманского прихода г. Саратова за 1912 год в отдел бракосочетания ..... дочь крестьянина Мухитденова Биби-Айша 18 лет обвенчана по мусульманскому обряду со студентом Исхакгалеем Киреевичем Касабулатовым» [134, л.12]. В истории формирования студенческих казахских семей это, пожалуй, один из единичных случаев заключения брака с жительницей центральной губернии. Супругой 23-летнего Касабулатова являлась 18-летняя дочь крестьянина. Обрядовое сочетание проходило по мусульманским канонам. По официальной метрике он являлся выходцем из обычной семьи. Вероятно, супружеский союз Касабулатова и Мухитдиновой представлял равное социальное партнерство молодых людей. При этом Касабулатов ориентировался на татарско-мусульманскую семью, что, в общем-то, считалось вполне приемлемым явлением в казахском обществе начала XX века.

В процессе обучения практиковалась процедура перевода студентов с одной специальности на другую, с одного университета в другой. К подобным действиям прибегали многие казахские студенты. Мотивы переводов были разными. При этом студенты сохраняли заинтересованность в необходимости получения знаний. Например, в 1899 году студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета Раимжан Марсеков ходатайствовал о переводе в Казанский университет на аналогичный факультет [135, л.2]. Марсеков был уроженцем Семипалатинской области. Одной из главных причин перевода студента являлись материальные сложности. Поэтому перевод Марсекова в Казанский университет оправдывался географической близостью к Семипалатинской области. В результате перевода за студентом сохранялся соответствующий курс обучения.

Веской причиной перевода считалось освобождение стипендиальной квоты ввиду объективных обстоятельств. В частности, будущие медики Байсенов и Исенгулов до перевода в Саратовский университет подавали документы в Московский университет. Окончательный выбор стипендиаты остановили на Саратове, находившимся на смежной территории с Уральской областью, к которой они относились [110]. Студент Казанского университета Юсупгалиев по окончании первого курса перевелся в Саратовский университет на второй курс медицинского факультета. Мотив перевода Юсупгалиева заключался в назначении для него стипендии при Саратовском университете «В студенческой документации отмечалось: что для продолжения образования в означенном университете ему назначено ежегодное пособие в размере 300 рублей» [109, л.10]. Руководство университетов по итогам экзаменационных испытаний имело право назначения областных квотных стипендий

преуспевающим ученикам. Очевидно, данный принцип распределения финансовых средств был одной из главных причин перемещения студентов.

Процедура переводов из одного учебного заведения в другое практиковалась казахскими учащимися в доуниверситетский период. Например, уроженец Астраханской губернии Сабир Шарафитдинович Таначев обучался в Астраханской гимназии. Это вполне логично с учетом его областной специфики. Впоследствии он перевелся в Омскую гимназию [136, л.10]. По окончании Омской гимназии он получил доступ в ближайший Томский университет.

На медицинском факультете Казанского университета обучался Уали Шарафитдинович Таначев. По окончании первого курса У. Таначев ходатайствовал о переводе на юридический факультет. У. Таначев являлся выходцем из Астраханской губернии. Соответственно он окончил Астраханскую гимназию и продемонстрировал весьма высокие способности. Гимназический курс обучения Таначев проходил с 1899 по 1908 годы [137, л.9]. В данном аспекте следует отметить, что его брат обучался в Томском университете. Расхождение в выборе университетов родственниками объясняется дефицитом финансовых средств, при которых только один из братьев мог претендовать на стипендию.

Уроженец Внутренней Орды Нуралиханов первоначально обучался на медицинском факультете Казанского университета. По окончании первого курса он уволился. Согласно ходатайству Нуралиханов назначался помощником правителя 2-го Приморского округа. На период назначения на должность Нуралиханову исполнилось 23-24 года. Очевидно, специалисты с гимназическим дипломом оставались востребованными в бюрократическом делопроизводстве. Годовой оклад Нуралиханова составлял 250 рублей. По уровню занимаемой должности и функциональным полномочиям он не уступал своему отцу. По документации он не имел собственного или приобретенного родового имени. Через непродолжительный период Нуралиханов, уволившись в отставку, изъявил желание приобрести университетское образование [138, л.15].

В данный период он не состоял в браке. Социально-имущественный статус Нуралиханова не соответствовал былой статусности его отца, долгое время проработавшего на аналогичной должности. Не ограничивались достигнутым, С-Г. Нуралиханов вынужден был вновь продолжить свое образование, учитывая перспективность университетских знаний. В 1906 году он поступил на юридический факультет Томского университета на свободную стипендиальную квоту. Таким образом, Нуралиханов, будучи уроженцем Астраханской губернии, против всех правил выбрал далекий Томский университет, в котором доминировали уроженцы Акмолинской и Семипалатинской областей. В данном ракурсе следует отметить финансовое превосходство годовой стипендии казахских студентов над среднегодовым окладом служащих низового и среднего уровня административных структур и социальной сферы на значительную сумму. Но это оказались лишь видимые

выгоды, так как в отдаленных от родных мест городах обучения сохранялась высокая затратность средств.

Уроженец Акмолинской области Сеилбек Джанайдаров в начале XX века поступил на юридический факультет Томского университета. По прошествии непродолжительного времени он оформил перевод в Санкт-Петербургский университет на юридический факультет. В отличие от Нуралиханова Джанайдарову наиболее близким был Томский университет. Главная причина перевода заключалась в получении стипендии. Будучи студентом столичного университета, он на протяжении длительного времени хлопотал о выдаче ему «киргизской дополнительной стипендии» [139, л.17]. При этом он указывал на вероятную возможность получения стипендии, которая сохранялась в столичном университете.

Выпускник Семипалатинской гимназии Нух Рамазанов первоначально учился в Санкт-Петербургском университете. В 1907 году он ходатайствовал ректору Томского университета о переводе на медицинский факультет: «Желая перевестись из Санкт-Петербургского университета в Томский университет, прошу принять меня на первый курс юридического факультета» [140, л.2]. В Санкт-Петербургском университете он являлся студентом юридического факультета. В 1907 году он состоял в числе студентов-юристов Томского государственного университета. Уроженец Баскунской волости Семипалатинской области Рамазанов имел веские основания для перевода в Томск. Как правило, финансовые сложности вкупе с наличием свободной стипендии в Сибири могли послужить реальным доводом в выборе решения.

В результате агитационной кампании, эффективность которой проявилась в дальнейшем совершенствовании выпускников университетов, усиливается стремление казахов в получении среднего и высшего образования.

Таким образом, высшая сфера образования в имперском обществе при всей своей привлекательности оставалась недоступной для широких масс по фундаментальной причине финансовой дороговизны. Аналогичная тенденция сохранялась в национальной группе казахского студенчества. Реальным механизмом адаптации студентов являлись стипендии, функционировавшие по областному принципу. Количество стипендий носило регламентированный характер. Данный фактор в косвенной мере сказывался на незначительной численности казахских учащихся. Многие казахские студенты в соответствующих условиях закончили университеты.

После окончания университета большинство казахских специалистов продолжали практику служебной деятельности в провинции. При общей нехватке дипломированных специалистов данный алгоритм действий казахских юношей вполне объективен.

Выпускники учитывали сложившиеся реалии материально-финансового обеспечения и возможности благоприятной перспективы на профессиональном поприще. В сельской местности уровень конкуренции и социальных противоречий ощущался гораздо менее в отличие от городских центров с доминирующим влиянием опытных специалистов. Специалисты с

университетской подготовкой также оседали в городах. В данной таблице содержится информация о национальных специалистах, трудоустроившихся в городах по окончании университетов.

Таблица 13 – Сведения о казахских специалистах-горожанах [83]

Ф.И.О. студента	Университет	Город	Место работы	Период
Суюничалиев	Казанский университет	Оренбург	Оренбургская казахская учительская школа	80-е годы XIX века
Айтбакин	Томский университет	Каркаралинск	Трехклассное училище	90-е годы XIX века
Турлубаев	Санкт-Петербургский университет	Омск	Омская судебная палата	1902 год
Акпаев	Санкт-Петербургский университет	Омск	Омская судебная палата	1904 год
Марсеков	Санкт-Петербургский университет	Петропавловск	Омская судебная палата	1904 год
Джантурин	Санкт-Петербургский университет	Уфа	Земское управление	нач. XX века
Темиров	Санкт-Петербургский университет	На пике карьеры Тобольск	Тобольский окружной суд	1905 год

В таблице отражены сведения относительно тех выпускников, которые по окончании университетов получили возможность производственной деятельности в городах.

Как показывают данные нашей таблицы, по исследованным источникам 7 или 11% из 63 обучавшихся студентов в университетах работали в городах. Проведенное исследование позволяет сделать ряд заключений: во-первых, казахские выпускники университетов начинают проживать в городах с 80-х годов XIX века, что в определенной мере обуславливалось их востребованностью как специалистов в городских учреждениях; во-вторых, выпускники университетов в основном проживали в городах областного и уездного значения Казахстана, Приуралья, Поволжья и Сибири, то есть восточных районах Российской империи. Таким образом, в этот период просвещенные казахи начинают медленно и последовательно осваивать города, расположенные в местах концентрации казахского населения и смежных территорий. Только лишь единицы просвещенных казахов, как например Ч.Валиханов, Г-Б.Валихан, Г.Чингисхан и ряд других проживали в исследуемый период в городах Центральной части империи.

Очевидно, в данной социальной картине характерны другие причины, обусловившие отток специалистов в провинциальную зону. При этом высокопоставленных казахских служащих в городах оказалось мало. В отличие от учителей и разного уровня сельских канцеляристов университетские специалисты стремились осваивать перспективные крупные стационарные

центры.

Итак, проведенный анализ социально-имущественной характеристики казахского студенчества обусловил следующие выводы: во-первых, университетская система образования по причине дороговизны оказалась недоступной для большинства казахского населения, во-вторых, существенным фактором обучения казахских студентов являлись областные стипендии, формировавшиеся из общественных взносов казахского населения; в-третьих, право обучения на стипендии получали преуспевающие студенты; в-четвертых, определенная часть студентов обучалась за свой счет; в-пятых, по признанию студентов стипендии оказались недостаточными для их безбедного проживания в городах; в-шестых, в процессе обучения казахских студентов сохранялись протекционно-родственные связи; в-седьмых, дефицит финансов и хронические перегрузки, являлись причиной заболеваемости студентов; в-восьмых, ряд студентов при сложных обстоятельствах продолжали обучение параллельно в нескольких учебных заведениях

Таким образом, реалии второй половины XIX века обусловили включение казахских юношей в университетскую систему образования. Казахские уроженцы осознавали престиж высшего образования как существенный фактор их дальнейшей эволюции в преобразовывавшемся имперском обществе. В хронологический период второй половины XIX-начала XX века сложилась процедура формирования казахского студенчества, представленного различными социальными группами. Казахские студенты обучались на различных факультетах. Доминирующее большинство учащихся сохранялось на юридических факультетах. Университетская модель образования сыграла существенную роль в эволюции категории казахских служащих. Именно на базе образованных по университетским стандартам казахских граждан синхронно в этот период продолжался процесс складывания казахской интеллигенции, которая по служебному статусу, материальному обеспечению, общественным функциям оказалась тождественной группе служащих.

2 ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЗАХСКИХ СЛУЖАЩИХ

2.1 Формирование казахских служащих в условиях военно-административной модели управления

Административно-территориальные реформы и социально-экономические новации периода XIX века и последующих времен способствовали структурным преобразованиям казахского общества. Территориальное расширение городского сектора и прочих стационарных поселений как важных факторов коммуникационных связей и региональной инфраструктуры объективно способствовали концентрации значительной части казахского населения в близлежащей сфере. Дальнейшие изменения традиционной специфики образа жизни казахов определили, вкупе с перечисленными причинами, количественное увеличение оседло-земледельческого элемента. Перспективный анализ этого периода констатирует миграцию небольшой части казахского народа в переселенческие поселки, казачьи станицы и города. Соответственно изменяется ролевая функция представителей социальных групп. У казахского народа формируются другие представления о сути и устройстве государства и формах служения. Кочевая государственность с присущими ей институтами и формами общественного устройства вытесняется в сознании казахской общины жестко централизованной и вертикально регламентируемой моделью управления. Представители казахской аристократии и других правящих групп осознавали сложившиеся реалии как неизбежный феномен, катализирующий их последующий алгоритм действий с целью сохранения социальной значимости. На местническом уровне территориально-родового сознания данную схему следует рассматривать как индивидуальную потребность, установившуюся временем привычного лидерства, в национально-корпоративной солидарности элитных слоев в доминанте управления.

Объективно происходит медленное формирование нового стереотипа поведения прежде всего у данной категории казахов. Власти, заинтересованные в дальнейшем усилении присутствия имперских институтов, активизировали процесс инкорпорирования казахов в общественно-государственные процессы, прежде всего, включения национальной знати в административные круги. Участие казахов в местном управлении логично предполагало формирование категорий служащих с различными функциональными обязанностями. Национальные традиции воспитания препятствовали пополнению низовой администрации представителями аристократических кланов на начальном уровне развития. Данный фактор обусловил приток в край татарских и русских канцеляристов. В перспективе, как явствует из архивных документов, соответствующие звенья восстанавливались казахами из обедневших знатных семей и категории «черной кости». Динамика образования этой группы «белых воротничков» актуализировалась самой природой упорядочивания и разветвления бюрократической системы с целью интенсивного освоения

территорий. Военно-полицейский режим управления активизировал поведенческие установки ведущих фамилий. В первой половине XIX века отмечается признание частью султанства присвоения им военных званий как символа подчинения государству. Обратная связь есть суть повышения статусности конкретной династии краевой властью. Таким образом, коррекция стереотипа поведения аристократов гармонично соответствовала их ментально-целевым задачам властного присутствия в обществе.

По справедливой оценке исследователей Х. Абжанова и С. Селиверстова, в период создания конкурентоспособных элементов национальной рыночной экономики начинается процесс «постепенного становления национальных предпринимателей, промышленников, торговцев, коммерсантов, а с другой стороны – национальной интеллигенции слоя наемных работников» [49, с. 9].

Административно-территориальные и социально-экономические изменения в регионе настойчиво диктовали необходимость формирования востребованных временем специалистов из местной этнической среды. Следствием данного социального фактора является развитие государственно-светской модели образования. Процесс адаптации образовательной сферы к условиям быта и традициям местного населения актуализировал ее реформирование и коррекцию. Подвижные аульные школы и стационарные училища при переселенческих центрах, прежде всего, были рассчитаны на полярные слои казахского общества, находящихся в фазе постепенной социоэтнической маргинализации. Пограничное этнопсихологическое состояние этих категорий – беднейших слоев и теряющей авторитет знати – определенно влияло на их схему действий в выборе жизненных ориентиров и достижения благополучия. Этот исторический период поведения и сознания данных групп общества.

В Российской империи исторически практиковалась процедура встреч императора с подданными. Такие встречи проходили в различных форматах. Одним из наглядно-эффективных методов воздействия на массы оставалась процедура отправки депутатических миссий к императорскому дому от различных социальных и национальных групп. Периодически казахские делегации выезжали на встречу с императором. Как правило, такие встречи проходили по случаю особых торжественных событий. В 1876 году подобная миссия была отправлена от казахов западных регионов [141]. В 1881 году казахская делегация отправилась в Санкт-Петербург по поводу кончины императора. В состав делегации входили помощники уездных начальников Уральской области Иржан Чулаков и Мухамеджан Сарыходжин.

Впоследствии эти два делегата вновь посетили Санкт-Петербург по случаю коронации его Императорского Величества. Иржан Чулаков был кавалером ордена Святого Великомученика Георгия Победоносца. Этой награды он удостоился за участие в Хивинском походе генерала Веревкина. Помимо указанных представителей в состав делегации входил уроженец Гурьевского и Эмбенского уездов Даулет Яунгаров. Комиссия состояла из казахских чиновников. Таким образом, вполне осознанно происходило формирование

новых стандартов подбора и состава комиссий, которые контролировались царской администрацией.

В состав делегации входили казахские женщины Рухия Изанбаевна Чулакова и Капура Ержановна Чулакова – родственницы И. Чулакова. Включение в состав депутации казахских женщин являлось новационным фактом, ибо ранее женщины не принимали участия в подобных акциях. В начале 60-х годов XIX века по рекомендации имперских властей султану-правителю Восточной части области предлагалось ввести в состав очередной казахской миссии в Санкт-Петербург хорунжего Беремжана Чегенева, отличившегося на государственной службе. Власти признавали за служащим Чегеневым его бийское звание, сохранившее значимость в местной титулатуре и соответственно большую степень влияния в ареале аргынского племени, к которому он принадлежал. Правительственные чиновники учитывали ведущие позиции местных кланов. В частности брат Чегенева Казбек Чегенев управлял аргынским родом. Другой депутат казахской миссии султан А. Джантурин официально по должности и реально-фактически сохранял доминирующее лидерство султана-правителя Восточной части после бурных перипетий середины XIX века [142, л.17]. Определенно соответствующая процедура оказывала информационное влияние на казахскую общественность. Но эти депутации второй половины XIX века в большей степени имели показательно–декоративный характер, так как их политическая роль контактных связей с государственной властью ограничивалась в формате изложения информации в отличие от подобных депутатий начала XIX века.

Итак, в XIX веке сохранялась процедура депутатических миссий от казахских родовых подразделений к имперскому двору. В ракурсе доминирования патронально-вассальных отношений приходит постепенное изменение депутатского состава делегаций. Депутатский состав формировался под влиянием властей и в определенной мере состоял из официальных лиц, состоявших на государственной службе.

В критические исторические моменты актуализировалась проблема сохранения внутренней стабилизации в империи. Правительственные круги мобилизовывали имеющиеся ресурсы на достижение поставленной цели. В 1856 году продолжалась Крымская война закончившаяся поражением для Российской империи. Российская общественность консолидировалась под идеологическими лозунгами защиты национальных интересов. Характерно, что именно в это время в Казахстане награждается большая группа казахов Букеевской Орды за усердную службу. В числе награжденных числились султан Мухамедгали Касымов, тархан Ходжабеков, старшины В. Бикмухамедов, Я. Нермухамедов, Б. Дюйсенбаев, Ч. Байбуканов. Данные администраторы повышались по службе и награждались золотыми медалями на Владимирской ленте и серебряными медалями на Аннинской ленте [143]. Очевидно, данная кампания символизировала стремление имперского дома к демонстрации сохранения единства территории и общественного согласия в границах империи. Синхронно в этот период по Высочайшему указу от 16 июня

1856 года паж I-го класса Султан Губайдула Джангир Букеев был пожалован в камер-пажи императорского двора [144]. Наряду с ним подобного звания удостоились барон Мейндорф, князь Урусов, барон Врангель. Семейство Букеевых отличалось родовитостью и заслуженным авторитетом в западных территориях Казахстана. При российском императорском дворе продолжалась традиция пребывания при коронованных особах представителей национальных и сословных групп. Повышение в чине Букеева возвышало статус его семьи и в очередной раз демонстрировало стремление власти показать свою силу и величие в общественном сознании казахов.

Казахская аристократия являлась основой формирования группы служащих. На территории степных областей во второй половине XIX века сохранялась доминанта султанских фамилий, члены которых были связаны узами кровного родства и семейной взаимопомощи. В последующем в процессе имущественного разорения султаны, прежде всего, стремились к сохранению прежней статусности посредством слияния с государственной властью. На территории проживания казахов выделяется несколько аристократических кланов, ориентированных на инновационные восприятия и дальнейшее инкорпорирование с новой структурой управления. Значимость фамилий Сейдалиных, Джантуриных, Темировых, Нуралихановых, Валихановых, Аблайхановых, Таукиных, Бабаджановых, Каратаевых, Султангазиных и ряда других активно поддерживалась их представителями из поколения в поколение. Традиции их лидирующего влияния закладывались с периода начала XIX века. Политическая ориентация указанных династий четко проявилась в данный хронологический период. По сути, поляризация общественного мнения балансировала между признанием имперского господства с реальной утерей былой государственности или отрицанием момента включения в империю при полной мобилизации имеющихся средств для защиты интересов. Метода толерантно-терпимого отношения к продвижению европейски-централизованных форм управления базировалась на возможно быстром усвоении казахскими интеллектуалами всех составляющих потенциала империи. Алгоритм действий этой группы султанов носил схематичный характер, который формировался с учетом складывавшихся обстоятельств. Политическое будущее этих кланов во многом зависело от активности их представителей на начальной стадии развития, изобилующей неизвестностью и непредвиденными сложностями.

В реализации указанной долгосрочной задачи акцентировалась проблема включения представителей этих семей в управленческие звенья. Реальным критерием акклиматизации знатных выходцев в новой сфере являлись соответствующие образовательные стандарты военных училищ, предназначенных для подготовки военных специалистов. Первоначально, представители знатных фамилий не желали отдавать своих детей на обучение в кадетские корпуса, опасаясь за их дальнейшее будущее. Только личное давление хана Внутренней Орды Джангира оказало положительное влияние на решение местных аристократов, впоследствии ориентированных на

Оренбургский кадетский корпус. По воспоминаниям Сейдалина 2-ого, закончившего Оренбургский кадетский корпус в 1855 году, в области существовали негативные предубеждения относительно эффективности работы этого учреждения: «Нужно ли говорить, что с первого же момента переступления мною порога корпуса пришлось мне убедиться во всей нелепости ходивших о нем рассказов в степи, с одной стороны и ободряющий вид развившихся повсюду кругом меня сверстников – сразу расположили меня к так пугавшему корпусу» [96,с.7]. Впоследствии представители знати изменили свои суждения о значимости корпуса в обучении их сыновей. Образование в этом корпусе получили представители известных фамилий: А.Букейханов, М.Бабаджанов, З.Нуралиханов, М.Бекмухамедов, Ш.Шигаев, С.Шигаев, Х.Бабаджанов, Б.Букейханов, М.Чукин, М.Джантурин, С.Чалабаев, А.Сейдалин, Т.Сейдалин, Т.Джаныбеков, Д.Айчуваков, А.Айчуваков, А.Нурепин, С.Таубаев, М.Бештжанов [96,с. 13]. Подобная схема наблюдалась в действиях казахской знати северных областей, чьи представители учились в Омском кадетском корпусе. В первой половине XIX века выходцы обозначенных фамилий составили костяк казахского кадетства военных корпусов.

На начальной стадии своего развития юные кадеты сталкивались с трудностями, осложнявшими их процесс обучения. В начале 30-х годов XIX века директор Оренбургского кадетского корпуса Артюхов К.Д. проэкзаменовал 36 воспитанников верхнего класса. Из них только 8 показали хорошие результаты. Большинство продемонстрировали некачественные знания. По мнению директора, основной причиной слабого показателя являлось совместное обучение русских и представителей восточных национальностей [145, с.4]. В процессе обсуждения учебной программы училища чиновниками высказывались соображения о нецелесообразности обучения европейцев восточным языкам, а азиатов – европейским. Очевидно, эти мнения оказались необоснованными. Из казахских кадетов в научной сфере заявили о себе Ч.Валиханов, М.Таукин, М-С.Бабаджанов, Г-Б.Валиханов во многом благодаря познаниям европейских и восточных языков. Один из инициаторов распространения государственного образования в казахской среде Васильев А.И. отмечал на примере функционирования казахской учительской школы: «Русские и киргизские воспитанники умеют жить вполне по-товарищески и что первые из них, являясь передовыми, служат лучшими проводниками добрых начал в сердца товарищей-киргизов...» [9, с.204]. Судьба большинства казахских кадетов до сих пор мало исследована и ждет своего изучения. Определенная часть кадетов сделали хорошую карьеру, состоявшись на военной и гражданской службе. Показательным примером военной эпохи казахского офицерства являются биографические сюжеты жизнедеятельности Ч.Валиханова, Г-Б.Валиханова, А.Сейдалина и ряда других. Их успешное участие в военных походах обуславливалось качественной степенью военной подготовки оконченных ими училищ.

Таким образом, выходцы из султанских и других знатных фамилий

Младшего и Среднего жузов под влиянием своих родителей сделали осознанный выбор в пользу кадетских корпусов, образовательный статус которых определил в перспективе их включение в доминировавшую в империи ранговую военную титулатуру.

Итак, в первой половине XIX века в регионе действовала группа казахских офицеров, подготовленных по государственной модели управления. Казахские юноши получали военное образование в кадетских корпусах. Большинство казахских офицеров закончили Омский и Оренбургский кадетские корпуса. Казахское офицерство характеризовалось немногочисленностью. На наш взгляд это произошло в силу ряда обстоятельств: во-первых, существовала определенная квота, ограничивавшая обучение казахов в этих учебных заведениях; во-вторых, ограничение о поступлении представителями «белой кости» и узкого круга знатных людей; в-третьих, царизм не был заинтересован в увеличении казахского офицерства в силу специфики колониальной политики. Социальную основу казахских военных составили выходцы из аристократических и приближенных им знатных фамилий. Примечательно, что дефицит казахских военных восполнялся людьми с гражданской подготовкой, задействованных в управленческой и переводческой сферах.

Помимо заявленных выше казахских военных следует отметить группу казахских кадетов, служивших в военных подразделениях. Так, Джангиров Искандер Батыршин начинал военную карьеру прапорщиком Оренбургского линейного 1 батальона. В этой же войсковой части служил прапорщик Султан-Мухаммед Бекжанов [146, с.84].

Среди тюркских военных, служивших в императорской армии, известен некий Мигдат-Шаши-Мухамет-оглы султан Аблайханов [147, с.48]. Он числился офицером Белебинского резервного батальона. Династия Аблайхановых доминировала в значительной части Казахстана и ее представители функционировали в управленческом звене империи. Национальное происхождение вышеуказанного Аблайханова в источниках не фиксируется. Фамилия Аблайхановых в большей степени сохраняла известность в казахском обществе. Вероятно, соответствующий офицер имел какое-то причастие к данному клану.

Некоторые представители казахского кадетства предпринимали попытки к службе в действующую армию. В частности, сын выпускника Оренбургского корпуса Мухаммеда Джантурина Гумар Джантурин обращался с просьбой откомандирования его в действующие войска. Ранее он обучался в кадетском корпусе, но в возрасте 16 лет оставил учебу по состоянию здоровья [148, л.23]. По этой причине он получил от властей отказ в удовлетворении его просьбы. В русско-турецкой войне 1876-1877 года принимал участие Чингисхан, имевший звание флигель адъютанта [149, с.135].

Большинство казахских офицеров не принимали участия в военно-полевой службе. Ареал деятельности казахских офицеров ограничивался Степными областями и близлежащей зоной Сибири и Поволжья. Потенциальные

возможности этих военных эффективно применялись в административной сфере.

Бесспорно, европейски подготовленные офицеры составляли конкуренцию местным феодалам. Спектр деятельности офицеров, начинавших карьеру в звании ротмистров и поручиков, оказался разнообразным. Первоначально в их компетенцию входила доставка корреспонденции, сопровождение грузов, посредническая миссия с казахскими родами и приграничным среднеазиатским населением. Лишь единицы офицеров продолжали свою службу за пределами родовой территории. Именно эти военные сделали прекрасную карьеру, впоследствии протежируя казахское студенчество Москвы и Санкт-Петербурга. Большинство кадетских офицеров продолжали действовать на привычной территории доминанты своих фамилий. Эти служащие придерживались принципа сохранения территориального сознания на уровне родового поместья. По существу просвещенные военные являлись носителями локально-территориальных интересов населения на уровне волости и уездов. Пожалуй, в этой среде администраторов наблюдались единичные случаи их перемещения между областями. Примечательно, что Ч. Валиханов и И.Валихан, на пике своей славы и популярности состоялись как успешные офицеры и общественные деятели в столичном центре империи – Санкт-Петербурге. Причем И.Валихан не вернулся на историческую родину, успешно адаптируясь в привычном для него ином социоэтническом окружении. Научные перспективы Ч.Валиханова явно обозначились в центральной части империи. Пожалуй, круг интересов и знакомств столичных казахских военных оказался достаточно обширен. В научных источниках не встречаются сведения о длительном проживании казахских офицеров степных областей в административных городах Сибири и Приуральско-Поволжского региона. Имперская кадровая политика акцентировала участие офицеров в зоне концентрации казахского населения, проживавшего в провинции.

Из числа султанов, окончивших Оренбургский корпус, известен Альмухаммед Сейдалин. Он был выходцем из обедневшей султанской семьи и не видел иной альтернативы получению престижного образования, что позволило бы ему занять достойное положение в обществе. Сейдалин являлся одним из немногих казахских офицеров, начавших военную карьеру в действующей армии. Обычно офицеры из числа казахов начинали службу в административном аппарате. В дальнейшем военно-полевая карьера Сейдалина пресекалась. Власти использовали его на гражданской службе. Из ведения Военного ведомства он переводится в подчинение Министерства юстиции. По всей видимости, это объяснялось нехваткой чиновников-делопроизводителей. По законодательству государственный судья обязан был иметь соответствующее рангу высшее или среднее образование. По рекомендации начальства Сейдалин вполне подходил на судейскую должность как хороший специалист по судебным разбирательствам между казахами [150, л.3]. На территории Тургайской области Сейдалин выполнял обязанности уездного судьи Иргизского, а чуть позже Николаевского уездов [115, л.9]. Солидная

научная образовательная база, заложенная в годы обучения в корпусе и длительная чиновничья практика, вероятно, стали хорошей основой для его деятельности на новом поприще.

Альмухамед Сейдалин, будучи майором, выполнял обязанности письмоводителя при уездном управлении. В этот период А.Сейдалин состоял в должности уездного судьи. Дефицит национальных служащих продолжал сохраняться на всех уровнях чиновничьей вертикали.

Значительную популярность в Тургайской области приобрёл брат А.Сейдалина - Тлеумухаммед Сейдалин. Т. Сейдалин по окончании военного корпуса начал военную службу прапорщиком в Оренбургском батальоне № 4 с 1855 года. Через год он продолжил службу в Тургайском областном правлении. Т. Сейдалин участвовал в акциях усмирения движения Е. Котибарова [150, л.19]. В эпоху гражданского противостояния и антиимперских выступлений на территории Казахстана ряд казахских администраторов привлекались к действиям карательных войск. Гражданская позиция представителей султанских фамилий в сложный противоречивый период диктовалась территориальными родоплеменными противоречиями и различными политическими интересами дальнейшего будущего казахского общества в геополитической ситуации XIX века. Кадровый военный и опытный управленец Т. Сейдалин в течение 4-х лет трудился в должности администратора. С 1859 года он состоял в качестве помощника пристава при Бухарском посольстве. Подобно другим благонадежным казахским офицерам он выполнял обязанности переводчика. Так, в 1870 году Сейдалин сопровождал делегацию казахов Тургайской области в Санкт-Петербург в связи с введением «Временного положения 1868 года» [150, л.22]. В конце 80-х годов XIX века он назначается старшим помощником начальника Николаевского уезда. В течение года Т. Сейдалин переводится на аналогичную должность в Тургайский уезд. В 1891 году на него временно возлагаются обязанности начальника Тургайского уезда.

Выпускник кадетского корпуса Зулхарнай Нуралиханов в 1851 году получил знание хорунжего в возрасте 19 лет. Тогда же он определяется депутатом на Внутреннюю Уральскую линию. В 1858 году согласно приказу Оренбургского и Самарского генерал-губернатора он переводится в штат Временного Совета на должность переводчика, а в 1859 году он обвиняется в уголовном преступлении. Мерой наказания ему стала высылка в Вятскую губернию. По ходатайству генерал-губернатора наказание было смягчено высылкой в смежный уезд Оренбургской губернии. В 1861 году Нуралиханов восстанавливается в должности переводчика. Впоследствии он циклично выполнял обязанности помощника правителя Нарынской части, далее помощника правителя Торгунской и Калмыцкой частей, затем помощником правителя Таловской и Камыш-Самарской частей. Динамика его перемещений ограничивалась локальным периодом в 7 лет – срок незначительный. Огромные территориальные размеры и значительный объем работы при дефиците казахских служащих определили процесс перемещения З. Нуралиханова.

Аккордной частью работоспособности Нуралиханова стало решение властей восстановления его в прежних правах. «Всемиловнейше возвращены ему Нурахалинову, прежние права и преимущества, утраченные по суду» [138, л.5].

В 1878 году он перемещен депутатом в Новоузенск. Через два года Нуралиханов определен помощником правителя I-ого Приморского округа. В 80-е годы XIX века Нуралиханов последовательно выполнял обязанности депутата I стана Царевского уезда, депутата Чиликской дистанции Уральского войска.

Как правило, согласно положению, обязанности уездного начальника выполняли назначаемые правительством русские офицеры. В 70-е годы XIX века подполковник султан Джигангеров действовал в качестве помощника Тургайского уездного начальника. Казахские военные администраторы, обладая высокими офицерскими званиями, ограничивались властями уровнем уездной администрации. В категории казахских служащих действовали чиновники, не имевшие кадетского образования. Соответствующие чиновники в силу занимаемой должности имели казачьи военные звания. Функциональные обязанности помощников уездных начальников северо-западного Казахстана фактически были идентичны, при этом военные звания офицеров-султанов варьировались. Так, в должности младшего помощника уездного начальника Букеевской Орды состоял есаул султан Арунгазыев, а в должности младшего помощника уездного начальника Николаевского уезда Тургайской области находился Бермухаммед Куламбаев [146, с.66]. Характерно, что производственная деятельность султана Арунгазыева проходила в Илецком уезде, где он работал младшим помощником.

Некоторые казахские управленцы не имели соответствующего военного и гражданского образования, но по роду занимаемой должности имели военные звания. В XIX веке в силу сложившейся в Казахстане политической ситуации национальные и русские чиновники в основном имели военные звания. В административной управленческой иерархии казахских служащих сохранялась ранговая титулатура с соответствующим присвоением военных званий, подчеркивавших признание заслуг имперским правительством. Во второй половине XIX века повышается в звании начальник дистанции Сулейман Джигангеров и управляющий родоплеменным подразделением Казбек Чегенев за производственную деятельность с присвоением чинов соответственно есаула и хорунжего [154, л.1]. Ареал деятельности Казбека Чегенева сохранялся в районе между реками Тургай и Тобол. Авторитет К.Чегенева формировался его генеалогическим прошлым взаимосвязи с историческими лидерами и личными качествами, предопределившими его бийское звание. Личное состояние Чегенева оценивалось в 200 лошадей, 20 верблюдов и 300 баранов [152, л.62]. Статусность казахских военных поддерживалась занимаемыми ими должностями.

В конце 80-х годов на должности младшего помощника Тургайского уездного начальника состоял Курганбек Беремжанов. Беремжанов являлся сыном есаула Беремжана Чегенева. Беремжановы не имели родового имени.

Чегеневы-Беремжановы не имели отношения к династии чингизидов, однако за служебную деятельность представители этой семьи на равных с султанами включались в местную административно-управленческую систему. К. Беремжанов окончил казахскую школу при Оренбургском укреплении. Фактически эта школа явилась центром подготовки той части служащих, которые состоялись в 70-е годы XIX века. В 1877 году Беремжанов состоял членом казахской депутации в Санкт-Петербург. Примечательно, что его оклад составлял 400 рублей. Таким образом, в чиновничьей иерархии, наряду с султанами, действовали выходцы несултанского происхождения. Он принимал участие в работе комиссии под председательством Тургайского уездного начальника для организации местного правления и введения нового положения. Характерный эпизод из биографии Беремжанова демонстрирует процедуру включения властями представителей «черной кости» в систему делопроизводства и общественные процессы.

В Западном Казахстане концентрировались Уральское и Оренбургское казачество. В иерархии управления преобладала военизированная модель отношений. Казахский административный корпус на протяжении значительного времени состоял из чиновников с военными званиями. С 1841 года с должности помощника султана-правителя Восточной части Орды начинается карьера султана Мухаммеда Джантурина. С середины 40-х годов XIX века он состоял в звании сотника, полученного за найм верблюдов для военно-транспортных служб. В 1859 году он получил звание есаула. На момент назначения в 1861 году на должность султана-правителя Восточной части он имел звание войскового старшины [153, л.10]. Через 9-лет М. Джантурин числился в звании полковника.

В областном правлении действовали зауряд-хорунжий Миргалий Бахтияров, зауряд-хорунжий Тохтамыс Косваков. В этом же управлении обязанности младшего чиновника при военном губернаторе выполнял войсковой старшина султан Сейтхан Ахмедович Джантурин [154, с.50].

С. Джантурин по окончании Оренбургского кадетского корпуса получил звание сотника. Учебно-профессиональная база кадетских школ выделяла казахских чиновников от остальной массы местной знати. Чиновники-офицеры по роду службы привлекались к выполнению различных поручений. Например, С. Джантурин в 1870 году на правах членов входил в Особый комитет по составлению и выработке правил обустройства учительских школ для «инородцев» [155, л.5]. Социальное происхождение, уровень профессиональной подготовки и степень воздействия Джантурина в области предопределили его привлечение к выполнению подобной миссии. С. Джантурин дослужился до звания подполковника, примерно исполняя служебные обязанности на уровне занимаемой должности.

В 60-е годы XIX века успешно складывалась карьера в Тургайской области выпускника Оренбургского кадетского корпуса Искандера Бабина, начинавшего в звании сотника [156, с.50]. На казахских офицеров возлагались юридические функции. Обязанности младшего помощника начальника

Уральского уезда возлагались на хорунжего Чулака Айбасова [157, с.101]. В первой четверти второй половины XIX века корпус казахских переводчиков формировался также служащими с военными званиями. В частности, переводчиком при Оренбургской канцелярской палате работал есаул Ельмухамед Ахмедович Куватов [158, с.29].

Аналогичные функции при Уральском укреплении выполнял зауряд-хорунжий Шагимурат Кулумбеков [146, с.68]. Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870.- Оренбург, 1870. На рубеже XIX – XX веков и в последующий период переводчики в значительной массе не имели военных званий и котировались по другим критериям чиновничьего ранжирования. При этом незначительная часть переводчиков сохраняла военные звания. Так, в штате переводчиков областного правления Уральской области состоял есаул Худей Исаков [159, с.15]. В период XIX-XX веков казахские военные составили значительный слой казахских администраторов, задействованных в зоне степных областей.

В источниках зафиксированы акты неподчинения служащих государственным органам власти. Преступные действия опальных служащих классифицировались по уголовным и политическим мотивам. Так, обвиненный в преступлении хорунжий султан Зулхарнай Нуралиханов лишился звания и чина и ссылался в Вятскую губернию на поселение [160, л.66]. В середине 50-х годов XIX века султаны Внутренней Орды Медет и Искандер Чукины за противозаконные действия оказались сосланными в Восточную Сибирь. Войсковой старшина Медет Чукин лишился чина, султанского звания и золотой медали. Искандер Чукин аналогично лишился звания. Служащий Тургайской области сотник Искандер Бабин в 1874 году обвинялся в подстрекательстве казахов против местного управления и за это подвергся высылке за пределы области [161, л.10]. В процессе усиления доминирующей роли имперской управленческой модели казахские администраторы постепенно теряли неограниченное право легитимного воздействия на казахские родовые подразделения. Другие изученные служащие не прослеживаются в уголовной статистике.

Казахские военные администраторы, задействованные в новой системе управления, содержались за счет государственной казны посредством официально установленного жалования. Финансовое обеспечение чиновника особых поручений С. Джантурина во второй половине XIX века составляло 800 рублей, из которых 533 рублей 34 копейки оставляло жалование; 266 рублей 66 копеек – столовые [155, л.1]. Общая сумма годового оклада судьи Т. Сейдалина в 90-е годы XIX века составляла 1800 рублей, из которых финансовая сумма жалования -100 рублей. Т. Сейдалин ушел на пенсию после 43 лет беспорочной службы. Первоначально пенсия Т. Сейдалина начислялась в сумме 285 рублей 90 копеек в год [155, л.12]. По мнению местного Тургайского уездного начальства, султан Сейдалин испытывал затруднение в материальном обеспечении. Впоследствии по ходатайству уездного начальника К. Молчанова Т. Сейдалину начислялась пенсия подобно пенсии султанов-

правителей по высшему окладу согласно 125 статье Пенсионного устава. Таким образом, усиленная пенсия Т. Сейдалина по линии МВД составляла 1200 рублей в год. Аналогичной была пенсия экс-правителя Восточной части Орды подполковника султана С.Джантурина [148, л.11]. Престиж военного образования неуклонно снижался в казахской среде. В последней четверти XIX века лишь единицы казахских юношей выбрали военное училище. Так, сын А. Кунанбаева обучался в артиллерийском училище, но впоследствии скончался. Сын военного А. Сейдалина Жиганшах Сейдалин 2 года учился в Оренбургском кадетском корпусе. Затем он перевелся в местную гимназию. Дети состоявшихся на службе военных в конце XIX века выбирали гражданские учебные заведения. Например, сын З. Нуралиханова учился в гражданской гимназии. Очевидно, данное решение казахских юношей в конце XIX века начале XX века было продиктовано рядом обстоятельств. Во-первых, казахи традиционно не призывались в армию и поэтому лишались возможности карьерного продвижения; во-вторых, со второй половины XIX века казахи получили возможность обучения в гражданских училищах, как например учительские семинарии, гимназии, технические фельдшерские школы и прочие учебные заведения; в-третьих, по окончании этих училищ казахские специалисты получили право реализации своих возможностей в различных сферах.

Итак, в первой половине XIX века в регионе действовала группа казахских офицеров-служащих подготовленных по государственной модели управления. Казахские военные принимали участие в военных походах. Таких казахских офицеров по официальным данным было немного. К ним относятся Ч.Валиханов, Г-Б.Валихан, А.Сейдалин и ряд других. Большинство казахских военных оказались заняты на гражданском поприще, выполняя обязанности переводчиков и управленцев. Впоследствии на рубеже XIX-XX веков военное образование утратило свою значимость в казахской среде. Казахские аристократы-управленцы, возведенные в военные чины, согласно правилам военно-гражданской службы полностью попадали в зависимость от имперских административных структур. Таким образом, в XIX – начале XX веков в регионе национальная военная элита характеризовалась офицерской титулатурой от младших воинских чинов до генералов [162, с.97]. Как правило, указанные личности развивали свою деятельность в пределах своей родовой территории. Административный статус чиновников ограничивался уровнем подчинения в управленческой вертикали представителям руководящего корпуса по линии уездного и областного ранга.

2.2 Казахские специалисты в группах учителей, врачей, фельдшеров, ветеринаров

На территории проживания казахов российские власти применяли традиционную модель управления, которая в целом являлась характерной для восточных провинций. В XIX веке в регионах со смежными со Степными областями ранее начался процесс формирования чиновников из числа

башкирского и татарских народов. Деятельность чиновников соответствующих национальных групп всех уровней была показательной в стремлении достижения статуса для казахского населения. Достаточно отметить, что руководителем 1-го российского посольства в Младшем жузе являлся татарин Тевкелев. В XVIII-начале XIX века в системе российского делопроизводства в степных регионах определенную роль выполняли татарские переводчики. При этом их функции соответствующего периода существенно различались с постановочными задачами переводчиков начала XX века. На первоначальном этапе исторического взаимодействия метрополии и провинции от искусства перевода и способностей информирования общества татарскими переводчиками во многом интенсифицировались дипломатические отношения. Поэтому корпус переводчиков-татар формировался представителями определенного социально-имущественного статуса. Примечательно, что впоследствии татары-чиновники ассоциировались в государственных структурах во многом как сочувствующий элемент татарскому мусульманскому миссионерству [163, л.21]. В данный исторический отрезок взлет татарских чиновников носил показательный характер для казахов.

Впоследствии наследники князя Тевкелева сочетались браком с потомками казахских султанов. В менталитете тюркских патриархальных обществ - казахов, татар, башкир на протяжении жизни многих поколений сохранялась генетическая память о сословной чести. Традиции семейного воспитания ориентировали на сближение выходцев этих семей по социальному признаку и ранговому титулатуре. С показательными образами аккультурации тюркских служащих в российских учреждениях сталкивались, прежде всего, находившиеся на обучении в школах, казахские юноши. Так, в Сибирском кадетском корпусе работал некто Сейфулин [164]. В Оренбургском кадетском корпусе популярность приобрел татарин Мирсалих Бекчурин. Он считался весьма состоятельным человеком и имел влияние на чиновничество Приуралья и Поволжья. Бекчурин неоднократно привлекался властями к выполнению пикантной миссии сопровождения властей. В 1883 году статский советник Бекчурин в качестве переводчика сопровождал эмира Бухары Туреджана [165]. Позже аналогичную миссию выполнял А. Сейдалин, сопровождавший казахские и среднеазиатские депутации в Санкт-Петербург [166, л.3]. В 1893 году полковник лейб-гвардии Атаманского полка султан Газы-Болат Валихан находился при свите Бухарского эмира. Впоследствии он принимал участие при торжественной встрече императора и Хивинского хана [167]. Социальное происхождение и профессиональная деятельность казахских военных-администраторов определили их ролевую функцию в данный исторический момент.

Итак, в динамике постепенного усиления влияния государственной власти служебный статус тюркских чиновников башкирского и татарского происхождения являл показательный пример для представителей казахской знати и остальных слоев казахского общества, воспринимавших новые реалии как долгосрочную перспективу.

Преобразуется стереотип поведения соответствующих лиц, в сознании которых наблюдается реальное усиление роли управленческих структур, явно превалирующих над традиционными родовыми институтами господства. Патронально-вассальные отношения номадического социума по принципу «общинник – глава общины» смещаются в новую конструкцию «личность – государство». Первые школьные учреждения ориентировали учащихся на подготовку государственных служащих, сфера деятельности которых ограничивалась работой в школах в роли учителей, и в канцелярских учреждениях на должностях переводчика, письмоводителя, посыльного и т.п. Примечательно, что с усложнением процедуры делопроизводства изменяются критерии качества труда данных групп, но принципы подготовки оставались прежними. Процесс организации первых учебных заведений был начат в Оренбургском крае. Постепенно данная тенденция распространилась на другие регионы Казахстана, в частности, во второй половине XIX в. учебные учреждения были зафиксированы в приграничной зоне Сибири и Восточного Казахстана [168, с.31].

При малочисленности образованной группы казахов логичен вывод об их одиночестве. Фрустрационное состояние каждого из них могло способствовать психологической деградации. Но подобных фактов в архивной документации не прослеживается. Контактные связи между данными представителями на уровне личных отношений продолжали сохраняться. Доминирующую роль в общественно-культурной жизни тюркского населения городов Оренбурга, Омска, Томска, и ряда других городов Сибири, Приуралья, Поволжья и Степного края выполняли представители татарского купечества. Медленный карьерный рост казахских служащих сопровождался их желанием работать в городах, что косвенно подтверждает положительный настрой данной категории граждан на восприятие действительности. По сути, отъезд казахов из городов наблюдался только в ранний период их обучения в училищах. В последующее время, прошедшие через столь сложное испытание привыкания к новой среде, определенная часть казахских специалистов, как правило, стремились осесть в городах. Парадоксально большинство состоявшихся просвещенных казахов именно в раннее адаптационное время перенесли тяжелые заболевания. Это Ж. Акпаев, А-К. Ниязов, С-Г. Джантурин и других. Данный фактор оказался стимулирующим в их совершенствовании.

В студенческий период обучения казахские специалисты получили другие ценности, восприятие которых меняло их ментальность и мировоззрение. Трансформация казахских провинциалов проходила в их длительный период обучения на протяжении 7 и более лет и сохранялась впоследствии. Казахские интеллигенты и служащие логично пытались привить новые формы представлений о мире и современной действительности своим землякам. Данные методы работы носили очаговый характер и в большей мере оказались успешны при концентрации казахских прогрессистов и их слаженных действиях.

В аульной среде, отдаленной от городов, течение времени оказалось

другим в отличие от крупных стационарных центров. Определенно воздействие казахских чиновников могло быть минимизировано, ибо уклад жизни и образ мыслей общинников отличались от европейски образованных земляков. Впрочем, эта картина оказалась примечательна для многих зауральских и сибирских регионов проживания не только казахов, но и славянского населения. Проживая в одиночестве, без равного общения с единомышленниками в аграрной глуши, немногочисленные чиновники теряли изысканный лоск и превращались в обычных обывателей, работая без грядущей цели и какого-либо собственного совершенства.

Каждый казахский юноша в момент обучения ставил перед собой задачи, которые преломлялись и изменялись с учетом меняющейся ситуации. Взросление молодых людей в условиях аккультурации конкретизировало направленность их действий и способность адекватно оценивать собственные возможности. В их реальной оценке собственные итоги работы в городах, возможно расценивать как результативный успех. Фактически поставленные цели выполнялись с учетом комплексного развития изучаемых представителей. Сравнительный анализ производственной деятельности медиков, учителей, ветеринаров, администраторов и юристов определяет некоторые выводы. По биографическим сведениям, только профессия юриста в казахских семьях зачастую носила наследственный характер. Например, отцы и дети Темировы, Сейдалины обучались по специальности правоведа. В других группах служащих студенты в семьях были представителями в первом поколении. Только юристы из всех исследованных групп концентрировались в губернских городах, тогда как специалисты других профилей рассеивались в единичном порядке. Значительная часть юристов представлена выходцами из султанских семей. Постановочные задачи в султанских и прочих представительских династиях носили совершенно иное содержание в отличие от семей этнического большинства.

В XIX веке в результате социально-экономических изменений уровень жизни казахских аристократов, равно как и представителей высших сословий, «черной» кости, оказался выше уровня жизни рядовых общинников. Выходцы из этих общественных категорий данное положение вещей считали вполне естественным. Соответствующая характеристика сознательно предполагала наличие у знатных особ целого круга обязательств, выполнение которых являлось условием сохранения их положения в обществе. Аристократы всегда находились в центре и всем своим воспитанием и действиями обязывались соответствовать общественному положению. Прежде всего, казахский аристократ представлял собой образец чести. В регионе влияния фамильных кланов каждый их представитель являлся нравственным, правовым и культурным стержнем. Поэтому казахские султаны, как и влиятельные выходцы из «черной кости», не стремились уезжать из родовых территорий, т.к. не имели альтернативы в других областях с иным образом жизни или в смежных зонах доминанты других знатных семей. Во всех локальных антиимперских движениях вплоть до событий 1916 года и даже очаговых

выступлениях советского периода 1918-1930 годов представители знати выполняли организационную существенную роль. Их дипломированные потомки перемещались по служебной необходимости внутри области или за ее пределы. Косвенным доказательством данного утверждения является природа перемещения служащих по производственной сфере. Медики и учителя останавливались на достигнутом рубеже или перемещались по горизонтали в другие регионы. Юристы из одной сферы в другую переводились гораздо чаще. Анализ личных дел служащих всех профессиональных групп подтверждает данный вывод.

Казахские аристократические семьи сохранили свою значимость в аульной среде. Реформирование российского общества во второй половине XX века существенно снизило статус российского дворян. Аналогичные процессы происходили на территории Казахстана. Вследствие реализации реформ 1867-1868 годов, по замечанию Ж.А. Еремекбаева, произошло ослабление влияния в народе родовой аристократии, что отразилось на их общественно-правовом статусе [169, с.147]. Наличие обедневших султанов косвенно свидетельствует о возросшей необходимости изменения модели поведения султанской группы. Европейски образованные султаны во втором поколении стремились в города. Очевидно, их социальный уровень султанского звания дополнялся профессиональными качествами. В городской среде эпохи первой половине XIX века соблюдалась иерархия чинов и званий. На рубеже XIX-XX веков меняется форма отношений в городской среде. Чиновничья титулатура превалировала в сфере деловых отношений и личных связей в сравнении с наследственными званиями. Казахские чиновники в городской сфере лишались привычного общения с родственными этническими группами и социальной основой. Эти служащие имели длительный опыт проживания в иноэтническом окружении, что собственно подготовило их к восприятию городов.

Имущественный статус соответствующих граждан оставался невысоким. Перспектива карьерного роста предполагала повышение по иерархической вертикали и территориальное перемещение. Изначально незначительные профессионально-образовательные параметры подавляющего большинства служащих существенно снижали их социальную устойчивость. Представители первой волны светски образованных юношей сложно вписывались в иную социоэтническую среду, в которой доминировали совершенно другие культурные императивы. Большая часть молодых людей локализовалась в районах, характеризующихся такими признаками как аграрное производство, моноэтническая культурная среда, слабость индустриально-урбанизационных процессов. Подвижническая активность данных личностей ограничилась деятельностью в аульных и волостных школах.

Таким образом, казахская молодежь, получавшая образование в официальных светских учебных заведениях медленно восполняла государственные структуры управления и социального обеспечения в областях. В XIX веке часть наиболее успешных и амбициозных просвещенных казахов начинает обустриваться на работу в городах. Зачастую в светских семьях

казахские служащие являлись первыми представителями, задействованными в подобной сфере. В данный период формируются группы юристов, учителей, врачей, ветеринаров, канцелярских работников.

В страте служащих количественно лидировали группы аульно-сельских учителей и канцеляристы низового уровня. Таким образом, период формирования указанных выше слоев общества приходится на вторую половину XIX – начало XX веков. Логично численное преобладание сохранялось за представителями неаристократического происхождения. Ареал их действия – аулы, причем иногда отдаленные от городов, переселенческие поселения и позднее города административного значения. Их образовательный уровень представлен аульными мектебами, русско-казахскими школами, волостными и уездными училищами рубежа 70-80-х годов XIX века. Выпускники среднеспециальных городских училищ вливались в ряды канцелярских служащих и школьных учителей.

Учительские школы, позднее учительские семинарии, функционировали в административных городах – Омске, Оренбурге. Училища подобного профиля действовали в 80-90-е годы XIX века в городах Троицке, Актюбинске, Иргизе, Кустанае, Петропавловске, Кокчетаве, Атбасаре, Семипалатинске. В этих заведениях обучались казахские дети. Общее количество юношей, получивших учительское образование, установить сложно. Скрупулезный анализ архивных данных фиксирует оценку в несколько десятков человек. Информативная база относительно учителей аульных и прочих отдаленных от административных участков школ недостаточна для создания картины роста и совершенства профессионального мастерства данной когорты служащих. Из всех категорий казахских служащих по принципу оседания в местах концентрации казахов выделяются школьные учителя. В середине 90-х годов корреспонденты Киргизской степной газеты отмечали рост количества аульных школ. По замечанию редакции газеты звание учителя мог получить и казахский юноша при условии получения образования в русском учебном заведении, дающим право быть сельским учителем [170, с.434]. Эти учителя, как правило, начинали с молодых специалистов в аульных или смешанных русско-казахских школах. Зачастую их должностной потолок ограничивался уровнем заведующих небольшой школы. Их финансовое обеспечение было низким. Но их положение в обществе зависело от гаммы нравственных качеств и способностей практической реализации своих знаний. Сельские учителя рассчитывали на собственные силы и весьма проблематичный в сельских условиях учебно-методический инструментарий.

Аульно-сельские учителя получали незначительный финансовый оклад и фактически лишались возможности повысить свою производственную квалификацию, ограниченную ранее полученным багажом знаний. Контактная сфера их общения носила локальный характер. Точечно рассредоточенные в небольших аулах казахские учителя не имели иной альтернативы своего развития. На бедственное положение сельского учительства указывали многочисленные информаторы. В данный период в империи спорадически

проводились учительские курсы повышения квалификации для сельских работников. В источниках не фиксируются сведения о переподготовке казахских специалистов. Подобные курсы в крупных городах расширяли кругозор учителей, способствуя пополнению их знаний во всех сферах науки, культуры и искусства. В 1912 году накануне выборов в IV Государственную Думу такие курсы и вовсе закрылись, что вызывало возмущение общественности: «И если вспомнить, сколько сделал, народный учитель..., что в курсах он видел лишь новое оружие, новое средство к той цели – просвещение родной страны, тогда посягательства на самое существование этих очагов культуры работы представляется вопиющим фактором» [171]. Значительная часть казахских учителей надолго, если не навсегда, оставалась в сельской глубинке без совершенствования знаний и методики.

В аульно-сельской глубинке народные учителя были предоставлены самим себе. По замечанию одного наблюдателя, плохо материально обеспеченные учителя чаще болели инфекционными заболеваниями и не имели возможности к обеспечению собственной социальной защиты [171].

Состоявшиеся в городах казахские учителя начинали свою служебную деятельность в смешанных русско-казахских или русских школах. Приобретенная привычка работы в ином этническом окружении послужила основой адаптации учителей в городском секторе. Многие учителя в отличие от некоторой части юристов являлись выходцами из рядовых социальных групп. В городских условиях эти учителя ощущали свою социальную ответственность перед обществом и стремились к сохранению достигнутого положения. Городские учителя, как, например, семейная чета Кульжановых, занимались общественной деятельностью, возвышающую их значимость в обществе.

Известны единичные факты работы учителей-казахов в городских школах. В 1901 году в числе учителей Атбасарской низшей сельскохозяйственной школы на должности временного преподавателя приготовительного класса упоминается выпускник Омской учительской семинарии Айманов Ержан. Через год он назначается учителем искусств Омского пятиклассного городского училища [172]. Айманов обладал качествами, необходимыми для работы в училище, если руководство доверило ему соответствующую должность при существующей в городе конкуренции. Ранее Ержан Айманов состоял в должности учителя Худайбергеновской аульной школы при Спасском заводе господ Рязановых. Первоначальный опыт учебно-организаторской работы казахские учителя получали в аульных, сельских школах. В начале 90-х годов XIX века Оренбургскую учительскую школу закончил Кульжанов Нургали. Длительное время он заведовал русско-казахскими школами Уральской и Тургайской областей. Кульжанов продолжил собственное учительское совершенство, поступив в 1900-м году в семинарию. В первом десятилетии XX века Кульжанов учительствовал в Семипалатинской семинарии. Там же он получает звание коллежского секретаря [173, л.2]. Учительским ремеслом занимался студент медицинского факультета Томского университета

Джаксалыков Исхак. Ранее он обучался в Верненской гимназии, так как являлся уроженцем Верненского уезда Семиреченской области [174, л.12]. По признанию Джаксалыкова, годовой стипендии в 360 рублей оказалось недостаточно для сносного проживания. Ему, как и многим студентам, приходилось подрабатывать. В начале XX века в Томске наблюдается концентрация студенчества. Горожане довольно часто прибегали к образовательным услугам студентов, привлекая их в качестве преподавателей. Поэтому труд студентов оценивался достаточно дешево [175, с.25]. Он преподавал в Томском магометанском частном училище, вел дисциплины «Русский язык» и «Арифметика». Его годовой оклад составлял 240 рублей [130, л.2]. В 80-е годы XIX века по смете расходов оклад учителя русского языка и мусульманского богослужения составлял 200 рублей в год [176, л.6]. Инициировал деятельность Джаксалыкова попечитель русско-татарского училища томский татарский купец Сайдашев. По мнению Сайдашева, Джаксалыков прекрасно справлялся с возложенными на него обязательствами: «студент Исхак Джаксалыков знает хорошо как по-русски, так и по-татарски, что необходимо по нашему мнению, для растолкования ... и обучением которого пока ученики довольны» [177, л.6]. В 1904 году в городской татарской школе обучалось 36 детей, из них 22 ученика относились к сословию торговцев и промышленников [175, с.154]. Уровень притязаний родителей к качеству подготовки учителя был велик.

В Омском пансионате для казахских и русских детей преподавал выпускник Омской учительской семинарии Токпаев Ермухамед [178, л.74]. К городским учителям можно причислить Салтеева Джумана, который окончил Омскую казахскую школу. С 1884 году он выполнял обязанности преподавателя казахского языка в Омском пансионате для казахских, русских детей [179, л.25].

В Семипалатинске в учительской среде популярность приобрела учительская пара Кульжановых. Ранее Назира Кульжанова окончила Кустанайскую женскую высшую гимназию и получила в ней преподавательскую должность [62]. Кульжанова состояла в родственной связи с учителем Кульжановым, работавшим в местном училище. Анализ личных дел казахских учителей свидетельствует о том, что они работали в городах их исходной этнотерритории. Перемещение кустанайцев в Семипалатинск представляет единичный случай социальной истории казахских учителей. На новом месте Кульжановы не остановились на достигнутом, а продолжили свою практику в местной гимназии. В казахском обществе Кульжановы демонстрировали новый тип казахских граждан, объединенных по профессиональному признаку. Ранее в казахском обществе не фиксировались занятые в учительской сфере семейные пары.

Сейдалина Ажар Жансултановна преподавала в русском классе при 1-м женском Кустанайском мектебе. В данный период в суде работал известный казахский юрист Жансултан Сейдалин – отец Сейдалиной [180, с.150]. Несомненно, творческий путь Сейдалина послужил основой деятельности его

дочери. Учительская стезя являлась одной из тех немногих сфер, в которых реализовывали себя женщины имперского периода. Сейдалина по примеру отца и родственников-мужчин не имела возможности проявить свои познания в юриспруденции, так как это направление делопроизводства комплектовалось по половому принципу. Сюжет деятельности просвещенных казашек изучен недостаточно.

Примечательно, что уже в 80-е годы XIX века в училищах Сибирского казачьего войска преподавала казашка Мария Колмогорова - выпускница Омской женской гимназии [181, л.3]. В официальной документации зарегистрирована окончившая Омскую женскую гимназию некая Мария Ивановна Холмогорова, с 1887 года занимавшая должность начальницы Семипалатинской 4-х классной прогимназии. Холмогорова являлась супругой капитана Захарова и преподавала рисование. Оклад Холмогоровой составлял 360 рублей [182, с. 89].

Очевидно, семейно-родственная связь образованных казашек с казахскими служащими стимулировала их общественно-политическую деятельность. В дореволюционный период популярность в Оренбургском крае приобрела писательница Досжанова Аккагаз. Отец Досжановой работал учителем Бердянской аульной школы. Досжанова обучалась в Оренбургской женской гимназии. Примечательно, что параллельно с ней учились родственница учителя Балгимбаева – Халима Балгимбаева и дочь врача Карабаева – Хусния Карабаева [183, л.69]. Фактически девичий контингент гимназии представляли дочери или ближайшие родственницы казахских служащих.

По окончании гимназии ее выпускники получили право преподавания. В Степных областях и смежных с ними регионах находилось несколько учебных заведений, в том числе и женских гимназий, в которых учились девушки разных сословий. Ими, по преимуществу, пополнялся контингент учительниц Сибири, Приуралья, Степных областей. По мнению специалистов, дипломированные выпускницы зачастую не имели возможности устроиться по профессии. Во всех регионах империи спрос на учительниц государственных училищ оставался ничтожно малым. Значительную роль продолжали выполнять протекционные связи в проблеме трудоустройства дипломированных специалисток: «Таким образом, в данном случае сильнейшими и счастливейшими конкурентами являются не успехи и способности человека, а богатство и влияние его родителей и патронов» [184]. В казахской среде женский учительский слой только начинал формироваться, и был представлен незначительным числом просвещенных специалисток. Очевидно, на начальный период устройства по специальности у этих выпускниц не могло существовать затруднений по причине их немногочисленности.

В империи под воздействием интеллигенции женское образование развивалось посредством открытия и функционирования самостоятельных высших учебных заведений. Все высшие женские курсы содержались за счет частных пожертвований. В 1912 году общее количество слушательниц курсов

составляло 20 тысяч человек. Правительством отмечалась хроническая нехватка специалистов-медиков, из которых женщины составляли всего лишь 8%. Данная проблема приобрела актуальность в мусульманских регионах государства, население которых критически оценивало мужчин-медиков в вопросах лечения женщин. Наблюдатели отмечали увеличивающийся дефицит учителей средних учебных заведений. Наиболее приемлемым средством снижения напряженности аналитики считали открытие женских стипендий в университетах и доступ женщин к работе в указанных сферах [185].

Следует отметить наличие учителей-женщин в школах Оренбургского учебного округа. Женщины в незначительном количестве работали в городских школах. Доступ в университеты и институты для большинства из них был закрыт. Казахские девушки рубежа XIX - XX веков только вступали в ту фазу формирования профессиональной группы служащих, через которую прошла процедура организации группы казахских служащих-мужчин

На преподавательской службе при Оренбургской казахской учительской школе в 80-х годы состоял Суюничалиев, имевший юридический диплом Казанского университета [9, с.143]. За период существования данной школы зафиксировано несколько казахских учителей. Так, в должности преподавателя казахского языка в данной школе по документам 1905 года состоял Исмуханов Батырша Султангереевич [186, с.42]. Ранее, с конца 90-х годов, в данной школе функции учителя начальных классов выполнял Имангазиев Тулеген Имангазиевич [187, с.53]. С 1896 году на протяжении 3-х лет в этом же училище в должности учителя начальных классов преподавал Альбеков Губайдулла Альбекович [188, с.49]. Также в 1891 году на аналогичной должности находился Бахтыгереев Бергалий Бахтыгереевич [189, с.92]. В Оренбурге это была единственная казахская школа.

Казахские учителя оказались обязательно востребованы для обучения казахских учеников в школе. Исторический эпизод проникновения и обустройства казахских учителей в города весьма интересен. Успешный дебют названных личностей представляет совокупность положительных качеств, направленных на социальную мобильность. Полное восприятие городского европейского образа жизни определяло дальнейшую суть поведения и выбора новых ценностей данного контингента. Городские учителя в большей степени распределялись в уездных городах, которые по меркам изучаемого периода по своим объемам и масштабам оказались незначительными.

На период 1916 года в административном центре Иргизского уезда в двухклассном русско-казахском училище на должности учителя работал Сарыбатыров Булебай Сарыбатырович. Параллельно с ним в этой же школе в качестве учителя-мастера шорно-сапожного ремесла состоял Испулов Тлеген [190, с.112]. Ранее на этой должности был задействован Сатан Саркетович Саркетов. В этот же период в Тургайском одноклассном училище зафиксировано 4 учителя. Из них Балгимбаев Мухаммедьяр Балгимбаевич занимал должность вероучителя. Байменов Ильяс Байменович исполнял обязанности учителя. Профессиональные обязанности учителя указанной

школы выполнял Каратаев Валихан Жокенович. Учителем сапожного мастерства являлся Итаяков Махмуд Итаякович [191, с.176]. В Кустанайском двухклассном русско-казахском училище работал не имеющий чина Иралин Муртаза Иралинович [192, с.143]. В Челкарском двухклассном русско-казахском училище преподавал Талап Беркембаевич Беркимбаев [191, с.108]. Обратных примеров выезда из городов в аграрную стихию урбанизированных казахов не обнаружено. По численности населения и инфраструктуре эти города существенно уступали Оренбургу. Культурный микроклимат этих городов формировался в условиях периодических переселенческих миграций и медленного оседания казахов.

Из числа исследованных учителей незначительные единицы добились карьерного роста. В учительской иерархии на уровне заведующих школ зафиксированы всего лишь несколько человек. Так, например, заведующим Тургайского «Яковлевского» ремесленного училища являлся Жабагин Космухамед Жабагинович [190, с.76]. Жамалетдин Бейсенов работал заведующим 2-х классным русско-казахским Забеловским училищем Кустанайского уезда [190, с. 15]. В этом же уезде обязанности заведующего Домбарского 2-х классного училища исполнял Ханафия Жолдыбевич Жолдубаев [193, с.179]. В административно-управленческом образовании края состоявшие казахские учителя исполняли функции заведующих школ в сельских училищах.

Контингент заведующих школ комплектовался из выпускников учительских школ и семинарий. Как правило, соответствующее образование учителя получали в близлежащих городах, в которых находились подобные школы. По примеру городских учителей заведующие школ имели перспективы перемещения в города при условии повышения квалификации, что представлялось сложным в сельской среде.

Преподавательский корпус большинства волостных и уездных школ ограничивался штучным количеством сотрудников. Так, в Томар-Уткульской волостной школе из 3-х учителей 2 были казахи: вероучитель Касым Пангиреевич Каратаев и учитель Сагындык Дошанов [191, с.96]. В Кость-Истекском русско-казахском училище из 2 учителей в качестве заведующего состоял Тлеген Медетович Медетов. В Тургайском крае формируются наследственные учительские династии. В частности, Балгимбаевы реализовали себя в учительском секторе. Ахмет Балгимбаевич Балгимбаев возглавлял Карабутацкое 2-классное русско-казахское училище.

Волостные Каратургайскую, Тусунскую, Сарыкопинскую школы соответственно возглавляли Абен Тастемирович Тастемиров, Жалмухамед Жалгасынович Жумартов, Альмухамед Касымович Касымов [191, с.108]. В области продолжали действовать интернаты. В двухклассном русско-казахском училище с интернатом преподавал Едрес Кушербаевич Кушербаев. Наурзумским 2-классным училищем заведовал Хамза Бекмухамедович Бекмухамедов. В Оренбургском крае длительное время учительствовал Омар Алмасович Алмасов.

Качество подготовки в аульных школах по статистическим данным хронически оказывалось хуже в отличие от казахских учеников городских школ. Количественно увеличивавшиеся аульные школы требовали наличия квалифицированных кадров. Подобная ситуация хронически оставалась типичной для всех областей края. Оренбургская учительская школа оказалась не в состоянии обеспечить волостные и 2-классные русско-казахские училища должным количеством учителей: «Развитая сеть аульных школ требовала значительного числа учителей, поэтому в аульные школы приходилось приглашать выпускников двухклассных училищ, далеко не всегда пригодных к такой деятельности» [15,с.42].. Аналогичная ситуация происходила и в других областях края. Русские выпускники училищ не имели перспектив в казахских школах по факту незнания национальной культуры, психотипа казахов и казахского языка. Данная тенденция с особой остротой проявилась в местностях компактного расселения неевропейских народов. Этот негативный аспект неоднократно озвучивался на страницах местной периодической печати. В период предшествующий проведению общесибирского съезда по вопросам внешкольного образования в декабре 1915 года в Томске представители общественности вновь актуализировали обозначенную проблему пагубного состояния учебного дела в нерусских школах [192].

Известность получили учителя, достигшие степени влияния в административной системе обучения. Безусловно, огромной популярностью пользовался Ибрай Алтынсарин. Карьера Алтынсарина начиналась с должности письмоводителя при Тургайском уездном управлении в звании хорунжего [146, с.97]. В биографии И. Алтынсарина наблюдался механизм действий, обычно не практикуемый в казахской учительской среде. Из административной системы управления И. Алтынсарин переводится в учительский сектор и достигает карьерного успеха. Из-за нехватки кадров просвещенные казахи параллельно совмещали должности в разных структурах. В 1863 году учитель казахской школы при Оренбургском укреплении Мумин Байдусов получил право выполнения обязанности переводчика при местном правлении. Решение руководства мотивировалось необходимостью замены Алтынсарина, «который известен и Областному правлению с самой лучшей стороны» [194, л.24]. Финансовая сторона вопроса играла немаловажную роль в подобных ситуациях. При минимизированном окладе аульно-сельские учителя занимались личным подворьем и могли рассчитывать на хозяйственную помощь однородцев. С течением времени школы открывались и патронировались влиятельными людьми, протезировавшими и учителей. Алтынсарин относился к социальной группе представительно-сословной фамилии. Деятельность в должности письмоводителя с соответствующим уровнем жалования гипотетически не могла удовлетворить социальные запросы Алтынсарина. Мотивировка перевода Алтынсарина в Тургай заключалась им в необходимости установления контроля над фамильным хозяйством. В процессе реализации своих планов Алтынсарин уволился из канцелярской службы и определился учителем в Тургайскую школу [194, л.24].

Местом своей жизнедеятельности Алтынсарин выбрал город Тургай, прекрасно осознавая, что работа в городской уездной школе позволит ему сохранить хорошую основу для дальнейшего совершенства. Городской период явился важным фактором карьерной перспективы Алтынсарина. Его последователи и единомышленники, казахские учителя-администраторы также долгий период работали в городских школах, имевших существенные отличия от аульно-сельских по всем показателям. С 1864 года Алтынсарин начинает заведовать Тургайским русско-казахским училищем.

Известность в Тургайском крае приобрел Балгимбаев Габдугалий, получивший звание инспектора народных училищ Тургайского уезда [198, с.68]. Балгимбаев получил образование в Оренбургской учительской школе. Его карьера началась с руководителя волостной школы. Значительную роль в становлении Балгимбаева сыграли его коллеги и друзья И.Алтынсарин и Васильев А.В.

Таким образом, учителя достигали успеха, демонстрируя прагматизм и рациональный подход – типичные европейские признаки периода капитализации экономики. Их интуитивное чувственное восприятие подсказывало практицизм выбора решения. В отличие от этнического большинства учителя, тем более специалисты стационарных селений оказались менее зависимыми от природных несурaziц и многих социальных катаклизмов.

В исторической памяти казахов города Оренбург и Омск идентифицировались как составная часть казахской культуры и былой государственности. Оренбург основывался под влиянием Абулхаира на территории Младшего жуза. Впоследствии потомки Абулхаира получили светское образование в местных училищах. Светски-образованные выходцы из семейства Абулхаира, его сторонников и противников консолидировались в Оренбурге как важном административном центре и культурном секторе на основе сближения по общим идеологическим принципам служения казахскому народу.

Омск возводился в районе кочевий казахских племен. Бесспорно, в Сибири Омск по социально-экономическим параметрам и административно-политическому статусу имел привилегированную роль. Именно Омск ассоциировался казахами как некий объединительный центр казахского народа Северного Казахстана и близлежащих областей Сибири. В 1822 году депутаты казахских родов и представители Омского общества мусульман обратились с ходатайством генерал-губернатору Западной Сибири о постройке мечети в Омске. Мусульмане в Омске составляли незначительное меньшинство. Региональное расположение Омска в зоне концентрации казахов и его административное положение как центра Западно-Сибирского губернаторства при наличии ведавших управлением государственных учреждений обусловили необходимость строительства мечети [201,165с.]. Исторически казахи не являлись ортодоксальными мусульманами. В динамике взаимоконтактов с русским населением существовала потребность наличия культурно-объединительного сектора испытывавших рост этнического

самосознания казахов. В этом городе произошло сближение первоначально по этническому принципу всех казахских учащихся. Впоследствии происходит сближение казахов по культурно-образовательным параметрам и социальной статусности.

Производственные перегрузки чиновников от образования в восточных губерниях и областях хронически были высокими. По качественным и количественным показателям развития учебного процесса эти провинции уступали центральным губерниям. С целью упорядочивания учебной системы казахских районов и унифицирования образовательных процессов Правительством вводятся дополнительно должности инспекторов народных училищ. Так, в наиболее проблемной и отдаленной от Оренбурга Тургайской области дополнительно вводятся 2 единицы инспекторов. Аналогичные единицы вводились в Сырдарьинской, Уральской, Семиреченской и Приморской областях. При этом объем канцелярских и разъездных расходов увеличивался на 600 рублей в год [202].

Определенная часть образованной молодежи не желала заниматься учительским ремеслом. Торгово-ростовщический капитал, как и все предпринимательские звенья, не достиг таких масштабов развития в казахском обществе, как, например, в татарском. Промышленная индустрия в крае развивалась медленно. Логично перемещение дипломированных юношей в управленческий аппарат и в сферы обслуживания. Движение казахских юношей в города сопровождалось ослаблением их зависимости от родовых общин. Нарушение гармонии привычных отношений сопровождалась необходимостью формирования новых методов восприятия городских реалий.

Анализ биографических данных свидетельствует о явном стремлении выходцев из богатых и разорившихся, но знатных семей в престижные сферы занятости, к коим школьное образование в их картине мира не относилось.

Не все выпускники учительских училищ продолжили свое поприще по специальности. Так, выпускник Омской учительской семинарии Аблайханов Султан Мадалхан начал свою карьеру в Омском городском полицейском управлении [203, л.4]. Выпускник 1886 года той же семинарии Султангазин Динмухамед продолжил обучение в университете по специальностям, ориентированным на административную деятельность [204, л.1].

Общее количество казахских городских учителей оставалось мизерным. Право преподавания совершенно разных дисциплин в городских, уездных, волостных училищах с русскоязычной публикой характеризовалось этими национальными учителями как результат упорной деятельности утверждения принципа востребованности средой по критерию наличия знаний. Проживая в городах, учителя рассчитывали на единственный вид дохода – заработную плату, которая оставалась фиксировано стабильной. В отличие от них их аграрные коллеги занимались личным подворьем и согласно национальным традициям могли рассчитывать на общинно-коллективную помощь, равно как чиновники и медики. В целом их морально-психологическое настроение соответствовало главной мотивационной идее – достижению необходимого

образовательного уровня и включения в прогрессивную городскую ауру. Изначальные условия быта, следовательно, и потребности таковых граждан были незначительными. Согласно биографической генеалогии, они не относились к сословию обеспеченных.

В крае, как и во всей империи, сохранялась парадоксальная ситуация: при преобладании учительских училищ всех уровней наблюдался дефицит учителей, особенно в отдаленных районах. Согласно анализу областных властей казахские питомцы Павлодарского интерната Семипалатинской области в конце 70-х годов XIX века не занимались педагогической деятельностью. Многие из них состояли в других сферах занятости или уехали в аулы. Тенденция оттока начинающих казахских специалистов отмечалась чиновниками от образования уже в 1879 году. По наблюдениям местного инспектора, на содержание каждого мальчика в год расходовались суммы от 100 до 110 рублей. Из двух выпусков местных интернатов общая численность окончивших составила 10 человек при общем количестве учившихся в 58 человек. Из них двое продолжили обучение в Омских школах, остальные 5 юношей влились в управленческие структуры в качестве переводчиков и письмоводителей [205, л.39].

Проблемы подготовки учительских национальных кадров нашли свое отражение на областном уровне. Генерал-губернатор Туркестанской области в своем отчете отмечал необходимость повышения качества подготовки казахских учителей: «Успешность обучения в аульных школах зависит от учителя, который предоставлен самому себе. Чрезвычайно желательно повысить образовательный ценз этих людей и не допускать педагогически неподготовленных» [199, л.2]. В 70-е годы XIX века обучением казахских детей занимались аульные муллы, вызывавшие подозрения государственных властей. Военный губернатор Семипалатинской области с целью преодоления сложившейся ситуации предлагал Главному инспектору училищ Западной Сибири проект организации так называемых кочующих школ по 1-й, на волость с обязательным обучением русскому языку казахских детей.

Трудности в подготовке и функционировании казахских учительских кадров сохранялись на протяжении всего периода реформирования имперской системы обучения. В хронологический рубеж середины 80-х годов XIX века по официальной статистике в низших городских училищах Акмолинской и Семипалатинской областей, т.е 3-х, 5-классных училищах работал 1 казахский учитель Сатаев. Он состоял на службе в Омском пансионате для казахских и русских детей [200, л.27].

Качество работы учительских кадров снижалась проблемой незнания русскими учителями казахского языка. В середине 80-х годов XIX вв. Западно-Сибирском округе была произведена инспекция на предмет владения казахским языком русскими учителями. По результатам работы комиссии только 2 учителя знали казахский язык – заведующий Семипалатинским 2-классным русско-казахским училищем И. Сиротенко и студент Омского училища М.Матвеев [173, л.2].

Дефицит национальных казахских учительских кадров сохранялся в начале XX века. В процессе преобразования национальных школ актуализировалась проблема специалистов-учителей, знающих казахский язык. В 1916 году по заданию министра просвещения А. Рогинского в Западно-Сибирском учебном округе вновь была проведена поисковая работа по выявлению учителей на соответствие двум условиям: организации учебного процесса в сопредельных казахских школах и знанию «инородческого», т.е. казахского языка. По статистическим материалам из русских учителей только 5 специалистов соответствовали первому условию. Языковыми знаниями владел учитель П.Крылов, окончивший факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. Впоследствии он работал в Оренбургской русско-казахской школе и параллельно занимался исследованием быта казахов Тургайской области. Затем он выполнял обязанности инспектора Казанского учебного округа Уфимской губернии, Тургайской области, Пермской губернии, курируя мектебы и медресе [201, л.42]. В Акмолинской области работал учитель Атбасарского высшего начального училища И. Григорьев, знавший казахский и татарские языки. По статистике 1916 года из числа казахских учителей Западно-Сибирского Учебного округа знакомых с административной работой фиксируется только Н. Кульжанов [173, л.46].

С последней четверти XIX века встречаются сведения о переходе казахских учителей в другие сферы занятости. Упомянутый выше Г. Альбеков с 1899 года оказался задействованным в должности переводчика при Оренбургском окружном суде [157, с.61]. Эта тенденция отмечалась специалистами от образования. Исследователь народного просвещения в Тургайской области Васильев указывал на отток казахских учителей в аулы или другие направления канцелярского типа [9, с.200].

Так, выпускник Омского 5-классного училища Мусульманбек Джуманович Сеитов начинал свою учительскую деятельность в Бекбалинской аульной русско-казахской школе Усть-Каменогорского уезда. В течение года он получил должность заведующего Ережеповской русско-казахской школы [202, л.13]. Затем он ушел в отставку и в течение 3-х лет служил в экспедиции А.В. Переплетчикова по обследованию казахских хозяйств Павлодарского, Усть-Каменогорского и Зайсанского уездов. В дальнейшем Сеитов ходатайствовал о его принятии в Омский окружной суд, что сулило ему классный чин и соответствующее финансовое содержание. В этот период большинство казахских учителей, согласно титулярным спискам, не имели чинов и званий. Данный фактор являлся весьма существенным в судьбах служащих.

Таким образом, наиболее многочисленной группой из профессионального слоя просвещенных казахских граждан являлись учителя. Анализ истории создания и деятельности казахского учительства определял ряд выводов: во-первых, учительский корпус формировался из выпускников среднеспециальных училищ. Университетские специалисты составляли минимум в национальной учительской среде; во-вторых, подавляющее большинство казахских специалистов оказались задействованными в школах, удаленных от городов; в-

третьих, перспективные казахские учителя росли по служебной линии или перемещались в города. Карьера успешных казахских учителей ограничивалась уровнем заведующих школ; в-четвертых, в XIX – начале XX века начинает формироваться незначительный учительский управленческий корпус, в котором заметную роль сыграли И. Алтынсарин, Г. Балгимбаев и ряд других; в-пятых, категория городских учителей была представлена незначительно, характерно, что именно в этот период происходит отток юношей с учительским образованием в другие более привлекательные для них сферы; в-шестых, в последней четверти XIX века формируется незначительная группа казахских учительниц. Казахские учительницы были связаны родством с преуспевающими казахскими служащими. Итак, с этого времени начинается медленный процесс складывания европейски просвещенных казахских женщин, настроенных на работу в социальной сфере в качестве учителей, т.е. категории, ранее незнакомой и непривычной казахскому населению, так как учительское ремесло отождествлялось с деятельностью мужчин.

Профессиональная ориентация казахских служащих логично определяла их расселение по профессиональным группам. Анализ территориально-географического расселения просвещенных казахов показывает их рассредоточенность по региону в зависимости от образовательного уровня и служебной ориентации. Данный аспект предопределял их профессиональную сферу занятости. Закономерно, соответствующее распределение служебных кадров определенным образом способствовало их локализации в незначительных территориальных рубежах. Данные обстоятельства определяли степень контактов учителей городов пригородной зоны или в аграрной среде. Это качество отношений характеризовало специфику взаимовлияния казахских служащих и интеллигентов.

Казахские юноши выбирали то направление интеллектуального труда, которое исторически имело сильную основу в национальной духовной культуре – просвещение и медицина.

Врачебное искусство издревле почиталось казахами. В их представлении духовные лидеры обладали тайнами медицинского искусства. Европейские наблюдатели отмечали стремление казахов к познанию врачебного дела. В Оренбургском крае из татар и башкир формируется корпус медиков. Для некоторых из них Неплюевский корпус явился стартом к своему развитию. Например, по окончании военного училища в начале 30-х годов XIX века Субханкулов, Муслумов и Шарыков изъявили желание стать врачами. Избранные молодые люди командировались на обучение в Казань. Араслан Субханкулов официально признавался первым медиком из тюркского населения края [203].

Неоднократно путешествовавший по местам проживания казахов башкирский военный медик Субханкулов в Оренбургском крае пользовался популярностью среди казахской общественности. Пример Субханкулова, Шарыкова и др. тюрков стимулировал действия казахских учащихся и молодых служащих. Общее количество медицинских специалистов всех уровней в

регионе подсчитать сложно. По официальной статистике только в Акмолинской области в 1914 году отчислилось более 300 медиков различного профиля [204]. Большинство из них составляли представители европейских народов.

В Акмолинской и Семипалатинской областях функционировало несколько ветеринарных училищ, в которых учились и казахские юноши. Как правило, их обучение проходило за счет стипендии от областей. Количество стипендий носило ограниченный характер. На основании анализа архивных материалов и сведений «Обзоров» Степных областей, мы предполагаем, что численность казахских врачей и ветеринаров за период последней четверти XIX – начала XX века едва превышала 106 человек.

Фельдшерские кадры формировались на территории областей уже в первой половине XIX века. Так, Сарсенгали Мукашев окончил Оренбургскую фельдшерскую школу в 1817 году и вместе с казахским фельдшером Утебаевым откомандировывался во Внутреннюю Орду [205, л.39].

С начала 60-х годов XIX века в фельдшерскую школу при Оренбургском военном госпитале был объявлен набор для обучения казахских детей. Из числа учащихся известны Мусабай Тутаев и Исмаил Байтавов. Мальчики успешно прошли курс оспопрививания и сносно читали на латыни. По мнению попечителя прилинейных казахов Троицкой дистанции ученики имели хорошие способности [206, л.4].

В Омске действовала центральная фельдшерская школа. Согласно отчетным данным 1886года, в данной школе обучалось 14 казахских стипендиатов от Акмолинской и Семипалатинской областей [207, л.14]. Параллельно в войсковой ветеринарной фельдшерской школе Сибирского казачьего войска числилось 4-6 казахских стипендиата. [132, л.18].

Курс обучения в подобных училищах проходил до 4-х лет. Определенная часть учащихся отчислялась по различным причинам из училищ. Оплата за обучение в год составляла 200 рублей [207, л.14]. В Томске периода 90-х годов XIX века функционировала повивальная школа. При Томском университете действовал медицинский факультет. Дипломированный выпускник медицинского факультета согласно правилам распределения получал место участкового врача. Участковые врачи имели следующие права: государственная служба, пенсия по медицинскому положению, должность VIII класса, оклад содержанием в 1200 рублей в год (столовых 600 и жалование 600), освобождение от призыва на действительную воинскую службу [127, л.49]. В финансовом соотношении медики находились в более благоприятной ситуации в отличие от учителей. Очевидно, данный аспект учитывался казахскими юношами в выборе учебного заведения и будущей профессии. На основании нового Положения области делились на несколько медицинских участков. Врачебный штат каждого участка состоял из 1 врача, 1 акушерки-фельдшерицы, 1 фельдшера. В среднем на каждый участок приходилось около 20 кв.верст. Оклад фельдшеров составлял 200 рублей и признавался современниками как мизерный в социально-бытовых условиях региона. Ранее жалование фельдшера в 60-70-е годы XIX века в степной части составляло 150

рублей в год [208, л.5]. Таким образом ситуация слабой материальной обеспеченности сохраняла свою остроту.

Дефицит врачебного персонала в крае оставался существенным. Информаторы отмечали хронический недостаток медикаментов, недокомплект инструментов, социальную неустроенность врачей. Актуализировалась проблема наличия переводчиков при русских врачах, не знающих казахского языка [209]. Очевидно, русские специалисты не желали выезжать в области. Соответствующие вакансии восполнялись адаптированными к местным условиям казахскими служащими.

В Сибири хронически наблюдалась нехватка врачебных кадров. По официальным данным, в 1911 году из 200 врачебных и фельдшерских пунктов, находившихся в распоряжении переселенческого управления, многие продолжали пустовать. С целью привлечения профессиональных кадров фиксировалось увеличение оклада для медиков от 1800 рублей до 3 тысяч рублей и фельдшерам до 600 рублей. Специалистам предоставлялась готовая квартира [210].

Участники проходившего в Петербурге фельдшерского съезда в этот период подняли злободневную проблему системы преподавания в фельдшерских школах. Таким образом, ученые поставили под вопрос качество квалификации фельдшерского корпуса. По правильному замечанию медиков, фельдшеры не имели дальнейших перспектив качественного роста «... мальчик 13-14 лет попадает в фельдшерскую школу. Он кончает ее и дальше ему ходу уже нет». Фактически фельдшерское образование замыкалось в рамках фельдшерской школы, методика преподавания в которой ограничивало поле деятельности фельдшеров [211].

Итак, казахские фельдшеры, функционировавшие в имперской структуре, локализовались в рамках полученных знаний без дальнейших возможностей повышения квалификации. По данным медицинского департамента Российской империи общее количество фельдшеров в 1906 году составляло 22 тысячи. Только за 1906 год в общей сложности они приняли 20 миллионов больных. Фактически, как признавали статисты, фельдшеры в сельской местности выполняли обязанности врачей. По аналитическим подсчетам на одного медицинского специалиста приходилось 25000 человек населения [211]. На съезде медиков отчетливо обозначилась задача повышения специализации фельдшеров и расширения их сферы деятельности. Медицинские чиновники признавали сохранение пагубной ситуации в государстве. Казахские фельдшеры при всем желании оставались ограниченными в своих действиях. По качеству полученных знаний, специфике полномочий, скудном инструментарии, фельдшеры локализовались на выполнении незначительных хирургических операций. Наиболее успешные фельдшеры выполняли свои функции в закрепленных за ними приемных покоях и аптеках. Периодически курсировавшие фельдшеры в аульной глубинке зачастую использовали народные средства и фиксированное количество медикаментов, распределяемых в зависимости от финансирования по медицинской части.

Наблюдатели отмечали несоответствие методики преподавания в фельдшерских училищах современным реалиям. Казахские фельдшеры повышали собственную квалификацию в производственной деятельности. В личных делах фельдшеров не прослеживается информация об их дальнейшем обучении или повышении квалификации.

В медицинской иерархии по официальной статистике фельдшеры, акушеры, лекарские ученики и повивальные бабки признавались низшим персоналом. В процентном соотношении эти группы врачей доминировали. Причем в уездах фельдшеров в процентном соотношении фиксировалось больше, чем в городах. Подобная картина наблюдалась во всех областях расселения казахов.

Реформирование медицинского положения в степных областях по закону от 29 мая 1897 года было призвано коренным образом изменить социальную ситуацию. Эта реформа в конечном результате не соответствовала фактическим нуждам местного населения. На момент реформы во всех областях насчитывался ограниченный медицинский персонал. Ранее с 1893 года в каждом уезде полагалось наличие 1 уездного врача VII класса с содержанием 1800 рублей в год, по 1 акушерке с жалованием 400 рублей, по 1 уездному фельдшеру с финансированием в 360 рублей и нескольких волостных фельдшеров, получавших 220 рублей в год. В уездах при каждом уездном враче находился приемный покой с аптечкой и небольшие стационарные пункты лечения [212,с. 22].

Работа незначительного медицинского персонала, в частности, в Семипалатинской области с территориальными масштабами в 4 211 85 кв. верст, признавалась неэффективной. На основании нового положения каждая область делилась на несколько участков. Планировалось наличие в каждом участке 1 врача, 1 акушерки-фельдшерицы, 1 фельдшера. Жалование врачам понижалось с 1800 рублей до 1200 рублей в год. Врачи переводились из VII класса служащих в VIII. Оклад акушерок снижался с 480 рублей до 360 рублей, фельдшера – с 360 рублей до 220 рублей. На разъезды медицинским служащим ассигновывалось по 5760 рублей в год. Расходы на медикаменты в Семипалатинской области составляли 3450 рублей. В среднем на каждый участок приходилось несколько сотен рублей. В той же Семипалатинской области планировалось распределение 2 врачей в волости с казахским населением, что не решало проблему ликвидации эпидемий. Согласно анализу в среднем на подготовку и обучение в школе и в университете специалиста затрачивалось 14 лет с соответствующим финансированием и энергозатратами. Работа пришлых специалистов в плохо обустроенных пунктах не соответствовала их запросам. В степных областях сохранялся дефицит медицинских кадров, выбиравших благоприятные для проживания зоны. Материальное обеспечение акушерок и фельдшеров не могло сравниться с окладами полуграмотных волостных писарей, нехватка инструментов и приемных покоев снижала эффективность труда медиков и подрывала значимость официальной медицины среди населения. Так, военный губернатор

Семипалатинской области, фиксируя существенный недокомплект медицинского штатного состава, отмечал причины сложившейся ситуации: «нынешние условия службы врачей не привлекают на здешнюю далекую окраину достаточного числа лиц наиболее полезных населению своими медицинскими познаниями» [213, с.23].

По данным статистов, в 1906 году по результатам исследования жалования нескольких тысяч государственных, земских и частных врачей в среднем на каждого из них приходилось до 800 рублей в год. Качество жизни вольноприходящих врачей оценивалось в сумму от 800 до 1000 рублей. Аналитическая статистика свидетельствовала о низком финансовом обеспечении многих врачей в сумме от 200 до 300 рублей в год. Социальная статусность работников медицины признавалась неоправданной: «На лестнице разных родов государственной службы врачи занимают сравнительно низкую ступень. В то время как учителя средних учебных заведений, судебные следователи, мировые судьи, податные инспекторы занимают должности не ниже 7 класса, большинство врачей находятся в должности 8 класса, а младшие военные врачи даже 9-го» [213]. Годовой оклад титулярного советника, врача Карабаева в середине 90-х годов XIX века составлял 800 рублей. В этот период Карабаев ходатайствовал у Военного губернатора области об отставке, мотивируя свое решение «домашними обстоятельствами», по которым он не мог продолжить дальнейшую службу [214, л.1]. Ограничение в финансовых средствах снижало уровень социализации медиков, знания и кругозор которых базировались на требовавших постоянного улучшения университетских познаниях.

Одним из первых дипломированных врачей края являлся Амре Дурманович Айтбакин. Уже в 1895 году он известен как медик Каркаралинского 3-х классного училища. Айтбакин имел звание титулярного советника [215, с.127]. Его отец Дурман имел зимнюю стоянку в Акпетътавской волости. Айтбакин не ограничивался практикующей деятельностью только в училище. При острой нехватке врачей в восточных провинциях к его услугам специалистов прибегали жители округа. Айтбакин, пожалуй, был одним из немногих проживавших в городе казахских врачей.

В категории военных медиков числился Санжар Асфендияров. По окончании Санкт-Петербургской Императорской военно-медицинской академии он начинал работу по медицинской части в среднеазиатском городе Термизе [64, с.145].

С 1906 года в Семипалатинске работал фельдшер Ахмеджан Козбагаров. Первоначальное образование он получил в Семипалатинской сельскохозяйственной школе. Впоследствии Козбагаров продолжил обучение в Омской фельдшерской школе [65, с.162]. В биографиях казахских служащих редко встречаются материалы об их переучивании по совершенно разным специальностям. Дефицит финансовых средств и времени обуславливали рациональное использование наличных ресурсов казахскими юношами. Очевидно, в данном случае Козбагаров исходил из практичности реализации

своих возможностей именно по востребованной в животноводческом регионе профессии фельдшера.

В станице Баянаул Павлодарского уезда Семипалатинской области работал выпускник медицинского факультета Томского государственного университета Асылбек Жуманович Сеитов [59, с.50].

Его отец – Жуман Сеитов – выполнял обязанности переводчика канцелярии генерал-губернатора Западной Сибири. В этой связи вызывает интерес зачисления его сына на медицинский факультет.

Обязанности участкового фельдшера в Кокчетавском уезде выполнял Четыбеков Беркутбай. Как правило, на один пункт приходилось несколько волостей. Нагрузки на медицинских специалистов возрастали в эпоху инфекционных эпидемий. В 1902 году он награждается серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте [216]. В архивах документов о подобных награждениях казахов-врачей не обнаружено. В 1911 году Четыбеков откомандировывается штатным медицинским фельдшером на 10-й участок этого же уезда [216]. На примере Четыбекова фиксируется процесс медленного увеличения штатного персонала при наличии права выбора сферы производственной деятельности молодых специалистов. Беркутбай Четыбеков числился некоторое время при штате канцелярских служащих крестьянских начальников Кокчетавского уездного съезда. Действительно, ряд образованных казахских специалистов работали при канцеляриях не по профилю, существенно снижая профессиональную квалификацию.

На 3-м участке Базаровской волости Зайсанского уезда работал медицинский фельдшер Талтаков Рахмет. Талтаков окончил Омскую центральную фельдшерскую школу. Он был уроженцем Зайсанского поста Семипалатинской области [207, л.14]. За проявленное усердие приказом генерал-губернатора Талтаков поощряется похвальным листом – юридическим документом, подтверждающим степень квалифицированности и гражданской ответственности труженика [217]. На 2-м участке Омского уезда приобрел известность участковый фельдшер Мукучев. В 1902 году он поощряется серебряными часами. Аналогичную награду получил участковый фельдшер Аккаинского уезда Шаймерденов. Пик поощрений и наград по Степным областям приходится на 1902 год. В первом десятилетии XX века наблюдалась вспышка оспы в данном регионе. Актуализировалось качество работы врачей. Формируются группы оспенных учеников. Согласно источникам, похвальными листами награждались оспенные ученики Акмолинской области Толжанов Омар, Майликутов Оспан, Акмухаметов Садыкпек [218].

По данным 1915 года в Троицком уезде работал врач Алдияров Аубакир [159, с.118]. В Тургайской области широкую популярность получил Мухамеджан Карабаев работавший долгое время врачом I участка Иргизского уезда и имевший звание статского советника [214, л.83]. С детства Карабаев находился под влиянием И.Алтынсарина, который рекомендовал его в Казанский пансионат при Троицкой мужской гимназии. Карабаеву как «... единственному на уезд врачу приходилось выезжать на погашение очагов

острозаразных эпидемий, производить срочные хирургические операции, принимать тяжелые роды» [13, с.117]. В восточных провинциях империи испытывался острый дефицит медиков. В начале XX века Карабаев обладал непререкаемым авторитетом в Тургайской области. Профессиональные услуги казахских специалистов применялись и в переселенческих селах. Именно на Карабаева возлагалась процедура проведения медицинского расследования состояния переселенческого населения от последствий голода в Кустанайском уезде [219]. Численность врачей в области оставалась незначительной. В период социальных потрясений медики обслуживали население при крайне скудном финансовом бюджете.

Позже Карабаев командировался на длительный период в Якутию по случаю эпидемии инфекционных заболеваний. В Сибири он пребывал с 1911 по 1916 год [219]. В Тургайской области Карабаев проработал более 20 лет с 1888 по 1911 год и считался одним из опытных специалистов. Из биографии казахских служащих известны единичные случаи их делегирования по служебной необходимости за пределы Степных областей. Областные власти испытывали сильную степень доверия к Карабаеву. По роду деятельности предполагался его контакт с «инородческим» населением Сибири, которое психологически должно было испытывать уважение и признательность врачу Карабаеву по причине антропологического родства и духовной близости. В Якутии Карабаев занимал должность Верхоянского участкового врача, затем работал Колымским участковым врачом. Впоследствии Карабаев проживал в Оренбурге – городе, в котором концентрировались казахские интеллигенты и служащие. В 1916 году Карабаева командировали в Петроград для работы в организации Красного Креста. В этот период дефицит медиков сохранял свою актуальность. Например, в Акмолинской области имелось 7 вакансий участковых врачей – 3 в городах Кокчетав, Атбасар, Акмолла и 4 в селах [220]. В отличие от канцелярских служащих сельские врачи и фельдшеры имели обширное поле деятельности. Реальную конкуренцию им составляли шаманы и знахари. Медицинские специалисты в большей степени вынуждены были рассчитывать на собственные знания и возможности. Рабочий день этих служащих в сельских условиях носил лихорадочный характер. В трудных условиях и непредсказуемых ситуациях эти специалисты заслуживали собственный авторитет. В источниках нет сведений о командировании специалистов на курсы повышения квалификации. Производственная квалификация оттачивалась в ежедневной работе и контактными консультациями с медиками из городов или смежных волостей. В силу существующей национальной традиции приобретшие известность врачи и фельдшеры имели право доступа к казахским авторитетам и султанам, находились в привилегированном положении в казахских общинах. Знание русского языка и официальный статус дипломированных специалистов определяли их выезды в переселенческие населенные пункты.

Итак, в исследуемый период в Казахстане формируются национальные медицинские кадры, представленные врачами и фельдшерами. Проведенный

анализ позволяет сделать следующие выводы: во-первых, казахские медицинские кадры начинают готовиться с начала XIX века; во-вторых, казахские специалисты проходили обучение в фельдшерских школах, а впоследствии со второй половины XIX века в университетах на медицинских факультетах; в-третьих, численность врачебно-фельдшерского персонала применительно к казахскому населению оставалась незначительной; в-четвертых, из группы казахских специалистов лишь единицы работали в городах. Большинство было задействовано в волостях. Из казахских врачей и фельдшеров только незначительная часть проживала вне пределов этнотерритории выше казахских общинников. И все же в этот период в империи актуализировалась проблема социально-имущественного обеспечения врачебно-фельдшерского персонала.

Подавляющее большинство казахов занималось животноводством. Казахские юноши рационально подходили к выбору профессии ветеринара. По сути, занятие ветеринарным делом предопределяло возвращение казахов в привычную аграрно-кочевую социоэтническую среду. Условия городской жизни преломляли жизненные приоритеты повзрослевших юношей. По окончании ветеринарных училищ молодые люди распределялись в уездные пунктовые участки. Фактов массового проживания ветеринаров в городах не зарегистрировано. Обязанности ветеринаров вменялся осмотр гуртового и «промышленного» скота, надзор за местами выпаса и убоя. Объемы ветеринарных участков, в частности, в Акмолинской области, варьировались от 7 до 66 квадратных верст. Численность скота на участках колебалась от 60 тысяч до 300 тысяч голов. Аналогичные показатели в целом были характерны для остальных Степных областей. Ветеринары обслуживали казахские волости и переселенческие деревни. По аналитическим сведениям областных властей и ветеринарного начальства, распределение скота между специалистами носило неравномерный характер. Врачи не имели возможности качественно организовать в стационарных пунктах их пребывания лечебного дела и зоотехнических мероприятий. Ветеринары лишались возможности частых регулярных рейдов в отдаленные селения и аулы. Поэтому в докладе резюмировалась неэффективная работа ветеринаров в крае.

Большинство уездов в своем составе имели казахские волости. В Акмолинской области в 1910 году на службе по 14 уездам состояло 14 ветеринаров. Русские уездные ветеринарные врачи зачастую не владели казахским языком. Данный фактор затруднял эффективность их труда в волостях. Медицинский штат в уездах состоял из ветеринарного врача, ветеринарного фельдшера и ветеринарного стражника. Численность казахских специалистов в областях оставалась незначительной. Например, из нескольких десятков специалистов-ветеринаров в Акмолинской области на службе состояли только 2 этнических казаха - врач Избасаров и фельдшер Альдибаев. Исследование ветеринарного корпуса в областях характеризует продолжающийся умеренный процесс формирования ветеринарного медицинского контингента из казахской среды. При ситуации сохранения

дефицита подготовленных кадров казахские ветеринары достигали уровня уездных врачей, полномочия которых сохранялись в рамках обширной территории [221].

Из ветеринарных врачей следует выделить Избасарова Джусупа. Его карьера началась в Копальском уезде Семипалатинской области. В 1901 году Избасаров согласно прошению назначается уездным ветеринарным врачом IV участка Акмолинского уезда [222]. Ранее приказом по гражданскому ведомству по МВД он производится в титулярные советники. Должность управленческого уровня обязывала, в том числе казахских служащих, стремиться к титулам, являвшимся подтверждением их квалификации и признанием заслуг. В представлении аграрной среды знаковая атрибутика служащих символизировала их деловые качества. Через непродолжительное время по приказу Избасаров переводится на XIII участок Атбасарским уездным врачом. С 1907 года он трудился ветеринарным врачом на XXXIV участке Акмолинского уезда. Пожалуй, он являлся одним из немногих изъездивших всю Акмолинскую область ветеринаров. В этот период Избасаров получает звание надворного советника или VII чин [223]. Примечательно, что звание надворного советника было уделом выходцев из разночинной среды. По уставу к чиновникам с VIII чина, то есть коллежского асессора, обращались по терминологии «Высокоблагородие». Это обращение являлось новым в казахском обществе и формировало дистанционную форму отношений на уровне официоза, тем самым приближая казахских разночинцев к статусу местных аристократов, всевластных волостных и обеспеченных баев. Избасаров повышается в чине со старшинством коллежского секретаря. В империи повышение в чине проводилось за выслугу лет и заслуги.

В 1910 году Избасаров выполнял обязанности уездного ветеринарного врача на XIV участке Акмолинской области. Таким образом, только за 10 лет производственной деятельности он проработал на 3 смежных участках. Выполняя служебные функции на IV участке, Избасаров обслуживал 8 крестьянских волостей с переселенческим населением и 1 казахскую. Это не единичный случай эффективной работы казахских специалистов в районах с концентрацией русского населения. Соответствующие условия труда мобилизовывали внутренние ресурсы казахов, ориентированных на сохранение своих позиций в производственной нише и дальнейшей карьере. Объем территории курируемого Избасаровым участка составлял 9600 квадратных верст с несколькими сотнями тысяч голов. В отчете Акмолинского губернатора учитывалась загруженность ветеринарного персонала и актуализировалась проблема увеличения количества специалистов с соответствующим дроблением территории области на пунктовые участки [222, с.25]. За период работы ветеринаром XII участка Атбасарского уезда Избасаров переводится в звание коллежского асессора по причине выслуги лет [224]. Повышение Избасарова проходило по итогам его работы на каждом новом участке. Синхронно с каждым новым переводом он добивался положительного результата, демонстрируя высокую производительность труда.

По документации ветеринары нередко переводились на разные участки по приказу властей. Авторитарно-приказные методы оказывались эффективными в исправлении ситуативных проблем. Ветеринарам предписывалось скорейшее перемещение в зоны чрезвычайных бедствий. По всей видимости, Избасаров находился на особом счету у властей как опытный и инициативный специалист.

Отрывочные сведения сохранились об Ахмете Чегирове. Во второй половине 80-х годов XIX века Чегиров, будучи стипендиатом Каркаралинского уезда, числился среди учащихся Войсковой ветеринарной фельдшерской школы Сибирского казачьего войска [207, л.18]. Вскоре молодой сотрудник Усть-Каменогорского уезда награждается похвальным листом. Распоряжением Степного генерал-губернатора ветеринарный фельдшер Алкабекского ветеринарно-охранного пункта Семипалатинской области Чегиров был поощрен халатом 3-ей степени [225].

Функции ветеринарного врача на скотопрогонном тракте в урочище Той-Уткуль выполнял Султанов Ибрагим. Впоследствии власти его задействовали на охранно-карантинной линии по реке Чу, которая являлась административной границей между областями империи [226]. Обязанности пунктового ветеринарного врача Чуйского Охранного пояса выполнял не имеющий чина Нургалий Якупович Якупов. В обязанности ветеринаров вменялся обязательный контакт с населением. Казахские служащие владели двумя языками, что и обуславливало необходимость их пребывания на проблемных участках.

Обязанности волостного фельдшера Семипалатинского уезда исполнял Садык Досумбеков. За отличную службу он был поощрен халатом 3 разряда [227].

В числе ветеринарных фельдшеров Кокчетавского уезда состоял Темирбек Альдибаев [228]. Уроженец Кокчетавского уезда Альдибаев окончил ветеринарно-фельдшерскую школу Сибирского казачьего войска [132, л.14]. Типичная особенность казахских стипендиатов – возвращение на территории исходного проживания. В этом проявлялась суть национального характера. В данном действии и подобных поступках сказывалась склонность избегания риска в судьбоносном решении. Казахские служащие предпочитали начинать профессиональную деятельность в зоне концентрации своей родовой общины. В 1904 году за формулировкой «для пользы службы» фиксируется его перевод на XIII участок Акмолинского уезда [229]. Данный тезис встречается весьма часто в переводных делах служащих области. Соответствующий регулятор отношений возможно рассматривать как взаимный обмен опытом и избегания фактора привыкания к местным условиям, что негативно могло сказаться на производительности труда чиновников всех уровней.

На Чуйской ветеринарно-охранной карантинной линии между Акмолинской и Сырдарьинской областями трудился пунктовый ветеринарный фельдшер Джансарин [230]. С начала XX века государственные власти практиковали процедуру перемещения казахских служащих – уроженцев степных областей Казахстана в южные регионы, совсем недавно включенные в

состав государства. Политическая цель данной акции заключалась в установлении контактов с местными родоплеменными авторитетами при тотальном дефиците специалистов из жителей данных областей и незнании языка, традиционных основ населения русскими профессионалами. Пунктовые врачи на карантинной линии в весенний период курсировали вдоль приграничной реки Сарысу, осуществляя контроль над перемещением скота из Сырдарьинской области.

В Оренбургском генерал-губернаторстве работал ветеринарный врач Хусаин Заганьшинович Терегулов, который в 1916 году имел звание коллежского секретаря [231, с.123]. На V-м участке Челябинского уезда действовал не имевший чина Исен Кульпеисович Кульпеисов. Впоследствии он перевелся на IV-ый участок, будучи сверхштатным ветеринарным врачом [232, с.47]. В Тургайской области на XIII-м участке работал ветеринарный врач Ибрагимов [233]. В Иргизском уезде ветеринарным врачом работал титулярный советник, впоследствии коллежский асессор Сермухамедов [234]. Согласно архивных источникам, врачей и ветеринаров, имевших чиновничьи звания, оказалось больше в сравнении с учительским персоналом.

Обязанности пунктового ветеринарного врача в Томской губернии выполнял Мэтен Бекетаевич Бекетаев [235, с.68]. Первоначальное образование Бекетаев получил в Омской мужской гимназии. Затем он продолжил обучение в Казанском ветеринарном институте, который окончил в 1898 году [32]. В 1913 году он работал в деревне Теренгуль Каинского уезда [235, с.35]. По официальной статистике, общая численность населения Каинского уезда составляла 323 242 человек [236, с.3]. При малой плотности населения на столь огромной территории при дефиците специалистов фиксировалась их хроническая загруженность. В Сибири численность ветеринаров всех уровней оставалась невысокой. Так, в Томской губернии работало 60 специалистов [236, с.11].

Насущная необходимость сохранения и обеспечения экономического потенциала предопределила перемещение ветеринаров, особенно наиболее успешной части из них, на различные пунктовые участки. В среднем ветеринары меняли участки через непродолжительный период по факту улучшения ситуации. Соответствующие энергозатраты государство компенсировало повышением в чине.

Итак, в XIX веке формируется группа казахских специалистов-ветеринаров. Приведенный анализ позволяет сделать ряд выводов: во-первых, ветеринарное образование казахские юноши получили в ветеринарных школах. Впоследствии казахи обучались на ветеринарных факультетах высших учебных заведений; во-вторых, большинство казахских ветеринаров начинали служебную деятельность в местах своей родовой этнотерритории; в-третьих, численность ветеринарного потенциала в крае оставалась незначительной, что определяло их большой объем работы; в-четвертых, в этот период происходит перемещение наиболее успешных казахских специалистов на ветеринарные пункты-участки с целью улучшения ситуации в животноводческой сфере; в-

пятых, большинство ветеринаров состояло на службе в низших классных числах с соответствующим окладом.

Таким образом, в регионе формируются профессиональные группы казахских служащих: учителей, врачей, фельдшеров и ветеринаров. Профессиональная специализация указанных служащих соответствовала национальным традициям казахского народа. При этом система их подготовки основывалась на русско-европейских образовательных канонах. Внутри профессиональных групп между специалистами сохранялась существенная разница по качеству подготовки, степени акклиматизации, финансовому обеспечению. Только незначительная часть национальных специалистов проживала в городах. По выявленным данным в городах в этот период функционировали немногочисленные категории казахских учителей. Служащие этих групп достигали определенных результатов своего развития в сельской среде.

Географический анализ рассредоточения казахских служащих резюмирует вывод отсутствия конкуренции между ними по причине их дифференциации по профессии и незначительном количестве на огромной территории с малой плотностью населения. В смешанных поселениях, особенно в зоне преобладания неказахского населения, служащие конкурировали с чиновниками из других национальных групп. Зафиксированные в личных делах награды и поощрения казахских специалистов косвенно демонстрируют их рвение к служебной деятельности. В XIX веке некоторые специалисты достаточно успешно справлялись с повышенными нагрузками в мононациональных русских селах, как, например, казахские врачи Карабаев, Айтбакин и целая группа фельдшеров и ветеринаров

Основная масса учителей, врачей и ветеринаров концентрировалась в аграрной сфере. Анализ личных дел большинства специалистов этих профессий демонстрирует незначительное представительство в их среде выходцев из социально-престижных слоев казахского общества как-то султанства или других знатных сословий. Значительная часть из исследованных специалистов за длительный период своей деятельности не смогли совершить карьеры по служебной иерархии, ограничиваясь низшей ранговой титулатурой с соответствующим обеспечением.

2.3 Казахские служащие в органах административно-территориального управления

В процессе доминанты влияния имперских структур в областях акцентировалась задача присутствия местных национальных представителей в административной и силовой системах управления.

Казахские служащие имели право работать в полицейском управлении. В штате Омского городского полицейского управления на должности канцелярского служащего состоял Ережеп Итбаев, впоследствии переведенный на службу в Семипалатинскую область [237]. Уровень подготовки Итбаева ограничивался полным курсом Омской гимназии. Характерно, что он

продолжил свое обучение в Томском университете на медицинском факультете, но не закончил его. Обучению в университете он предпочел канцелярскую должность с учетом гаммы объективных обстоятельств. В возрасте 24 лет он характеризовался как холостой [238, л.28]. В 1906 году через 6 лет трудовой деятельности Итбаев уволился в отставку. Через полгода в октябре 1907 года он восстановился по линии министерства юстиции в Омский окружной суд на должность переводчика. По месту службы он имел весьма положительные рекомендации. Подтверждением заслуг Итбаева является динамика присвоения ему чинов. В 1909 году он за выслугу лет получил звание коллежского регистратора со старшинством. В 1913 году Итбаев состоял в чине коллежского секретаря со старшинством. Финансовый оклад Итбаева с учетом его классности составлял 1000 рублей, из которых объем жалования достигал 450 рублей, столовых-225 рублей, квартирных-225 рублей, добавочных-100 рублей [238, л.47]. В отличие от аульных учителей и медицинских специалистов Итбаев работал в городе и имел более высокое финансовое содержание. Данный фактор предопределил действия Итбаева, как и ряда других выпускников училищ, в выборе профессии.

С 1914 года при Омском окружном суде состоял Мусульманбек Джумашевич Сеитов. В 1915 году на него возлагалось временное заведование I-м столом Уголовного отделения. Через месяц в ноябре 1915 года он назначается временно исполняющим обязанности помощника секретаря этого же отделения. Впоследствии Сеитов по прошению уволился в отставку [202, л.14].

В этот же период обязанности коллежского регистратора исполнял Досумбеков Баймурат. За время обучения в Омской центральной фельдшерской школе уроженец Акмолинской области Досумбеков продемонстрировал отличные успехи [239, л.228].

При этом Досумбеков предпочел медицинской службе работу в управлении. Выбор решения имел веские основания. Мотивация зачисления казахов в полицейские структуры заключалась в установлении контактно-контрольной связи с казахским населением. Действительно, позже Досумбекова командировали к крестьянскому начальнику 1-го участка Омского уезда [240]. Впоследствии он работал смотрителем Акмолинской областной больницы для душевнобольных [241].

Казахские чиновники на местах были востребованы с целью предотвращения и разрешения конфликтов между властными структурами и этническими общинами. Канцелярский служащий 3 разряда Мухаммед-Гали Абулгазин в 1906 году состоял на службе при канцелярии Омского окружного суда. Длительное время он функционировал при участковом мировом судье Кокчетавского уезда [242]. Обычно казахские канцеляристы в подобной сфере совмещали должности переводчиков и писарей.

С 1901 по 1915 год при Троицком уездном полицейском управлении обязанности столоначальника I-го стола исполнял не имевший чина Айтленов Айжан Айтленович [243, с.10]. В начале XX века происходят изменения престижа должностей в иерархии управления и общественного восприятия. В

частности, небезызвестный чиновник М. Бекчурин занимал должность столоначальника в 70-80-е годы XIX века и пользовался весьма высокой популярностью в местных чиновничьих кругах. Должностной оклад М. Бекчурина в 1871 году составлял 500 рублей. [243, с.35]. В сравнительном анализе по финансовому обеспечению он уступал управляющим и начальникам отделений гражданского управления Оренбургского края. Значительно позже существенно расширился административный штат. Ролевые функции большинства чиновников сузились по регламентируемым нормативам нового времени. По факту занимаемой должности Бекчурин имел звание Статского советника. По ранговой схеме должностных полномочий Айтленов занимал должность без какой-либо классности. На данном примере логичен вывод проникновения казахских представителей в вакуумные ниши канцелярской сферы. Данный процесс носил медленный, методический, постоянный характер.

Выпускник Омского технического училища Джусуп Сатыбалдин связал свою судьбу с Омским управлением. По мнению дирекции училища, отличник Сатыбалдин подавал прекрасные надежды на дальнейшее обучение в университете. В 1901 году приказом генерал-губернатора Сатыбалдин получил направление в распоряжение Председателя Акмолинского уезда по крестьянским делам [244]. Примечательно, что в этом же управлении состоял на службе в качестве словесного переводчика брат Джусупа Сатыбалдина Балабек Сатыбалдин Тлеукин [245]. Близкородственная связь никоим образом не помешала работать Сатыбалдиным в административной структуре. Казахские чиновники привлекались как профессиональные переводчики и по степени подготовки в познании делопроизводства превосходили полуобразованных толмачей второй половины XIX века. Впоследствии Балабек Тлеукин продолжил производственную деятельность учителем Нуриной аульской школы Акмолинского уезда. Мотивы выбора соответствующего решения неизвестны. На учительском поприще Тлеукин реализовал себя успешно. За особые заслуги, он, будучи учителем, получил в награду серебряные часы [246]. По источникам в системе наград относительно аульных учителей доминировали различного рода ценные подарки.

В штат управления Акмолинского уезда состоял бывший канцеляристский служащий Верненского окружного суда Хусаин Ерденбаев. По роду занятий Ерденбаев находился в роли словесного переводчика.[247]. Впоследствии он продолжил свою деятельность канцелярским служителем 2 разряда при Омском окружном суде [248]. Штат Акмолинского управления постоянно расширялся. В 1903 году в составе членов управления числился младший переводчик Садвакас Джантасов. Позднее он работал в звании губернского секретаря [249]. По роду деятельности казахские переводчики управления выполняли должностные обязанности в иных структурах. Так, Джантасов делегируется в распоряжение окружного инженера Тобольско-Акмолинского горного округа. За исправную службу Джантасов получил чин коллежского

секретаря [250]. Достижение нового чина определялось работоспособностью служащих.

При Тургайском областном правлении на службе состояли Ш. Алматов и А. Тюлькибаев. Письмоводитель Кустанайского уездного управления губернский секретарь Тастемиров временно заведовал Кустанайской тюрьмой

В плеяде казахских служащих выделяется незначительная группа чиновников, задействованная в различных структурах. Обязанности счетного чиновника при контрольной палате исполнял титулярный советник Магзум Бисалиевич Каратаев [187, с.25]. С 1915 года, будучи коллежским асессором, он исполнял подобные функции при Ташкентской железной дороге. Ранее он имел звание губернского секретаря и действовал при казенной палате Оренбургского генерал-губернаторства [231, с.8].

В Тургайской области при судноберегательной кассе в должности кассира работал губернский секретарь Мухамедьяр Хангереевич Тунганчин [252, с. 46]. Карьера Тунганчина начиналась в Тургайском областном правлении [261]. Параллельно он исполнял обязанности переводчика при строительном отделе. [253, с. 42]. Вероятно, некоторые казахские служащие синхронно действовали на двух работах, при этом работа переводчика зачастую играла доминирующий характер.

На рубеже XIX-XX веков в Оренбургской контрольной палате на должности счетного чиновника числился султан Асадулла Салимович Идигин. [254, с. 39]. Идигин не имел чиновничьего звания, но в делопроизводстве обозначен под султанским титулом. Данное явление носило редкостный характер, так как большинство султанов предпочитали работать во властных структурах. В работе Оренбургского сиротского суда принимал участие Ульдан Ахметович Ахметов [187, с.22]. В Актюбинской уездной канцелярии служащим 3 разряда работал Исгалий Жиенгазиевич Досов [255].

Примечательно, что в начале XX века среди казахских служащих выделяется незначительная группа специалистов, состоявших в сферах, малоизвестных казахам. Казахские чиновники в единичной вариации начинают функционировать на железной дороге, почте и т.д. Причем эти служащие пребывали в командировках и перемещались в обширной зоне степных областей и Приуральско-Сибирского приграничья. В Омской телеграфной конторе трудился почтово-телеграфный чиновник IV разряда Досмухамед Кеменгеров [256]. По линии Омского почтово-телеграфного округа Кеменгеров длительное время работал в качестве помощника начальника Акмолинской конторы. В его компетенции находились контроль и анализ почтового делопроизводства на локальном участке области. На этой же должности Кеменгеров удостоивается звания титулярного советника. Впоследствии в 1906 году приказом начальника Омского почтового телеграфного округа он назначается чиновником IV разряда в штат Тобольской конторы [257]. Следует отметить, что командировка Кеменгерова длилась полгода. Мотивы перемещения этого чиновника на огромном участке были связаны необходимостью временной инспекции и взаимного обмена опытом. Летом

1906 года Кеменгеров перемещается из Тобольской конторы в Омскую [258]. Осенью 1906 года за заслуги он переводится из титулярных советников в чин коллежского советника с сохранением собственной должности помощника начальника Акмолинской конторы [259]. Власти нередко привлекали Кеменгерова к выполнению общественных работ, демонстрируя степень доверия к исправному служащему. Железные дороги в восточных районах империи закладывались в последней четверти XIX века. Транспортная сеть зачастую пролегла через малозаселенные удаленные от центра места. Чиновничье-технический штат формировался в условиях дефицита кадров. В 1897 году МВД принимает решение установления оклада начальникам почтовых отделений Уральской и Тургайской областей в 600 рублей, почтово-телеграфным чиновникам-390 рублей, надсмотрщикам-480 рублей [260]. Оклады чиновников указанной структуры оказались выше представителей ряда категорий рассмотренных служащих. Кеменгеров состоялся как специалист на Сибирской линии, обладавшей большой пропускной способностью.

В штате Омской телеграфной конторы в должности почтово-телеграфного чиновника IV разряда числилась Софья Джалалбекова [261]. К сожалению, не удалось установить ее национальность. В ракурсе исследования казахских женщин-служащих данный фактор весьма примечателен. В этот период казахи работали на промышленных предприятиях. Очевидно, формируется незначительная группа казахских служащих в этой сфере. Так, выпускник 2-классного Павлодарского училища Анафин Султан Анафинович с 1916 года работал конторщиком на Экибастузском заводе [262].

В областном Правлении Оренбургских казахов в должности помощника архивариуса находился Салимгерей Габайдуллинович Кальметев [263, с.52]. Эту должность он занимал с 1868 года [156, с.52]. Впоследствии он состоял в штате управления Оренбургской губернии в качестве переводчика–аудитора [154, с.85]. В Семипалатинском уездном казначействе работал канцелярский служитель Мухамеджан Назарович Назаров.

В 1906 году по приказу Тобольского губернатора заведующим конского участка назначается Айтмухамед Айтбакин [264]. Вероятно, эта личность была связана родственными узами с известным в Сибири и Северных областях Казахстана врачом Айтбакиным. Сын султана Джантурина Селимгирей Джантурин по окончании курса физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета состоял земским начальником в Уфимской губернии. Уроженец Акмолинской области Сызык Меченбаев работал канцелярским служителем 2-го разряда при Омском окружном суде с 1908 года. Впоследствии он находился в распоряжении мирового судьи Атбасарского уезда [265]. Казахские служители низовых разрядов, как правило, не выезжали за пределы областей проживания.

Летом-осенью 1903 года чиновники особых поручений при Тургайском военном губернаторе Дербисали Беркимбаев и Абиль Тюлькибаев ездили в Ростов–на Дону для покупки скота [255]. Процедура перемещения казахских служащих стала практиковаться, судя по документам, с начала XX века

Соответствующие командировки способствовали экономическим познаниям и расширению кругозора командированных, которые в своей этнокультурной среде занимались информационно-пропагандистской работой. Эти чиновники постепенно внедряли новые образцы поведения в свои семьи и в ближайшее окружение, распространяя новую модель отношений. Командировочные поездки длительного характера вселяли ощущение масштабности имперской территории и ее политического могущества на служащих. Чиновники познавали окружающий мир и имели все основания для сравнения с реалиями родного региона. Данные поездки стимулировали производственную деятельность служащих. Анализ личных дел и сведений многих из них демонстрируют карьерный рост и включение в ранговую титулатуру по итогам командировок. Ситуативным показателем этого процесса являются биографии А. Сейдалина, А. Темирова, И. Алтынсарина, Т. Джантурина, Б. Каратаева и целой серии военных и юристов. Русский чиновник Оренбургского правления проанализировал поведение командированных с ним в Ростовский край казахских служащих. Информатор отмечал неподдельный интерес его товарищей к экономической инфраструктуре, социальным отношениям и культуре труда населения областей, через которые они проезжали: «Киргизы всем интересовались и удивлялись русскому гению, создавшему такие чудные вещи по мере возможности [266]. По его наблюдению, эти чиновники после долгой поездки испытали радостные чувства от восприятия Донских степей, ландшафт и растительность которых напомнили им родину. В этом тезисе отражается привязанность чиновников, равно как и всех горожан в первом поколении, к родным устоявшимся обрядам и традициям в подсознании. Психологический фактор восприятия данной картины свидетельствует о маргинальности казахских служащих, балансировавших на пограничье разных культур. Наиболее прогрессивные служащие испытывали дискомфорт при процедуре импорта некоторых моделей социально-экономического и политического характера в регион, изначально отрицаемые казахским населением.

Основная часть казахских чиновников оказалась задействованной в переводческой сфере различных органов власти. Из числа служащих Оренбургского генерал-губернаторства значительную часть составляли действовавшие в большинстве управленческих структур переводчики [253]. Лишь незначительная часть из них с течением времени поменяла профиль работы, совершив скачок в иерархию власти. Подавляющее их большинство были выходцами из социальных низов или материально обеспеченных семейств, которые, как явствует из исследованной документации, все же не в состоянии оказались обеспечить финансовое благоприствование своих представителей. На масштабном межгосударственном уровне переводческой деятельностью занимались титулованные личности или аристократы с европейским образованием.

Будучи сотрудниками государственных структур, казахские служащие ощущали фактор социальной защищенности. Незначительный уровень

подготовки при сформировавшихся механизмах адаптации к условиям другой властно-управленческой среды предопределил политическую пассивность некоторых из них в отстаивании частнособственнических потребностей и интересов народа. При этом данная категория граждан характеризовалась такими чертами, как трудолюбие, исполнительность, дисциплинированность. Такие критерии их статусности, как уровень дохода, источники дохода, тип жилья, вероятно, были одинаковыми. Составляющие факторы формирования их умонастроений оказались схожими. Конкурентоспособные основы в данной группе казахского чиновничества отсутствовали, так как их профессиональная ниша в структуре власти локализовалась в сфере рутинного производства уровня младших должностей и переводчиков.

Казахские чиновники низового уровня ограничивались служебной деятельностью в аграрной зоне. Уровня подготовленности этих лиц оказалось достаточно для доминирования в зависевшей от стихийных бедствий и волевого давления государственных структур малообразованной сельской сфере. Подобные социальные отношения ограничивали служебное поле дальнейшей деятельности этих чиновников, рассчитывавших на незначительность финансового оклада и относительную свободу на территории сельских общин.

В начале XX века в России общая численность бюрократов составляла 385 тысяч человек. Чиновники в зависимости от занимаемой должности, классности, сферы деятельности градируются по финансовому обеспечению. Уровень коррупции и мздоимства у российской бюрократии оставался высоким. По закону 1894 года чиновникам I – IV классов запрещалось участие в правлениях и акционерных компаниях [267, с.195].

Это европейское новшество имело целью обуздание природы лоббирования чиновниками частных интересов в государстве. В казахском обществе, как и во многих других этнотерриториях со спецификой местных отношений, любой служащий воспринимался родственниками как выразитель коллективных общественных интересов. Полностью избежать этого императорской власти не удалось даже в районах сплошного расселения русского населения. В рамках половинчатых буржуазных преобразований положение казахских служащих представляло собой весьма интересное явление. Аульные аксакалы и волостные старшины как представители местной этнической формы управления своими действиями показывали пример служения во благо государства. В источниковых материалах есть множество сведений о влиянии волостных во время выборов, принятии важных административных решений, сборе общественных сумм и оказании помощи на старте жизненного пути молодым людям.

Социально-базовые установки аграрно-провинциальной стихии определяли конкретный способ поведения, вырабатываемый и передаваемый по наследству ее представителям для реагирования в типичной ситуации. Выработать новые способы поведения в экстремальной ситуации оказалось

сложным. Ценностные ориентации представителей социальных групп казахов определялись ролевой статусностью старших членов семей и их ожиданием на минимальном уровне результативности растущего потомства. Сын известного общественного деятеля муллы Кокенев Хажихмет, 25 лет, выходец из почетных казахов выпускник Омского уездного училища, знаток русской и татарской грамоты в 1907 году числился в качестве служащего Акмолинского окружного приказа [268]. Его отец Хасен Кокенев ранее, будучи волостным управителем в звании заурядхорунжего, не имел соответствующего образования и проживал на селе. С течением времени критерии образования сохраняли свою востребованность к социализации казахских специалистов.

Сейлбек Джанайдаров по окончании Омской гимназии обучался на юридических факультетах Томского и Санкт-Петербургского университетов. Безусловно, этому способствовал его отец Мейрамбек Джанайдаров, занимавший должность младшего помощника Атбасарского уездного начальника [139, л.6]. В числе выпускников университетов и гимназий М. Джанайдаров не числится. Очевидно, выбор перспективы совершенства представителей благородных слоев был спектрален в силу таковых ожиданий в отличие от большинства уроженцев «черной кости».

Материальный фактор как исходный стимулятор подъема личности существенно уступал укрепившимся внутренним установкам представителей различных социальных категорий. Будучи крайне бедными, юные султаны оказались последовательными и обладали разнообразным инструментарием в достижении цели. Например, лишенный состояния А. Букейханов лидировал в рядах казахской интеллигенции.

В числе служащих Омского полицейского управления выделялись представители султанской знати. Это VI класса сверхштатный чиновник особых поручений при Степном генерал-губернаторе, коллежский советник Аблайханов. Удача сопутствовала Аблайханову. Его карьера началась в последней четверти XIX века. Он занимал должность старшего переводчика при генерал-губернаторе. Первоначально он имел звание надворного советника, затем коллежского регистратора. Аблайханов неоднократно поощрялся генерал-губернатором. В 1900 году за оказание содействия властям в заготовке юрт для нужд военного ведомства Аблайханов удостоился благодарности от генерал-лейтенанта Карпова [269]. В течение длительного времени обязанности переводчика канцелярии Акмолинского генерал-губернатора исполнял Ишмухамет Сьюк-Оглы Аблайханов. Только в 1910 году он ушел со службы в звании статского советника [270]. Примечательно, что недвижимое имущество статского советника Ишмухамета Сьюк-Оглы Султана Аблайханова – надворные строения и усадьба оценивались Омским городским общественным банком в сумме 2500 рублей [271].

Казахские служащие действовали на должностях писарей и переводчиков. Язык делопроизводства продолжал доминировать как средство общения между казахской общиной и правительственными учреждениями. В Степном крае властями с периода 80-х годов XIX века внедрялась практика искусственного

сужения сферы влияния татарского языка. Потребность заполнения переводческого корпуса актуализировалась событиями второй половины XIX века. В районах компактного расселения татар и башкир нарастала тенденция роста антиимперских идеологических движений, программное крыло которых позднее оформилось в джадидизм. Государственные власти проводили тактику вытеснения татар и башкир из этой канцелярской группы. Поэтому переводческий корпус активно восполнялся казахскими выпускниками государственных школ. По-русски подготовленные казахские письмоводители оказались востребованными. На старте своей карьеры ряд казахских интеллигентов работали в качестве переводчиков и писарей. Определенная часть из них оказалась неудовлетворенной своим положением. Так, например Елеусиз Бюйрин работал писарем в волостном управлении, продолжая самообразование. Впоследствии по окончании казахской учительской семинарии он преподавал в Астрахани русский язык и литературу [33]. Потомки канцелярских сотрудников ориентировались на русско-европейские образцы культуры и как следствие на соответствующую модель образования.

С 1849 года в Оренбургской казенной палате работал переводчиком титулярный советник Альмухамед Ахметович Куватов. Оклад Куватова составлял 588 рублей. Жалование управляющего палатой достигало уровня 2000 рублей, жалование бухгалтера этого же предприятия – 700 рублей [146, с.73]. Величина оклада казахских переводчиков и прочих канцеляристов зависела от объема выполняемой работы и степени ответственности. Помимо Куватова в казенной палате на службе состояли до 10 занятых в различных сферах чиновников. По возрасту он превосходил многих остальных. Стаж его работы насчитывал более 20 лет. Помимо выделенного жалования и столовых, квартирные ему не полагались, тогда как остальные чиновники получали столовые. Анализ личных дел работников казенной палаты, делопроизводителей отделов, типографских канцелярий, землемерных отделов всех уровней, бухгалтерий, губернского казначейства, столоначальников свидетельствуют об относительно высоком уровне жалования Куватова в сравнении с почтовиками, экспедиторами, столоначальниками, землемерами, корректорами, помощниками делопроизводителей.

В источниках упоминается письменный переводчик уездного Петропавловского управления Дюсембаев, впоследствии перемещенный в Атбасар [272]. Губернский секретарь Байкадам Каралдин состоял письмоводителем в Тургайском уезде. Письмоводителем Кустанайского уездного управления работал коллежский секретарь Хусаин Тастемирович Тастемиров [180, с.109]. В Атбасарском уезде в должности словесного переводчика действовал Альмухамед Джилкайдаров. При Акмолинском генерал-губернаторстве числился младший переводчик, коллежский секретарь Садвакас Джануасов [273].

Писарь Семипалатинского уезда Джанаев Бексултан за прекрасное исполнение профессиональных обязанностей от областных властей получил халат 3-го разряда. Похвальным листом за ведение делопроизводства в 1900

году награждается переводчик канцелярии Павлодарского уезда Семипалатинской области Кадырбаев Абдильда. В Семипалатинском окружном суде начиналась карьера переводчика Иманбека Тарабаева состоявшего в должности помощника секретаря.

В Семипалатинском отделении Государственного банка работал переводчиком Анияр Мулдабаевич Мулдабаев [274, с.19]. Банкам по штатам полагалось иметь переводчиков. С банками проходили контакты казахских общинников и влиятельных представителей – баев. Обязанности переводчика при Семипалатинском уездном управлении исполнял Омарбек Оспанов. Долгий период в должности переводчика Акмолинского областного правления работал Мукан Айтпенов [275, с. 12]. Его карьера началась в 1906 году с письмоводителя этого управления. [276]. В штате Каркаралинского уездного казначейства состоял канцелярский служащий Мухамеджан Назарович Назаров. Казначейство состояло из 4 штатных единиц: казначея, бухгалтера, помощника бухгалтера и служащего Назарова. В Зайсанском уездном управлении в штате переводчиков состоял Жанбек Иманкулов [277, с.90].

При Усть-Каменогорском уездном управления длительное время работал словесный переводчик Мухамед Бекметьев. В 1905 году он согласно прошению переводится почтово-телеграфным чиновником VI-го разряда в штат Омской телеграфной конторы [278]. В этот период возникла востребованность наличия казахских специалистов в почтово-телеграфных конторах. Казахское население стало прибегать к почтово-телеграфным коммуникационным услугам. Примечательно, что в период первой русской революции и последующего влияния Государственной Думы увеличилось количество жалоб, обращений, петиций от казахского населения в виде писем и телеграмм. Казахские служащие административно-управленческих структур занимались писарской и переводческой деятельностью. В процентном соотношении к канцелярским сотрудникам гражданских служащих уровня подготовки А. Сейдалина оказалось немного. Казахская литература указанного периода не отразила в своих произведениях персонажи казахских бюрократов. Тогда как в русской классике, которую знали местные интеллектуалы, данная категория получила насыщенное представление. Очевидно многочисленная группа национальной бюрократии, которая способствовала бы установлению деловых связей между общинами и государством, еще не сформировалась в этот период.

Идеология европейской государственности с элементами жесткого администрирования и обязательными схематичными судебно-правовыми нормативами сложно адаптировались на местную этнокультурную среду с иными традиционными императивами в области правовых отношений и государственного устройства. На местном общинном уровне у казахского населения сохранялось недоверие ко всем официальным инкорпорированным извне государственным структурам как инородно чуждым. В многочисленных источниках подчеркивается прерогатива казахских ранних доимперских форм управления в казахских общинах. Безусловно, казахские чиновники стремились к успешной реализации собственных возможностей в управленческом звене, но

в условиях доминировавшей модели подбора кадров сделать подобную карьеру в данных структурах практически было невозможно.

По своему статусу и служебным полномочиям большинство казахских чиновников не относились к сословию реформаторов, так как их действия ограничивались в очень узких функциях. Одной из форм проявления их гражданственности являлась честная служба. Казахские чиновники городских и уездных центров, окруженные инонациональной и профессионально подготовленной группой служащих, не имели другой альтернативы своей деятельности. Их коллеги, функционировавшие в аульно-волостной стихии при отсутствии жестких рычагов контроля или потакания со стороны родовых патронов и пришлых администраторов, обладали широким полем деятельности сообразно с собственной фантазией и возможностями. В периодической печати и фольклорных произведениях русские информаторы ссылались на факты произвола, которые носили вопиющий характер в степных регионах. Казахское чиновничество, как составная часть административного корпуса, подвергалось критике на уровне общественного сознания. В XIX веке были проведены уголовные процессы против ряда султанов. Подобные действия правительства снижали престиж султанов в общественном сознании. Возможно, карательная процедура по отношению к власти была направлена на ликвидацию их политической неблагонадежности. Подобные жесткие меры в регионе носили единичный характер и применялись, возможно, как крайняя мера к установлению порядка.

Качественный состав пришлых специалистов в восточных провинциях отличался крайним разнообразием. Зачастую в области ссылались проштрафившиеся на производстве чиновники из центральных областей империи, которые импортировали привычки и традиции коррумпированного государственного аппарата [279, с.80]. Губернатор Западной Сибири В.А.Арцимович в середине XIX века отличал чуждость класса чиновников в осваиваемых зонах. По его утверждению, приезжие служащие свою профессиональную деятельность расценивали как метод достижения своих частных интересов, порой в nepозволительном виде. Инспектировавший в 80-е годы города Сибири и Северной части Казахстана А.О. Дюгамель откровенно свидетельствовал о некомпетентности местного чиновничества «в Сибири нелегко найти способных людей в замену тех, которых приходится увольнять» [280, с.92]. Образовательный и духовный уровень этой группы мигрантов был весьма различен. Прогрессивно настроенные специалисты профессионально исполняли свой долг. Некоторые из них активно занимались общественной деятельностью. Русские служащие составили основу филиалов РГО в степных городах.

Европейские чиновники рассчитывали на карьерный успех и материальное обеспечение. Однако часть из них испытывали психологический дискомфорт. И вскоре лишались всяческих надежд на какое-либо совершенство. Кругозор некоторых служащих ограничивался посещением незначительных по масштабам и значимости специфических заведений. Социально-культурный

сектор в степных городах практически отсутствовал или находился в зачаточном состоянии.

Русско-государственное чиновничество во всех его ипостасях представляло яркий контраст для формирования категории казахских служащих, контактировавших со своими коллегами. В империи после бурных потрясений произвола и насилия государства над обществом только начинал формироваться институт высококвалифицированных специалистов духовного склада с выраженной сословной честью и моральными принципами бескорыстного служения. Аракчеевский типаж хамства и грубой силы постепенно и сложно изживался из повседневной государственной рутины.

Профессиональные параметры казахских служащих зависели от их социального статуса и образовательной подготовки. В империи настойчиво и методично государственной властью насаждалось, основанное на западных стандартах с соответствующим образом жизни и мышлением, греко-римское право. В Европе на протяжении длительного времени вырабатывалась соответствующая регламентация отношений граждан, ориентированных на институт частной собственности и незыблемости личных прав и обязанностей. В аграрных районах империи и тем более в казахской национальной среде доминировало выработанное веками обычное право, которое являлось более гибким правовым институтом и соответствовало хозяйственному стилю, социальным связям и потребностям казахов. Казахские юристы, равно как и другие категории прогрессивных служащих, осознавали двойственность ситуации и как следствие повышенную ответственность в нормировании и установлении социального баланса в крае. Казахские юристы успешно реализовались и стремились к совершенству в правовой сфере. Фактически дипломированные выпускники правовых специальностей изначально составляли реальную конкуренцию тамошним казахским канцеляристам.

В штате Омского уездного управления в должности словесного переводчика состоял Ахмет Татин. По увольнении с должности по болезни Татин продолжил свою работу в управлении [281]. Дефицит национальных кадров остро ощущался на уездном уровне. В документах встречаются сведения о заболевании чиновников. Многие заболевшие служащие были трудоспособного возраста и по выходе в отставку имели право на пенсию, которая оказывалась незначительной по выслуге лет. Отправлять преждевременно в отставку малооплачиваемую и наиболее востребованную профессиональную часть национальных служащих представлялось невыгодным мероприятием для властей.

При Иргизском уездном управлении действовали в должности письменного переводчика Крым-Гирей Мукашевич Сейдалин и словесного переводчика Тажимбет Булебаевич Булебаев. В Троицком окружном суде переводчиком работал коллежский регистратор Нух-Гирей Чувакович Сейдалин [282, с.18].

В Троицком окружном суде работал переводчик Ильджан Уразович Уразов. Переводчиком при Оренбургском окружном суде состоял Хусаин

Тастемиров [283, с.13]. В Оренбургском уездном суде работал присяжный переводчик Исгалий Жингазиевич Досов [187, с. 9]. Переводчиком окружного Оренбургского суда состоял Жангаска Утебергенов [284, с.54]. В Оренбургском окружном уезде присяжным переводчиком состоял не имевший чина Сейдазым Кадырбаев [282, с.12]. Впоследствии он, будучи коллежским секретарем, исполнял обязанности секретаря суда по уголовному отделению. Обязанности письменного переводчика Тургайского уездного управления исполнял не имевший чина Тлеугабылов [285, с. 11]. До этого он работал в Кустанайском уездном управлении. Впоследствии за усердное исполнение служебных обязанностей он получил чин коллежского регистратора со старшинством [286, л.27]. Ирмухамед Нурмухамедов работал словесным переводчиком Актюбинского уездного управления [287].

Обязанности письмоводителя в Каркаралинском уезде исполнял Смагул Бекпасов [288]. Уровень жизни мало-мальски обеспеченных чиновников и высокопоставленных служащих оказался выше большинства общинников. В иерархии канцелярских служащих низовые позиции занимали волостные писари. В аульно-сельской среде писари считались наиболее грамотной группой населения. Финансовый оклад писарей оставался мизерным. В империи начала XX века писари ассоциировались с полуграмотной и коррумпированной частью чиновничества. Такой трафаретный типаж за этими категориями служащих закрепился в русской классической литературе. По справедливым замечаниям обозревателей, писари находились в полной зависимости от волостных управителей и крестьянских начальников. При соответствующих обстоятельствах эти властители села имели право подвергнуть административному аресту писарей, что лишало их возможности противодействовать бесконтрольным действиям начальства. Фактически писари являлись беспрекословными исполнителями воли руководства [289, с.158].

Объективно, определенная часть писарей при наличии подобной ситуации пытались перейти в другие сферы. Многие светские образованные граждане активизировались в городской среде. Служащие понимали, что обучались на казахские общественные суммы. И если султаны осознавали свою социальную ответственность перед родоплеменными коллективами в феодальный период, то многие канцеляристы чувствовали свою независимость от общинной среды и подобной опеки во времена унификации делопроизводства. Канцеляристы жили и работали в новой модели отношений государственного делопроизводства довлевшего над обществом. И если в XIX веке обязанности чиновника заключались в скорости информирования общества и установления системы отношений с государственными структурами, то в начале XX века конторские служащие ограничивались сухим исполнением документа и реализацией его пунктов в рамках своей компетенции. На уровне собственного мировоззрения эти чиновники достигнутому ими статусу аппелировали к энергозатратам собственного труда, врожденным или приобретенным способностям.

Из-за административно-управленческих изменений и реструктуризации казахского общества формируется категория казахских служащих в системе делопроизводства уровня переводчиков, писарей, канцелярских служащих и т.д. В основном представители этих профессиональных групп выполняли второстепенные функции и фактически имели ограниченные права в системе делопроизводства. В иерархии управления большая часть функционеров указанных категорий находилась на низовом уровне. Исторически страта канцелярских клерков пополнялась выходцами из разных социальных сословий с доминирующим представительством уроженцев незнатного происхождения. Этот фактор в их сознании воспринимался как положительный результат кропотливого труда.

Таким образом, функционировавшая в области расселения казахов административно-территориальная модель акцентировала необходимость наличия казахских профессиональных кадров, задействованных в системе делопроизводства. Казахские служащие работали в уездных городских управлениях, судах, контрольных палатах и прочих канцеляриях в качестве клерков. Подавляющее большинство казахских чиновников составляли письмоводители и переводчики. Эти служащие, как правило, имели нижние чины и ограничивались исполнением служебных обязанностей в регламентируемых рамках. Образовательный статус чиновников был представлен уровнем различных училищ, семинарий и университетов. Численность казахских канцелярских сотрудников и близких им по роду деятельности служащих различных контор, вероятно, оказалась много выше количества других профессионально просвещенных казахских групп по причине разветвленной системы делопроизводства и востребованности специалистов в качестве переводчиков, письмоводителей и прочих сфер канцелярской деятельности.

2.4 Казахские служащие в судебно-правовой сфере

В 70-80-е годы XIX века начинает формироваться плеяда казахских юристов. В аграрном секторе сохранялась прерогатива народных судей, специализировавшихся на знании традиционной судебной системы. Анализ биографических данных казахских правоведов, равно как и других выпускников гимназий и университетов, характеризует совершенно иной стиль поведения этой просвещенной части. В условиях социально-экономических изменений в таких центрах при капитализации экономики и европеизации общественных отношений наблюдалась резкая атомизация личности с целью восприятия новых ценностей. Эксцентричная модель поведения жителей городов проецировалась в сознании развивающихся казахских студентов. Психология представителей казахского студенчества резко выделяла их из остальной среды служащих. По профессии юристы входили в слой служащих. Смысловая составляющая производственного механизма практиковала индивидуально-личностный подход и активизацию жизненной энергии молодых граждан, ориентированных на независимость мышления в поисках

истины. Той истины, которая, по их мнению, должна была защищать интересы гражданина и государства. Мотивационная идея оказалась сильна. Поэтому казахские юристы лидировали в общественно-политической жизни казахского общества периода величайших катаклизмов начала XX века.

Стартовые условия эволюции казахских правоведов различались. В период производственной деятельности именно сконцентрированные в городских учреждениях юристы с учетом особенностей воспитания, квалификации и образования трансформировались в наиболее сплоченную корпоративную организацию на фоне взаимной комплиментарности, деловых качеств и общих задач. Точкой притяжения вчерашних студентов оставались Омск и Оренбург – важные административные центры Сибири и Степного края. При этом губернские города Омск, Оренбург акцентировались казахскими служащими как важный карьерный успех. Их казахские ровесники по средним учебным заведениям предпочитали небольшие уездные города и волостные станы, то есть районы с наименьшим уровнем конкуренции. Данное обстоятельство снижало степень их социального дискомфорта.

По всей видимости, юристы имели гораздо больше шансов на успех при подобном алгоритме действий. В Казахстане в аграрной среде сохранялись родоплеменные отношения. Этот фактор, по мнению властей, существенно затруднял процессы судопроизводства. При этом казахи активно использовали различные методы защиты с целью запутывания следствия. Эта картина носила частый характер и подрывала авторитет государственных норм права в степных регионах, что в конечном итоге ограничивало сферы их влияния в аграрно-кочевой среде. В соответствии с этими обстоятельствами востребованными оставались специалисты в области казахской генеалогии и правоведения. Так, представителям Оренбургской администрации рекомендовалось периодически обращаться за консультациями к просвещенным казахам Т. Сейдалину, Д. Беркембаеву, К. Беремжанову и другие [290, л.23].

В последней четверти XIX века на смену казахским юристам с кадетским образованием приходят специалисты с гражданской подготовкой. На территории Оренбургского региона продолжало доминировать семейство Сейдалиных. На протяжении длительного времени, с 1901 по 1915 годы, в Троицком окружном суде работал Джансултан Кувакович Сейдалин [243, с.60.]. В 1900 году он имел звание коллежского советника, а к 1906 году обладал чином статского советника [291, с.18]. Секретарем Троицкого окружного суда работал губернский секретарь Мухаммед-Гирей Чувакович Сейдалин [159, с.25].

При Троицком окружном суде действовал коллежский секретарь Ахметбек Османович Балгожин, задействованный в должности судебного следователя [282, с.14]. Следует отметить, что судебно-следовательские функции он исполнял в поселке при окружном суде. Карьера Балгожина начиналась с младшего кандидата на судебную должность. В Челябинском уезде в 70-е годы XIX века обязанности судебного следователя исполнял Юсуп Хасанович Кучуков. В данный период времени Кучуков продолжал обучение в Казанском

университете [156, с.64]. Соответствующий эпизод из биографии Кучукова относится к 1868-му году. В указанный период времени наблюдался тотальный дефицит подготовленных кадров, поэтому эпизод работы Кучукова не вызывает удивления.

Факт назначения Кучукова на следовательскую должность приходится на период начала судебной реформы в империи. Население Челябинского региона было этнически смешанным по своему составу. Кучуков оказался востребованным в зоне территориального размещения мусульманско-тюркского населения, тяготевшего к обычному праву или мусульманскому судопроизводству. В генерации казахских служащих он являлся одним из первых судейских следователей. Карьера молодого специалиста начиналась вне пределов этнической территории казахов. В последующем многие состоявшиеся на службе казахские правоведы начинали служебную деятельность за пределами края своего изначального проживания, приобретая необходимый опыт делопроизводства и взаимосотрудничества в иной этнокультурной среде. Социальный сюжет откомандировывания казахов-юристов за пределы компактного расселения казахского населения получил отражение в материалах Каркаралинской петиции, составленной прогрессистами на Кояндинской ярмарке. Составители обращения констатировали нерациональность для всей системы делопроизводства и правосудия отсутствия казахских профессионалов в крае, замещаемых незнакомых с казахской культурой и языком русских специалистов [292,с.24].

Проживая в чуждом окружении, национальные служащие осваивали образ жизни, привычки, стиль общения местных сообществ. Анализ биографических данных казахских специалистов резюмирует тенденцию частого командирования их на старте своей карьеры в края с совершенно иной субкультурой на длительный период. Впоследствии европеизированные специалисты перенимали ментальные особенности социокультурных систем в свое этноцивилизационное поле. И все же со ссылкой на источники, следует отметить важную закономерность – добившиеся в приграничных регионах Поволжья и Сибири успеха казахские функционеры, будучи в этническом меньшинстве, не возвращались в места исходного проживания.

При дефиците казахских профессионалов-юристов властями применялся метод привлечения в правовую сферу отличившихся на службе специалистов из других структур. В частности, на учителя И. Алтынсарина с 1870 года возлагались обязанности тургайского уездного судьи. Решение назначения Алтынсарина диктовалось необходимостью ликвидации кадрового дефицита, который явственнее обозначился в пореформенный период конца 60-начала 70-х годов XIX века. По служебным характеристикам и образовательной базе И. Алтынсарин, А. Сейдалин, не имевшие специального юридического образования, соответствовали нужным параметрам переходного периода при тотальном незнании русскими служащими местных традиций, законов и языка. На данную категорию казахских граждан возлагалась задача введения новой системы судопроизводства и ее адаптации к местной этнической среде.

Синхронно в этот же период Алтынсарин состоял в должности старшего помощника начальника Тургайского уезда.

С 1901 года в Оренбургском окружном суде начинается карьера старшего коллежского асессора Беремжанова Ахмета Курганбековича [191, с. 53]. По судебным реформам 1864 года согласно §108 в Степных областях уездному судье предоставлялись обязанности мирового судьи и обязанности судебного следователя. При этом по §110 в судьи имели право назначаться лица, получившие образование в высших и средних учебных заведениях и прослужившие не менее 3 лет в должностях, при выполнении которых они могли получали практическую подготовку в судопроизводстве. Чиновники отмечали общественную активность и профессиональные данные судьи К. Беремжанова, неоднократно поощрявшегося руководством. Семейство Беремжановых, многие представители, из которых состоялись как народные судьи, оказало непосредственное влияние на становление юриста А. Беремжанова. Беремжанов прекрасно зарекомендовал себя на юридическом поприще. В 1917 году он состоял в штате Самарского суда на II-ом участке Бузулукского уезда. В Оренбургском окружном суде значительных успехов добился Мухамед-Дияров Ахмедгирей Асфендиярович. В начале века он имел звание коллежского асессора в Орском уезде. Через непродолжительное время, будучи сотрудником Оренбургского окружного суда, он повышается в чине до надворного советника [191, с. 57]. Во втором десятилетии XX века старший нотариус А. Мухаммед-Дияров числился в звании статского советника.

При Троицком суде в 1900 году кандидатом на младшую судебную должность числился губернский секретарь Алдияров Нурмухамед Кауменович [191, с.60]. Статус служащих Семипалатинских нотариальных контор имели Я. Кульжанов, С. Уразгулов [293]. В этот период в Семипалатинске работал учитель Н. Кульжанов. В Оренбургском крае трудился популярный врач А. Алдияров. Фамильно-генеалогическая схема традиционного казахского общества сохранялась в принципах семейной взаимопомощи и поддержки. Указанные лица регионально и родственно сохраняли связь с известными представителями интеллигенции в области медицины и педагогики.

Юристы работали в Омской судебной палате. Примечательно, что дипломированный специалист Сеилбек Джанайдаров свою карьеру начинал старшим помощником инспектора Лепельского уезда Витебской губернии. В 1916 году он перевелся в Омский Окружной суд податным инспектором. В Омске начинал свою трудовую деятельность в звании младшего кандидата на судебную должность А. Турлубаев. В 1902 году Айдархан Турлубаев приказом старшего Председателя Омской судебной палаты назначается на судебную должность при Омской судебной палате [294]. Вскоре он командирован исполняющим вакантной должности помощника секретаря палаты [295]. Кадровый дефицит являлся вполне актуальным в сибирских провинциях империи. В данной должности Турлубаев состоял с 1 апреля 1903 года по 1 декабря 1904 год. Впоследствии, согласно прошению, он откомандировывается в звании старшего кандидата на судебные должности в распоряжение

Председателя Тобольского окружного суда [296]. Из документа явствует повышение в звании исследуемой личности. При незначительной плотности населения впечатляет ареал территории воздействия. В Тобольской губернии находилось 10 уездов. Наиболее плотно заселенным являлся Ишимский уезд. Всего на его территории проживали 362 тысяч 318 человек, что составляло 20% населения всей губернии. Основную часть населения составляли русские и татары. Село Галышмановское являлось центром 10 волостей – Арамшинской, Гульшименской, Малышенской, Евгеньевской, Истоненской, Кроповской, Рожевской, Сениловской, Тобольской, Усть-Ланенской [297].

Тобольские власти делегировали молодого казахского специалиста в Ишимский уезд, учитывая этническую специфику этого региона. Ишимский уезд, как и все уезды Сибири, считался типично аграрным. Так, количество заводов на его территории достигало 25, а численность рабочих 65 человек. Основной контингент общения судей составляли аграрии с присущим им общинно коллективистским духом и взаимной ответственностью общинно-семейного толка. Анализ источниковых данных показывает лидерование Ишимского уезда в сравнении с остальными по количеству решенных судебных дел. Так, Ишимскими судьями в целом оказалось раскрыто 1490 дел по факту следствия. И в этом, безусловно, заключалась заслуга Турлубаева, взаимно дублировавшего судейские функции на нескольких участках [212, с.15]. Таковой являлась цена его будущей перспективы. Властями учитывалась этническая мозаичность населения, что предопределяло востребованность Турлубаева.

Согласно положению о выборах в Государственную Думу в административных центрах империи формировались выборные комиссии. На уровне уездов функции председателей комиссии выполняли мировые судьи. По решению общего собрания отделения Тобольского окружного суда председателем Ишимской уездной комиссии назначался А.Т. Турлубаев [298]. Турлубаев в этот период зарекомендовал себя как благонадежный чиновник, на которого возлагалась ответственность проведения столь важной политической процедуры. В источниках данный эпизод является одним из немногих привлечения казахских служащих к выполнению подобной миссии.

Позже Турлубаев состоял в числе «лиц свободных профессий». В 1910 году А.Турлубаев выполнял обязанности присяжного заседателя по Ишимскому уезду [299]. Согласно новой системе судопроизводства реально возвышался уровень воздействия в процессе присяжных заседателей. Присяжные заседатели определяли виновность или невиновность подсудимого. При этом мера наказания определялась судьями. Присяжные заседатели комплектовались из всех сословий при условии соответствия претендентов возрастному, имущественному и оседлому цензам. Присяжные заседатели должны были соответствовать установленному цензу благонадежности. Списки составлялись земскими управлениями [300]. Претендуя на должность присяжного заседателя Турлубаев, будучи квалифицированным юристом, сохранял уверенность в правильности своего выбора. По всем характеристикам

он соответствовал на претендуемую должность. Согласно законам о суде присяжных кандидаты на должность присяжных, в частности, уроженцы Тобольской и Томской губерний должны были владеть земельной собственностью в 20 десятин. Очевидно, Турлубаев за период служебной деятельности сумел достигнуть соответствующего имущественного статуса.

Примечательно, что в Акмолинской и Семипалатинской областях квота нехристиан ограничивалась в 25 % от количества присяжных заседателей. Турлубаев в этнически смешанном регионе, в котором численность русских в процентном соотношении к «инородцам» оказалась гораздо выше в сравнении со степными областями, имел больше шансов на успех именно в Сибири. Опытные казахские служащие за период служебной деятельности обладали практицизмом в выборе решений. В Семипалатинской и Акмолинской областях ему реальную конкуренцию составляли его зажиточные земляки. По статистическим сведениям, в Ишимском уезде на должность присяжного заседателя по характеристикам подходили 1179 человек. Данные показатели стимулировали действия губернского руководства на открытие суда присяжных в уезде [289, с. 18].

При выборе должности присяжного председателя Турлубаев конкурировал с сибирскими представителями, большинство из которых лишь недавно прибыли в губернию и оказались неизвестными местному населению. В Ишимском уезде Турлубаев, прежде всего, опирался на социальную помощь нескольких сотен казахов и этнически близких татар, зарекомендовав себя как грамотный специалист за долгое время юридической деятельности. В 1916 году он получил известность как присяжный поверенный [301, с.91]. Пожалуй, это был один из немногих, занимавшихся адвокатской деятельностью казахских юристов. С 1912 года он работал мировым участковым судьей при Акмолинской области [275].

Институт мировых судей практиковался в Сибири на рубеже XIX-XX веков, гораздо позже в отличие от Европейской части России. Судебная реформа, как и все государственные преобразования, в восточных провинциях империи запаздывали по многим причинам. Мировые судьи избирались на 3 года органами городского и земского самоуправления из лиц, подходивших по возрастному и образовательному цензу. В ведение мировых судей подлежали мелкие уголовные и гражданские дела. Мировые судьи из гражданских дел решали иски до 500 рублей [267].

В Сибири институт мировых судей официально вводился в 1896 году. Нагрузки в губерниях на представителей юстиции существенно возрастали. Сибирские мировые судьи в пределах своих участков выполняли обязанности судебных следователей и осуществляли надзор за действиями опекунов и попечителей. Таким образом, подсудная сфера юристов зауральских территорий охватывала подведомственные иски в объеме 2 тысяч рублей, тогда как в центральных областях – 5 сотен рублей [302, с.96]. Ключевые звенья отправления правосудия сосредотачивались в полномочиях мировых судей.

В личной метрике Турлубаев характеризовался как вдовец. Длительное

время он исполнял обязанности мирового судьи Ишимского уезда. По статистическим материалам Ишимский уезд Тобольской губернии оценивался специалистами как самый неблагополучный. В огромном по территориальным масштабам экономически малоразвитом уезде проживало разноуровневое население, рассредоточенное в многочисленных поселениях, расположенных на больших расстояниях. Официально в Ишимском уезде функционировало 6 судей. Центральная ставка Турлубаева располагалась в селе Голышмановское, которое находилось в зоне смежных этнокультурных контактов русского, украинского, казачьего, казахского и татарского населения. От Турлубаева требовалось знание ментальных особенностей местных этнических сообществ. В возрасте 30 лет он синхронно выполнял должность мирового судьи на прокурорских участках №6 и №8. Очевидно, предоставление Турлубаеву столь сложной миссии мирового судьи на 2-х участках крупного уезда определялось его личными и деловыми качествами. Уже в этот период он имел звание коллежского ассесора.

По мнению сибирского аналитика, мировые судьи выполняли обязанности следователей. Условием успешной работы мировых судей являлись научная подготовка, служебный опыт, материальное обеспечение, личная независимость и знание местных традиций [302]. Турлубаев как и все приезжие служащие в Сибири, должен был понять природу сибиряков, вжиться в их интересы, проникнуться их спецификой. В 1907 году Турлубаев, получил чин титулярного советника. Синхронно в этот период он выполнял обязанности мирового судьи на дополнительном участке №3. Объем работы Турлубаева и соответствующие трудозатраты отражены в нижеприведенной таблице №14.

Таблица 14 – Отчетная ведомость 1907 года [303, л.31]

1	На 1 января 1907 года количество неоконченных дел	46
2	Количество для возникших в суде дел с 1908	148
3	Окончено следствий в 1907г	71
4	К 1 декабря 1907 году осталось неоконченных следствий	123
5	Число выездов по делам службы	16
6	Количество дней, проверенных по делам службы	25

Анализ показателей таблицы свидетельствует об эффективности работы юриста Турлубаева. Очевидно, этот специалист был хронически перегружен следственными делами. В начале XX века сибирским властям не удалось переломить ситуацию по кадровому дефициту. Стимулом в работе Турлубаева послужило его продвижение по чиновничьей иерархии. В следующей таблице отражена динамика передвижения и раскрываемости судебных дел, характеризующих качество работы Турлубаева.

Таблица 15 – Сводная ведомость о деятельности мировых судей и судебного следователя округа Тобольского окружного суда за 1907год [304, л.74]

1.	Осталось дел к 1 сентября 1907года.	21
2.	Поступило снова возникших дел	15
3.	Осталось дел к 1января.1907года.	1
4.	Поступило снова возникших дел	9

Приведенные показатели демонстрируют степень работоспособности одного из успешных судей уезда. В то же время сохранялись значительные цифровые данные, свидетельствующие о сложных аспектах системы делопроизводства. В конечном итоге этот бесконечный вал сложных и запутанных дел отражался на результатах труда любого специалиста. Выше упоминалось о дублировании Турлубаевым обязанностей мирового судьи. В приведенной таблице продемонстрированы цифровые показатели деятельности его по участку №6 за один месяц.

Таблица 16 – Движение дел за январь 1907 года [305, л.78]

	Поступило с начала года до отчетного месяца	Поступило в отчетном месяце	Оставалось от предыдущего о месяца	Итого в отчетном месяце находилось в производстве	Решено	Осталось нерешенно му к следующем у месяцу
Уголовные	-	67	102	169	27	142
Гражданские	-	14	30	44	3	41

Таким образом, табличные сведения, в частности, по деятельности Турлубаева, являются показательным образцом сложности положения российских юристов.

Позже, Турлубаев состоял при Томском окружном суде в качестве участкового мирового судьи. Судебные обязанности он исполнял на 2-ом участке г.Каинска Каинского уезда. В орбиту действия Турлубаева входили г.Каинск, станция Каинск, поселок при станции, а также волости: Нижне-Каинская, Казанская, Ново-Ярковская, Булатовская, Верхне-Игинская, Каинская, линия железной дороги и «инородческие» аулы [306, с.108]. По деловой документации российских служащих, в том числе и казахов, отчетливо прослеживается их возможность карьеры в случае перевода в восточные, наименее освоенные губернии. В Сибири обозначился рост Турлубаева, юриста Темирова, врача Карабаева и ряда других представителей.

По увольнении Турлубаева исправляющим должность помощника секретаря Гражданского департамента Омской Судебной палаты назначается Якуп Акпаев. Акпаев прекрасно характеризовался руководством Омской судебной палаты. Будучи молодым специалистом, в 1904 году он отличался такими качествами как хорошими познаниями в юриспруденции и отличным

служебным усердием [308, л.2]. В этот период он занимал должность младшего кандидата на судью и не имел знаков отличия. Согласно содержанию личного дела, Акпаев не имел финансового обеспечения. Он состоял при канцелярии уголовного департамента палаты. Акпаев являлся уроженцем Семипалатинской области. Характерно, что территориально ему была ближе Акмолинская область, на территории которой находилась Омская судебная палата. Очевидно, Акпаев не имел дальнейших перспектив иерархического роста в соответствующей структуре. По всей видимости, соответствующий фактор явился преобладающим в выборе его решения. Примечательно, что в акмолинский период работы младший кандидат Акпаев имел возможность работать по месту жительства в Каркаралинском уголовном отделении Беркаринской волости, находившейся под юрисдикцией Семипалатинского окружного суда.

Следует дополнить, что всю документацию по делу Акпаева собирал и визировал в качестве секретаря его ближайший друг по студенчеству А. Турлубаев. В марте 1904 года Акпаев занимал вакантную должность помощника секретаря палаты Семипалатинского окружного суда. В Семипалатинской области он выполнял обязанности помощника мирового судьи. Но уже 22 июня 1904 года приказом председателя Тобольского окружного суда он назначается помощником секретаря в Тобольское уголовное отделение суда [308, л.12].

Тобольск географически находился гораздо севернее степных областей. Расстояние от города до ближайшей железной дороги составляло несколько сотен верст. В начале XX века Тобольск представлял собой небольшой провинциальный город. Достопримечательностью его являлся небольшой музей. По мнению современников, Тобольск напоминал собой «археологическую усыпальницу». Столичные газеты доходили до города на 8 день после почтовой высылки. В городе отсутствовала порядочная библиотека. Местные интеллигенты, к коим причислялись и служащие, занимались картежными играми или спивались. Чиновники от скуки занимались торговлей [309, с.158]. К сожалению, данная перспектива характеризовала многие провинциальные города.

По своим масштабам он существенно уступал центральным городам империи и крупным административным центрам Зауралья. Кроме того, природно и климатически Тобольская губерния имела отличия от степных областей Казахстана. Акпаев, как и большинство казахских специалистов, страдал хроническими заболеваниями. Эти причины ни в коей мере не останавливали работоспособность молодых специалистов, уверенных в своих силах.

Финансовые обстоятельства катализировали действия и мотивацию многих молодых специалистов. В ноябре 1904 года Акпаев ходатайствовал перед руководством Тобольского областного суда о переводе на службу в Омскую судебную палату. В конфиденциальной переписке между руководством двух Сибирских палат Акпаев характеризовался как хороший

специалист. В декабре 1904 года он получил должность помощника секретаря Гражданского департамента Омской судебной палаты. Ранее он исполнял обязанности помощника секретаря Тобольского окружного суда [310]. Горизонтальное перемещение преуспевающих специалистов носило синхронный характер. Официальная мотивация его кадровой перестановки связана с иерархическим повышением. Потребность в перетряске кадров в государстве существовала всегда. Турлубаев ранее учился в Омской гимназии, Акпаев – в Томской. Местом их общения стал Санкт-Петербургский университет. Турлубаев и Акпаев активно контактировали между собой [117, л.6]. Акпаев знал о переводе Турлубаева, вероятно, от него самого, ибо обращался с прошением о своей благонадежности к руководству университета для рекомендации в Омскую судебную палату. В качестве исходных данных он указал адрес Турлубаева при Омской судебной палате [123, л.83]. Личные связи как фактор взаимопомощи продолжали действовать в данной среде.

В Сибири состоялась карьера Раимжана Марсекова. Он родился в 1877 году. Знаков отличия на старте карьеры не имел. В 1902 году Марсеков определяется младшим кандидатом на судебную должность при Семипалатинском окружном суде [311, л.3]. Он исполнял обязанности младшего кандидата [312]. В ноябре 1902 года он, согласно прошению, по мотивировке «домашние обстоятельства» уволился в отставку. В 1903 году Марсеков восстановился на службу в должности помощника присяжного поверенного в округе Семипалатинского окружного суда.

Вероятно, работоспособность Марсекова оказалась высокой. Следует учесть, что в восточных районах империи сохранялся острый дефицит кадров. Довольно часто специалисты на длительные сроки на смежные участки направлялись в продолжительные командировки. Согласно существующим положениям повышения по службе, как правило, удостоивались личности с высшим образованием. Поэтому в 1904 году приказом старшего председателя Омской судебной палаты он определяется младшим кандидатом на судебную должность при Омской судебной палате. Уже в ноябре 1904 года Марсеков командировается к мировому судье 1 участка Омского уезда для занятий в канцелярии с целью ознакомления делопроизводством [313, л.50]. Впоследствии он, как и все молодые специалисты, прошел процедуру «испытаний» при Омской судебной палате. После выдержанных испытаний ему присвоили звание старшего кандидата на судебную должность. При Омской судебной палате на должности присяжного поверенного продолжалась карьера выпускника Санкт-Петербургского университета Раимбека Марсековича Марсекова [314]. Его местом жительства являлся Петропавловск. Проживая за пределами родного Семипалатинского края, Марсеков делал карьеру в Акмолинской области. В отличие от Семипалатинска Петропавловск оказался географически ближе к Омску. Там, в Омске, проживали казахские интеллигенты и чиновники.

В феврале 1905 года Марсеков приказом руководства переводится в распоряжение председателя Омского окружного суда. Собрание состояло из

квалифицированных опытных судей. Решение данного коллегиального органа свидетельствует о качестве компетенции Марсекова. Доверие к молодому юристу определялось не личными симпатиями руководителя палаты, а решением совета. Определением общего собрания Омского окружного суда ему поручалось заведование 3-м участком Петропавловского уезда. При этом он получил направление по месту командировки на незначительный срок в связи с нахождением в отпуске местного мирового судьи.

Уже в мае 1905 года он, по решению аналогичного собрания, направляется на должность мирового судьи Атбасарского уезда по причине 4-х месячного отпуска местного уездного судьи. Процедура постоянных перемещений являлась единственной альтернативой профессионального роста и самоутверждения по деловому принципу Марсекова. Собственно, через соответствующую процедуру проходили многие молодые специалисты.

Но данный аспект хронически вызывал бытовые неудобства. Именно эта практика постоянных деловых контактов с различными социальными, региональными и этническими признаками вырабатывала особый стиль поведения и специфичность квалификационных характеристик, так необходимых для дальнейшей карьеры.

Находясь в должности старшего кандидата при Омском окружном суде, Марсеков имел жалование в 1800 рублей. Дополнительно он получал финансовую сумму в 1500 рублей, из которых имел 500 рублей столовых, квартирных - 300 рублей, канцелярских - 500 рублей, особых – 200 рублей [311, л.3]. В сентябре 1905 года Марсеков командировается на самостоятельное заведование IV-го мирового участка Омского уезда. Сроки его новой командировки длились 4 месяца с 6 октября 1905 года по 10 февраля 1906 год. По окончании соответствующей командировки он, по решению общего собрания суда от 13 февраля 1906 года, делегируется в помощь мировому судье этого же участка по производству следствия в подозрении высокопоставленного чиновника. Пикантная ситуация заключалась в запрещении Марсекову поездок по уезду без особого распоряжения. Соответствующая практика ведения судопроизводства применялась в исключительных случаях, когда следствие контролировалось высокопоставленным руководством. Очевидно, Марсеков грамотно провел соответствующее расследование, ибо приказом по Министерству Юстиции он в мае 1906 года вновь откомандировывается к исправлению должности судебного следователя Тарского уезда.

Таким образом, не имевший чина и знаков отличия Раимжан Марсеков за незначительный 4-хлетний период служебной деятельности дослужился до должности судьи. В группе казахских юристов Марсеков, пожалуй, был вторым, кто после «оренбуржца» Кучукова выполнял обязанности следователя. Данная особенность благожелательно проявилась на финансовой статусности исследуемой личности. Его годовое содержание составляло 2500 рублей. Объем жалования достигал 1800 рублей, столовых - 500 рублей, квартирных 300 рублей, канцелярских - 500 рублей, особых - 200 рублей.

Тарский уезд находился под юрисдикцией Тобольского окружного суда. Повышение Марсекова обуславливалось его территориальным перемещением в Тобольскую губернию-регион, который по социально-экономическим параметрам существенно уступал Омскому уезду. В ноябре 1907 года Марсеков согласно прошению ушел в отставку. Его неожиданное решение вызвало удивление у окружающих. Как правило, чиновники на пике своей карьеры уходили в отставку по состоянию здоровья или же по некомпетентности. Впоследствии Марсеков характеризовался руководством, в процессе трудоустройства и работы, как квалифицированный и хорошо подготовленный специалист. В личном деле Марсекова встречаются сведения о его хроническом заболевании суставном ревматизме, рецидивы которого проявлялись в этот период. Очевидно, соответствующий аспект определил мотивацию поведения Марсекова. В сентябре 1907 года он ходатайствует о его переходе в Семипалатинский окружной суд на должность помощника присяжного поверенного. При этом Марсеков стремился попасть на свою изначальную этнотерриторию проживания. Через некоторое время он действовал в должности присяжного поверенного [315, с.86]. Ценный специалист Марсеков оказался востребован в смежной Акмолинской области. Национальная психология Марсекова, коллективное единство с земляками и родственниками определили выбор его решения. Интерес вызывает тот факт, что он за короткий промежуток своей служебной работы дважды выходил в отставку. Причем после первой отставки он работал по месту проживания в должности помощника, т.е. туда, куда он стремился после второй отставки. Впоследствии он продолжил работу по линии юриспруденции.

В Томске в данный период Джиганшах приобретал известность Досмухамедов, работавший товарищем прокурора в местном Прокурорском надзоре [315, с.109].

Качество работы казахских специалистов за пределами этнотерриториального проживания определялось такими критериями, как степенью их научной подготовки и служебного опыта, знанием ими местных условий и быта общин, служебным и имущественным статусом. С XIX века шла планомерная миграция европейского населения в Сибирь, в восточные губернии продолжалась высылка на поселение уголовных и политических элементов. В категории высланных, по материалам современников, фигурировали представители всех социальных сословий и национальных групп империи. Интеллигентские слои сосланных различались по идейно-политическим взглядам и профессиональным качествам. Многие из них, представленные конторщиками, учителями, железнодорожными служащими, врачами, адвокатами, в Сибири превращались в типичных обывателей. Оторванные социальным потрясением бурных революционных событий из привычной системы деловых и личных отношений, они оказались в непривычных условиях пустынной Сибири. По официальным данным, только в Тобольской губернии в 1907 году проживало 1500 политических ссыльных. Репрессивно-государственный механизм способствовал увеличению массы

политических мигрантов. В разряде политических попадались уголовники, люмпены, различные погромщики и даже случайные личности, попавшие в разряд ссыльных по ошибке. Ссылный контингент зачастую состоял из малообразованной, малосознательной массы без четкой организации совместных действий и выработанной идеологической основы [316]. Из среды казахских служащих только незначительные единицы, как, например, Ж. Акпаев, А.Букейханов, А.Байтурсынов, М.Дулатов и ряд других активно контактировали со ссыльными элементами.

Представители юстиции не избирались местным обществом, а назначались. На конец 90-х годов XIX века в Сибири насчитывалось 173 участковых и добавочных мировых судей. Из них высшее юридическое образование имели 82%, остальные обладали дипломом по другим специальностям. Образовательный ценз сибирских мировых судей был значительно выше многих выборных мировых судей со средним образованием земских губерний. Все казахи-юристы исследуемого периода отличались высшим юридическим образованием. Университетский диплом являлся необходимым фактором в совершенстве начинающих профессионалов. Чрезвычайную роль играл служебный опыт. До переезда в Сибирь служебным опытом обладали А. Темиров и Д. Досмухамедов. Эти подготовленные юристы прибыли с повышением на место назначения. Остальные казахские специалисты именно в Сибири начали свое совершенство. Европейские юридически подготовленные специалисты неохотно уезжали в восточные регионы. Не имевшие альтернативы своего развития, казахские правоведы уезжали в Сибирь с целью собственной самореализации и обеспечения материальных благ. Знание местных условий определяло их знакомство с обычным правом, менталитетом, психологией проживавших социальных групп и этнических общин. При наличии таковых обстоятельств правоведы имели возможность разобраться в бытовой и юридической обстановке обсуждаемого события. В биографических сведениях казахских юристов начала XX века не обнаружены сведения, касающиеся негативного оценивания их профессиональной компетентности. В юридической сфере казахи сталкивались с многообразием дел различного профиля.

В процессе перемещения казахских юношей из аграрного сектора в города происходит смена их мировоззрения. С течением времени в динамике профессионального роста наблюдался их переход из одного мира отношений в другой. И соответственно, новая модель поведения сопровождалась концентрацией необходимых ресурсов для адаптирования к меняющейся среде. Данный ключевой момент актуализировался быстрым усвоением казахскими юношами необходимого инструментария из всего многообразия существующих моделей жизнедеятельности для дальнейшей собственной практической реализации. Следствием выработанной модели поведения являлась устоявшаяся практика включения казахских служащих в определенную сферу с медленным карьерным ростом и мало меняющимся финансовым статусом. У некоторых представителей продолжала сказываться психология инертного

поведения и отсутствия желания резкой смены сформировавшихся устоев. Достижение социального статуса служащих способствовало сохранению их зависимости от государства и денежной неустойчивостью. Так, в архивных материалах часто встречаются сведения о невозможности оплаты казахскими служащими за обучение своих детей в школах и университетах

Дети администраторов в независимости от хронологии времени в унисон доказывали тезис о собственной бедности, убедительно приводя примеры финансово-потребительских возможностей собственной семьи. Сравнение типов поведения администраторов периода 60-80-х годов и их потомков на рубеже XIX-XX веков и последующего времени демонстрирует ряд реальных отличий. Безусловно, в силу занимаемой должности и уровня политической культуры местного населения казахские управленцы обладали более значимыми полномочиями в эпоху 60-80-х годов XIX века. Уровень их профессиональной подготовки по большей части ограничивался кадетским училищем или уездно-волостными школами. Степень контроля со стороны управленческих структур по вертикали оказалась продуктивной на уровне исполнения поставленной задачи. Метод конструктивного решения заявленных проблем в основном оставался прерогативой названных администраторов по причине сохранения их лидирующего влияния в этнической среде.

Дети администраторов вследствие полученного образования обладали большим профессионализмом. Но их служебная сфера ограничивалась работой в учреждениях с тотальным контролем и подчиненностью центральным органам. Степень давления в подобных организациях оказалась прямо пропорциональной уровню доверия со стороны имперских структур по отношению к казахским служащим. Индивидуализация отношений корректировала психотип казахских служащих, ориентированных на точную исполнительность при повышающихся деловых нагрузках. Минимизация финансовых средств продолжала сохраняться в данных группах имперского общества. Этот фактор подтверждается многочисленными примерами жизнеописания конкретных личностей из русской классики. Вероятно, поэтому некоторые представители казахских интеллектуалов уходили из профессиональной среды в творческие направления, как, например, в периодическую печать и жанровую литературу, которые все-таки не являлись финансово доходными. Например, с периодическими изданиями сотрудничали А. Байтурсинов, А. Букейханов, С. Сейфуллин, М. Жумабаев, Ж. Сейдалин и т.д.[317, с.31].

Скрупулезный анализ архивных документов наталкивает на мысль о том, что переход казахов из одной служебной группы в другую носил редкостный характер. В то же время в казахской чиновничьей среде соблюдался принцип передачи по наследству служебно-исполнительских функций. Тому примером являются биографические сюжеты жизнедеятельности действующих фамилий в северо-западном регионе Степного края. Наследственные династии учителей, медиков, ветеринаров и других представителей бюджетной сферы были не столь малочисленны, и в них не наблюдался принцип преемственности. Так,

дети просветителя А. Кунанбаева выбрали военно-служебную карьеру. Медики М.Карабаев, Н.Алдияров, учителя Г.Балгимбаев, А.Байтурсынов, А.Алмасов и др. являлись специалистами в первом поколении. Тогда как их родители посвятили себя чиновничьему поприщу или продолжали заниматься традиционным хозяйством. Габдугали Балгимбаев занимал должность инспектора народных училищ Иргизского уезда. Его сын Абубакир Балгимбаев по факту обучения в Оренбургской гимназии в 1912 году ходатайствовал о зачислении в штат Тургайского областного управления канцелярским служащим. В течение 2-х лет канцелярской службы он получил звание коллежского регистратора [318, л.25]. Таким образом, на канцелярской службе просвещенные казахи получили возможность скорейшего роста и повышения в чинах в сравнении с другими сферами. Установлены единичные факты участия потомков представителей неадминистративной социально-бюджетной группы в учительской и медицинской сферах.

На этот интересный сюжет социальной жизни казахов неоднократно обращали внимание просветители А. Кунанбаев, А. Байтурсынов. В частности, А. Байтурсынов констатировал факт оттока образованной казахской молодежи в служебные структуры [16, с.24]. А. Кунанбаев неоднократно обращался к аналогичной группе с призывом к освоению новых специальностей и эффективной реализации собственного потенциала во благо общества [14, с.67]. В легендарном сочинении М. Дулатова «Оян казак» звучала критика в адрес образованных казахов, пополнявших ряды чиновничества. Казахские прогрессисты обращались с критическими обвинениями к этой категории конторских служащих, осозная отсутствие у них гражданственности и патриотичности по отношению к народу.

В городских условиях жизни казахские студенты создавали новые модели поведения, складывавшиеся в зависимости от окружающих социальных условий. Эти модели поведения формировались под влиянием места проживания, профессиональных особенностей, общественной среды, политической ситуации и других фактов. Городские высокооплачиваемые казахские служащие имели больше возможностей духовного общения и развития в отличие от канцелярских клерков или аульных учителей. Большинство канцелярских служащих находилось в бюджетных сферах со строгой регламентацией труда и исполнительской дисциплиной. Специалистов так называемых «свободных профессий», т.е. находившихся в относительной независимости, было немного. Юристы в первую очередь осознавали свою социальную ответственность. Учителя стремились развить систему обучения в этнической среде. Медицинские специалисты стремились всецело оказать необходимую врачебную помощь землякам. И те и другие совершенствовались в тех областях жизнедеятельности, в которых ощущали свое превосходство. Не случайно поэтому казахские врачи и учителя - одни из многочисленных групп интеллигенции - фактически отсутствовали в депутатском корпусе и Госдуме, но при этом активно поддерживали своих соратников либералов. Казахские медики и чиновники отсутствовали в верхней иерархии алашского движения,

выполняя функциональные обязанности исполнителей.

Процедура командирования проходила в рамках официально выполняемых обязательств. Анализ командировочных переездов с учетом социально-экономических показателей зон выезда и въезда свидетельствует об эффективности производственной деятельности этих казахских служащих. Из районов с более благоприятной инфраструктурой успешные чиновники перемещались в менее развитые имперские сегменты. При этом откомандировывались наиболее успешные, награждаемые функционеры.

Одним из первых казахских юристов Тургайского края являлся Темиров Абдулла. Темиров родился в 1865 году в Кустанайском уезде Тургайской области. Он был выходцем из обедневшей султанской семьи. В 1891 году Темиров назначается кандидатом на должность судебного следователя при Уфимской Палате уголовного и гражданского суда. Позже его командировали помощником к судебному следователю I-го участка Белебинского уезда. В декабре 1891 года он назначается помощником к судебному следователю Уфимского уезда а в феврале того же года - заведующим временным участком и выполняет обязанности судебного следователя упомянутого уезда. В июне 1892 года его переводят на аналогичную должность для заведования 2-м временным участком Бирского уезда. Вскоре он отбывает для занятий в уголовное отделение Палаты. В марте 1893 года на него возлагается исполнение обязанностей секретаря уголовного Отделения Палаты. Тогда же Темиров причисляется к Министерству Юстиции [126, л.2].

Интерес вызывает тот факт, что служебная карьера Темирова началась на территории уездов, административно не входивших в состав Тургайской области и Степного края в целом. В то же время на территории Тургайской области наблюдался дефицит юристов-казахов с университетской подготовкой, и логичным было бы утверждение на должность Темирова в этой области. Данный факт объяснялся рядом причин. В провинциальной казахской среде сохранялись такие элементы патриархально-родового строя как местничество, клановость, патриархально-вассальные отношения. Поэтому каждый казахский чиновник, выросший в этой среде, фактически мог выполнять функции лоббиста определенной фамильной группировки, тем самым сводя на нет идеологию имперской политики единства территории и общности политических взглядов.

Через некоторое время Темирова назначили помощником мирового судьи в округе Сыр-Дарьинского областного суда. Вскоре он получил должность помощника мирового судьи Чимкентского уезда. Южный Казахстан был включен в состав Российского государства во второй половине XIX века, поэтому в этом регионе отсутствовала налаженная система подготовки административных и судебных кадров.

Деятельность русских чиновников, не владевших казахским языком и не знакомых с местной спецификой, зачастую оказывалась малоэффективной. Казахские чиновники выступали в роли связующего звена между местной общественностью и властями. Вероятно, этим и объясняется откомандирование

Темирова из Уфы в Южный Казахстан. За выслугу лет он получил чин коллежского секретаря со старшинством. В середине 90-х годов XIX века Темиров назначается помощником мирового судьи Чимкентского уезда. Вскоре приказом его переводят «для пользы службы» помощником мирового судьи Аулиеатинского уезда. Характерным признаком авторитарного государства с раздутым бюрократическим аппаратом являлся произвол коррумпированных чиновников. Вероятно, перемещение Темирова из одного уезда в другой в краткие сроки можно расценивать как стремление властей изолировать его от тлетворного воздействия окружающей чиновничьей среды. В 1897 году он получил должность титулярного советника со старшинством. Вскоре он назначается мировым судьей 2-го участка Аулиеатинского уезда Ташкентского окружного суда.

За 5-летнюю исправную службу в штатных должностях на территории Сыр-Дарьинской области Темирову назначается прибавочное жалование в размере 20% годового оклада жалования в 750 рублей по должности помощника мирового судьи. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 15 февраля 1902 году он назначается членом Уфимского окружного суда [126, л.4].

В 1905 году согласно прошению он переведен в Тобольский окружной суд. В состав Тобольского окружного уезда входили 2 секретаря, 1 архивариус, 6 помощников секретарей и 4 кандидата на судебную должность [297, с.249]. В 1909 году Темиров получил звание статского советника.

В аппарат суда по уставу входили нотариусы, присяжные приставы, приставы, рассыльные и других. Уровень финансового обеспечения служащих зависел от занимаемой должности и чина. Канцелярский служащий получал в год 120 рублей. На таком уровне находились переводчики и мелкие канцелярские служащие. Не имеющие чина служащие имели жалование в 450 рублей, из которых 150 рублей составляли столовые. Оклад губернского секретаря достигал 650 рублей, из которых 300 рублей составляли столовые [319, л.48]. Титулярный советник, исполнявший должность судьи получал 700 рублей жалования, из которых 300 рублей составляли столовые 250 рублей - канцелярские, 250 рублей – квартирные. Титулярный советник окружного суда имел оклад в 850 рублей, из которых жалование составляло 450 рублей. В Сибири на рубеже XIX-XX веков не имеющий чина учитель уездного училища в городе получал жалование от 200 до 300 рублей и добавочного довольствия 80 рублей в год от города.

Рабочий распорядок сотрудников областного Тобольского суда отличался хронической загруженностью. Так, в 1904 году в производстве суда находились 3634 дел. Из них в судебных заседаниях заслушивалось 726, в распорядительных 2120, а всего заслушивалось 2846 дела [212, с.9].

Тогда же Темиров получил звание надворного советника со старшинством. Мотивы перевода Темирова в Тобольск расплывчаты. В 1905 году произошел первый социальный раскол, особенно проявившийся в Европейской части государства и в Сибири. Тобольск считался одним из

окраинных сибирских городов государства, в округах которого наряду с русским населением концентрировалось местное «инородческое». Согласно 1-ой Всероссийской переписи 1897 года численность казахов в Западной Сибири составляла 50 тысяч человек. По переписи 1897 года в Тобольской губернии проживало 1 433 043 жителей. В начале XX века общее количество населения Тобольской губернии составляло 1 миллион 692 тысяч 38 человек, при этом численность казахов составляла 7481 человек или 0,52%, численность татарского населения – 56 957 человек или 3,97% [320, с.48]. Из общего количества казахов в самом многолюдном Ишимском уезде проживало 235 человек. Численность казахов в Тюкалинском уезде достигала 5148 человек [321]. За 9 лет численность казахского населения в губернии существенно не изменилась. Сравнительное сопоставление приведенных цифр показывает динамику увеличения внутренних миграций. Большинство казахов концентрировались в Тюкалинском уезде. Географический анализ расселения казахских служащих показывает, что из зафиксированных в различных документальных источниках никто из них не проживал и не работал в наиболее насыщенном казахским населением уезде.

Уровень грамотности среди тобольских казахов по данным сибирского статиста Н.С. Юрцовского оставался невысоким. Из общего количества образованных казахов этого региона 64% владели грамотой на своем и татарском языках, 36% - на русском [322, с.203]. Среди сибирских казахов оставалось сильным влияние мусульманства, что вызвало тревогу у местных властей. По всей видимости, перемещение Темирова также вызывалось необходимостью установления более тесных деловых контактов между местными, компактно проживающими в обособленных аулах, казахами и администрацией посредством казахов-служащих. Темиров не имел родственных связей с местной этнической средой, что обеспечивало его индифферентность ко всем ведущим клановым «инородческим» структурам. Через непродолжительное время Темиров получил степень коллежского асессора, впоследствии статского советника. В аппарат окружного суда входили прокурор с товарищами и канцелярия. Прокуратура обрела важное значение. С этого периода прокурорский надзор руководил следствием. Прокуроры выступали на суде, в том числе в участках на местах [300, л.2]. Темиров неоднократно курсировал по участкам окружного суда, выполняя кураторские судебские функции во время судебных процессов.

Тобольский окружной суд состоял из 14 юристов. Руководство Тобольского окружного суда составляли председатель суда и товарищ председателя суда. Будучи членом суда, А.Темиров имел чин коллежского советника. В соответствующем статусе с ним находились еще 4 личности, остальные имели звание статского советника. Средний возраст членов окружного суда составлял 41- 42 года [323, л.11]. Время определения на службу Темирова по судебной системе фиксировалось 15 февраля 1902 года. По возрастным критериям Темиров удачно вписывался в категорию местных членов суда. Этот аспект носил не случайный характер.

Наличие молодых высокопоставленных юристов в сибирской глубинке ломает привычные представления о возрастной специфике чиновников в исследуемый период. Кадровая политика подбора административно-управленческого персонала на уровне судебных структур подразумевала концентрацию востребованных ситуаций и временем относительно молодых специалистов. В региональном разрезе Восточной Сибири данная тенденция прослеживалась в кризисное рубежное время I-й Русской революции.

В состав Тобольского суда входили профессионалы, биографии которых изобиловали множеством эпизодов, идентичных работе Темирова. В функции работников суда входили многочисленные выезды по значительным губернским территориальным пространствам. В силу своего ранга работники окружного суда фактически олицетворяли собой последнюю инстанцию в многочисленных судебных тяжбах проблематичной сибирской области.

Темиров неоднократно выезжал по линии прокурорского надзора для рассмотрения уголовных дел в судебных заседаниях. В процессе кадровых перемещений, очевидно, властями учитывалось национальное происхождение Темирова, обязанного вступать по долгу службы в контакты с мозаичным по этническим характеристикам населением региона. Темиров неоднократно принимал участие в выездных заседаниях как член суда по делам, в которых фигурировали местные казахи.

В Тобольском округе синхронно работали А.Темиров, А.Турлубаев, Р.Марсеков. В приграничных областях Сибири и Северного Казахстана действовала группа казахских юристов, врачей и прочих чиновников различного ранга. Вполне вероятно установление деловых и личных контактов между представителями различных категорий. Из всех казахских юристов Сибирских областей старшим по возрасту считался Темиров. По личной метрике он характеризовался как женатый и имел 5-х детей. Причем старший сын Аббас родился в 1895 году, младший сын Абдулхан – в 1903 году [324, л.53]. В период карьерного роста и в последующее время в семье Темировых дети больше не рождались. Анализ финансового состояния казахских юристов, их карьерного роста и служебных перемещений свидетельствует о постепенном перенятии ими диктуемых особенностями ситуации европейских стандартов поведения и образа жизни. Стаж работы членов окружного суда начинался с периода конца 80-х – начале 90-х годов. XIX века. Географически в рамках империи Тобольск являлся осваиваемой восточной зоной. Огромные территориальные пространства между Тобольском и Дальним Востоком по большей части пустовали и ждали своего освоения. На этих территориях отсутствовали сколько-нибудь крупные города и населенные пункты.

Общее количество чиновников недворянского происхождения и их семей Тобольской губернии составляло около 4654 человек. Из них общественной сословной службой занималось 1535 человек. Причем из них татары и казахи составляли 21 мужчину и 1 женщину. На железных дорогах служило более 900 служащих. Из них 48 поляков, 7 немцев, 2 еврея и 3 мусульманина, т.е.

татар и казахов. Учебной и воспитательной деятельностью занималось 1388 человек. По половому принципу категория учителей выглядела следующим образом – 739 мужчин и 575 женщин. Из них 16- поляков обоого пола, соответственно 13 немцев, 12 евреев, 91 татар и казахов. Таким образом, в этой категории служащих тюркские представители занимали значительное численное большинство. Очевидно, этот цифровой показатель среди национальных меньшинств компенсировался учителями аульных, русско-казахских и русско-татарских школ. Врачебной и санитарной деятельностью в губернии занималось более 700 служащих. Половая характеристика служащих выглядела следующим образом: 494 мужчин и 270 женщин. Исследование показало, что среди служащих в области учебного и воспитательного процесса имеется высокий удельный вес женщин. Аналогичная картина фиксировалась в медицинском секторе. Изучение профессиональной стратификации служащих региона демонстрирует вовлечение женщин в соответствующие сферы деятельности. При этом общее количество поляков в области медицины составляло 45 человек обоого пола, немцев -10 человек, евреев – 6 человек, татар и казахов -31 человек [324, с.10]. А из национальных меньшинств в медицинской отрасли на 2-й позиции после поляков находились татары и казахи. В статистических источниках и прочих документах по регионам не обнаружены занятые в медицинской сфере казашки. В этот период большинство казахских специалистов были задействованы на уровне фельдшеров волостного или уездного масштабов.

По официальной статистике, наукой и литературой занимались всего 44 человек. Примечательно, что из всех исследованных казахских служащих только Ж.Акпаев специально занимался научной деятельностью. Казахи в данный период не работали в научных заведениях. Но и научных учреждений в Сибири, как и во всей империи, оказалось мало. Частной юридической деятельностью в крае занимались 49 человек. Промышленный потенциал и торгово-ростовщические организации ограничивались незначительными параметрами. Численность городского населения оставалась невысокой. У населения Сибири сохранялась основанная на общинном пользовании коллективистская ментальность. Индивидуальные формы производственной деятельности в области деловых отношений, как, например, частная юриспруденция, только начинали зарождаться. Характерно, что большинство казахских юристов, за редким исключением, все-таки предпочитали работать в государственных структурах. На морально-психологическом уровне в их действиях сохранялось предпочтительное отношение к государственному сектору. В кредитных и общественных коммерческих учреждениях служило всего 49 чиновников [324, с.11]. В этой категории чиновников казахи не зафиксированы. Соответствующей срез по социально-этническому признаку традиционно был характерен для казахских служащих всех регионов. При этом увеличивался удельный вес отдельных категорий казахских служащих в регионах, прилегающих к Оренбургу и Омску.

Население городов Казахстана и смежных зон оставалось

интернациональным, с преобладанием славянского населения. С периода основания этих городов происходит активное проникновение татарской национальной группы. В Сибири, наряду с татарами, увеличивалась этническая диаспора бухарцев. По российским источникам, бухарцы являлись выходцами из Средней Азии. Первая группа бухарцев фиксировалась в Сибири и Оренбурге уже в XVII в. Впоследствии продолжалось увеличение их удельного веса. По социально-имущественным характеристикам преуспевающие бухарцы относились к купечеству. Причем наряду с прибывшим купечеством со значительным капиталом формируется новое бухарское из представителей других социальных сословий. Составляя незначительное этническое меньшинство, они стремились сохранить национальную культуру, язык и этничность методом концентрации. Бухарцы, равно как и татары, проживали компактно в городских кварталах или в стационарных поселениях. Бухарские татары, подобно поволжским татарам, в Сибири патронировали местные духовные мусульманские учреждения

Впоследствии представителями этих общин активизируется практика открытия светских государственных школ для местных тюркских этнических групп. Бухарцы и татары по принципу этнической взаимопомощи сохраняли значительную роль в региональной торговле и коммерции. Примечательно, что татарские деятели начинали обучаться в государственных школах. Например, в престижном Тюменском коммерческом училище купца Колокольникова числилось несколько бухарских детей, связанных родством с бухарскими сибирскими купцами [325, л.8]. В начале XX века наблюдается концентрация казахов в ряде уездов Сибири. Однако уровень экономического состояния большинства казахских общинников в сравнении с татарским купечеством и мещанством был существенно ниже. Являясь пришлыми этническими группами на новой территории, поволжские татары и бухарцы мобилизовывали все имеющиеся средства к адаптации с целью сохранения национальной самостоятельности. Эта мотивация определила их алгоритм действий, сохранявшийся в течение двух столетий до крушения империи.

В обыденном подсознании казахов соответствующий регион рассматривался как своя этнотерритория. При этом исходная основа аграрного казахского народа подвергалась изменениям, определявшим их социальную дифференциацию. Парадоксально, что в уездах Тобольской губернии в группе юристов, равно как и в ряде сибирских регионов, например, в Якутии и Томске, успешно реализовали себя казахи из приграничных Семипалатинской, Акмолинской и ряда других областей. Сибирские казахи предпочитали сохранение общинно-коллективного уклада как фактора защиты их интересов и конкретного представителя. Следует заметить, что, не останавливаясь на достигнутом, уроженцы Уральской, Тургайской других областей не ограничивались своим положением в городах Северного Казахстана, а впоследствии перемещались в Оренбург. Зачастую подобные действия предпринимали казахи молодого возраста, только в первом поколении являвшие собой маргинальный тип горожанина с устойчивыми связями с

аграрной средой.

Алгоритм действий казахских юристов, направлявшихся в Тобольск, отличался логической продуманностью. Именно в Тобольской губернии начиналась удачная карьера тех немногих казахских специалистов, которые по собственному прошению определяли свой выбор. Ни один из них не отправился в центральные губернии России, где концентрировались русские специалисты.

Итак, реформирование традиционной судебной-правовой сферы казахов по общеимперским стандартам предопределило динамику организации национальной группы профессиональных юристов. Казахские правоведа-служащие функционировали в официальной судебной системе на территории областей. Группа казахских юристов с гражданской подготовкой начинает формироваться на рубеже 60-70 годов XIX века. Дипломированные выпускники юридических факультетов университетов оказались востребованными в судебных структурах в качестве судей, адвокатов, следователей. Большинство казахских специалистов состоялись в городах областей расселения казахов и близлежащих районов Приуралья, Поволжья и Сибири. В этот период происходит их приток в губернские города. Часть казахских правоведа-служащих функционировали за пределами своей этнотерритории, достигнув определенных успехов, являвшихся результатом их деятельности. По качеству своей подготовленности и профессиональным параметрам казахские юристы оказались более независимыми в отличие от других групп служащих при защите собственных интересов. Данная традиция являлась важным фактором их дальнейшей общественно-политической деятельности.

2.5 Формы адаптации казахских служащих

Большая группа казахских служащих характеризовалась с положительной стороны вышестоящим руководством. В исторической литературе не встречаются сведения об участии соответствующих личностей в политической жизни в конце XIX века или тесной связи с радикальными элементами критически настроенными к действующему режиму. В первой половине XIX века в регионах действовала группа казахских офицеров-служащих, подготовленных по государственной модели управления. Служащие этой категории являлись выходцами из аристократических и знатных семей. Как правило, указанные чиновники действовали в пределах своей родовой территории. Административный статус казахских чиновников ограничивался уровнем подчинения по управленческой вертикали, представителям руководящего корпуса по линии уездного и областного ранга.

Ряд казахских служащих имел чиновничьи звания, которые согласно российскому «Табелю о рангах» подчеркивали их положение в иерархии чиновничества. Многие служащие, к коим относились письмоводители, переводчики, врачи, учителя и прочие, имели звания уровня IX - VIII-х классов. Это коллежские регистраторы, коллежские секретари, титулярные советники. Соответствующие чины подразумевали «низовое» происхождение их

обладателей. Согласно анализу специалистов в иерархии разных родов государственной службы врачи занимали низшую ступень, то есть должности 7-8 классов. Зачастую выше врачей находились чиновники, для которых образовательный ценз иногда считался необязательным. Финансовое вознаграждение врачей не превышало 2 тысяч рублей [326].

В то же время звания коллежского секретаря удостоивались выпускники высших учебных заведений. Степень титулярного советника, при всей своей незначительности, являлась основой карьерного роста. Обращает внимание на себя тот факт, что только султаны с течением времени повышались в чинах. Например, И. Аблайханов имел чин статского советника, офицер-чиновник А. Сейдалин дослужился до аналогичного чина, юрист А. Темиров – до надворного советника. Причем свою карьеру указанные личности начинали с низших чинов. Казахские султаны получали право владения дворянским титулом. На рубеже XIX-XX веков в реформируемом российском обществе сословность постепенно теряет свою значимость. Атавизм сословной градации сказывался в распределении званий и наград. По сути, повышение в чине получали те служащие, которых необходимо было привлечь к производственной деятельности в наименее освоенных регионах. Перечисленные султаны и прочие служащие-разночинцы получали соответствующие звания именно в местах их «откомандирования». При этом звание коллежского советника приравнивалось к полковничьим погонам, статский советник гражданской службы являлся тождественным степени генерала, надворный советник – подполковника [327, с.99]. В категории казахских служащих в определенной степени сохранялась иерархия орденов и медалей. Например, Султан Аблайханов имел орден Святого Владимира IV-ой степени. Данная награда служила знаком выслуги [328, с.139].

Офицер-чиновник А. Сейдалин на государственной службе проработал около 40 лет. По линии Военного ведомства он дослужился до звания «майора по армейской кавалерии». В наборе наград Сейдалина числились Орден Станислава 3-ей степени, орден Святой Анны 3-ей степени установленный для нехристиан, светло-бронзовая медаль на Владимирской ленте в память войны 1853-1856 годов. Орден Святой Анны 3-ей степени вручался служащим за беспорочную 12-летнюю службу в одной должности, но не ниже VIII класса. [328, с.137]. За годы службы А. Сейдалин неоднократно поощрялся денежными призами. По выслуге лет он утверждается Сенатом в звании статского советника со старшинством.

Младший чиновник особых поручений при Тургайском военном губернаторе султан подполковник С. Джантурин в реестре наград имел ордена Святой Анны 3-й степени и Святого Станислава 3-ой степени. Выпускник Оренбургского кадетского корпуса И. Бабин состоял на службе с 1875 года. За исполнение служебных обязанностей он удостоился золотой медали на Станиславской ленте [329, с.32]. Султан Н. Джантурин имел серебряную медаль на Аннинской ленте за противодействие восставшим под руководством К. Касымова. В 1867 году он получил орден Святого Станислава 2-ой степени

[330, л.10].

Служащие несултанского происхождения среди наград имели медали «За усердие» на Станиславской ленте, «За усердие» на Аннинской ленте. Казахские служащие соответствующего хронологического периода повышали свой статус упорным трудом и исполнительностью в их понимании на благо общества и государства. Данная картина прослеживается в процедуре оценивания их труда государством. В реестре наград младшего помощника Тургайского уездного начальника К. Беремжанова числились 2 серебряные медали, которыми он награждался в конце 70-х – начале 80-х годов XIX века- соответственно на Аннинской и Станиславской лентах. За усердную службу он получил в награду серебряную именную печать. К. Беремжанов получил в награду знак общества Красного креста для нехристиан за содействие при пожертвовании казахами Тургайского уезда юрт для раненых и больных воинов в компанию 1877-1878 годах. Этой категорией граждан воспринималась новая символика наград в виде медалей, орденов и других материальных ценностей, которые в финансовом отношении, возможно, не играли существенной роли, но определяли морально-качественную характеристику награжденных.

В числе награжденных медалями и орденами казахских служащих числились следующие: И. Валиханов, А. Сейдалин, К Кокенев [268, л.3]. Впечатляет наградной список чиновника Букеевской Орды есаула Мухамеджана Чултурова Бекмухамедова.

Он имел статус кавалера орденов Святого Станислава и Анны 3-ей степени, Святого Станислава 2-ой степени с Императорской Коронай, Святой Анны 2-ой степени и Святого Владимира 4-ой степени [331, л.11]. Письмоводитель Тургайского уездного управления Байкадам Каралдин в 1905 году по представлению Военного губернатора Тургайской области награждается серебряной медалью «За усердие» на Аннинской ленте [332, л.13]. Интересно, что в ходатайстве уездного начальства в наградной комитет в качестве награды запрашивалась медаль на Станиславской ленте. Областное руководство ограничилось предоставлением Аннинской ленты. Мотивация награждения заключалась в непосредственной организации Каралдиным мелиоративных работ в Тургайской области. По сути, данное действие выходило за пределы компетенции Каралдина. Каралдин, как и некоторые другие, не ограничивался только узкопрофессиональным профилем работы. В группе служащих по количеству награжденных лидировали администраторы.

Подобная модель поведения сохранилась у казахских служащих до революции 1917 года. Чиновники, как правило, награждались за выполнение разовых масштабных общественных акций. Не менее важным показателем успешной деятельности исследуемой группы являлось их перемещение в пределах империи. При этом перемещение, которое в архивных источниках фиксируется под понятием «командировка», проходило по оправданной мотивации. Казахские служащие мигрировали по приказу руководства либо в пределах области, либо в пределах региона, либо выезжали за границы исследуемой территории.

Из учителей орден Святого Станислава III степени имел Н. Кульжанов [62]. И. Алтынсарин имел награды орден Святой Анны III степени и орден Св. Станислава III степени, которыми он удостоился в первой половине 70-х годов XIX века [332, л.22]. Этот орден олицетворял начало служебного признания. Орденом Станислава 3-ей степени был награжден переводчик Омской судебной палаты Ишмухаметов [333]. Аналогичной награды удостоился младший переводчик канцелярии при Акмолинском генерал-губернаторе коллежский регистратор Джантасов [334]. Переводчик Омского окружного суда Е. Итбаев получил в награду светло-бронзовую медаль в память 300-летия царствования дома Романовых. [238, л.87]. Эта награда являлась подтверждением исполнительской дисциплины Итбаева. От переводчиков требовалось не только педантичное исполнение функциональных обязанностей. Городские переводчики, как наиболее грамотная и профессиональная часть национальных канцеляристов, использовались при выполнении масштабных акций в местах компактного расселения казахов. В подобных ситуациях они выполняли информационно-пропагандистскую роль и возлагали на себя дипломатические функции посредников между общинами и властями. Данные чиновники по роду деятельности владели основами делопроизводства и имели существенные познания во всех социальных сферах, в том числе так необходимой в зоне соприкосновения разных культур в правовой этике.

В источниках фиксируются награды канцелярских служащих в период начала XX века - активной деятельности Государственной Думы. Наградная система казахских чиновников в какой-то мере возвышала их положение в глазах казахских общинников и повышала их чувство ответственности служения государству на фоне депутатской деятельности казахских интеллигентов. Соответствующая процедура распределения наград между служащими, вне учета казахских думцев сохранялась до окончания периода работы Государственной Думы. Продолжительная деятельность казахских переводчиков в одной структуре компенсировалась подобными наградами. Следует отметить, что в начале XX века переводчики имели право обладания отпуском в размере 2-х месяцев. Например, словесный переводчик Атбасарского уездного управления А. Джилкайдаров получил возможность свободного перемещения в границах империи на длительный период [335]. Примечательно, что на период отпуска словесных переводчиков за ними сохранялось финансовое содержание.[336] Анализ «Приказов» свидетельствует о возможности перемещения чиновников в пределах империи. В исследованных источниках эпизодов о перемещении аульных учителей в отпускное время не встречается. Впрочем, в периодике исследованного периода очень часто фиксируются материалы о бедственном положении сельского учительства, к которым относились и казахские специалисты. В 1912 году серебряной медалью «За усердие» на Александровской ленте награждается большая группа учителей Оренбургского учебного округа. В числе награжденных числились 2 казахских учителя: Жамалетдин Бейсенов и Ханафия Жолдыбаев. Оба они заведовали школами в Кустанайском уезде [337,

с.23].

Таким образом, соответствующими действиями государство поощряло деятельность клерков подобного уровня. В процедуре награды аульных учителей, писарей и прочих представителей низовой администрации в виде наград доминировали ценные подарки: часы, табакерки и т.д. Так, в 1908 году словесный переводчик, не имеющий чина Омского уезда Ахмет Татин за беспорочную службу награждается почетным халатом 3-го разряда [338]. Подобные подарки в определенной мере являлись компенсацией незначительных окладов канцеляристов. В 1902 году серебряными часами награждается писарь Акмолинской волости Павлодарского уезда Раимбеков Бабаубек [218].

Низовые работники канцелярии - рассыльные, как правило, награждались похвальными листами. Но имели место и исключения. Так, рассыльный Семипалатинской мящанской управы мящанин Мухамеджан Ажибаев получил в награду медаль «За усердие» на Аннинской ленте [339]. Письменные переводчики не ограничивались выполнением инструктивных положений. В уездах и волостях они, как представители низовой администрации, выполняли объемные функции. Например, уездный переводчик Каралдин привлекался к сбору статистических материалов и исследованию обширной местности зимних очевий тургайских и сырдарьинских казахов, за что получил благодарность от областного начальства [286, л.27]. Фактически переводчики и письмоводители, как канцелярские работники, оказались задействованными в процессе делопроизводства и способствовали установлению контактных взаимосвязей между обществом и властными структурами. Письмоводитель Каркаралинского уезда С. Бекпапов за усердную работу получил в награду серебряные часы с цепочкой [340]. В данном ракурсе примечательно вручение серебряной медали «За усердие» на Станиславской ленте Мустафе Бисарину [341]. Подобные награды провинциалам вручались за длительный труд или крупномасштабные кампании в крае.

В 1911 году бывший переводчик Акмолинской канцелярии, впоследствии Статский советник или чиновник V класса султан Аблайханов, ушел в отставку [342]. По факту приказа он получил право ношения мундира. Этот фактор символизировал степень признания заслуг Аблайханова руководством. В империи сохранялась культивируемая с давних времен традиция уважительного отношения к мундиру. Мундирский китель подчеркивал сохранение Аблайханова в градации элитной части общества. На личностно-психологическом восприятии данный метод стимулировал стиль деловых отношений и привязанность служащих к исполняемому делу. В общественном сознании сохранялось уважение к бывшим деяниям отставного чиновника. На пике своей карьеры высокопоставленные чиновники достигали определенного финансового благополучия. Аблайханов проживал в Омске. Его надворные строения и усадьба оценивались в 2500 рублей [343]. По сути это были не столь существенные деньги для личностей уровня Аблайханова.

В числе награжденных и перемещенных по служебной горизонтали в

когорте казахских управленцев обвиненных в злоупотреблениях за исключением ряда ранее упомянутых лиц никто не упоминается. Таким образом, наградная система, вышеизложенная модель перемещения казахских чиновников, косвенно демонстрируют нравственно-личностные особенности некоторых казахских граждан, стремившихся к повышению ролевой статусности в российском обществе.

Следующим критерием результативности действий выявленной части чиновников может служить отсутствие жалоб со стороны этнических общин на качество их труда. В процессе производственной деятельности служащие взаимодействовали с европейскими народами, ориентированными на государственную модель управления, и казахами, часть которых стремилась придерживаться традиционной сферы. Некоторые казахские служащие контактировали с народами Приуралья и Сибири. Эта тактика отношений активизировала гибкую схему восприятия окружающего мира казахскими служащими. Из категории проживавших в городах казахских служащих в процентном соотношении преобладали чиновники. Очевидно, это было связано с их профессиональной деятельностью. Образовательный уровень во многом определял профессиональную подготовку служащих. Стабильный карьерный рост фиксировался у юристов и определённой части администраторов. Большинство фельдшеров, врачей и учителей за весь период производственной деятельности фактически не испытывали карьерного роста. Уровень их квалификации ограничивался полученным образованием. Сфера деятельности этой группы проходила вне городского сектора. Служащие проживали точно и являлись единственными специалистами на огромной территориальной площади. Существенными факторами, затрудняющими их квалификацию, являлись дефицит финансов, хроническая рабочая перегрузка и отсутствие конкуренции.

Безусловно, профессиональные заслуги чиновников являлись гарантом дальнейшего будущего членов их семей. Казахские служащие часто обращались с ходатайственными письмами о предоставлении их детям права на стипендии в учебных заведениях. Во многих случаях соответствующие поощрения учитывались как одна из форм признания заслуг.

Наряду с категорией служащих выделяется группа казахских интеллигентов, не имевших наград. Данные личности действовали в бюджетной сфере в качестве служащих и имели не меньшее влияние в национальной среде. По большей части соответствующие личности трудились на юридическом поприще и обладали университетскими дипломами. Наряду с духовными лидерами и представителями знатных кланов значительной популярностью у казахов обладали европеизированные интеллигенты, провозглашавшие духовно-нравственные идеалы. В общественно-культурной сфере начала XX века были значимы учителя, писатели, поэты, журналисты.

В архивных источниках не встречаются материалы о награждении соответствующих лиц. В казахском обществе исследуемого периода государственные органы власти только продолжали формироваться. Синхронно

с этим процессом обычное право казахов, как составной элемент национальной государственности, постепенно теряет свою юридическую силу. Формировались новые культурные императивы, которые были не знакомы большинству казахов. Традиционная культура логично вступала в противодействие с европейскими новациями.

В силу профессионального статуса служащие существенно ограничивали сферу деятельности в общественной работе. Из среды администраторов не было значительных писателей, работники государственного аппарата не проявляли творческой активности в журналистской сфере, особенно в политической печати. Скорее, их действия носили регламентированный характер в ракурсе этактистских традиций имперского общества. При этом администраторы интенсивно сотрудничали с научными обществами, оказывая сильное влияние на духовную культуру казахов. В процентном соотношении численность казахских служащих оказалась невысока.

Сохранялась тенденция соответствия морального облика конкретного лица общественному мнению, ибо нравственное лицо по причине обретения популярности в социуме оказалось выше зажатых инструктивными документами чиновников. При подобных обстоятельствах влияние в этнической среде приобретали личности, связанные с искусством, главным образом, с литературой и журналистикой.

Анализ производственной деятельности казахских чиновников оказывает, что в городах оставались наиболее востребованные, так как там сложнее было построить карьеру и создать необходимые деловые отношения. Определенная часть казахских служащих перемещалась в аграрный сектор. При этом в непосредственный контакт с казахским населением входили переводчики и письмоводители. Представители других профессий работали в смежных оседлых поселениях. Соответственно у многих из них формировалось понимание цены достигнутого достатка. У прогрессивной части чиновничества доминировало чувство ответственности за существующие реалии, при которых они смогли достигнуть более хорошего качества жизни. В источниковых материалах не встречаются сведения о деградации казахских служащих, большинство которых только в первом поколении обладали соответствующим статусом и имели основания для проведения сравнения в свою пользу. При этом соответствующие чиновники осознавали потребность изменения условий своего положения, а соответственно изменения основ системы рекрутирования подбора кадров. Все же в канцелярских уездных управлениях, окружных судах и прочих сферах казахские сотрудники находились в подчинении от вышестоящих патронов, т.е. русских чиновников.

Фактически в начале XX века повторялась ситуация середины XIX века, обоснованная социальными отношениями в казахском обществе, когда казахские султаны-управители, ограниченные в политических полномочиях и материальных ресурсах, определяли алгоритм действий своих потомков, ориентированных, на русское государственное образование. Теперь эти потомки - дипломированные специалисты, проживая в городах, вероятно,

имели большой спектр своего развития. Однако их положение в обществе ограничивалось статусностью подчиненных. Потомки этой европейски образованной группы служащих генетически должны были составить светскую интеллигенцию во втором поколении, реализовывая себя в научных сферах, творчестве и искусстве. События 1917 года и последующая эпоха прервали этот длительный процесс. И все же материальные блага для большинства из них, как и для многих категорий российского чиновничества, оказались недоступны. Для них были типичны, характерны трафаретные персонажи гоголевских и чеховских героев. Ограниченные инструктивными документами и регламентированной формой финансирования, канцелярские служащие, прежде всего, реально осознавали иллюзорность перспектив быстрого обогащения. Характерно, что географически в процессе удаления от города к деревне увеличивалась статусность и социальное положение служащих всех рангов. Некоторые чиновники прекрасно осознавали свое нынешнее состояние и практически подходили к реализации собственной задачи достижения благ посредством продвижения в аграрную среду.

Уровень подготовки служащих зависел от многих факторов, в том числе таких, как личное финансовое благополучие, материальное обеспечение оконченной ими школы, качественность учительского корпуса. В штате европейски образованных казахов выделялись действительно подготовленные граждане и псевдоподготовленные функционеры. На подсознательном уровне каждый из них соизмерял свои возможности. В пучину деловых игр и грядущих задач достижения благ окунались наиболее подготовленные из них. Анализ личных дел казахских служащих показывает, что за пределы собственной этнотерритории выезжали либо выходцы из малообеспеченных семей, либо настроенные на карьерный рост личности. Так, например, врач Карабаев решил на длительную командировку в Якутию. Дипломированный султан Темиров большую часть своей жизни проживал вне своей территории, султан Каратаев совершенствовался частной юридической практикой в Закавказье. Группа получивших известность в казахском обществе специалистов Букейханов, Акпаев, Марсеков, Сейдалин, Валихан, Чингис-хан, Кучуков состоялась вне территории Степных областей.

Нормы общежития казахов сохраняли свою устойчивость в аграрно-кочевой среде. Образованные казахи толерантно воспринимались казахскими общинниками в этот период. И если ранее в начале XIX века Валиханов и европейски просвещенные казахи неоднозначно оценивались в казахской общине, то впоследствии отношение к группе казахских прогрессистов существенно меняется. В казахском обществе сформировались представления о конкретных казахских служащих известных в определенной микросреде.

Чиновники на уровне волостных писарей и канцелярских клерков получили известность в территориальных рамках конкретной административной единицы. Высокоэрудированные и профессионально подготовленные казахские специалисты ранга, отдаленного от рутинного исполнения, приобретали популярность в значительных ареалах. Численность

казахского населения в городах Северо-Западного и Восточного Казахстана в целом оставалась незначительной. Исторический сюжет природно-деловых и личных отношений казахского чиновничества не получил должного освещения в отечественной историографии. Наверняка однородцы городских казахов, олицетворяли в их лице наиболее успешную категорию. В данном случае имеются в виду состоятельные слои казахов-горожан. Такие граждане олицетворялись, как образованные люди, обладавшие не просто элементарной грамотой, а имевшими существенные познания в тех сферах жизнедеятельности, которые обуславливали индивидуальность личности в представлениях общинников. Но мыслителей такой масштабности, как Ч. Валиханов, И. Алтынсарин и А. Кунанбаев, было немного. В казахском обществе с каждым десятилетием просвещенных граждан становилось все больше и больше. Многие из них по уровню образованности и широте кругозора, не уступали известным мыслителям. Так, например, в учительской среде наряду с Алтынсариним состоялся Габдугали Балгимбаев. Как прекрасные учителя-методисты заявили о себе А.Байтурсинов, И.Кульжанов. Казахские офицеры Н.Джантурин, А. Сейдалин учились по тому же принципу, что и Ч. Валиханов. И если ранее просвещенные граждане в Российской империи имели потребность и возможность заявить о себе, то впоследствии происходят существенные изменения. Интеграция империи в общемировые процессы определила унификацию делопроизводства и дальнейшую профессиональную подготовленность кадров. Поэтому казахские специалисты локализовались в своей профессиональной сфере с целью своего сохранения. Как показывает анализ биографии казахских служащих, такие категории, как врачи, фельдшеры, канцелярские служащие зачастую не имели лидерских качеств либерально-демократического движения начала XX века. А многие низовые чиновники и вовсе оказались индифферентны к социальному расколу.

Казахские интеллигенты и служащие в основном не имели земельной собственности, как русские дворяне центральных губерний. Казахская категория служащих оставалась разночинной по составу. В них формировались основы сословной чести, которая зиждилась на принципах защиты интересов государства и общества. Многие представители этой среды, не имевшие значительных материальных ресурсов, могли отстаивать только собственное право включения в мозаичное этнокультурное окружение на равных правах, что обуславливалось знанием законов и стремлением сохранить личную свободу, но и следовать исполнению личных прав и обязанностей. В своем совершенстве интеллигенты и служащие исходили из потребностей сохранения духа личной свободы и независимости от давления общин. Ценностные ориентиры чиновничества создавались из условий окружающего мира сформировавшегося в условиях поляризации отношений российских городов и витавшего духа гражданской свободы университетов. Вчерашние казахские студенты, по примеру своих русских однокашников, стремились совместить профессиональные качества, гражданские идеалы, научность и увлечение новационными идеями. Этот разнообразный инструментарий в перспективе

позволил им не раствориться в монотонной динамике аграрной стихии или небольших провинциальных городов. Казахские специалисты прекрасно осознавали всю сложность совершенства в крупных промышленных центрах России, образ жизни которых стимулировал их дальнейшее творчество.

Во второй половине XIX века и в последующий период формируется слой казахских чиновников, бегло освоивших образовательную программу. Эта категория чиновников выполняла второстепенные функции переводчиков и канцеляристов в государственно-административных структурах. Категория казахских военных реализовывалась в управленческом секторе на уровне уездов и волостей в качестве помощников уездных начальников. Врачи, учителя и фельдшеры качественно различались по образовательно-профессиональному статусу и в основе своей проживали в смешанных посёлках. Профессионально подготовленных казахов, проживавших в городах областей, оказалось немного.

Анализ динамики семейно-брачных контактов казахских служащих констатирует начало новационных изменений в социальной жизни народа. В данной группе деловые качества партнеров начинают выполнять преобладающую функцию над семейно-клановым историческим прошлым. Внешняя смена знаковой атрибутики влияния на власть отражалась в мотивации брачного соглашения. Соответствующая закономерность фиксируется в поступках султанов-чиновников А. Темирова, З. Нуралиханова и других Темиров Абдулла состоял в браке с уроженкой Тургайской области Джангаровой Ганбар Сулейменовной, являвшейся, согласно метрике, дочерью подполковника. Звания подполковника в казахском обществе, как правило, достаивались султаны за исправную службу на административном поприще. Султан Сейтхан Ахмедович Джантурин состоял в браке с дочерью хана Внутренней Орды Джангира Букеева. Султан Т. Сейдалин сочетался браком на дочери одного из султанов Кустанайского уезда [150, л.27]. Анализ брачных связей на уровне султанства характеризует доминанту заключения семейно-деловых союзов между ведущими аристократическими семьями на локальной территории, что соответствовало историческим традициям социальных связей казахского народа. Династийные браки на уровне султанства обычно строились по расчету.

Султанское звание в XIX веке потеряло былую значимость верховного представительства эпохи средневековья. Обедневший султан Темиров не представлял материального интереса для подполковника Джангарова. Темиров – обладатель престижного юридического образования не имел конкуренции в своей этнической среде. Юрист А. Беремжанов состоял в браке с Гульжаухар Сейдалиной, представительницей известной в Тургае династии Сейдалиных. Генетические корни Беремжанова и Сейдалиной уходят в историческое прошлое политического союза чингизида Абулхаира, связанного с фамильным кланом Сейдалиных и лидером «черной кости» батыра Джанибека, основавшего семейство Беремжановых. В прошлый период чингизиды сохраняли родовую изолированность. В начале XX века соответствующие

императивы разрушались под влиянием социальных процессов. Исполнительность, честность, образованность являлись гарантом его дальнейшего продвижения по карьерной вертикали.

Генеалогическая второсортность провинциальной патриархальности, бедность восполнялись достойным положением в обществе с соответствующим денежным обеспечением. И этот фактор индивидуализации труда с ориентацией на достижение конкурентоспособности объединял султана-служащего Темирова и подполковника Джангарова. Супруга З. Нуралиханова, Биби-Фатима Губайдуллина Ясембулатова, имела дворянское происхождение. В тюркской титулатуре под влиянием имперской государственности ведущие аристократические семьи за заслуги удостаивались дворянских званий. С середины XIX века наблюдаются семейно-родственные связи между казахскими султанами и татарскими администраторами. Представители татарского чиновничества и купечества зачастую занимали более выгодное положение в структуре управления и по финансовому статусу в сравнении с некоторыми казахскими фамилиями. М. Карабаев – выходец из бедной семьи, сочетался браком с дочерью татарского интеллигента Мирсалиха Бекчурина, преподававшего в Оренбургском кадетском корпусе. Брак фиксируется периодом 80-х годов XIX века. Ориентированные на карьерную удачу образованные казахи зачастую предпочитали браки с татарскими женщинами, ранее включенными в европейско-городскую систему отношений. Впоследствии Карабаев женился повторно [50, л.3]. В практике казахских служащих данное событие носило редкостный характер. Состоявшийся в Сибири юрист Р.Марсеков на пике своей карьеры согласно семейной метрике характеризовался как разведенный [311, л.2]. Согласно нормативам казахского обычного права и доминирующей традиции сословной состоятельности чиновничества, к которой относился Марсеков, семейные разводы не приветствовались и носили единичный характер. В то время ему было 27 лет. Мотивы развода Марсекова неизвестны. Новые государственные стандарты семейно-брачных отношений противоречили национальным привычкам. Бракоразводные процессы отнюдь не являлись типологической особенностью европеизированных казахов, ибо согласно нормам морали могло наблюдаться снижение их ролевой статусности. Следует отметить, что в практике европейски образованных казахских мужчин сроки вступления в браки постепенно завышались, в сравнении с уроженцами из аульной среды. Впоследствии Марсеков повышается по иерархической вертикали. В этот период Марсеков вступил во второй брак. Очевидно, соответствующий аспект диктовался негласными обстоятельствами дальнейшего его совершенствования, гарантом которого являлась необходимость наличия семьи. Его супруга Рахима Габдуслямовна Шамсутдинова была дочерью павлодарского мещанина. Она оказалась младше Марсекова на 12 лет. Согласно анализу метрики, супруга являлась уроженкой из татарской городской среды. В данном случае Марсековым вполне осознанно учитывался выбор брачного партнера. Молодой образованный специалист ориентировался на представительницу из городской

среды. Социальный статус родителей супруги Марсекова предопределял наличие определенного имущественного обеспечения и финансовой состоятельности. Супруга Марсекова по религиозному статусу оставалась мусульманкой, что также учитывалось им. В динамике развития процессов подготовки казахских кадров сохранялась их брачность с представителями из татарско-мусульманской среды. По метрическим данным, у родителей Марсекова имелся дом в Айртавской волости Усть-Каменогорского уезда. За ним самим и супругой никакого имущества не числилось. Марсеков, как истинный чиновник, оставался на казенном обеспечении у государственных властей. Характерно, что у Марсекова имелся сын от этого брака, который находился на воспитании у его родителей.

К аналогичной практике прибег врач Карабаев, длительное время работавший в Якутии вдали от Тургайского уезда, где жила его семья. При Омском окружном суде состоялась карьера М.Сеитова. В возрасте 28 лет Сеитов состоял в браке с тобольской бухаркой Хаким Габдул-Газизовой Якуповой, которая оказалась младше его на 8 лет. Его супруга родилась в Каркаралинске и по официальной метрике исповедовала ислам. Характерно, что в этот период у Сеитова не было детей. Из недвижимости Сеитов имел право на 1/5 наследственного дома стоимостью в 3000 рублей [202, л.7].

Статистический анализ социального статуса служащих в восточных провинциях показывает, что значительная часть из них оказались не удовлетворена своим положением. Отчетливо данная ситуация прослеживается на примере служащих Оренбургской губернии во второй половине XIX века. В данный период в оренбургской казенной палате работал единственный казахский чиновник – переводчик Куваков, который в структуре управления занимал одно из низовых мест с соответствующим окладом. Исследование метрических данных, обозначенных чиновников Оренбургской губернии, демонстрирует картину наличия холостых мужчин- 36 из 99, то есть каждый 3 служащий на период работы не состоял в браке. При этом возраст многих холостых варьировал в рамках от 34 до 41 лет. В числе холостых состояли высокопоставленные чиновники - управляющий казенной палатой и старший делопроизводитель [146, с.73].

В степных областях отчетливо проявляется картина наличия холостых чиновников. Социально-имущественное состояние служащих оставляло желать лучшего. Впоследствии данная тенденция начала проявляться в действиях казахских служащих уже в начале XX века. Куватов и представители его поколения олицетворяли казахских служащих, сохранивших в городской среде в ином окружении традиции и культ семейного статуса состоявшейся личности без завышенных запросов. Например, один из успешных казахских юристов Ж.Акпаев в возрасте 28 лет еще не состоял в браке. Наверняка данное обстоятельство сыграло свою роль в служебных перемещениях Акпаева. В Тобольской палате он был в должности помощника секретаря Тобольского суда. Годовой оклад Акпаева составлял 800 рублей, из которых 300 рублей - жалования; 150 рублей – столовых; 150 рублей - канцелярских и добавочные -

200 рублей. Таким образом, прямой оклад молодого юриста на низовой иерархии составлял - 300 рублей [308, л.14]. Такую же сумму в среднем казахские студенты выплачивали за обучение в университетах.

В период начала XX века в процентном соотношении европейски образованных казахских женщин оказалось немного. Казахские служащие в процессе выбора брачного партнера в большей степени акцентировали внимание на социальное происхождение своих избранниц. Очевидно, низкий образовательный уровень казахских женщин воспринимался категорией служащих как приемлемый норматив. В частности, супруги известных поборников просвещения и социального прогресса И. Алтынсарина и А. Сейдалина характеризовались как неграмотные [344, л.9]. Сфера деятельности женщин в производственных отношениях Казахстана оказалась минимизированной. Фактически И. Алтынсарин, как и ряд других прогрессивных граждан, исходили из сложившихся реалий, акцентируя при этом сохранение ролевой статусности своих супругов как хранителей семейных традиций. При этом, вдова И. Алтынсарина – Айганыс Чулакова-Алтынсарина продолжала обучать своего сына Абдуллу в Троицкой гимназии. Вдова А. Сейдалина султанша Гульмай Сейдалина изыскивала возможности для обучения детей в Оренбургских городских школах. Характерно, что ее сын Исмаил в это время проживал в Оренбурге и воспитывался у госпожи Унуревич, ежемесячно оплачивая по 30 рублей [344, л 8].

Макросреда становления казахских юношей накладывала традиционные формы социальных отношений в виде формирования семьи. Микросреда общения в городской среде определяла своеобразие выбора брачного партнера. Очевидно, длительное пребывание в иной локальной среде определяло суть их поведения – личностей, к тому периоду ангажированных как передовых. Вероятно, причины сохранения привычного уровня иерархичности в новом этническом мире предопределили их решение.

В силу исторических причин кочевники-номады концентрировались в родовые общины и проживали на значительных расстояниях. Коммуникационные связи наиболее эффективно функционировали в летнее время. Социальная структура и принципы политического управления в локальных казахских общинах видоизменялись медленно и сохраняли идентичность в регионе. До XIX века в казахском социуме сохранялась прерогатива султанства как одного из важных звеньев управленческой сферы. Султаны выполняли функции верховных сюзеренов. Политическая стабильность в регионах во многом определялась спецификой отношений и частными мерами лидеров феодальных кланов. В исследуемый период происходила полная реорганизация политического статуса и социальной структуры казахского народа. В этот период казахи продолжали доминировать в исторической зоне своей былой государственности. Значительная часть казахов занималась различными видами животноводства. Синхронно в этот период продолжает увеличиваться удельный вес оседлых земледельцев-казахов. Так, по данным информаторов, в волостях казахи

переходили на систему хлебопашества и сенокосения [345, с.444]. При этом возводилась сеть пешеходных трактов и закладывались железнодорожные транспортные магистрали. Однако затруднительные процессы общения охранялись на указанных территориях, что осложняло информированность казахского населения. В связи с переходным периодом, нарушавшим естественно-исторический путь казахов, наблюдается смещение ролевых функций ведущих социальных групп. В официальных хрониках периодической печати, исторических сообщениях второй половине XIX- начала XX веков отмечается повышенная значимость в казахском социуме представителей социальных сословий «черной кости». Лидеры этих групп по имущественному определению и должностным полномочиям возвышались в сравнении со старой казахской аристократией. Удельный вес казахского чиновничества всех рангов оставался невысоким.

В XIX веке в областях фиксируются смешанные казахско-русские браки. В этот период возникла поэма о любви казахского юноши Дударая и русской девушки Марии Егоровны [346, с.171]. Содержательная часть сказания благожелательности воспринималась казахским населением и фактически отражала существующие реалии. Процент образованных казахов, вступивших в брачные отношения с представителями европейских народов, оказался незначительным и фиксируется единичными случаями. Из числа просвещенных казахов зарегистрированы 4, вступивших в браки с русскими женщинами: А. Байтурсинов, А. Букейханов, М. Чокаев, Д. Досмухамедов. Трое из перечисленных, за исключением А. Байтурсинова, имели университетское образование. Супруга А. Байтурсинова официально приняла ислам. По источниковому материалу, перечисленные личности на заре своей карьеры не относились к сословию обеспеченных. Финансовой устойчивости они добились в зрелом возрасте. В этот период юридически оформляются их браки. Исследования семейного состава определенного круга казахских служащих резюмируют вывод о снижении рождаемости в их семьях. Согласно официальным стандартам казахские служащие имели одну супругу. Уровень материального обеспечения зависел от многих составляющих социально-профессионального толка. Служащие, проживавшие в стационарных центрах, рассчитывали на собственные материальные ресурсы. Незначительное количество детей фиксируется в семьях султанов-служащих. Например, у С. Джантурина было 3-е детей, у Т. Сейдалина -1 ребенок, у статского советника Д. Сейдалина - 2 сына.

Таким образом, наиболее подготовленные долгой практикой отношений с государственно-европеизированной политикой просвещенные казахи воспринимали новое качество отношений и познание культуры государственнообразующего народа, сохраняя национальную идентичность и взаимосвязь с казахским народом. Просвещенные казахи в профессиональной и общественной деятельности апеллировали к прогрессивным образцам европейской культуры в системе судопроизводства и защиты прав личности. Вступившие в межнациональные браки А. Байтурсинов, А. Букейханов, М.

Чокаев, Д. Досмухамедов с европейскими женщинами сыграли ключевую роль в защите национальных интересов казахов и формировании идеи национальной государственности.

Итак, казахские служащие, действовавшие в рамках сухой документации и государственных нормативов, не обладали официальной публичностью как волостные начальники и находились в большей степени изоляции от своих однородцев. Их коммуникационные отношения с казахскими общинниками сохранялись посредством казахской традиционной элиты, низового чиновничества, рассыльных и переводчиков. В начале XX века в источниках не встречаются сведения ходатайствования казахских чиновников о предоставлении им аристократических званий тарханства или дворянства. Подобная направленность уже не играла существенной роли в сознании сложившихся казахских профессионалов, все четче ощущавших атомизацию городского населения, ориентированного под влиянием капиталистических отношений на индивидуализацию труда.

Казахские специалисты всех уровней чинов и званий в своих поведенческих установках дистанцировалась от когда-то характерных для них в годы юности форм аграрно-кочевой цивилизации. Примечательно, что казахские юристы, врачи, фельдшеры, учителя в независимости от занимаемой должности в численном соотношении поощрялись государственными наградами меньше, в сравнении с категорией волостных управителей. Из среды чиновничества выделялись представители канцелярской сферы - письмоводители и переводчики, которые наиболее тесно контактировали с казахской общественностью. Очевидно, данное социальное явление являлось характерным на этом историческом отрезке в переходный период для всего казахского социума и прежде всего служащих, реально осознавших свое противоречивое значение в будущем империи и судьбе родного края. Многие из них, в частности, работники канцелярских структур, служащие уездных управлений, члены суда были проводниками царской колониальной системы, зачастую пренебрегавшей культурой и общественными интересами казахского народа. Наиболее прогрессивные из них на уровне занимаемой должности и степени кругозора определенными действиями пытались смягчить или изменить остроту и направление социально-политического воздействия. Если Ч. Валиханов и А. Кунанбаев с единомышленниками выступали с критических позиций как индивидуалисты-мыслители, то их последователи на рубеже XIX-XX веков под впечатлением приобретенного опыта пытались создать систему коллективного общественного воздействия на государственную власть, объединив имеющиеся ресурсы.

Итак, в исследованный период казахские группы служащих были представлены работниками административных, судебно-правовых структур, профессиональными группами врачей, фельдшеров, ветеринаров и учителей. Представители этих профессий оказались востребованными в крае и реализовали свой потенциал с учетом качества подготовки, специализации и опыта.

3 ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЗАХСКИХ СЛУЖАЩИХ

3.1 Работа казахских служащих в благотворительных, культурных и научных организациях

Структурные изменения казахского общества обусловили отток определенной части просвещенных казахов в города степной зоны, испытывавших сильное влияние из европейской части империи. Профессионально-ролевая статусность данных личностей в иерархии управления оказалась различна. При этом существенно превалировала степень сближения их по этническому признаку. В городской период обучения у представителей учащейся молодежи вырабатывался единый стиль поведения в новой среде.

В XIX веке в казахском обществе сохранялись родоклановые противоречия обостренные действиями колониальных управителей. Сформировавшиеся в городских условиях просвещенные казахи становились носителями консолидации общества на основе единства духовной культуры и общности исторической судьбы. У немногочисленных казахских служащих, функционировавших по новым стандартам деловых отношений в локальной местности сохранялась потребность в общении и оказания взаимопомощи в чуждом национальном окружении. Состоявшиеся на государственной службе представители значимых семейств проявляли этнокорпоративизм в городах на фоне земляческого сближения.

В семьях казахской знати, постепенно трансформировавшихся в профессиональные группы, сохранялась память о деяниях легендарных предков. Данный фактор стимулировал их деятельность в реализации своих возможностей на новом профессиональном поприще. Например, А. Букейханов, будучи султаном по происхождению, занимался исследованием влияния султанства в казахском народе. В начале XX века Букейханов занимался анализом проблемы переселения русского населения на территории Казахстана и распространение землепользования у казахского населения [347, с.75].

Потомки некоторых султанских фамилий продолжали функционировать в качестве успешных служащих и общественных деятелей.

Прогрессивная миссия влияния султанов наглядно прослеживается в деятельности небезызвестного хана Джангира. По воспоминаниям М-С Бабаджанова, хан вел изысканный образ жизни на собственном примере, прививая своему окружению европейские новации имперского социума. Он неоднократно посещал крупные города: Петербург, Оренбург, Москву, Астрахань и Саратов. В длительных, насыщенных по событиям путешествиях, Джангира сопровождала многочисленная казахская свита приближенных, обогащавших свой внутренний мир запечатленными событиями. Благородная цель этих миссий заключалась в распространении прогрессивных тенденций казахскими интеллектуалами в национальной среде.

Значительный приток казахской молодежи в средние специальные учебные заведения на территории региона приходится на последнюю четверть XIX века. По большей части казахские функционеры являлись представителями одного поколения, воспитанные в единой системе ценностей и сформировавшиеся в унитарной образовательной системе. Наплыв учащейся казахской молодежи фиксируется в незначительное количество специальных училищ губернских центров и провинциальных городов. Поэтому личные контакты периода обучения в городах являлись основой дальнейших взаимоотношений данной категории граждан.

Казахские служащие исследуемого периода несли новые образцы поведения в аристократической среде, ориентированной на восприятие европейских стандартов и как следствие проживания в городах. Мотивационную ценность приобретал кропотливый созидательный путь на примере личного совершенства. Казахи из этих слоев демонстрировали собой адаптируемый к историческим реалиям новый тип личностей. Последовательно формировались новые ценностные ориентиры, постоянно воспринимаемые представителями других социальных слоев. Формировавшийся в естественно-исторических условиях смены времен года монотонный труд детерминировался энергичными действиями этих личностей, рассчитывавших на собственные возможности, раскрываемые в динамике этнокультурных контактов и включения в образовательную среду. Благополучный дебют единичных представителей определенных фамилий катализировал успехи их младших представителей, представленных, как правило, братьями и сыновьями.

В XIX – начале XX веков часто прослеживалось обучение ближайших родственников в одних и тех же учебных заведениях. На протяжении второй половины XIX – начала XX веков наблюдается динамика изменения социально-профессиональных характеристик служащих по таким критериям: место работы, их количественная характеристика, социальная структура. С течением времени существенно повышался уровень образования, опыт и стаж работы служащих. Соответствующие критерии повышали личностную самооценку казахских граждан. Эти факторы формировали принцип их морально-психологической устойчивости в новой социокультурной среде и уверенность в дальнейшем восприятии себя как относительно самостоятельных граждан.

С этого времени казахские служащие ознакамливаются с театральным искусством, библиотеками, музеями и другими источниками духовной культуры.

Культурно-образовательный уровень и социальное происхождение казахской молодежи были различны. Их идейные мировоззрения и коммуникативные качества формировались под воздействием социальной среды учебных заведений и университетов империи. Для них характерно восприятие существенной дифференциации Санкт-Петербурга как столичного центра империи от других городов. Наследственные традиции доминанты ядрового центра общины экстраполировались на мотивацию поведения казахских служащих.

Казахские интеллигенты и служащие, получившие образование в университетах Санкт-Петербурга, впоследствии доминировали в общественно-политической жизни. По-видимому, данный аспект диктовался многими причинами: большой объем информации урбанизированного города, широкий духовный потенциал, формирование личных связей с представителями столичной общественности, оказавших влияние на их личностный рост и дальнейшие события в государстве. Изначально численность казахских студентов-петербуржцев оказалась выше казахской студенческой среды ряда других городов. Примечательно, что в Санкт-Петербургском университете наблюдался высокий удельный вес уроженцев из национальных окраин, которые своей корпоративной сплоченностью являли пример взаимосотрудничества для казахских учащихся, сохранивших эту традицию в дальнейшем.

Образованные казахи знали друг друга в пределах города и области. Подобная комплиментарность заключалась в установлении контактных связей и регулярном общении в домах известных деятелей. Тогда как в городах восточных провинций империи представителями татарской общественности формируются мусульманские попечительские органы, патронировавшие и направлявшие культурно-духовную деятельность тюркских этнических групп [348, л.112].

Подобные татарские организации оказались представленными торгово-ростовщическими кругами. То есть доминанта в соответствующих организациях сохранялась за экономически независимыми деятелями, в какой-то мере определявшими свою политическую независимость и уровень гражданского сознания во взаимоотношениях с властными структурами по реализации политической стабильности в регионе. Финансовые мощности казахских служащих, незначительно сосредоточенных в городах, явно оказались недостаточными в создании подобных организаций и лоббировании интересов казахского общества на уровне областных центров и областей. Все-таки значительная часть исследуемых представителей казахской страты действовала в рамках служебной исполнительской дисциплины на уровне занимаемых должностей в соответствующих официальных структурах.

Требовалось грамотное исполнение регламентируемого четко установленным инструктажем профессионального долга. Творчество и прочее свободомыслие в схеме функционирования подобной сферы не воспринимались как должный инструмент развития производства, ибо эти представители обслуживали интересы государства. Соответствующий компонент стимулировал отвлечение от творчества подобных служащих и уход в себя. Очевидно, немногочисленные казахи-горожане знали много друг о друге и у них вырабатывались совершенно иные критерии оценивания индивидуальной деятельности. В данный период эти казахи ощущали свою ответственность за перспективы своего народа и его судьбу.

Середина XIX века ознаменована точечной деятельностью казахских интеллектуалов, проявивших себя на военно-государственной службе. В

исторической литературе не встречается упоминаний о тесной взаимосвязи этих служащих, что весьма примечательно.

Несомненно, немногочисленные казахские интеллектуалы были осведомлены друг о друге. Так, Ч.Валиханов тепло отзывался о деятельности М-С Бабаджанова в статье «Записка о судебной реформе» [11, с.175].

Ч.Валиханов, М.С.Бабаджанов, И. Валиханов и ряд других офицеров-администраторов обладали популярностью в значительном регионе и предпринимали деятельностные мероприятия в общественной сфере. Уровень деловых контактов и степень социализации немногочисленной группы европейски образованных казахов-администраторов первой половины XIX века центральной части империи оказались существенно выше представителей других категорий казахского народа.

Проживая в иноэтнической среде, эти деятели приобщались к новым формам сотрудничества и взаимодействия городского оциума, отличавшихся от социальных моделей отношений аграрно-кочевого народа. Иерархический рост указанных личностей predetermined самостоятельность их степени служения посредством выражения собственной гражданской позиции в рамках функционирующего законодательства. Данные интеллектуалы занимались научной деятельностью, ориентированной на исследование своей этнотерритории. В плеяде военных в общественно-научной сфере заявили о себе Ч. Валихан, Г.Чингисхан, Сейдалины и другие.

Европейски просвещенные аристократы распространяли новационные тенденции на фоне личного примера, используя административные методы воздействия. Правитель западной части Оренбургских казахов М-Г. Таукин контролировал огромную площадь с численностью населения в 60 тысяч юрт. Полковник Таукин состоял членом-сотрудником Императорского Вольного экономического общества. М-С Бабаджанов сотрудничал с РГО и Вольным экономическим обществом [349]. Названные султаны являлись депутатами казахской миссии к императору в 1860 году. Наличие титулованных султанов-администраторов в депутациях отражало специфическую управленческую структуру региона, в которой выделялась офицерская группа трансформированной аристократии. Научно апеллируя к существующим реалиям они предпринимали действия, направленные на защиту интересов народа

В этот период казахские аристократы, включенные в административные органы управления, критически воспринимали определенные новшества имперского режима. По мнению исследователя Абуева К.К. Ч.Валиханов поддерживал творческие связи с редакцией оппозиционной к монархическому режиму газеты «Колокол», на страницах которой публиковались разоблачительные статьи в адрес самодержавия. Очевидно, как считает автор, Валиханов оказывал непосредственное влияние на позицию редакции [36, с.10].

Казахские общественные деятели высказывались негативно о государственных программах. Обострение социально-экономической ситуации на территории расселения казахов вызывало опасение М-С Бабаджанова. В

своей статье «Внутренняя киргизская орда» он актуализировал земельную проблему для казахов как «вопрос самый жизненный – вопрос дальнейшего существования». В продолжение обсуждения этой насущной темы Бабаджанов подробно описал земельный конфликт между казахами и казаками во Внутренней Орде, подчеркивая значимость земельных ресурсов для казахов-скотоводов, лишаемых возможности полноценного развития [26, с.55].

Подобные локальные действия не имели координационного управления и оказались не эффективны в достижении цели. Личностные успехи большинства их последователей отличались меньшей масштабностью. Интенсификация производственных отношений определяла концентрацию этих деятелей в узкой конкретной направленности профессии. Коллективные отношения поколения данного времени носили все более координированный характер. В северо-западной зоне и близлежащих регионах наблюдалось нивелирование родовых противоречий на уровне индивидуального сознания прогрессистов. Большинство казахов занимались кочевым образом жизни. На фоне проникновения на территорию европейских, татарских переселенцев-земледельцев казахи ощущали свою этнокультурную и языковую тождественность. В XX веке русский ученый В.В. Радлов отмечал этничность казахов по наличию языковых и социально-политических факторов, обуславливавших их национальное единство и взаимосоотрудничество [350, с.21].

Просвещенные казахи становились носителями пробуждающегося национального сознания. В городах традиционные связи казахских общин родственной личной направленности детерминировались в совершенно иные деловые связи, все четче проявлявшиеся между казахскими служащими. Локально-точечные порывы интеллектуалов первой половины XIX века заменялись их последователями синхронными, взаимосвязанными мероприятиями непрерывного толка. Это проявлялось в попытках создания театров, организации печати, участия в научных обществах, патронаже просвещения и культуры.

В перспективе занятые в бюджетной сфере урбанизированные казахи становились центром притяжения для своих периферийных родственников. В социокультурных установках общинников происходило наглядно-образное смещение. На смену эпическим героям силовой направленности, деяния которых отличались явной гиперболизированностью, приходили реально существующие личности. Рутинное длительное продвижение постепенно обустроивающихся в меняющихся условиях новых индивидуальностей, наглядно воздействовало на их современников-аграриев.

Фактически квартиры образованных казахов превращались в культурные очаги и места длительного проживания для своих многочисленных родственников и бывших соседей. Так, по воспоминаниям современников, И. Алтынсарин сформировал группу из своих учеников, разделявших его убеждения и поддерживавших его начинания: «Из своих учеников он мечтал образовать честных ордынцев. Между ордынцами он составил около себя

молодой кружок единомышленников с ним» [82, л.4]. В сословной интерпретации просвещенные казахи актуализируются как образец подражания и родовой гордости. В массовом сознании общинников формируется символ нового покровителя-сюзерена в лице специалистов. В сложившихся условиях эффективным методом обеспечения достоинства в обществе и тем более в новой среде было сохранение статусности преобразователя. Принятие внешней знаковой атрибутики косвенно доказывает мотивацию поступков исследуемой группы.

Титулатура казахского народа сохраняла связь с тюркской социальной градацией. Изменения политической ситуации обусловили предоставление права возвеличивания казахских личностей Российскими монархами. Долгое время имперские власти сохраняли процесс постепенности, вытесняя местную, веками сложившуюся управленческую иерархию. В XIX веке вполне актуальным оставалось тарханское звание, предусматривающее значительные льготы для его носителя. Как правило, тарханства удостаивались выходцы из аристократии или проявившие себя представители «черной кости» в героической эпопее. В 1856 году тарханское звание по указу императорского величества получил Оренбургский муфтий Абдул Вахит Сулейманов [351]. Очевидно, этот факт имел показательное значение для всего мусульманского населения Приуралья, которое необходимо было, по мнению имперских идеологов, сохранить в составе империи. Мусульманство как вид религии и форма мировоззрения постепенно проникало в Казахстан под влиянием татар. На обыденном уровне статус Оренбургского муфтия как официального лидера духовенства, возвышался в государственных стандартах управленческой модели в сравнении с местными представителями традиционной титулатуры. В 1856 году имам Нижегородской губернии Кунаев получил тарханское звание [352]. Этого звания Кунаев удостоился за «успокоение» мусульман в период Крымской военной кампании противостояния России европейским державам и мусульманской Турции. Достижение тарханства священнослужителями для казахских султанов зачастую индифферентных к монотеистическому учению носило привлекательный характер. В XIX веке ряд казахских султанов вполне обоснованно претендовали на тарханское звание. Как правило, это были потомки казахских героев, отличившихся в трагическую эпоху XVIII–начале XIX века

Подобные действия практиковали представители других социальных групп, апеллируя к реалиям XVIII - XIX веков. В 40-е годы XIX века управляющий аргынским родом Чеген Мусин в письме на имя начальника Оренбургской пограничной комиссии Обручева обращался с просьбой о возведении его в тарханское звание, обосновывая свое прошение историческим экскурсом анализа заслуг своих предков. Его прадед батыр Джанибек получил тарханство от императора Павла в XVIII веке за политические заслуги. Тарханство сохранялось в этом клане за потомками Джанибека – Даутпаем и Мусой – дедом и отцом Ч.Мусина [353].

Впоследствии казахские султаны ходатайствовали о предоставлении им

дворянских званий, так как дворянство с середины XIX века сулило определенные перспективы носителям этих титулов. Соблюдение принципа наследственности дворянства определяло сохранение льгот в системе управления, налогообложения и социальных благ. Носители дворянского звания из казахской среды в их морально-психологическом восприятии возводились в единый ранг с русскими дворянскими фамилиями, что являлось вполне актуальным. Дворянское звание, как и тарханство, в глазах казахской общественности и других российских подданных подчеркивало заслуги султанов и стремившихся к этому результату представителей других социальных групп. В XIX веке формируется группа казахских дворян. Дворянское происхождение казахских аристократов подчеркивалось официально. Так, в 1892 году потомственный дворянин султан Каркаралинского уезда Даир Газин получил в награду за заслуги серебряный позолоченный стакан [141]. Награда по своему содержанию не играла существенной значимости. Привлекательность момента заключалась в подчеркивании дворянского звания.

Выпускник казахской школы при Оренбургском правлении султан И. Саматов 3 года проработал при Областном правлении в качестве переводчика с окладом в 120 рублей. В 1860 году Саматов ходатайствовал о переводе в генерал-губернаторскую канцелярию края [354]. Неудовлетворенный своим социальным статусом Саматов претендовал на работу в вышестоящие структуры. Практикуемый им алгоритм действий способствовал усилению его роли и влиянию в крае. Личностное восприятие специфики титулатуры этих титулов свидетельствовало о росте гражданского самосознания казахских аристократов, осознававших себя как реальную составляющую новой системы управления, способную существенно повлиять на происходившие изменения в крае.

Барон Е.К. Мейндорф, совершивший научную командировку в край, отмечал природу лидерской власти в казахском обществе: «И все же власть хана покоится на общем признании: если уж он его приобрел, то может править деспотически, однако лишь тогда, когда он действует в интересах народа. Таким образом, это общественное мнение ограничивает его власть» [355, с 42]. Деяния и статус казахского аристократического клана определялись волевыми поступками его представителей. Фамильное обозначение клана в этот период связывалось с именем наиболее легендарной личности исторического времени XVIII-XIX веков. Впоследствии, по исследованным документам, члены казахских семей по примеру метрической системы европейских государств не меняли своих фамилий. Единое фамильное обозначение на фоне официально закрепленных родовых территорий сохраняло их родственное единство. Со времени унификации государственного делопроизводства актуализировалась проблема получения новой имперской титулатуры. Этот фактор обеспечивал политические дивиденды и дальнейшее продвижение в общей иерархии членов почетной фамилии. Дворянские титулы в системе государственного управления и расширения сферы деятельности оседло-земледельческой культуры

оценивались казахскими аристократами как определенный атрибут их включения в имперский официоз.

В России признавались три дворянских титула – князей, графов, баронов. Право пользоваться наследственным княжеским титулом официально принадлежало потомкам древних русских и литовских князей или личностям, предки которых с их наследниками возводились в княжеское достоинство российским монархом. Княжеский титул при императоре Николае I, наряду с некоторыми представителями русских родов получил камер-паж султан Сахипгерей Чингис, как старший сын умершего султана Букеевской Орды. После его смерти княжеское звание перешло его младшему брату [356, с.169-189].

Некоторые аристократические казахские фамилии за заслуги перед империей возводились в дворянское звание. Соответственно в исторически сложившейся картине ранжирования табелей и званий менялась статусность казахских дворян. В начале 70-х годов XIX века, ранее являвшийся правителем Средней части в области Оренбургских казахов, генерал-майор М. Баймухамедов хлопотал о представлении его семейству дворянского звания. На протяжении длительного времени в области на административной службе состояли заслужившие генеральские погоны отец и сын Баймухамедовы. [357] Наличие дворянского звания предполагало материальные льготы султанским фамилиям, и что важнее всего - сохранение лидирующих позиций в меняющейся иерархической системе. Во второй половине XIX века на фоне имперских реформ дворянское звание обязывало их представителей к восприятию новых форм отношений, обязательных к исполнению и соблюдению. Так, уже в 1861 году дворяне Валихановы хлопотали об изготовлении для них фамильного герба – знака отличия, характерного для европейской модели отношений [358, л.8]. Очевидно, и внешняя властная символика катализировала действия казахских аристократов к доминанте во всех сферах и стремлению к привилегиям.

На фото и иллюстрациях дореволюционного периода светски просвещенные казахи представлены в европейской вариации: прически на западный манер, сюртуки, пенсне, коротко подстриженные усы и т.д. Модернизационный процесс казахского общества сочетался взаимовлиянием разных социокультурных систем, что, по сути, резко меняло иерархию восприятия мира обучающихся казахов.

Разрыв общинно-коллективных связей в казахском обществе в конце XIX-начала XX века актуализировал специфику укрепления личного статуса конкретных личностей. В целом личный статус продолжал играть существенную роль и в казахском социуме.

Большинство европейски образованных казахов продолжали действовать в государственно-исполнительных органах власти. Попутно формируется профессиональная группа учителей и врачей. Очевидно, многие представители указанных слоев принимали активное участие в общественной сфере. Важным фактором соответствующих действий являлось огромное желание оказания

помощи своему народу, посредством использования собственных возможностей, которые у большинства из них были ограниченными. Чувство одиночества в иноязычной среде предопределяло мотивацию поступков казахских служащих и интеллигентов, получивших возможность со стороны произвести сравнительный анализ развития разных обществ и культур на ограниченном территориальном пространстве. Безусловно, общественная деятельность оценивалась конкретными личностями как метод саморазвития в стремлении к социальному равенству в условиях жестких государственных ограничений и четкой иерархичности власти. Данное качество являлось стимулятором в перспективе продвижения по службе.

Создание в городах местных государственных учреждений при наличии у просвещенных казахов права выбора работы способствовало их притоку. В городских центрах изначально они составляли чиновничество, в котором численно преобладали представители низовой администрации. По причине различных обстоятельств все они вступали между собой в контакты для решения личных и местных служебных проблем. С течением времени тон среди казахского чиновничества задавали занимавшие более высокие иерархические звенья служащие.

Удельный вес европейски просвещенного казахского городского населения оставался незначительным. Сфера контактных связей казахских служащих с казахским мещанством и жителями рабочих кварталов малоисследована. Очевидно, городские казахские служащие локализовались в своей узкой среде по профессиональным признакам и образовательному цензу. Собственно, эти факты вкупе стали основой корпоративного объединения казахских городских служащих. Их кругозор, круг интересов и сфера деятельности оставались различными, но в монотонной жизни провинциальных центров они находили способы самореализации своих возможностей и потребностей.

Проживание в русскоязычных городах казахских служащих и насущная необходимость обеспечения делопроизводства казахского и европейского населения акцентировали их задачу сохранения познаний в двух языках. Желание дальнейшей работы в городах, в соответствующих учреждениях катализировало их задачи усвоения профессиональных основ и избежания роковых ошибок, что являлось гарантом их возможного продвижения по службе и достижения пенсии - системы жизнедеятельности дотоле малоизвестной казахскому обществу. По примеру русских, интеллигентов и служащих эти просвещенные казахи окунались в деятельность местных РГО и других общественных организаций. Примечательно, профессиональные успехи казахских служащих синхронно отражались в их общественной деятельности. Успешные казахские прогрессисты активней реализовывались в подобных структурах, утверждаясь по мере объективных и субъективных факторов и демонстрируя самостоятельную гражданскую позицию.

В крупных культурных центрах, как, например, Санкт-Петербурге или Москве в положительной тенденции зарекомендовали себя

высокопоставленные военные Ч. Валиханов, Г.Чингисхан, А. Букейханов а также гражданские служащие, познания которых отшлифовывались и совершенствовались под влиянием масштабной информационной базы и правовой культуры эволюционирующего гражданского общества крупных городов. В периферийной части исследуемой территории большинство служащих по объективным причинам лишалось подобной возможности. Их концентрация в различных общественных организациях и сотрудничество с просвещенным чиновничеством городов и областей восполняли соответствующие пробелы. Казахские прогрессисты продуктивно взаимодействовали с Казанскими, Оренбургскими, Омскими культурными центрами и представителями местных научных кругов.

В источниковых материалах не встречается информации о морально-нравственной деградации высокопоставленных казахских чиновников, равно как и проявивших себя в профессиональной и общественной деятельности немногочисленных служащих. С периода включения Казахстана в состав Российской империи происходило изменение основ традиционных форм государственности казахского народа. В XIX веке значительная часть территории проживания казахов идентифицировалась в сознании пришедшей администрации как имперская собственность. Военный стиль управления сохранялся в течение длительного времени. Процесс строительства городов сопровождался притоком переселенческого населения, которое на рубеже XIX-XX веков преобладало в них и их окрестностях. В сознании значительной части чиновников, во многом рекрутируемых из приезжих кадров, соответствующая территория и местное население ассоциировались как чуждый элемент. Этносоциальная мозаика региона не представляла единого конгломерата исторически стабильных регионов с устоявшимися традициями и формами общественной организации. Демократические тенденции маленьких провинциальных городов, наспех возведенных поселков и третируемых властью аулов при отсутствии или слабости экономически преуспевающих и граждански независимых социальных звеньев существенно уступали индустриальным центром метрополии. Фактически в местных регионах существовали все основания для роста негативных явлений. Чиновничество оказалось свободным от опеки вышестоящих контролирующих органов и общественного давления.

Под влиянием событий 1905 года произошло пробуждение воли и чувств местных общин. В Думский период жители Тургайской области вполне обоснованно ходатайствовали о переносе административного центра из Оренбурга в Кустанай. Их желание вызвало негативную реакцию областного чиновничества как в центре, так и в уезде по причине утраты последними привилегированных полномочий. Причем оренбургские управленцы не желали менять устоявшийся быт на жизнь в провинции, а провинциалы опасались контроля и утраты сферы влияния в случае приезда оренбуржцев. Личные амбиции группы чиновников превалявали в выборе решения в оппонировании жителям Кустаная [359]. Приведенный эпизод является

впечатлительной характеристикой доминировавших форм отношений государственных структур и общественности. Европейское чиновничество провинциальных центров в большинстве своем состояло из переселенных служащих центральных губерний. Многие из них ориентировались на отъезд в более благоприятные районы империи. Казахские служащие, представленные первым поколением вчерашних провинциалов, не имели подобной альтернативы, рассматривая свое нынешнее положение как катализирующий их дальнейшую деятельность положительный успех.

Традиционно наиболее массовой формой самореализации казахов являлось патронирование ближайших родственников или чужих людей, как правило, молодых, обладавших талантами.

Интеллектуальная городская казахская среда по европейским стандартам только продолжала формироваться. Эти данные определяли постоянное общение казахских студентов и просвещенных казахов-горожан в различных кружках. Личная переписка этой группы казахов подтверждает их тесную взаимосвязь и наличие информативной базы друг о друге. В частности, будучи студентом Томского университета Исхак Джаксалыков контактировал с проживавшим в Омске служащим канцелярии Степного генерал-губернатора И. Аблайхановым [130, л.21].

По социальному статусу и возрастным критериям исследуемые личности имели существенную разницу. Вряд ли они состояли в родстве. Более того, из-за скудности финансовых средств Джаксалыков не мог часто посещать Омск. Аблайханов обладал популярностью в омских деловых кругах и сохранял влияние в казахской общине. Вероятно, между ними устанавливались дружеские отношения с определенными обязательствами, вполне приемлемыми, с учетом национальных традиций и корпоративной солидарности.

В казахской городской среде сохранялись традиции национальной взаимопомощи и протектирования. В 80-е годы XIX века генерал султан Чингис-хан ходатайствовал перед директором медицинского департамента о предоставлении штатной должности врача в Тургайской области, в случае вакансии, выпускнику М. Карабаеву. [360, л.110] Чингисхан и Карабаев имели различные региональные, имущественные и социальные характеристики. Г.Чингисхан – уроженец Акмолинской области, султан, к тому времени материально обеспеченная и состоявшаяся личность, проживал в столице империи. Родоклановое противостояние имело место у казахов ещё в начале XX века. Вероятно, на период 80-х годов XIX века Чингис-хан и Карабаев лично не контактировали. Но именно в это время наблюдается сближение и дальнейшая консолидация европейски образованных казахов, ориентированных на защиту национальных интересов казахского общества и его переустройства. Примечательно, что Карабаев предпринимал самостоятельные попытки устройства в области методом письменного запроса местным властям [360, л.110]

Талантливый юноша Курганбек Беремжанов учился у Ибрая Алтынсарина.

Его потомок Ахмет Беремжанов, состоявшийся на юридическом поприще, впоследствии оказывал помощь Алтынсарину в открытии пришкольной библиотеки. А. Беремжанов выполнял обязанности почетного блюстителя школ в Тургайской области.

Меценатские традиции сохранялись в казахском обществе. Так, например, один из первых получивших российское образование Асфандияр Шорманов материально помогал студенту Санкт-Петербургского университета Барлыбеку Сыртланову. Впоследствии Б. Сыртланов финансировал обучение в столичном университете М. Тынышпаева. Под влиянием братьев Мамановых из Жетысу состоялись такие деятели, как И. Жансугуров, Б. Сулеев, С. Тастанбекова [57, с.106].

Этноконфессиональное единство немногочисленных казахских служащих способствовало появлению программы профессиональной и общественной взаимопомощи, что соответствовало национальной общественной психологии проживавших в ином этнокультурном окружении казахов. Впоследствии на базе этой группы создается единое объединяющее идеологическое начало.

Наставнические традиции ярко проявлялись в образовательной сфере. Биографические сюжеты известных людей полны сведений о помощи со стороны признанных лидеров от просвещения. И. Алтынсарин, Г. Балгимбаев неоднократно ходатайствовали за талантливых, подающих надежды казахских мальчиков, которые впоследствии зарекомендовали себя как примерные ученики и состоялись в будущем. Казахские интеллигенты проявляли личную заинтересованность в судьбах казахских учащихся. По согласованию инспектора казахских школ И.Алтынсарина и уездного начальника, ученик Мирзагалий Нгиликов получил стипендию в Троицкой гимназии [361, л.35]. Учитель Тургайской школы Бабин во время поездки по аулам встретил одаренного юношу из бедной семьи Б. Каралдина. С согласия родителей Бабин взял его на воспитание. В период обучения Каралдин проживал в доме Бабина. После окончания училища он в 14 лет начал работать писарем в уездном управлении [286, л.15]. В подобных ситуациях казахские патроны выступали гарантами своих протеже. Прогрессивные казахские учителя продолжили традиции И. Алтынсарина и А. Кунанбаева. Например, исполняющий обязанности инспектора народных училищ А.Б. Балгимбаев предлагал изменение принципов постановки школьного дела в русско-казахских школах. Он отмечал слабую популярность аульных школ в казахской этнической среде по причине элементарной программы, слабой материальной базы, недостаточной подготовкой учителей. Он настаивал на изменении учебного плана этих школ с включением таких дисциплин, как география, естествознание, казахский, русский языки, литература и т.д. [31, с.97].

Стартовые возможности к обучению в Оренбургских училищах, получивших известность в областях администраторов И. Алтынсарина, А. Сейдалина, Т. Сейдалина и многих других определялись благодаря воздействию султана Ахмета Джантурина [362, с.404].

Данный институт взаимопомощи оказался наиболее приемлемым и

соответствовал историческим традициям казахов. Образовательная сеть на исследуемой территории развивалась при активном участии учителей Алтынсарина, Байтурсынова, Бабина. Казахские женщины начинали проявлять индивидуальную активность в развитии просвещения. Уроженка Акмолинской области Залиха Тяжигулова отдала свой дом под аульную школу. Значительную роль в данном действии сыграл поборник просвещения Статский Советник А.Е. Алекторов [363].

Тяжигулова, в качестве поощрения, получила очень ценный золотой перстень-подарок [376]. Упоминания о подвижнической деятельности казахских женщин редки. Таким образом, и власти пытались обратить внимание общественности на деятельность казахских женщин. Уроженка Кустаная учительница Назира Сегизбаевна Кульжанова способствовала открытию в Семипалатинске пансионата для казахских детей и широко пропагандировала идею народного образования среди казахов [365].

Казахские общественные деятели принимали активное участие в расширении системы образования. Финансовая сторона проблемы определялась их энергичным участием по организации массового сбора денег. Долгосрочная перспектива реализации проекта обуславливала личностное участие прогрессистов. Дети просвещенных казахов, как правило, стремились к обучению в светских школах под влиянием своих отцов. Мулла Омского уезда Хусаин Кокенев инициировал организацию аульных светских школ, которые были показательными. За подобный поступок мулла получил в награду от областных властей халат 2-го разряда [363].

Его сын Х.Кокенев закончил Омскую учительскую семинарию. Впоследствии Х.Кокенев принимал участие в общественных мероприятиях Акмолинской области.

В Семипалатинской области по инициативе старшего султана есаула Алихана Тлеубердина открылась первая русско-казахская школа с интернатом при ней. Школа функционировала в городе Кокпекты с 1867 года. В результате агитационной кампании казахи изъявили желание обучать в школе своих детей. При этом от каждой волости выдвигалось по 2 представителя к обучению. В среднем на обучение каждого мальчика затрачивалось 80 рублей. Годовое содержание школы составляло 520 рублей. Казахские общества добровольно возлагали на себя финансовое бремя содержания школ и стипендиатов. Было разрешено принимать в школу вольноприходящих русских учеников. Данная школа носила экспериментальный характер без каких-либо регламентирующих учебный процесс определенных правил или четко установленного объема курса [366, л.3].

В 1902 году Ш. Коцегулов и К.Каймаков приняли на себя подряд по возведению в Акмолинской области здания сельскохозяйственной школы. Коцегулов и Каймаков выполнили возложенные на себя обязательства, понеся значительные убытки. За выполненную работу подвижники удостоились Степным генерал-губернатором серебряными часами с серебряной цепочкой [367].

В казахском обществе развивалась традиция подвижничества. В феодальный период подвижническая миссия заключалась в оказании материальной и духовной помощи однородцам. Народная традиция коллективного единства определяла потребность преодоления хозяйственных трудностей. По почину казахских общин формируется институт казахских почетных блюстителей аульных школ. Подобная миссия возлагалась на известных влиятельных энергичных личностей. Почетные блюстители комплектовались из уважаемых состоятельных деятелей. Наиболее важной функцией почетных блюстителей являлось оказание финансовой помощи школам. Зачастую почетные блюстители лично патронировали школы. Так, блюстители Карпыков, Беркимбаев, Кулубеков, Беремжанов пожертвовали более 600 рублей на покупку учебных пособий для тургайских школ [12, с.232]. По приговору населения аула №1 Айтжан Четыбеков выполнял обязанности блюстителя Текинской аульной русско-казахской школы Акмолинской области [368]. Социальный статус различных патронаторов был различным. В казахском обществе явственной обозначалась роль выходцев из простонародья. Реалии времени способствовали саморегуляции народа посредством заполнения социального вакуума активными представителями из различных слоев населения, что являлось примером для молодых людей.

В аулах подвижнической миссией занимались традиционные лидеры или представители местной администрации. Участие данных лиц в подобных действиях аккумулировало финансовые средства местных общин. Зауряд-хорунжий Хасен Кокенев в должности почетного блюстителя патронировал Полтавскую русско-казахскую волостную школу [369]. Такие факты носили распространенный характер в регионах расселения казахов.

Сохранение общинно-кочевых традиций предопределяло наличие подобных форм подвижничества. В XIX веке казахские меценаты брали на себя ответственность в возведении крупных духовно-стационарных объектов и финансировании социальных программ. Во второй половине XIX века в Оренбурге планировалось возведение гимназии – малознакомого местному населению учебного заведения по методике преподавания и реестру предполагаемых к изучению предметов. Согласно инструктивным документам в штате гимназии выделялись вакансионные места для казахских учеников. В результате поддержанной местными казахскими лидерами агитационной компании сумма добровольных пожертвований казахов составляла 1680 рублей. Один из инициаторов этой процедуры бий Дауренбек Беремжанов профинансировал 100 рублей серебром [370, л.81].

Характерно, что в последней четверти XIX века в степных областях продолжается усиление татарского элемента. Татарские мусульманские священнослужители имели влияние в духовной сфере казахов. Определенная часть казахской молодежи обучалась в религиозных учебных заведениях. Впоследствии казахские выпускники подобных школ лишались карьерного продвижения в государственной иерархии и реализации своих возможностей на гражданском поприще. Представители государственных властей продолжали

политику вытеснения мусульманства из духовной среды казахов. Работники административного корпуса проявляли личную инициативу в реализации поставленных задач.

Военный губернатор Тургайской области Я.Ф.Барабаш встречался с казахами с целью пропаганды государственного просвещения в школах и университетах как наиболее приемлемого способа развития и противодействия влиянию татар. Характерно, что во время этой встречи Барабаш ссылаясь в качестве положительного примера на карьерное продвижение молодых казахов, в том числе и на Т. Сейдалина. Участие на мероприятии Сейдалина оказалось полезным и произвело приятное впечатление на присутствовавших [371, л.15]. Подобная рекламная процедура деловых успехов казахов-служащих применялась довольно часто и оказалась эффективна.

Деятельность казахских чиновников, вписывавшаяся в стандарты государственного делопроизводства все же оказалась несколько иной в специфических условиях степных районов. Доминирование наглядного образного мышления и идейного восприятия в сознании казахских общинников акцентировало задачу своеобразного стиля поведения и образа жизни казахских чиновников, заинтересованных в сохранении личного статуса в национальной среде. Поэтому мотивационная деятельность Т. Сейдалина, М.Карабаева, Г. Беремжанова, И.Алтынсарина и многих других существенно выделяла их из среды остальной массы служащих.

Казахские служащие взаимодействовали с Мусульманскими благотворительными обществами. Данные организации создавались в местах компактного расселения тюркского населения. Идейными вдохновителями этих организаций являлись общественные деятели и интеллигенты, которые своими действиями являли пример взаимосотрудничества и взаимопомощи на основе единой духовной базы и этноязыковой близости тюркских этнических групп. Функционирование мусульманских обществ обуславливалось привлечением состоявшихся на службе известных личностей. Как правило, мусульманские благотворительные общества действовали с согласия государственных властей. В основном организации ограничивались патронажем учащейся молодежи в официально-действующих школьных учреждениях и реализацией социальных программ по отношению к бедным слоям населения. Участие и ролевая деятельность в этих организациях являлись показателем гражданского долга местных прогрессистов. Прогрессисты выступали не столько в качестве доноров, а сколько как потенциальные инициаторы осуществления подобных идей.

По добровольному почину представители казахского купечества принимали участие в благородных акциях. Например, преуспевающий купец Бижан Жангельдыулы, с разрешения губернатора Катанаева, построил школу в местности Конжар Оренбургского края [372, с.92].

В архивных источниках слабо освещается роль казахского купечества и торговцев в патронатной миссии. В городах Приуральско-Поволжского и Сибирских районов сохранялся высокий удельный вес татарских купцов, с

которыми активно контактировали казахские служащие.

Врач Аубакир Алдияров входил в состав мусульманского общества [159, с.118] Это был не единичный случай. Юрист Абдулла Темиров в бытность своей службы в Тобольске возглавлял Тобольское общество мусульман-прогрессистов [373, с.62]. Участие в подобных акциях консолидировало активность тюркских интеллигентов, служащих, торговцев, мещан, священнослужителей в реализации социальных установок развития общества.

Руководящий состав Мусульманских обществ формировался духовными служащими, купечеством и творческой интеллигенцией. Во всех официально зарегистрированных Мусульманских обществах традиционно доминировали татары. Представительство казаха Темирова являлось единичным случаем в функционировании обществ. Казахские служащие трудились в соседней Томской губернии. Ни один из них не входил в состав мусульманского общества данной губернии. [374, с.57] В общество прогрессистов входили тюрки-горожане. В Томске все казахские служащие работали в провинции и не имели возможности к подобной кооперации. Административный опыт и служебные полномочия Темирова определили его роль в данной ситуации. Тобольское общество мусульман-прогрессистов открылось 7 мая 1909года. В состав общества входили 71 человек. В Тобольске большую популярность, помимо татарских купцов, обрели татары: офицер К.И. Кульмаметьев, депутат Тобольской думы Н.Чинбаев. Н. Чинбаев имел звание почетного потомственного гражданина. Оклад Кульмаметьева составлял 2530 рублей, что подчеркивало его статус состоятельного человека. Он традиционно участвовал во всех масштабных мероприятиях [297, с.293]. При соответствующих обстоятельствах пост председателя общества получил Темиров Абдулла.

Усилиями руководства общества в Тобольске открылась местная татарская школа. В скором времени общество быстро разрослось за счет новых членов. Первоначально общество в своей деятельности ограничивалось накоплением средств, необходимых для проведения масштабных программ [289]. В работе местных прогрессистов комбинировалось сотрудничество сибирских буржуа и управленца Темирова, на своем уровне реализовывавшего интересы тюркской общественности. Одновременно Темиров входил в Тобольское попечительство общества бедных. Таким образом, согласно сложившейся социальной традиции доминанты влияния аристократических семей сохранялась ролевая статусность их представителей.

Газы Валиханов в Санкт-Петербурге инициировал организацию мусульманского общества. Из среды казахских военных он один из немногих, чья карьера успешно складывалась в военном министерстве. Ранее Валиханов служил в Семипалатинске и пользовался значительной популярностью у казахского населения. В процессе общения с местным населением он актуализировал проблему возрождения народа, акцентируя задачу дальнейшего подъема. Присутствие Г. Валиханова и его доминирующее влияние в области признавались властями как негативный фактор. Поэтому по приказу он был переведен в Сибирь. Впоследствии Санкт-Петербургская квартира Валиханова

оставалась культурно-организационным центром для приезжих казахов. Валиханов неоднократно приезжал в Казахстан и распространял литературу политического и религиозного характера, что вызывало опасение у царских властей. [53, с.221] .

Изучение источниковой документации свидетельствует, что в общественных организациях, как правило, принимали участие успешно реализовавшие свои профессиональные качества на производстве служащие. Вероятно, профессиональный успех как показатель высокой подготовки специалистов являлся основой привлечения успешных чиновников в общественную сферу. Данный процесс усиливал их степень влияния в общественных массах и на управленские структуры.

Будучи статским советником Карабаев М.К. на правах действительного члена входил в состав Тургайской Областной счетной комиссии [180, с.43]. Его участие в деятельности комиссии свидетельствовало о высокой степени доверия к нему со стороны властей. Общинная психология казахов акцентировалась на анализе положительного воздействия известных людей. Безусловно, в глазах казахских общинников Карабаев воспринимался как положительная личность, деяния которого оценивались как образец поведения. Очевидная степень доверия в областном масштабе к указанным деятелям со стороны властей и общественности оказывалась весьма значительной.

Во второй половине XIX века в категории казахских служащих на уровне врачей, учителей, юристов наблюдаются представители из разночинной среды, как, например, тот же М. Карабаев и другие. В деловой сфере казахские служащие успешно конкурировали с устоявшимися аристократическими фамильными династиями. Фактически формируется новая группа просвещенных граждан, степень воздействия каждого из которых зависела от личных волевых качеств, профессиональных характеристик и научного кругозора. Облаченные в европейское платье со светскими манерами, казахские интеллигенты имели возможность приобретения популярности в казахской среде при незначительных финансовых ресурсах, но развитой индивидуальной подготовки необходимой для защиты казахского общества и его развития.

Патронатная сфера казахских администраторов по отношению к талантливым безродным учащимся с течением времени переходит в участия состоявшихся казахских прогрессистов в массовых общественных акциях. При этом казахские служащие не обладали большими финансовыми ресурсами. Их задача состояла в обозначении выполнимых целей и объединении значительной группы казахских общинников на уровне волостей и области. Имея положительный пример реализации собственных возможностей, эти служащие активизировали потенциал казахских общин ограниченных территорий.

Казахи вносили благотворительные жертвенные суммы в помощь пострадавшим. В 1856 году сибирские казахи Кушмурунского внешнего округа внесли 323 рублей 60 копеек серебром на пожертвование морским чинам и их семьям, потерявшим имущество в Севастополе во время войны [375]. В последней четверти XIX века увеличилась динамика участия казахского

населения в подобных акциях. Требовалось личное участие авторитетных личностей, инициировавших деятельность общества. В городах актуализировалась проблема развития социально-культурного сектора. Представители местной общественности инициировали сборы общественных сумм на возведение необходимых объектов. Так, в мае 1891 года совет общества попечителей начального образования решил приступить к формированию в Кустанае народной библиотеки на средства общества [376, л.35].

В числе жертвователей на нужды Кустанайского реального училища известен Балгимбаев Абдугали Балгимбаевич [377]. В 1898 году по инициативе сверхштатного чиновника особых поручений при Военном губернаторе Тургайской области зауряд-хорунжего Дербисали Беркимбаева население пожертвовало на реконструкцию Кустанайской Александрьевской женской русско-казахской школы 900 рублей [378, л.37]. Подавляющее большинство населения Степных областей составляли казахи. Вероятно, основную массу жертвователей представляли те казахские подданные, которые осознавали значимость образования для населения. Характерно, что казахские стипендиатки представляли минимум в женских училищах. В действиях казахских спонсоров теплилась надежда на перспективы обучения казахских девочек в школах.

В 1892 году казахи Акмолинской области принимали участие в оказании помощи бесприютным детям в Омске. Инициатором данного действия оказалась супруга Акмолинского генерал-губернатора [379]. Часто административные руководители или их супруги выступали в качестве организаторов подобных мероприятий. Инициативная процедура соответствовала духу времени. Личный пример руководящего состава предопределял мотивацию поведения служащих администрации, мобильно выполнявших поставленную задачу.

В многочисленных благотворительных акциях в Акмолинской области участвовали Х. Какенев, Д. Кеменгеров и другие известные личности. Х. Какенев неоднократно участвовал в благотворительных акциях. В административной иерархии он занимал низовое звено. Но он активно выдвигал предложения по открытию новых школ, финансировании социальных программ и т.д. Семья Кеменгеровых получила известность в Омском уезде Акмолинской области. Один из представителей этой семьи действовал в качестве чиновника на Омской железной дороге. Статусность этого чиновника в государственном административном корпусе ограничивалась сферой регламентированных полномочий. Но его влияние в обществе оставалось весомым.

Казахские представители приняли участие в инициированном Омским Благотворительным Переселенческим комитетом в 1900 году сборе денег в пользу пострадавших от неурожая переселенцев Акмолинской области. Казахское население области пожертвовало 733 рубля, тогда как общая сумма пожертвований составила 1942 рублей. Переселенческие программы неоднородно воспринимались казахским населением, многие представители

которых постепенно разорялись впоследствии земельных переделов [380]. Благотворительные суммы конкретных казахских жертвователей ограничивались суммой в 1-3 рублей. В целом для казахских семей подобные взносы оказались значительными. Основное средство производства казахов – скот стоил очень дешево на рынке. Участие казахов в подобных акциях носило массовый характер.

Пожертвования частных лиц являлись хорошим примером для казахского населения. Казахи одного участка Акмолинской области пожертвовали 3200 рублей на нужды Красного Креста, усиление военного флота, снабжение Сибирских войск теплой одеждой [381]. Организующую роль в многочисленных акциях взаимопомощи выполняли казахские интеллигенты и служащие. Именно они выполняли информационно-пропагандистскую миссию в обществе.

С 1910 года в Оренбурге, по инициативе местной общественности, создается благотворительная медицинская организация «Белая ромашка». Цель этой организации заключалась в пропаганде и сборе пожертвований в пользу больных туберкулезом. В благотворительной компании охотно приняли участие представители частного бизнеса и государственных структур. В городе была организована продажа кумыса по сниженной цене [382]. Безусловно, в этой компании принимали участие представители казахской общины.

Стихийные явления способствовали консолидации просвещенных казахов. Во время голода 1898 года проявился организаторский талант и экономические способности А. Букейханова. Просвещенный интеллигент Букейханов апеллировал к нормам обычного права и традиционной системе взаимопомощи казахов. Как правило, организующую роль возлагали на себя казахские родоправители и старшины. Действия недавнего студента Букейханова носили показательный характер стремления к самостоятельности молодой генерации прогрессистов. Руководством общества Букейханов рассматривался как один из реальных гарантов целевого использования денег. Пожалуй, это был один из немногих примеров. Букейханов действительно получил известность в либерально-прогрессивных и научных кругах Сибири. Его личное участие в разрешении кризиса и степень влияния существенно облегчили последствия голода в области. В результате жута казахи Семипалатинской области находились на грани вымирания. Императорское вольно-экономическое общество передало Букейханову 1000 рублей для голодающих казахов. Ему удалось закупить в Павлодаре 1000 пудов муки. За это время он объездил наиболее пострадавшие от голода районы. Реальными помощниками Букейханову оказались его товарищи по экспедиции Щербины И.Ф., Гусев и казахи М. Акаев и Тохмухамед. Помощь осуществлялась методом закупа домашнего молочного скота и раздачей его пострадавшим. Этот способ оказался эффективным. О чем не преминули вспомнить через много лет сибирские обозреватели. Аналитики рекомендовали применить упомянутую схему ликвидации голода в голодающих местностях Сибири и Степных областей в 1912 году: «Нам кажется рациональным повторить эту форму

помощи в большем размере. При полном отсутствии рабочего скота невозможно помочь доставкой хлеба» [383].

В исследуемый период наблюдается присутствие казахских представителей в тюремных попечительских советах - организациях, призванных оказывать морально-психологическую помощь заключенным. С середины XIX века наблюдается приток казахских заключенных в государственные тюрьмы. Расслоение казахского общества, сопровождавшееся разрывом привычных социально-экономических связей, деградирующе сказывалось на маргинальной части населения. Лишенные средств к существованию и неадаптированные к новым реалиям, данные представители оказались вытолкнутыми на периферию социальных отношений.

В казахской традиционной судебной-исполнительной системе отсутствовал институт тюрем как формы наказания. Унификация судопроизводства посредством тюремного изолированного заключения в иной социальной среде осложнила физическое пребывание казахов, в большинстве не знавших русский язык. Соответствующая реакция казахской общины выразилась в представительстве ее участников в подобных комитетах как в средстве влияния и участия в судьбах заключенных. Аналогичные комитеты действовали в городах. В данной акции причудливым образом сочетались официально-разрешенные институты общественного призрения и устойчиво сохранившиеся формы традиционной системы взаимопомощи.

В состав Тургайского областного тюремного комитета входили Мурзагул Койайдаров и Пангирей Нурмухамедов [180, с.45]. Одним из директоров Каркаралинского отделения попечения о тюрьмах общества являлся мировой судья Х.Бекметьев [384, с.82]. Членами Кустанайского уездного тюремного отделения были врачи М. Карабаев, А. Наритаев, А.Алдияров и волостные правители. Известный в области врач Карабаев получил утверждение в звании директора Тургайского попечительства о тюрьмах комитета [385, л.3]. Примечательно присутствие казахских врачей в деятельности организаций. По должности и роду профессиональной деятельности врачи имели большой общественный статус народных личностей и благожелательно воспринимались всеми социальными группами населения. Врачебная помощь оказалась востребована в заведениях пенитенциарной системы. Алдияров имел звание почетного гражданина. В архивной документации редко встречаются материалы о награждении и поощрении врачей. Участие врачей в благотворительных обществах благожелательно воспринималось публикой. В казахском обществе регулярно проводилась процедура сбора денег для тюремных нужд. Властные структуры поощряли деятельность подобных организаций, что обеспечивало снижение социальной напряженности в крае. Наиболее действенной мерой оставались сборы денег с населения в помощь голодающим, социально-неимущим, учащимся, заключенным. Подобные акции проводились известными лидерами способными реализовать подобные проекты. Методы поощрения таковых оставались традиционными. Например, один из организаторов сбора финансовых средств с казахского населения на

тюремные нужды Саудабек Сатбаев получил от властей благодарность [386].

Реформирование имперской системы судопроизводства актуализировало наличие элементов гласности проводимых судебных процессов. Эта модель судопроизводства постепенно внедрялась на территории восточных районов государства. По оценкам современников уровень подготовки и образованности населения края оказался ниже в отличие от промышленных центров. Актуализировалась проблема формирования и функционирования присяжных комиссий. Члены комиссий должны были соответствовать социально-имущественному и образовательному цензам. Наличие подобных гражданских институтов и их сфера деятельности с интересом воспринимались местным населением. Адекватная ассоциация членов комиссии местным сообществом в перспективе существенно возвышала их статусность и соответственно силу действий комиссий как государственного органа.

Казахские депутаты присутствовали в качестве присяжных заседателей. В состав комиссии входили известные и авторитетные личности. Например, в состав комиссии Акмолинской области на период 1909 году входили 22 казахских депутата. В числе депутатов состояли чиновник Ишмухамет Сьюк-оглы Аблайханов, переводчик Садвакас Джантаевич Джантасов, переводчик Мукан Каребаевич Айтпенов, служащий Хасен Какенев, агент конторы Досмухамед Кеменгеров [387].

Казахские служащие комиссии имели разноуровневую подготовку. При этом численность национальных служащих области оставалась незначительной. Характерно, что эти служащие соответственно в пропорциональном соотношении составляли минимум всех членов комиссии. При этом внутри своей группы чиновников эти служащие в какой-то мере отражали профессиональную структуру казахского чиновничества области. В частности, во всех регионах Степного края в составе казахского служащего корпуса преобладали переводчики. Данная структурная специфика отразилась в составе комиссии. В Тургайской области в местном уездном управлении присяжных в 1904 году состоял переводчик Каралдин [286, л.11]. Наличие образовательного ценза и степень политической благонадежности гарантировали присутствие чиновников в комиссии. Высокопоставленных администраторов уровня Аблайханова во всех областях оставалось немного.

Дюсембай Кеменгеров входил в состав членов Председателей комиссии по составлению очередных списков присяжных заседателей Акмолинской области [388]. В Акмолинской области обязанности члена-председателя комиссии по составлению очередных списков присяжных председателей выполнял Хасен Томербеков [389]. Обычно подобную миссию выполняли отличившиеся на гражданской службе чиновники. По всей вероятности учитывались специфические особенности казахского социума, в котором сохранялась регламентация сконструированных по семейному и родовому принципу общественных отношений. Выбор подобной личности логически должен был соответствовать интересам государства и мнению общественности, отражаемому в действиях ее представителей, т. е. соответствующих

авторитетов.

Реформирование системы управления под давлением общественности и политической ситуации актуализировало принцип действий выборной системы как одной из составляющих дальнейшей эволюции. С учетом сложившейся ситуации к работе в комиссии привлекались казахские служащие. Данные личности легитимностью своего участия отражали степень политизированности и заинтересованности масс. По источникам, в комиссии всех уровней привлекались, прежде всего, чиновники соответственно по образовательным, имущественным характеристикам и индикаторам политической надежности. Оппозиционно-критически настроенные к режиму личности в данных комиссиях, как правило, были нежелательны. Упомянутый выше Ишмухамет Аблайханов входил в состав Омских городских избирателей к выборам в гласные Омской городской Думы на 1910-1914 годы. Стоимость его имущества составляла 3900 рублей [390]. Таким образом, такие относительно обеспеченные и политически лояльные личности, как Аблайханов, оказались востребованными велением времени и остротой ситуации.

Ангажированные личности не ограничивались участием в общественных акциях и государственных мероприятиях. Длительная система подготовки национальной кадров кооперировала их деятельность в служебной сфере в единичном аспекте. Казахские служащие участвовали в подобных акциях в соответствии со сложившимися стандартами норм поведения в государстве рубежа XIX-XX веков.

Представительство в государственных избирательных программах в качестве непосредственных участников в сознании национальных работников воспринималось как весьма обязательное и надежное действие. Подобный алгоритм действий прослеживается у многих казахских служащих исследованного периода. Таким образом, служащие демонстрировали свою гражданскую позицию в официально легальных общественных мероприятиях. Очевидно, в подобных действиях проявлялась новая модель поведенческой деятельности просвещенных казахов, осознававших себя ориентированными на новации социального переустройства представителями общества.

В этот период происходит постепенно изменение стереотипа поведения казахских общинников. Со второй половины XIX века А. Кунанбаев, И. Алтынсарин, как и ряд других образованных граждан, идентифицировались казахами как носители просвещения и сторонники симбиоза двух культур.

В дальнейшем прогрессивные казахи олицетворялись в сознании большинства населения как выразители идеологии народа по реорганизации государства и обустройства потребностей социума. Действия казахских служащих проецировались через призму общественного сознания. Фактически о каждом образованном казахе у казахского населения на уровне волости и области существовало доминантное мнение, определявшееся их поступками и действиями. Казахские прогрессисты, проживавшие в городах и занятые в государственном секторе, не имели конкуренции в казахской аульной среде и вполне очевидно обладали полным правом воздействия. Поэтому они

участвовали в различных комиссиях. В провинциально-аульной среде уровень конкуренции между проживавшими здесь дипломированными казахами и традиционными авторитетами был выше. Степень воздействия врачей, фельдшеров, учителей по различным причинам ограничивалась незначительным радиусом их проживания. Писари и переводчики ассоциировались казахским населением как низовая администрация, представленная выходцами из социальных низов. Степень материально-финансового обеспечения этой группы казахских служащих ограничивалась их незначительным финансовым окладом. В аульной среде соответствующий фактор применительно к служащим-провинциалам отождествлялся как несущественный показатель. Зачастую на уровне волостей прерогатива сохранялась за представителями других социальных категорий, тесно связанных с торговым капиталом, аульно-волостной старшиной или имевших позиции в мусульманской духовной иерархии представителей.

Так, религиозный деятель Шаймерден Кошугулов в декабре 1906 года волостным съездом выборных казахских волостей Кокчетавского уезда избирается выборщиком [288]. Данный момент весьма показателен, но при всем при этом во время выборов учитывались такие факторы, как харизматические качества и личное участие в реализации обозначенных обществом проектов. Это в совокупности с вышперечисленными аспектами определяло их победу на выборах.

В Акмолинской области большой популярностью обладали братья Сатыбалдины. Семейство Сатыбалдиных в казахском обществе выделялось имущественным положением, социальным происхождением и образовательным статусом. Братья Сатыбалдины являлись дипломированными специалистами. Джусуп Сатыбалдин обучался с Алиханом Букейхановым в Омском техническом училище. В декабре 1906 года Джусуп Сатыбалдин входил в областное избирательное собрание от казахских властей Акмолинской области для выборов членов Государственной Думы [391]. В лице Сатыбалдина казахские общинники видели человека, способного повлиять на принятие важного решения. Соответствующий общественный анализ способствовал формированию представлений о социально-моральной характеристике членов различного рода комиссий, формировавшихся из казахской народной среды в сложных перипетиях трансформирующихся событий начала XX века на территории областей. Списочный состав выборщиков от 22 казахских волостей Акмолинской области показывает, что из 44 членов 12 состояли в возрасте от 50 до 73 лет. Основная группа выборщиков состояла в возрастной категории от 28 до 50 лет. Анализ динамики избирательной компании в казахском социуме демонстрирует наглядно представление о возрастных особенностях выборщиков, выражавших интересы общин. Из среды служащих в списках выборщиков от Аиртавской волости числился словесный переводчик Х Ерденбаев, которому в тот период исполнилось 30 лет.

Скрупулезный анализ всей схемы формирования комиссий, мотивации поведения их участников и конечного результата работы резюмирует мысль

продуманного сценария лидеров казахского социума, с целью последовательного выполнения обозначенных задач в ситуации оппонирования государственному давлению.

В начале XX века казахские общественные деятели акцентировали задачу представительства во всех общественных и государственных органах управления. Так, в Иргизе с 1902 по 1904 годы султан Баймухамед Абултаев состоял в качестве городского депутата [392].

Казахов-горожан в исследуемом регионе в пропорциональном соотношении к остальным группам населения насчитывалось немного. Казахские городские депутаты рассматривались казахской общиной как действенное средство включения во власть. Султанская титулатура играла весомую роль в общественном сознании казахов.

Значительную миссию возлагали на себя личности, отвергавшие радикальный путь развития. В их комбинированных действиях преобладал комплексный метод либерально-поступательного сотрудничества с государственными институтами, который оказался очень медленным, но сулил эволюционные перспективы.

Многие казахские служащие отличались деполитизированностью и не занимались политической деятельностью, ограничиваясь выполнением обозначенных служебных обязательств. В частности, на исследуемый период не встречается упоминаний об общественной деятельности определенной части фельдшеров, учителей, администраторов различного масштаба. При этом в обществе действовала категория казахских служащих, охотно принимавших участие в общественных мероприятиях, но не зафиксированных в политической деятельности. Например, врач М. Карабаев по исследованным документам не обозначен как активная политическая личность. Аналогичное сравнение характерно для А. Темирова, А. Сейдалина, Г. Балгимбаева и другие. Указанные деятели, как и ряд других, энергично взаимодействовали в легальных общественных организациях. По данным Б.А. Кенжетаева, с Казанскими научными организациями сотрудничали казахские студенты и служащие. В работе местного общества археологии, истории и этнографии активное участие принимали студенты М. Сыздыков, А. Идигин, А. Беремжанов, способствовавшие пополнению коллекции эпическими произведениями, фольклорными материалами, этнографическими предметами. В состав научного общества, на правах члена-сотрудника, входил Бахытжан Каратаев [25, с.56].

Реформирование судебной системы предопределило привлечение казахских служащих к работе в местных органах.

Так, приказом руководства Тургайской области юрист Беремжанов и врач Карабаев получили назначение на должность почетных мировых судей [393]. Карабаев и Беремжанов состояли в должности почетных мировых судей с 1902 по 1904 годы. Возложение юридических обязанностей на Карабаева не вписывалось в стандарты государственного делопроизводства. Спектр официальной деятельности Карабаева оказался разносторонним. Очевидно, его

привлечение к подобной миссии востребовалось спецификой отношений властей, точно рассредоточенных в стационарных центрах и остальной массы казахского населения.

В отличие от Беремжанова, Карабаев не имел юридического образования. Функциональные особенности действий почетных мировых судей носили незначительный характер. Реформирование судопроизводства постепенно меняло правовое сознание общества. Конструировалась новая правовая культура. Возложение на Карабаева юридической должности в сознании общинников воспитывало уважение к силе состоявшейся личности и чужой собственности. Изначально Карабаев и ему подобные, не являвшиеся юристами, апеллировали не столько к судебным нормативам, а к зову совести при разборе мелких тяжб. Подобная практика включения казахских служащих в эти институты изменяла психологию масс в восприятии новой судебной системы.

Мировые судьи избирались на 3 года органами городского и земского самоуправления из лиц соответствующих возрастному, образовательному и имущественному цензу. При этом учитывался служебный стаж работы. Имущественный ценз оценивался недвижимой собственностью в объеме 15 тысяч рублей [267, с.936]. В частной переписке Карабаев указывал на свою несостоятельность, что, впрочем, характеризовало многих служащих. Вероятно, этот вердикт при его назначении на должность мирового судьи не учитывался государственными властями, заинтересованными в усилении статусности судопроизводства в области. Институт мировых судей в восточных регионах империи учреждался во второй половине 90-х годов XIX века. В государстве сохранялся произвол полиции и администрации, взяточничество приобрело невиданные размеры, незаконные поборы вызывали недовольство населения. Медленное и сложное делопроизводство вызывало критику общественности. Институт мировых судей формировался как один из видов суда, основанного на буржуазных принципах независимости и компетенции. Выборные мировые судьи олицетворяли собой независимые структуры. Должностные полномочия и звание обязывали российских чиновников и служащих принимать участие в деятельности областных государственных организаций.

Переселенческая программа и, как следствие, расслоение казахского общества определили поиски решения прогрессистами проблемы обезземеливания казахов и их перехода к новым формам хозяйствования. Объективно участие интеллигентов и чиновников в различных легальных организациях. В Тургайское сельскохозяйственное общество на правах членов-учредителей входили И.М.Курбангулов, Г.Б.Балгимбаев [393]. Казахских профессионалов-экономистов и аграриев имелось недостаточно среди подготовленных служащих. Казахские представители в подобных организациях рассчитывали на консультативную помощь специалистов и вероятно занимались самообразованием по востребованным дисциплинам. Несомненно, составляя костяк благотворительных обществ, казахские служащие приобретали опыт местного самоуправления по европейским образцам.

Практика личностного участия национальных чиновников в информировании и убеждении аульных общин к переходу к новым формам хозяйствования довольно часто применялась властями. Чиновники Сейдалин, Беркимбаев, Карпыков, Арынгазиев выступали в прениях о необходимости подготовки сенных запасов жителями Тургайской области [394]. О масштабности и значении данного мероприятия свидетельствовало присутствие российских администраторов Добросмыслова и Крафта.

Представители казахской общественности принимали участие в организации благотворительных вечеров для населения. Предпринимались попытки создания театральных студий. Подобная театральная постановка финишировала в 1903 году в Оренбурге для присутствовавших казахов. В проведении мероприятия принимал участие коллектив из 27 человек, представленный образованными казахами. Солистом группы являлся вчерашний семинарист, учитель русско-казахской школы. Примечательно, что среди зрителей присутствовали казахские чиновники и ученики Оренбургской учительской школы. Несомненно, казахский вечер привлек внимание общественности. Редакция местной газеты выражала надежды на то что: «Театральное представление, чтение и пение на киргизском языке несомненно привлекут внимание степняка и ускорят их сближение с нами «урусами» [395].

Театральное искусство как форма духовной культуры было слабо представлено в казахской традиционной среде. У казахов преобладала развитая песенная и музыкальная культура. Носителями театрального искусства являлись представители русского чиновничества и интеллигенции. Немногочисленные казахские чиновники городов, в большинстве своем перенесшие в учебный период безденежье и бедность, были лишены снобизма и чванства. У наиболее активной части казахских чиновников и служащих наблюдалась корпоративная солидарность, проявлявшаяся в просвещении народных масс.

Наблюдатели отмечали положительную работу мусульманских прогрессистов в области культуры и экономических преобразований, особенно в таких администрированных центрах Приуралья, как Челябинск и Оренбург. Фактически в начале XX века в этих центрах формируется идейно сплоченное тюркско-либеральное ядро в таких общественных направлениях, как кредитная кооперация, сельскохозяйственные и театральные общества [396]. Казахские служащие, точно рассредоточенные среди русского большинства, зачастую лишались возможности участия в казахской национальной праздничной культуре. Этот фактор активизировал действия наиболее активной части из них на возрождение элементов культуры и ее сохранения в узкой немногочисленной группе городских казахов.

Общественность все чаще являлась свидетельницей европеизации мусульманских городских женщин. Продолжало развиваться национальное драматическое театральное искусство. Передовая интеллигенция продолжала пополнять драматический репертуар небогатым по разнообразию, но довольно колоритным материалом. В Западной Сибири усилиями тюркской общины

после 7-летнего упорного труда начал функционировать мусульманский театр. Ведущими артистками этого театра являлись драматическая исполнительница С. Кулулаева и комическая актриса И. К. Батудова. Пример названных татарских женщин оказался весьма показателен для казахских интеллектуалов.

Современники с грустью констатировали отсутствие оборудованных и оснащенных по необходимым образовательным стандартам профессиональных драматических школ в Сибири. Социальную роль в организации театра и театральных групп на себя брали представители интеллигенции. В казахском обществе группы городских интеллигентов и служащих оказались незначительны. В лучшем случае такие театры могли функционировать сезонно с выездом в места компактного расселения казахов, то есть в провинцию. Этот фактор существенно ограничивал хронологические и территориальные рубежи подобных учреждения. Стационарные театры возникали в тех городах империи, где концентрировались учебные заведения, в том числе университеты, учебные курсы, музыкальные классы, курсы хорового пения. В данных учреждениях будущие актеры могли получить частичную подготовку. Казахские актеры исходили из тех знаний, которые они получили в городских школах, отнюдь не театральной направленности. Театры в регионе создавались не обладающими специальной подготовкой любителями [397]. Первые казахские театральные труппы функционировали благодаря усилиям любителей европейской культуры и рассчитывались на казахскоязычную публику. Основу театральных трупп составляли казахские студенты и служащие. Так в апреле 1915 году силами казахской учащейся молодежи организовывается выступление художественной самодеятельности на «Сибирском вечере» [398, с.46]. По инициативе городской казахской общественности в Семипалатинске проводились театрализованные и литературные казахские вечера. Одной из организаторов этой идеи являлась учительница Н.Кульджанова. Примечательно участие на одном из представлений юриста Р.Марсекова, зачитавшего доклад о казахской поэзии. Финансовые сборы с подобных мероприятий перечислялись в пользу нуждающихся [399, с.103].

Профессиональное занятие интеллектуальным трудом предопределяло гражданскую позицию и экономическую свободу конкретной личности в столкновении с клановыми вождями и властью. Отрыв от общины с незыблемыми устоями воздействовал на поведенческое состояние данных личностей в городах с иной практикой отношений. Выдержавшие экзамен испытанием привыкания совершенно иначе оценивали социальное время своего совершенства.

Политические процессы в регионе трансформировали сознание народа. Происходит существенное изменение мировоззрения ориентированных на традиционную и европейскую системы ценностей маргинальных групп. Наблюдается формирование новой модели поведения как средства реакции на острые трудноразрешимые ситуации. Устоявшиеся формы общественных отношений доминировали на уровне института подвижничества и патронажа.

Казахские прогрессисты по аналогии действий либералов империи постепенно осваивали новые каналы коммуникационных связей с общественностью. Культурно-просветительская сфера влияния сопровождалась плавной активизацией оппозиционных режиму граждан в организации политической программы защиты интересов народа.

Индивидуальные действия отмеченных прогрессистов ограничивались участием в разных народных акциях критической направленности по отношению к властям. Зачастую либералы выступали в качестве посредников, способных юридически грамотно обосновать своё собственное видение и мнение локальной общины по злободневным проблемам в диалоговых встречах. Подобные действия в известной степени носили стихийный точечный характер. Например, в 90-годы XIX века несколько десятков каркаралинских казахов пожелали основать стационарный поселок на казенных землях уезда с целью занятия хлебопашеством. По сути, казахские семьи данным решением регламентировали переход на новый вид хозяйственно-культурной деятельности, официально приветствуемой властями. Прагматичные казахи прекрасно осознавали возможность потери благоприятных участков в случае отказа властей. Велением обстоятельств и времени они обосновывали свою перспективу использования юридического права владения землей в случае оседания. Лидеры общины делегировали полномочия проведения переговоров, являвшемуся в тот период единственным казахским врачом в уезде А.Айтбакину. Айтбакин по просьбе аульной общины добился приема у Семипалатинского губернатора с целью вручения ему прошения о запрете предоставления земельных угодий общины переселенцам [400].

Обладающие городскими светскими манерами европейски просвещенные казахские служащие на русском языке апеллировали к нормативным циркулярам, законным положениям, различным Уставам и прочей документации, знание которой требовалось в переговорных процессах с администрацией всех уровней. В источниковых данных прослеживается тенденция возложения подобных обязанностей казахскими общинниками на относительно независимых от административно-управленческого аппарата служащих - врачей, юристов и т.д.

Отставной майор, уездный судья Альмухамед Сейдалин лично участвовал перед Оренбургским генерал-губернатором об открытии стипендии для казахских девушек при Оренбургской женской гимназии [183, л.5]. В мае 1913 года султан Бахытжан Бигалиевич Каратаев принимал участие в организации коллективного ходатайства родовых представителей казахов Уральской области об учреждении духовных управлений. При составлении ходатайства Каратаев и его сторонники апеллировали к документу от 17 апреля 1905 года положения Комитета министров об учреждении духовных управлений для казахов Степных областей [43, с.312]. Данные примеры не единичны. Как правило, в процессе составления ходатайств, подписанты использовали различного рода документы, акцентируя возможность их применения и обосновывая их юридическую силу.

Прогрессисты действовали в общественных и благотворительных организациях, выполняя миссионерскую деятельность и патронатную помощь адресного характера. При этом изначально их финансовые возможности и политические рычаги оказались минимальны.

В силу политических обстоятельств нарастания кризисных ситуаций в империи изменяются формы и методы политических отношений между обществом и государственными структурами. Просвещенные казахи, работая в подобных организациях, прекрасно сознавали их политическую ограниченность. По сути, подобные общества оказались идентичны общественным организациям, возникшим и существовавшим в центральных губерниях России в первой половине XIX века. Таким образом, казахское общественное движение в композиционной основе соответствовало другим национальным движениям, действующим в России. Примечательно, что в европейской части империи, помимо прогрессивного чиновничества и интеллигенции, значительную роль выполняли русские дворяне с присущими им элементами сословной чести. Удельный вес членов подобных обществ в городах с русским населением оказался выше в сравнении с казахскими обществами. В казахских общественных организациях по источникам не прослеживается высокое процентное соотношение казахской знати аристократических династийных фамилий, представители которых сохраняли свое влияние по месту проживания в провинции.

Прежде всего, на уровне этих организаций казахские прогрессисты брали на себя функции социально-объединяющего характера, которые постепенно трансформировались в этноконсолидационную модель распространения идеи просвещения с XIX века. Это течение начиналось казахскими аристократами и продолжалось представителями из разночинной среды. Сложившаяся группа разночинцев концентрировалась в регионах с повышенной долей европейского населения и присущими им элементами социальных форм деятельности. Те же учителя и фельдшеры видели свою службу в смешанных поселениях и стационарных аулах, воспринявших новые виды хозяйственной деятельности. Служащие развили идею просвещения и существенно обновили агитационную информацию, направленную на восприятие европейских экономических новаций. Фактически своими действиями они являлись проводниками новых форм жизнедеятельности и пребыванием своим в родной этнокультурной среде внедряли их. В источниках отсутствует информация о радикальных действиях всего слоя служащих за исключением единичных представителей по отношению к госструктурам. Но при этом с каждым десятилетием, особенно после реформ переселенческой направленности, в Казахстане складывалась политическая основа для откровенных антигосударственных выступлений.

Политическая ситуация в империи после 1-ой русской революции накалялась. Самосуды и избиения чинов от полиции приобретали все больший размах в центральных губерниях. Аналогичная тенденция проявлялась в Степных областях. В Петропавловске толпа избивала пьяного надзирателя за его попытку оскорбить прохожего [401]. Наличие подобных эпизодов косвенно

демонстрировало степень восприятия населением государственной власти и конкретно ее низовой администрации и полиции, достаточно развращенной в провинции. На этот фактор неоднократно указывали представители общественности. Уже в начале XX века стихийные бунты казахского населения проявлялись в Уральской, Акмолинской, Тургайской, Семипалатинской областях и других регионах. Отмечая эти физические формы сопротивления, информаторы фиксировали организационную роль представителей знатных сословий. При этом отсутствовало указание на участие в выступлениях казахских служащих

Накануне революции 1917 года казахские прогрессисты консолидировались по идейной близости в общественные кружки и организации. Так, казахские учащиеся Омска по инициативе Магжана Жумабаева, Сакена Сейфуллина основали культурно-просветительский кружок «Бірлік» начинающий поэт Жумабаев в этот период публиковался в газете «Казах» [402, с.67].

Значимость служащих подчеркивалась их образованностью, которая вкупе с острой гражданской позицией возвышала их роль. При таких обстоятельствах волевые поступки прогрессистов подчинялись общественному давлению. Данная схема действий в принципе сохраняла консервативные отношения в крае.

С целью изучения территории Казахстана российские исследователи сформировали сеть научных учреждений, к деятельности которых привлекались казахские управленцы. С российскими научными учреждениями активно контактировал хан Джангир Букеев. В 1839 году он во время поездки в Казань подарил местной университетской библиотеке 3 исторические книги на арабском языке, презентовав их как личный дар. Эти книги представляли научный интерес для изучения периода средневековья. В частности, это «История монгольских ханов от Тухлун-Тимура до Абдурашида» под авторством мирзы Хайдара; сочинение Мухаммеда Ахмеда «История первых халифов» 1122 году издания и персидский словарь [403, л.3]. За плодотворное сотрудничество с императорским Казанским университетом по представлению Статского Советника, доктора философии Эрдмана генерал-майор Джангир Букеев 29 мая 1844 года избирается почетным членом. Данное предложение поддержал ректор Казанского университета Николай Лобачевский: «высокостепенный Хан, принимал возложенное на него звание, не откажется своими обширными средствами способствовать к пользе наук, дать ему сей диплом за надлежащим подписанием с приложениями большой печати университетов. Казань» [404, л.2]. В практике общественной деятельности казахских служащих в первой половине XIX века это был один из первых случаев, который стал показательным примером для остальной категории казахских управленцев.

Существенный вклад в исследовательские работы внесли казахские офицеры. По сути, интеллигенты и служащие продолжили традиции этнографического изучения и социально-экономических исследований

казахского народа, заложенные выпускниками кадетских корпусов Ч. Валихановым, С. Бабаджановым, братьями А. и Т. Сейдалиными, М. Таукиным и другими.

Под воздействием русской и ссыльной интеллигенции действовали отделы Русского Географического общества в городах области и близлежащей зоны. Казахские служащие принимали участие в работе РГО. Профессиональных историков и археологов в их среде оказалось немного. Таким образом, исследовательская деятельность интеллигентов и служащих оценивалась ими как средство просвещения народа и распространения его культуры окружающему миру. Работа в РГО обуславливала установление личных и деловых контактов с казахскими служащими и русскими чиновниками и интеллигентами. Научный дух этих обществ в перспективе предопределил формирование политических идей казахов, находившихся в поисках будущего развития своего народа. Материальные средства научных заведений ограничивались незначительными суммами. Так, в начале XX века финансовые возможности Западно-Сибирского отдела РГО ограничивались официальной суммой в 3 тысячи рублей [405]. Данный фактор существенно сокращал познавательные возможности его членов в исследовании края, к которому относились, в частности, смежные с Сибирью Акмолинская и Семипалатинская области.

Казахские общественные деятели в процессе сотрудничества с русскими учеными способствовали пропаганде казахской культуры. На протяжении длительного времени этнографические фонды Москвы и Санкт-Петербурга пополнялись коллекциями предметов казахов, отобранных Чингизом Валихановым [63, с.47]. За плодотворное сотрудничество в 1867 году совет Императорского общества любителей естествознания наградил полковника Валиханова. В 1862 году в связи с приездом князя Владимира Алексеевича свои экспонаты на показательной выставке представил известный в казахском обществе управленец, общественный деятель М. Джанайдаров [406, с. 22]. Действительный член Оренбургского общества отдела Императорского Русского географического общества султан С.А. Джантурин курировал подготовку экспонатов к отправке на III-й международный конгресс ориенталистов 1876 года [63, с.47]. Участие на различных научных мероприятиях существенно возвышало статус области в пределах империи. В 1896 году экспонаты Тургайской области представлялись на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде. По условиям предварительного совещания члены Областного правления приняли решение, согласно которому: «... отдаленная область России со своей особой природой, жизнью и административной работой, малоизвестная Центральной России должна быть совершенно своеобразным и интресным типом в общей картине выставки» [407, с.7]. Финансирование научно-подготовительных работ проводилось из сумм добровольных пожертвований казахского населения области. На выставку экспонировались письменные труды учащихся казахских и русских школ, нескольких десятков породистых лошадей из казахских

хозяйств, предметы роскоши и обихода национальной утвари. По итогам выставки область получила в награду дипломы и медали. Отличились казахские служащие Д.Беркимбаев, М.Яроспаев, С-Б. Нурмухамедов, Б.Карпыков, проявившие активность в сборе и доставке ценных вещей. По итогам конной выставки сверхштатный старший чиновник особых поручений Д.Беркимбаев и ряд других казахов получили 6 больших и 2 малых серебряных медали.

В этот период ярко проявился талант Букейханова. Он активно сотрудничал с Семипалатинским Подотделом Западно-Сибирского отдела императорского Русского Географического общества. В статьях Букейханова описываются быт и культура казахов. В работе «Из бумаг султана Большой Киргизской Орды Сьюка Аблайханова» автор представил динамику политических событий 1820 года. Исходным материалом работы стала переписка султана С.Аблайханова с царской администрацией. Букейхановым подробно представлены обнаруженные в архивах того времени документы. Данные документы и по сей день представляют научную ценность, так как в них досконально представлены имена и фамилии основных участников, показаны экономические показатели и весь драматизм сложных событий начала XIX века. Проживая в Омске, Букейханов поддерживал творческие связи с семипалатинцами. В 1905 году он состоял членом Распорядительного комитета Западно-Сибирского Отдела [408, с.34]. В материалах сохранился факт официального обращения Букейханова как члена комитета к членам Семипалатинского Подотдела о передаче некоторых экземпляров коллекции Семипалатинского музея в Западно-Сибирский отдел. Показателем научно-практической деятельности Букейханова является его участие на Московском сельскохозяйственном съезде.

Позже Букейхановым на суд читателей представляется этнографическая статья «Список Обам на реке Слеты в Коржункульской волости Акмолинского уезда». Особого интереса заслуживает статья-некролог Букейханова памяти А. Кунанбаева «Абай (Ибрагим) Кунанбаев». В статье прослежена генеалогия Кунанбаева, дан подробный анализ всей его биографии. Автор акцентирует внимание публики на дружеских отношениях поэта с политическими ссыльными: Гросом и Михаэлисом. Трогательно изложено впечатлительное влияние группы русских литературных классиков на творчество Кунанбаева. По мнению Букейханова, Абай Кунанбаев многое сделал для своего народа. Особенно автор выделял просветительскую деятельность поэта [409]. Безусловно, авторитет А.Кунанбаева в казахском обществе оставался высоким. У казахских прогрессистов и влиятельных лиц он снискал уважение. Корреспондент подчеркивал личностное влияние Кунанбаева на обучение своих детей в государственных светских учебных заведениях. По мнению Букейханова, известный поэт являлся одним из первых казахских деятелей финансировавших значительные суммы в просвещение своих сыновей. Расцвет творчества Кунанбаева пришелся в эпоху складывания плеяды казахской интеллигенции, и он по праву занимал в её рядах достойное место. Примечательно, что информативные материалы относительно поэта

Букейханов получил у его сына Туракула и племянника Какытая Скаковича Кунанбаева. В переписке ученый, при содействии Семипалатинского Подотдела РГО, планировал издать под своей редакцией труды поэта. Анализируя творчество Кунанбаева, Букейханов в резюмирующей части своей статьи отметил: «Учащимся в русских школах киргизским детям посвятили особое стихотворение, в котором бичуя злою сатирою стремление киргизских детей быть взяточником, писарем, подпольным адвокатом, полицейским чиновником, предлагает им почитать Толстого, Щедрина и стремится быть такими, как они» [409, с.8].

Во второй половине XIX века Ч.Валиханов оказался одинок в реализации социальных идей. Пик творческой активности казахских интеллигентов и служащих синхронно совпадал с общественно-политическим пробуждением населения империи. Научный расцвет Ч.Валиханова проходил в 50-60-е годы XIX века – времени новых надежд на реформирование государства и пробуждения общественной мысли. Ч.Валиханов оказал огромное влияние на своего кадетского товарища Потанина. Впоследствии Потанин консолидировал интеллектуалов Сибири с целью исследования региона и защиты гражданских прав его населения. С именем Г. Потанина персонифицировалось сибирское областническое дело, рассматриваемое царским правительством как сепаратистское антиимперское движение. В 50-60-е годы XIX века Потанин актуализировал проблему защиты сибирских интересов. Потанин инициировал идею отстаивания равенства прав населения Сибири коллективной формой объединения лидеров общественности, сплоченных территориальным единством. Модель регионального кооперирования легла в основу создания объединенной думской группы казахских и сибирских депутатов в начале XX века. В 70-е годы XIX века он и его сподвижник ученый Ядринцев работали над созданием сибирской газеты [410].

Сибирские представители в 1881 году инициировали сбор сибирской общественности в Санкт-Петербурге, посвященный 300-летию Сибири. Душой и организаторам мероприятия был Ядринцев. На этом съезде прозвучала программа дальнейшего развития Сибири, а именно – распространения суда, земства, народного образования, либерализации печати. На этом собрании выступал Газы-Болат Валихан о судьбах нерусских народах края. По сути своего содержания, встреча сибиряков отразила чувства и надежды, которые выражало сибирское общество [411]. Немногочисленные казахские интеллигенты и служащие, используя региональный принцип общения, контактировали с либералами русской общественности. В частности, Потанин поддерживал творческие связи с Ж.Акпаевым, который организовал в честь приезда своего товарища музыкально-литературный вечер [22, с.28].

Казахские интеллигенты в лице Потанина ассоциировали преемственность отношений прогрессивных традиций XIX века и инновационных тенденций начала XX века. Научно-творческие контакты Потанина с казахскими интеллигентами трансформировались в политические отношения. Впоследствии именно Потанин привлекался лидерами партии «Алаш» в работу

движения.

Материальный фактор как исходный стимулятор подъема личности существенно уступал укрепившимся внутренним установкам представителей различных социальных категорий. Будучи крайне бедными, юные султаны оказались последовательными и обладали разнообразным инструментарием в достижении цели. Лишенный состояния А.Букейханов лидировал в рядах казахской интеллигенции. В Западно-Сибирском отделе РГО он приобрел широкую популярность и был знаком со многими представителями организации [412 с.72].

Периодически А. Букейханов печатался в Санкт-Петербургском журнале «Сибирские вопросы». В частности, он опубликовал статью «Соляные монополии в Западной Сибири», в которой автором анализировалось состояние соляной промышленности в области. Букейханов с экономических позиций детализировал проблему деловых отношений торговых кругов и местного населения. Автор актуализировал проблему эффективного использования соляных месторождений в области. Работа снабжена обилием цифрового материала, характеризующего экономический потенциал соляного производства. Букейханов критически оценивал соляную монополию для нужд местного населения и занятых на производстве рабочих: «Киргизы без всяких приспособлений добывают почти непосредственно руками соль, а арендаторы получают сказочную прибавочную стоимость... Связанный в нем капитал (соляном промысле, примечание автора), не улучшая производство, эксплуатирует труд и население» [413, с.38].

В данном выпуске опубликовался Ж.Акпаев по теме «Наброски по обычному, в частности, брачному праву киргиз-казахов» [414]. Обращение Акпаева к этой проблеме сопутствовало не только его научным интересами, но и актуализировало щепетильную проблему соответствия норм обычного права казахов государственным новшествам в области судопроизводства. Материалы издания прежде всего рассчитывались на подготовленную русскоязычную публику. В этот период Акпаев имел степень кандидата права Санкт-Петербургского университета. В официальной версии он подписывался как «Якуб-Мурза Акпаев».

Обычное казахское право соответствовало традиционным канонам социальной жизни казахов. Межродовые распри и прочие судебные противоречия глобального масштаба решались на межволостных съездах почетных казахов и народных судей в областях. По данным присутствовавшего на Тургайском съезде традиционных судей в 1898 году русского чиновника Киселева, за 5 дней удалось положительно решить более 80 дел [415, л.87]. По мнению Киселева и старшего советника Тургайской области правления И.И.Крафта подобные съезды при наличии представительных лиц способствовали интенсификации делопроизводства.

Соотношение и правомочность применения норм обычного права, мусульманского шариата и имперского судопроизводства сохраняло свою актуальность в районах компактного расселения казахов. Дилемма ситуации

обосновывалась поиском компромиссов даже на межгосударственном уровне. Так, в этот период сохранялась сложная ситуация на российско-китайском приграничье проживания казахов. Взаимоотношения казахов с официальными управленческими структурами внутри этих государств и на пограничье обостряли социальные, этнические и межгосударственные отношения. Действенным методом урегулирования проблемы стала организация Чубарагачского съезда казахов и властей приграничных территорий Российской империи и Китая. Организаторы съезда резонно рассчитывали на комплексное применение правил адата и шариата как наиболее эффективных форм взаимосотрудничества соблюдавших традиционные нормы отношений приграничных казахских родов. По мнению дипломатов, несоответствия юридических систем приграничных государств в урегулировании споров логично должны были компенсироваться этнической тождественностью и идентичностью национального законодательства казахов, которому подчинялись представители общин на съезде [416]. Социально-государственная потребность функционирования империи в режиме единства территорий предопределила исследования проблемы казахского права.

Поэтому общественные и научные круги актуализировали проблему взаимодействия обычного права как традиционной формы управления казахов и государственных законов в рамках гармонизации отношений. Информационная база по казахскому судопроизводству оказалась неполной. Юридический сборник профессора Самоквасова, труды Гродекова и ряд других профессионально составленных научных произведений оказались явно недостаточными в комплексной исследовательской программе. Объективно участие в данном проекте Ж.Акпаева, синтезировавшего глубокое понимание национальной психологии казахов с жизненным опытом.

В степных областях нормы имперского судопроизводства параллельно функционировали с обычным правом. В Семиреченской области в сознании казахов доминировало мусульманское право. Переселенческая программа изменяла хозяйственный тип, уклад жизни, привычки и психологию казахов. Эти факторы предопределяли видоизменения в традиционной правовой системе казахов. Степное Положение от 25 марта 1891 года нарушило устоявшуюся традиционную правовую систему казахов, следствием чего стали родовые распри с вытекающими негативными проявлениями судопроизводства. Государственная судебная система не соответствовала нормам жизнедеятельности казахов и воспринималась ими как чуждое, навязываемое извне право. Этот фактор отмечал один из специалистов этнографии казахов генерал Колпаковский. «... такой компетентный знаток Степного края, как ныне покойный Колпаковский, указывал на необходимость реформы присяги применительно к обычаям и религии киргиз» [417]. С целью спасения своих однородцев казахи прибегали к различного рода уловкам, в том числе ложному принятию присяги в судопроизводстве. Ложные доносы в воровстве, грабежах и оскорблениях заваливали следствия лишними делами. Длительная процедура делопроизводства искусственно затягивала следствие и подрывала

государственное влияние в крае.

По оценкам административного руководства принцип родовой солидарности способствовал выработке казахами единства позиции во время судебных тяжб и различных выборов. Поэтому ложные доносы и ложные показания воспринимались оправдательной мотивацией действий казахов в достижении успехов защиты интересов родичей в государственном судопроизводстве и выборной компании. [290, л.22]

Представители научной общественности и лидеры З.С. отд. РГО обсуждали проблему сбора и исследования норм обычного права казахов. Научные методы изучения диктовались велением задачи в эволюции государства. При Западно-Сибирском РГО с целью выработки рекомендаций разработчикам законов государственного управления казахов в 1897 году создается комиссия. В состав комиссии входили сибирские ученые Н.Н. Максимов, П.Е. Маковецкий, Ф.А. Щербина и др. Активным участником комиссии являлся А.Н.Букейханов [418].

Признаком индивидуализма казахских интеллигентов являлось их увлечение наукой. Наука, а затем и публичная деятельность становились способом проявления собственной индивидуальности. С Оренбургским РГО сотрудничал Дербисали Беркимбаев [419, с.27]. С Оренбургским отделом РГО активно взаимодействовал Глеумухамед Сейдалин, известный в российских научных кругах как Сейдалин 2-ой. В 70-е годы XIX века Т.Сейдалин в сотрудничестве с С.-Г. Джантуриным принимали участие в сборе и переводе цикла казахских песен посвященных национальному герою Кенесары [420, с.1]. Султан Сейдалин состоял в качестве члена-сотрудника общества. Почетным членом Оренбургского губернского статистического комитета состоял Бер-Мухамед Кулумбаев. Он же являлся членом-соревнователем Оренбургского РГО с 1870 года. На правах действительного члена Семипалатинского отдела РГО входил Ибрагим Кунанбаев. В это время с ним активно сотрудничал общественный и научный деятель Николай Яковлевич Коншин. Казахские служащие и учащиеся принимали участие в работе статистических комитетов по сбору и обработке информации. Например, в 1914 году группа казахских учителей и учащихся Оренбургской учительской школы под руководством статистика Н.М.Трегубова, студента сельхозинститута С.Саботаева и студента Санкт-Петербургского университета Б.Исмуханова проводили научные изыскания в Тургайско-Уральском районе. Ресурсов служащих местного статистического комитета оказалось недостаточно для проведения масштабных работ. Примечательно, что к работе данной экспедиции привлекался «бывший сотрудник статистического отдела А.Байтурсинов», обязанности которого состояли в наблюдении за подсчетами [421, с.4].

Наряду с состоявшимися в науке учеными в «Записках» печатались подвижники культуры. Так, в 1906 году в журнале появилась статья известного казахского мецената Мусы Чорманова «Заметки о киргизах Павлодарского уезда» [422, с.32]. Впоследствии Чорманов неоднократно оказывал ценные услуги научным исследовательским центрам. Французский ученый Г.Лаббе,

проводивший этнографическое изучение Сибирской полосы и Степных областей, тепло отзывался о семействе Чормановых. Чорманов лично сопровождал и обеспечивал экспедицию Г.Лаббе на обширных казахских просторах: «Вблизи Баян-аула ему (Лаббе) много помогли в получении верных сведений интеллигентные киргизы Чормановы» [423]. Отец переводчика Сейлбека Джанайдарова – Мейрамбек Джанайдаров неоднократно передавал в дар музеям империи исторические предметы. Существенную роль в действиях Чорманова и других безусловно сыграли молодые прогрессисты.

Участие Российской империи в Первой Мировой войне обострило политическую и социально-экономическую ситуацию. Анализ событий начального этапа Первой Мировой войны демонстрирует активизацию радикальных антигосударственных сил в территориальных рамках Российской империи. Крупных очагов антиимперских выступлений на тот период не было. За несколько сотен лет проживания народов и этнических групп в политическом пространстве Российской империи выработался определенный механизм их сотрудничества и сосуществования, при которых в отдаленной перспективе закладывались основы взаимной толерантности. На обыденном сознании, правящая монархия олицетворялась как власть белого царя. Тем самым цветовая характеристика царской монархии символизировала стремление агарных народов к олицетворению верховной власти идеалом добра и справедливости. Многие представители общественности осознавали утопичность соответствующих представлений. Но большинство народов развивавшихся в феодальной стадии в природе своего функционирования, не имели иных политических институтов государственного образования. Учитывая ментальные особенности казахского народа, прогрессисты применяли в традиционной инструментарию формы политической борьбы в виде письменных обращений и петиций, подразумевавших массовость и всеохватность казахского населения обширной территории. При этом данные формы сопротивления морально идентифицировали каждого казаха подписанта или депутата как реальную составляющую массового движения.

Большинство прогрессистов не участвовали в восстании 1916года, предрекая его трагический финал. Казахские интеллигенты не оставляли надежд на оказание посильной помощи мобилизованным казахам. В 1917году они выступили с предложением отправки их в действующую армию с целью пребывания при мобилизованных казахам. Военный врач Нургали Ипмагамбетов в период 1 мировой войны находился на передовой [58, с.27]. Лидеры казахского общества реально сознавали свою ответственность за будущее казахского народа. Большинство мобилизованных на тыловые работы казахских мужчин не владели русским языком по сути оказались социально неадаптированными к резким условиям изменившейся ситуации. По инициативе казахских лидеров в Минске организовывается «Отдел по работе с инородцами». В его деятельности приняли участие казахские представители А. Букейханов, Р. Марсеков, Т. Жаманмурунов, М. Дулатов, Н. Тюрякулов, Х. Болганбаев и другие. Под влиянием казахских лидеров к работе в комитете

привлекались казахские специалисты. Например, Сатылган Сабатаевич Сабатаев по окончании Московского сельскохозяйственного института в 1915 году состоял на службе при Комитете Западного фронта Всероссийского городского Департамента [424, л.12]. Сотрудник газеты «Казах» М. Дулатов и врач А.Алдияров ходатайствовали перед Тургайским военным губернатором о делегировании их в Минск для работы в «иногородческом» отделе Земского Городского Союза. При этом заведующим данного отдела являлся А. Букейханов. По данным жандармерии, М.Дулатов, А.Букейханов и ряд других просвещенных казахов относились к категории политических неблагонадежных. Публицист Мыржакып Дулатов подвергался ранее заключению под стражу за распространение собственного произведения «Оян казак», в котором звучал призыв к пробуждению народа. В статьях «Киргизские земли», «Загадка» автор критически высказывался в внутренней политике царского правительства в Степных областях [425, л.62]. Дулатов подвергся в опале в июне 1911 года. Арест был произведен в Семипалатинске.

Анализ динамики политических событий показывает усиление миграционных перемещений казахских интеллигентов внутри степных областей. В XIX-начале XX веков сведений о миграции казахских аристократов между Степными областями на огромные расстояния фактически не встречается. После событий 1905 года и последующего периода Думской эпопеи активизируются казахские прогрессисты, тесно контактировавшие между собой. Центрами общественно-политической значимости этой категории интеллигентов постепенно становились Оренбург, Омск и Семипалатинск. Исторически и географически вышеперечисленные города являлись центром притяжения национальных служащих и интеллигенции, ориентированных на комплиментарные связи с казахскими лидерами. Приезд Дулатова в Семипалатинск имел определенную цель распространения брошюр собственного сочинения среди местных кругов казахской общественности. В процессе ареста Дулатов подавал апелляционную жалобу на приговор суда, отклоненную прокурором суда. В ходе следствия и последующего заключения житель Семипалатинской области Белгибай Алдабергенов дважды связывался с прокурором о поручительстве за Дулатова и освобождении последнего под залог [425, л.11]. Залоговая форма демонстрировала фактор коллективного объединения казахов на защиту интересов конкретной личности. При аналогичных обстоятельствах под залог в 2000 рублей из под ареста освобождался служащий Б.Каралдин, ранее подозреваемый в соучастии восставшим в 1916 году [286, л.48]. Накануне социального раскола 1917 году в сознании многих казахских общинников четко сформировалось представление о личностно-нравственных характеристиках социально-активной части казахских интеллигентов и служащих.

Накануне февральской революции и пораженческих настроений в армии властями одобрялась практика участия интеллигентов в национальных отделах [426, л.137]. Тогда же за подписью Тургайского губернатора М.Дулатов получил соответствующее удостоверение.

В Тургайской области как и во всех степных областях популярностью обладали учителя А.Байтурсынов и М.Дулатов. В преддверии революции 1917 года 42-летний А.Байтурсынов состоял редактором газеты «Казах». В 1909 году он подвергся аресту в Каркаралинске по обвинению в антиправительственной пропаганде среди казахского населения. Под присмотром властей А. Байтурсынов находился с 1905 года. Он часто курсировал по аулам и критиковал колониционные действия правительства по отношению к казахам. А.Байтурсынов неоднократно вступал в контакты с волостными, убеждая последних не собирать недоимки с казахов в пользу государственной казны. Под влиянием А.Байтурсынова ряд казахских общественных деятелей принимали участие на съезде казахских делегатов в Уральске [426, л.135].

По причине дефицита грамотных специалистов местные власти периодически задействовали в масштабных правительственных акциях опальных казахских деятелей. Так в 1916 году по представлению Тургайско-Уральского переселенческого управления А.Байтурсынов был откомандирован в Тургайской уезд для осуществления переписи скота. Параллельно он принимал участие в легальном августовском совещании тургайских казахов в здании Тургайского областного правления [426, л.135]. Сакен Сейфуллин, с 1913 году находившийся под контролем Омской охранки, вошел в состав официальной комиссии по переписи имущества 12 волостей Акмолинского уезда [398, с.46].

Противоречивые события исследуемого времени консолидировали казахское общество. Очевидно, этнический фактор преобладал в объединительной тенденции казахского социума. Соответствующая процедура нашла свое отражение в областях со смешанным населением, когда антропологические, лингвистические, хозяйственно-культурные и религиозные признаки резко выделяли казахов от окружающих народов. Находясь в подчиненном положении в иерархии управления, казахские служащие в городских реалиях по факту служебной деятельности не имели права превышать собственные полномочия.

В аульно-общинной среде отдаленных городов и уездных центров степень воздействия казахских служащих зависела от их служебных полномочий и личных характеристик. Служащие, как новая социальная категория в исследуемый период, не обладали традиционными полномочиями казахской аристократии эпохи прошлого. Тем более в казахском обществе ранее существовала система рычагов, ограничивавших деспотию султанов.

Таким образом, руководствуясь интересами защиты и эволюции казахского общества, прогрессивно настроенные национальные интеллигенты и служащие активно занимались общественной деятельностью. Сфера их общественных интересов оказалась обширна. Консолидированные идеей развития социума, просвещенные казахи способствовали становлению образования и научных обществ. Под их воздействием начинают функционировать благотворительные, медицинские, культурные общества, в орбите влияния которых оказались народные массы

Радикальные события начала XX века существенно возвысили позиции служащих и интеллигенции, влияние каждого из которых определялось общественными функциями и волевыми качествами. Прежде всего, акцентировалась задача объединения общественных деятелей в единый механизм. Данная группа формировалась по принципу единства идейных взглядов. Важнейшим рычагом консолидации этой группы являлись общественные организации, создаваемые ими по собственной инициативе. В процессе совместного сотрудничества в этих организациях, а также в государственных общественных объединениях вырабатывались коллегиальные методы управления, практика принятия мобильных решений и иерархия управления. Негласные лидеры общественных структур в реальности преобразовывались в действующих руководителей.

3.2 Казахские служащие в развитии казахской периодической печати и литературы

Корпоративные действия казахских прогрессистов способствовали использованию ими всех легальных методов воздействия на массы. Помимо творческих встреч с казахской общиной, прогрессисты активно использовали периодическую печать как наиболее мобильное и широкоохватывающее средство распространения идей.

Исторически казахи занимали огромные территориальные пространства. Основными средствами их коммуникационного воздействия оставались речевое общение и почтовая служба. В имперский период меняется структура информационного пространства в регионе проживания казахов. В городском секторе и прилегающих районах акцентировалось влияние официальных периодических изданий. Поколение казахских служащих во второй половине XIX века развивалось под воздействием русских газет со специфической структурой и форматом официальных новостей. Таким образом, газеты являли собой средство передачи информации имперских властей общественности.

На рубеже XIX-XX веков на этнотерритории казахов, по инициативе государственных властей, оформляется издание официальной казахской периодики, функционирующей по примеру русских газет. При этом часть информации носила компилятивный характер в ракурсе изложения государственной хроники. Характерные отличия национальной печати заключались в преподнесении научно-практических советов и познаний, востребованных казахскими общинниками. В идейно-содержательной части данные издания в своей основе способствовали раскрытию общеимперских идей. Казахские служащие стремились действовать в этих газетах, ориентированных, прежде всего, на казахскоязычную публику.

И если ранее Ч. Валиханов, как ряд других казахских интеллектуалов, концентрировался на изложении собственных мыслей в русскоязычных научных журналах и официальной периодике, то его идейные единомышленники получили право доступа в официальные газеты. Действительно, подобные издания интенсифицировали процесс оповещения и

ознакомления казахов с государственными событиями. При этом стиль изложения информационного материала разнился. Ч.Валиханов, М.Бабаджанов и некоторые другие казахские интеллектуалы ориентировались на изначально подготовленную в научном и государственно-теоретическом аспектах публику.

Соответствующие корреспонденты со знанием дела апеллировали к историческим фактам, научным материалам, статистическим показателям, масштабным событиям. Их читательская среда представлялась публикой с соответствующим образовательным цензом и социальным статусом.

Казахские публицисты позднего периода исходили из специфики газеты, которая должна была являть образец восприятия для читающей публики различного социального положения, разноуровневой образовательной подготовки и кругозора. Технические параметры газеты так же существенно ограничивали информационные рамки излагаемых материалов.

Многим казахским жителям оказались недоступны книги на казахском и русском языках. Поэтому их заменяли газеты, в которых работали казахские корреспонденты. Собственно, эти периодические издания актуализировали собой новую культуру общения, что в перспективе являлось атрибутом информированности и подготовленности казахских граждан. Фактически газеты способствовали духовному объединению казахов различных регионов. Следует дополнить отсутствие в государственных газетах критики злободневных политических проблем империи. В периодических изданиях отражались местные задачи. Корреспондентский корпус газетных изданий состоял из просвещенных казахов, ранее получивших образование в российских учебных заведениях. Эти специалисты стремились к освещению событий на уровне образованности населения в региональном разрезе.

В северных регионах популярность приобрело «Особое «Прибавление» к Акмолинским ведомостям». Газета издавалась с 1888 года в Омске. Данная еженедельная газета финансировалась из средств Западно-Сибирского генерал-губернаторства, меняя несколько раз своё название. Газета знакомила своих читателей не только с официальной информацией, но и с культурным наследием казахского народа, поднимая актуальные вопросы функционирования казахского языка, литературы, истории. В числе сотрудников газеты работали казахские журналисты, И. Аблайханов и Д. Султангазин. Помимо работы в газете они получили известность своим активным участием в общественной жизни г. Омска [38, с.30]. Данная газета по целевым установкам и содержанию представляла информацию ознакомительного свойства. В материалах газеты излагались события значимого характера для казахов, а именно официальные сводки о пользе нововведений, деловые контакты народных представителей с властями. Определенный объем газеты занимали лирические произведения и исторические экскурсы. В «Особых прибавлениях» печатался казахский корреспондент Мухамедкали. Ибрагимов Сохранилась его статья «Из киргизских преданий» [427]. Периодически публиковался Юсуп Копеев. В статье «Киргизская правда» он произвел ретроспективный обзор деятельности

хана Аблая [428]. Особенности казахского быта проанализированы им в статье «Местные известия» [429]. С казахскими газетами сотрудничали представители казахской интеллигенции.

Одной из известных газет дореволюционного Казахстана являлась «Дала уалаятының газеті». Данное периодическое издание занимало особое место среди печатных органов в казахском обществе. Газета издавалась в Омске на казахском и русском языках в период с 1888 по 1902 годы. На страницах «Дала уалаятының газеті» освещались различные вопросы общественной жизни, рассматривались проблемы экономического развития края, а также печатались статьи, носившие культурный и историко-этнографический характер. С данной газетой сотрудничали известные представители казахской интеллигенции, как А.Букейханов, Ж.Акпаев, Р.Марсеков, а также русские исследователи Степного края – Берг Г.А., В.Иванов, И.Крафт, А.Е.Алекторов. и другие. Так, еще в ученический период обучения в Омской школе А.Букейханов публиковался в издании «Дала уалаятанын».

В течение длительного времени обязанности редактора издания выполнял Статский Советник, старший переводчик канцелярии Акмолинского управления султан Ишмухамед Сьюк Аблайханов. В чиновнических кругах Аблайханов пользовался уважением. В документах периодически встречаются сведения о различных видах награждения Аблайханова. Очевидно, служащий в силу объективных обстоятельств не мог придать газете политический динамизм.

Аналогичное издание функционировало в западных регионах Степного края. Газета имела символическое название «Тургайская газета». В штате этой газеты состоял С.Нурмухаметов. Его перу принадлежит статья «Понятие киргиз о самодержавии» [430]. Соответствующие печатные издания патронировались государственными органами и поэтому их содержательная сторона регламентировалась установленными ограничительными форматами. Редактором Тургайской газеты с 1896 по 1916 год являлся просветитель области Васильев, знакомый с бытом и культурой местных казахов. Материалы для подобных газет формировались из корреспонденционных сообщений и научных публикаций местных уроженцев. Содержательная сторона подобных статей актуализировала местные проблемы и практические способы их решения.

В «Тургайской газете» периодически в 1902 году в 4 номерах печатался Байкадам Каралдин с материалами хозяйственной значимости региона. По окончании 2-классного Тургайского училища Каралдин работал канцелярским служителем III разряда Тургайского уездного управления по «городским делам» [286, л.1]. Большинство публикаций печатались на русском языке. По стилю изложения и композиционному устройству статьи рассчитывались на непритязательную публику, владеющую русским языком. Значительную часть читателей газеты составляли казахскоязычные читатели. В сохранившейся статье Каралдина наблюдается апелляция к историческим фактам и реальным личностям, задействованным в преобразовании края. В подобных материалах

выдерживался фактажно-хронологический метод изложения событий, облегчавший усвоение публикаций. Данная процедура располагала корреспондентов к публице и способствовало негласному контакту в доверительно-непринужденной форме. Примечательно, что Каралдин штудировал специализированные материалы аграрно-инженерного толка. В частности, он подробно проанализировал научную статью агронома Д.Букинич. Соответствующий сюжет характеризует природу самоподготовки служащих по примеру ориентирования на стандарты научно- комплексного изложения сути заявленной проблемы. Привлечение к работе газеты местных чиновников придавало привлекательность изданиям.

Периодически функции и.о редактора «Тургайской газеты» выполнял известный в области учитель Г.Балгимбаев. В сознании казахов ролевая суть газеты как информационно- агитационного органа возвышалась представительским участием нравственно- положительной личности, к которой, безусловно, относился Балгимбаев. Современники Алтынсарина Васильев и Балгимбаев поддерживали деловые и дружеские контакты. Очевидно Балгимбаев инициировал творческую активность местных казахских служащих.

В 1909 году в Оренбурге состоялся съезд казахов, принявший решение издавать газету на казахском языке. В дальнейшем данная идея не реализовалась [431]. На съезде планировалась встреча делегатов Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Съезд инициировали казахские интеллигенты. Ими планировалось издание национальной газеты с охватом населения 3-х областей. Примечательно, что большинство казахских газет носили локальный характер. Очевидно, данный факт объяснялся ограниченным финансированием, сложностью в доставке и слабой информированностью населения. По информативному сообщению, казахские представители не в состоянии были решить эту задачу. Вероятно, репрессивные действия властей затормозили претворение в жизнь этого проекта. Более того, силы казахских интеллигентов оказались распыленными по городам огромного края. Данное обстоятельство впоследствии учитывалось прогрессистами. По своей сути подобные газеты не соответствовали запросам и умонастроениям радикальных представителей и широких слоев казахского народа.

Установление государственного контроля над единым информационным пространством обеспечило усиление интеграционных связей на обширной территории проживания казахов. Соответствующий метод коммуникационных отношений импонировал казахским интеллигентам, которые впоследствии предпринимали неоднократные попытки создания идейно-содержательных печатных изданий с ярко выраженной консолидационной основой. В регионах обострялись земельно-водные проблемы. Переселение крестьянства из западных и центральных губерний усилило земельный кризис. Переселенческая политика способствовала сокращению пастбищных угодий казахского населения. Вследствие упадка номадического хозяйства казахи практиковали переход на оседлость, сопровождавшийся экономическими трудностями. В

ракурсе развития периодической печати определенный интерес представляет деятельность русских корреспондентов, выступавших с критических позиций по отношению к имперской экономической политике. Корреспонденты отмечали обеднение казахского населения во всех областях. Согласно ст. 125 Степного Положения регламентировалось сохранение за казахскими хозяйствами обработанных и застроенных участков земли. В реальности данные правила нарушались и казахские хозяйства теряли свои участки [432].

В 1907 году в тюркском мире империи значительную роль играла татарская журналистика. В этот период в Оренбурге популярностью пользовалась татарская газета «Карчига» (ястреб) и сатирический журнал «Чагиртка» (Кобылка). Параллельно в Баку под редакцией известного в мусульманском мире Ахмеда Агаева издавалась татарская ежедневная газета «Иршад» [433].

По праву одним из организаторов тюркской периодической печати являлся Исмаил Гаспринский. Материалы его издания «Терджиман» по возможности охватывали анализ событий в пределах империи, не ограничиваясь локальным освещением положения крымских татар. Систематически в номерах газеты за 1886-1899 годы авторский коллектив неоднократно освещал социально-экономические проблемы казахов. В аналитических статьях корреспондентов рассматривался социально-правовой статус казахского и переселенческого населения вследствие продолжавшейся колонизации края [434, с.15].

В татарской печати периодически полемизировались темы, актуализирующие проблемы казахского общества. Например, в уфимской татарской газете в объемной статье «Казакистан и мусульмане внутренней России» за 1915 год представлен ретроспективный анализ проникновения татар в Казахстан и в Среднюю Азию и их роль в сближении метрополии с провинцией [435, л.10]. Корреспондент описывал прогрессивную суть влияния волжских татар в Казахстане. Автор в статье часто употреблял терминологию «казаки», «Казакистан», которые очень редко применялись в официальной документации. Автор в эмоциональных красках расписал итоги своей поездки по областям Казахстана. По его утверждению «во всех уголках Казакистана, они (т.е мугалимы. Примечание автора) несли на себе возложенные на мусульман обязанности государства как общественного, так и просветительного» [435, л.7]. Автор отмечал причины добровольной отправки татарских мугалимов к казахам - стремление заработать 50-60 рублей для продолжения собственного образования. В результате образовательной миссии молодых мугалимов в казахских аулах стали возникать благоустроенные школы. Усиление нужды в финансах у татарских учащихся медресе и потребность казахов в получении знаний обусловили приток татарской молодежи в казахские аулы. Автор отмечал общую тенденцию этого периода, проявлявшуюся в действиях казахских общин, практиковавших процедуру приглашения для обучения учащихся из популярных медресе. Росту популярности татарских учителей способствовало усиление властного давления

на них в ряде уездов, в частности, в Петропавловском и Зайсанском уездах. По мнению публициста, действия властей объективно тормозили рост системы просвещения в крае. Автор обращал внимание на насущную потребность открытия учительских семинарий для тюркского населения. Автор в заключении констатировал собственное мнение относительно востребованности мугалимов в деле просвещения казахов при условии полной поддержки этого процесса правительственными чиновниками: «пока у мусульман религиозно культурные дела не приведены еще в порядок, эти мугалимы продолжали развитие казаков (просвещение киргиз), и чтобы правительственные чиновники действовали сообразно с этим» [435, л.8].

На примере татарских интеллигентов казахские прогрессисты разрабатывают программу формирования печатных органов, объединенных идеей либерализации государственной власти, соблюдения гражданских и политических прав, равноправности развития всех народов империи. Татарские буржуа, мещанство, купечество являлись реальной экономической основой функционирования национальной печати. Объединенные усилия молодежи тюрко-мусульманской общественности способствовали разрешению издания на татарском языке газеты «Сибирья» в Томске. В перспективе томские мусульмане планировали открытие книжной торговли и книгоиздательства в городах Восточной Сибири [436]. Лидеры татарской общественности обладали финансовыми ресурсами и использовали влияние татарского мещанства и духовенства на административные структуры.

Малоисследованный сюжет участия байства в общественно-политических событиях начала XX века не освещен в полной мере. Очевидно, казахские служащие контактировали с этой категорией общества. Часть периодических изданий издавалась в контролируемых татарской буржуазией типографиях. Предоставление производственных услуг татарскими буржуа казахским интеллигентам связано не только с финансовой выгодой. Тем более, тиражи этих газет неоднократно изымались по причине их политической неблагонадежности, что отражалось на будущем руководителей типографий.

Основной группой зарождения и эволюции казахской журналистики оказались местные интеллигенты, крайне немногочисленные относительно широких слоев казахского общества. Финансовые ресурсы формировавшихся газет состояли из частных пожертвований. Профессионально подготовленная группа журналистов в период организации газет фактически отсутствовала. Писатели, поэты, врачи, учителя, юристы взяли на себя ответственность реализации данного проекта масштабного и опасного в условиях радикализации общественных отношений в империи.

Консолидационным органом были патронируемые прогрессистами периодические издания. Финансирование изданий «Айкап», «Қазақ», «Қазақстан» и ряда других осуществляли прогрессисты. Финансирование этих газет и журналов проводилось на частные средства общинников и состоятельных меценатов. К изданию газет в качестве корреспондентов привлекались образованные казахи вне зависимости от социального статуса.

Так, например, в одном из номеров журнала «Айкап» в 1913 году впервые была опубликована статья С.Сейфуллина [398, с.45].

Политико-правовые проблемы нашли свое отражение в казахской периодике. Казахские газеты очагово возникали в стационарных центрах объединения казахских интеллигентов по областному признаку. Например, силами интеллигенции Нарынского округа в городе Урде создается газета «Казахстан». Основателями газеты стали Шаргиран Гереев, Батырхан Каратаев, Сейткали Мендешев. Руководителем и редактором являлся Елеусиз Бюйрин. Первый выпуск газеты состоялся 16 марта 1911 года. Примечательно, что в формировании типографской базы и издании газеты большую роль сыграли представители казахской общественности, собравшие большую сумму денег. В частности, Букеев профинансировал 1500 рублей [33]. В 1913 году эта газета закрылась государственными властями. Название газеты символизировало стремление представителей казахской общественности к возрождению этнического сознания казахов, прежде всего посредством возрождения этнонима «Казах». Впоследствии до закрытия газета издавалась в городе Уральске. Очевидно, данный фактор обуславливался наличием в Уральске большей возможности для издания газеты. Там газета издавалась на двух языках. На страницах газеты критике подверглась колониальная программа правительства. По мнению редакции газеты переселенческое движение катализировало разрушение казахской общины и её обнищание: ... газета «Казакстанъ» (Киргизский край), говоря о постепенном разложении киргизского родового быта и обеднение киргизского населения, как на одну из главных причин указывает на неумело насаждаемую русскую колонизацию, подчеркивая, таким образом, не только отрицательное значение для степи, но и искусственный ее характер» [337].

В газете «Казах» публиковались представители казахской интеллигенции, выражая собственное мнение о тех или иных событиях, происходивших в Степном крае и в империи в целом. В начале XX века в казахском обществе рассматривались различные идеи, направленные на консолидацию общества. Так, в 1909 году представители казахской элиты инициировали попытку организации общества «Азамат». По мнению организаторов общества, его основная задача заключалась в общественно-культурной и просветительской деятельности в казахском обществе. Авторами идеи выступали А.Байтурсынов, М.Дулатов, А.Букейханов. Редакция и авторский коллектив газеты выполняли важную объединяющую роль, в казахском обществе предлагая различные проекты, направленные на консолидацию казахов.

В агитационной компании казахские прогрессисты использовали возможность публикаций в периодических изданиях, официально трактуемых в исследуемый исторический период, как «мусульманская пресса». Так, в популярной оренбургской татарской газете «Вакт» опубликовался Сабыржан Аббасов. Его статья «Мусульмане в Аулие-Ата» вышла в апреле 1915 года. В статье автор поместил подробный отчет о своей командировке в этот город, акцентируя внимание на анализе состояния духовно-нравственной культуры в

регионе. Публицист отметил наличие в городе определенной тенденции к реформированию просвещения местными общественными силами. По его данным, в городских медресе, функционировавших при 40 мечетях, обучалось 200 детей. В системе обучения доминировал старометодный стиль, что вызывало критические оценки авторов. Аббасов констатировал проблему снижения нравов в городской среде. Следствием этого, по его мнению, стало увлечение частью населения денежными азартными играми и страстью к спиртным напиткам. Причиной соответствующей ситуации автор считал отсутствие должной модели образования. По замечанию автора, в городе проживали казахские интеллигенты, как то: адвокаты, учителя, переводчики и др., которые так и не сложились в группу единомышленников для оказания помощи своему народу [437, л.5].

Автор проанализировал уровень информированности местного населения относительно общественной ситуации и оказался неудовлетворенным проведенным исследованием. Аббасов отмечал отсутствие подписчиков на казахскую периодику. Он призывал местную казахскую элиту к проведению последовательной систематической работы вовлечения казахов в общественную жизнь, на собственном примере продемонстрировав начало подписной акции на журнал «Ай-Кап» [437, л.3]. По признанию автора, в Аулие-Ата и в Чимкенте проживало достаточно уфимских и казанских татар, стиль поведения которых подчинялся ритмам туркестанской действительности. Многие татары перенимали традиции и обычаи местных тюрков, по его замечанию, утратив собственный лоск и изысканность. Данная социальная картина вызвала удивление автора. Публицист акцентировал внимание на положительном опыте местного старейшины - мецената Абдулкадыра, патронировавшего возведение школ и мечетей. Абдулкадыр в целях собственного обучения и просвещения земляков пригласил в город уфимского учителя Сафа-Эфенди Бикбауова. Автору импонировал успех миссионерской деятельности татарки Гайши-Туташ Таджиевой, способствовавшей началу женского образования в городе. Автор резюмировал необходимость эволюции местного сообщества при наличии искренне заинтересованных в преобразовательных процессах лидеров [437, л.15].

С именем А.Букейханова иницируется подъем казахского общественного движения. После 1905 года происходит дальнейшее сплочение казахской интеллигенции. Ядровая часть группы локализуется вокруг газеты «Казах», издававшейся в Оренбурге. По ряду параметров Оренбург превалировал над другими городами, в которых проживали казахи. Численность казахского населения в Оренбурге традиционно была незначительной. Но уже в предреволюционное время Оренбург как центр культуры и сосредоточения казахской интеллектуальной мысли представлял интерес для казахского населения и прежде всего казахских прогрессистов. Оренбург располагался фактически на одинаковом расстоянии от Ташкента и Семипалатинска. Кроме того, через Оренбург проходила железная дорога. Данный фактор являлся важным коммуникационным средством сообщений и связей. По

воспоминаниям М. Чокаева, в городе проживали 2 наиболее известных талантливых казахских общественных деятеля, как А. Байтурсынов и М. Дулатов [438, с.8]. Достаточно отметить, что после свержения царской власти казахские лидеры признавали первенство Оренбурга как наиболее крупного, промышленного и административного центра. Оренбург располагался в приграничной зоне этнокультурных контактов. Посредством Оренбурга наблюдался выход в Приуральско-Поволжский регион, являвшийся центром тюрко-мусульманского прогрессивного движения. Оренбург имел разветвленную связь сообщений с такими городами, как Уральск, Семипалатинск, Омск, которые в инфраструктуре территории расселения казахов играли значительную роль. Название газеты в какой-то мере соответствовало воле и духу казахских интеллигентов. Изначально газета в качестве рупора казахской общенациональной идеи была адресована для широких кругов казахского общества. Интеллектуальный потенциал редакции газеты ориентировался на необходимости изложения вопросов социально-экономического характера и политической важности.

Периодическое издание «Казах» являлось одной из самых известных политических газет. Вокруг редакции газеты сплотилось идейно-политическое ядро молодых, образованных, прогрессивно настроенных казахов. Либерально-демократический тон газете задавали популярные в казахских массах А.Байтурсынов, М. Дулатов, А.Букейханов и другие личности, связанные узами личной дружбы и деловых отношений с российской прогрессивной общественностью. Годовая подписка на газету составляла 4 рубля. Типографическое издание располагалась в Оренбурге [439]. Газета отмечалась экспертами наиболее читаемой и признаваемой периодикой у казахского населения. Оклады большинства казахских служащих были незначительны. Примечательно, что политической деятельностью зачастую занимались вчерашние служащие, которые после репрессий 1905-1907 годов не состояли на государственной службе. Фактически работа в газетах являлась для них основным источником доходов. В определенной мере их финансовое обеспечение зависело от массовости газеты, тираж которой возрастал среди читающей публики по злободневности и востребованности материалов.

Редакторы газеты «Казах», стремясь придать ей статус общенационального и востребованного периодического издания, привлекали к её работе известных представителей казахского общества. Статьи в газете отличались разноплановостью. Следует подчеркнуть образовательный уровень и культурный кругозор печатавшихся в газете. Один из организаторов газеты А.Букейханов в этот период публиковал статьи, в которых освещалась деятельность депутатов Думы, вызывавших интерес у казахской общественности [52, с.410.] Очевидно, государственная система подготовки действительно способствовала формированию просвещённых специалистов. Например, публиковавшийся в газете М.Тынышпаев помимо русского и тюркских языков владел французским, английским и латинским [41, с.23]. На страницах газеты в качестве корреспондентов и критиков преобладали

личности, не имевшие отношения к административному и чиновничьему корпусу. Вероятно, основную группу подписчиков составляли личности, не связанные отношениями с управленческими структурами. Становление и развитие газеты способствовали тенденции объединительных процессов казахских интеллектуалов: «Консолидация этнокультурной элиты и популярность в массах способствовали также учрежденный при газете по инициативе Дулатова фонд помощи казахским студентам..., строгая беспартийная направленность издания, активное привлечение к участию в нем авторитетных представителей разных областей, сотрудничества с другими мусульманскими изданиями России [440, с.78].

Именно учителя М.Дулатов, А.Байтурсынов совместно с юристами впоследствии лидировали в партии «Алаш». Учителя школ относились к наименее обеспеченной категории. Учительский корпус, как и сельские медики, сохранял тесную связь с народом. Характерно, что уже в феврале 1907 года в провинциальном Кустанае местные учителя «устроили беспорядки», вызвавшие по своему размаху и требованиям крайнюю озабоченность Тургайского губернатора [441, л.14].

Казахские корреспонденты принимали участие в деятельности печатных изданий на русском языке. Казахские интеллигенты поддерживали контакты с русской периодической печатью. Например, в редакции газеты «Степной край» состоял А.Букейханов [44, с.208]. В 1911 году в Уральске начала издаваться газета демократической направленности «За свободу», где принимала участие группа прогрессивно настроенной молодежи. Состав группы носил интернациональный характер. С группой активно сотрудничали общественные деятели Н. Смуров, Н. Ульянов, татарский лидер Г.Тукай. Примечательно участие в этой группе казахского представителя Абдрахмана Айтиева. С 1905 года группа казахской молодежи Уральска активно включилась в революционную деятельность под руководством местных большевиков. А. Айтиев закончил Караобинскую русско-казахскую школу. По окончании школы он работал переводчиком, старшим делопроизводителем при мировом суде в Уральске. Будучи писарем, он продолжал заниматься самообразованием и за свою служебную деятельность получил от губернатора в подарок книгу «Очерки истории киргиз» [58, с.14]. Восприятие служащим Айтиевым социал-демократической программы нашло идейное содержание. В этот период в регионе синхронно развиваются печатные издания различной политической ориентации. Пример Айтиева и др. демонстрирует расслоение групп служащих и интеллигенции по политическим взглядам. С начала XX века с большевиками активно сотрудничали учителя М.Сералин, И.Кубеев. Впоследствии Сералин вошел в редакцию журнала «Айкап».

Периодическая печать способствовала широкой информированности о динамике, сути и последствиях социально-экономического кризиса. По примеру деятельности передовой российской печати у казахских интеллигентов реализовывалась идея организации мобильной и доступной всем слоям населения газеты.

Исторический сюжет основания и развития казахской литературы требует своего научного осмысления. Авторами поэтических сборников, философских наставлений, мифологических произведений являлись просвещенные деятели, получившие светское или религиозное образование. Несомненно, ряд казахских литераторов сохранял связь с представителями общественной мысли регионов Поволжья и Приуралья. Достаточно отметить тот факт, что легальные произведения казахских авторов печатались в тюркских книгоиздательствах Оренбурга, Уфы и ряда других крупных городов. Увеличение количества печатных произведений фиксируется после памятных событий 1905-1906 годов. В этот период расширяется социальная среда читающей публики на тюркском, арабском и русском языках. Пробуждение национального самосознания активизировало творческую деятельность мастеров слова. Синхронно в этот период в Казани действовал Казанский временный комитет по делам печати, который по роду своей деятельности фактически осуществлял контроль издававшейся тюркской литературы. В обязанности комитета входило право анализа содержательной части всех издаваемых печатных произведений.

Например, по официальным данным комитета только в 1910 году общее количество наименований всех произведений мусульманской неповременной печати составляло 418 единиц общим объемом в 2586810 экземпляров с 13851365 печатных листов. В сравнительном анализе по аналогичным критериям с 1909 году произошло увеличение общей массы печатного материала, поступившего в 1910 году, которой оказалось больше на 16%. [442, л.1]. По прогнозам работников комитета приведенная динамика роста мусульманской печати в перспективе могла способствовать увеличению ее показателей в 2 раза через каждые 6-7 лет. По официальной статистике, в империи проживало 25-30 миллионов мусульман. Соответственно возрастала рабочая нагрузка на членов комитета. Так, в 1909 году в среднем каждый сотрудник комитета просматривал ежедневно 60 страниц текста, а в 1910 году – 120 страниц при 300 днях годовой работы. Печатные труды были на татарском, арабском, казахском и персидском языках. Чиновники комитета, переводившие авторские сочинения и анализировавшие тексты, отмечали наличие старого и нового общественных направлений, отчетливо проявившихся в мусульманской литературе.

Мнение специалистов подтверждало наметившуюся тенденцию эволюции мусульманской прогрессивной мысли с выделением светского направления. Данная литература ориентировалась на светского читателя. По материалам комитета общий объем литературы религиозно-нравственного содержания из общего количества мусульманских наименований составлял 55,8%. Через год по отчетности комитета перевес склонился в сторону «литературы общего содержания», т.е светских изданий. Причем общее количество религиозных книг и учебников религиозно-нравственного содержания составляло 165 или 39,5% от общего числа книг. Религиозные книги были изданы в количестве 1 395 120 экземпляров или 54% от общего числа. На основании механических подсчетов чиновники резюмировали снижение удельного веса религиозной

литературы. Данные показатели характеризовали динамику изменения количества читательской публики и ее доминирующие запросные приоритеты.

Существенным фактором, оказывавшим влияние на читательскую публику, являлся выбранный авторами литературный язык. В империи по прежнему основная часть религиозной литературы издавалась на арабском языке, на знании которого специализировались прежде всего ученые, муллы, шакирды. Этот язык являлся обязательным во время богослужения. Фактически арабский язык сохранял значимость в узкой сфере религиозного делопроизводства. Значительным массам населения арабский язык оставался непонятным. Исповедующие ислам народы сохраняли ценность своих языков, которые применялись ими во многих социальных сферах. Под влиянием имперской политики арабский язык, как средство литературной передачи информации и делопроизводства, вытеснялся русским языком.

В соответствующих условиях росло количество населения, незнакомого с арабским языком. Этот фактор реально ограничивал орбиту влияния арабоязычной литературы. Параллельно в этот период происходило усиление влияния литературы, изданной на татарском языке. Преобладающая роль татароязычной литературы естественным образом складывалась под доминирующим влиянием татарской интеллигенции и религиозных деятелей в духовной культуре Приуральско-Поволжского региона. В XIX-начале XX веков из татарской среды вышла плеяда мыслителей и литераторов. В ряду просветительных и публицистических авторов состояли Ф. Керимов, А. Фейзи, Ю. Акчури-Оглы, Г. и С. Максутовы. Из поэтов большую популярность имели М. Гафури, А. Тукаев, З. и С. Рамиевы. Представители татарской интеллигенции способствовали развитию периодической печати. Так, братья Шакир и Закир Рамиевы стояли у истоков основания Оренбургской газеты «Вакт» [10, с. 53]. В кругах татарских поэтов выделялся своим талантом мулла Мифтахуддин, известный под именем Акмулла. Будучи «наполовину казахом» он писал произведения на казахском языке. Учеником Акмуллы являлся его татарский поэт Гафури, одно время писавший четверостишиями на казахском языке в подражание свему учителю [10, с.56]. Инициировавшие реформирование системы образования и духовной подготовки татарские прогрессисты в начале XX века добились существенных успехов. Очевидно, читающая публика начинала отдавать предпочтение татарской литературе. В татароязычной литературе явно обозначилась тенденция увеличения светского направления. В 1910 году религиозных книг и учебников на татарском языке было издано 77 наименований или 26,3% от общего числа изданий на татарском языке. Таким образом, изданная светская татароязычная литература на этот период составляла 71% от общей массы татарских книг [442, л.8].

Коренной перелом в системе издания школьной учебной литературы произошел в начале XX века. По статистике 1909 года, учебная литература религиозного содержания составляла 66,4% от общего числа тюркских книг. В 1910 году соотношение между светскими и религиозными изданиями изменилось до противоположности. Количество учебников общего содержания

по числу названий составило 63,1% от всего числа учебников. Количество экземпляров аналогичной литературы-49,8% от общей массы учебников; число печатных листов-68%. В среднем соотношение татарской светской учебной и религиозной учебной литературы выглядело следующем образом- 60,3% и 39,7% соответственно [442, л.10].

На данный период фиксируется изменение социальной структуры составителей и авторов учебной литературы. По подсчетам аналитиков, татароязычные светские учебники составляли светские интеллигенты, многие из которых несомненно сформировались в светских учебных заведениях. В системе подготовки религиозных учебно-методических изданий также произошли радикальные изменения. Прерогатива авторства учебников принадлежала представителям новометодного направления наряду с апологетами консервативной школы. При этом джадидисты сохраняли первенствующее влияние, так как их учебники привлекали покупательский спрос населения по передовой методике ясного изложения предмета с учетом лингвистического принципа и содержания. [442, л.3]

По итогам первого десятилетия XX века изменилась картина издания мусульманской литературы по языкам. В следующей таблице показана языковая специфика изданной литературы.

Таблица 17 -Характеристика мусульманской литературы, изданной в издательствах Казани [442, л.4]

Язык издания литературы	Количество названий в %	Число экземпляров в %	Количество изданий в %	Число печатных листов
Татарский язык	70,1%	61,7%	62%	54%
Арабский язык	11,7%	12,7%	19,2%	33,2%
Татарский и арабский языки	9,1%	18,3%	11,8%	8,1%
Казахский язык	6%	5,1%	4,4%	2,1%
Другие языки	3,1%	2,2%	2,6%	2,6%

Как показывают материалы таблицы, объем казахскоязычной литературы с соответствующим числом экземпляров и количеством изданий по соответствующим показателям существенно уступал татароязычной и арабоязычной литературе. Из данных таблицы очевидно сохранение роли татароязычной литературы. Собственно комитет по делам печати осознанно расквартировывался властями в Казани. В татарском обществе сохранялся высокий удельный вес социальных групп, ориентированных на издание литературного языка – торговцев, служащих, интеллигентов, религиозных деятелей. В данное время продолжалось активное включение татар в сферу делопроизводства, управления, торговли. Усиление влияния татарской общественной мысли в областях и в империи на фоне их этнорелигиозной и

лингвистической близости с тюркскими народами сопровождалось ростом национального самосознания народа. Ранее знание татарского языка считалось прерогативой узкой группы русских чиновников и ученых-востоковедов. С середины XIX века качеством образованности тюркских прогрессистов и религиозных деятелей считалось знание татарского языка. По архивной документации, фиксируется тенденция изучения татарского языка рядом представителей казахской интеллигенции. Посредством знания татарского языка происходило их приобщение к основам татарской культуры, впитывавшей элементы исламской цивилизации и этнических культур. Высокая значимость арабского языка сохранялась за счет большого процента знавших арабский язык тюрков и продолжающейся традиции выпуска исламской литературы, в том числе и Корана, на арабском языке. Причем тираж Корана в 1910 году был, по признанию специалистов, весьма высок [442, л.12].

Начало XX века ознаменовывается общим подъемом освободительного мусульманского движения. Согласно традиции либеральной идеологии любой профессионально подготовленный и обученный гражданин должен был заботиться о интересах народных, претворяя в жизнь общечеловеческие ценности. Патриотично настроенные казахские просветители способствовали распространению просвещения, ярким показателем которого являлось появление и развитие казахской литературы. Национальная литература символизировала этнообъединительные процессы в обширной зоне проживания казахов, сохранявших традиционные незыблемые основы родоплеменной стратификации. Длительная историческая картина сокращения этнотерритории, изменения хозяйственно-культурного быта, административно-управленческого реформирования, социальных преобразований казахов трансформировала их самосознание на уровень осознания общенационального единства. Литературное творчество оставалось уделом просвещенной группы лиц, профессионально занятых в других сферах. В казахском обществе доминировала группа поэтов устного жанра в духе веками сложившейся специфической казахской классики. Когорта национальных писателей только складывалась в хронологический период начала XX века. Уже в это время фиксируется увеличение процента изданий на казахском языке. В данном явлении наблюдалась историческая закономерность эволюции казахов как народа. Известный в империи литературный татарский язык фигурировал под названием «тюрки». Исторические причины и динамика распространения литературного языка «тюрки» обуславливались жизненной необходимостью создания особого языка общения, сконструированного по принципу близости всех тюркских языков региона и других областей [442, л.4]. Русские филологи-специалисты, отмечая природу совершенствования «тюрки», проводили аналогию прогресса с русским литературным стилем от эпохи Киевской Руси до Петровского периода. По их мнению, тяжеловесный, сложный, насыщенный греческими, латинскими, польскими словами древнерусский язык уступал живому разговорному языку времени Петра I.

В данном случае, как замечали профессионалы-стилисты, в мусульманской

литературе влиятельную роль занимали носители татарского языка Волго-Камского края. Этнографические особенности языка этой области отличались простонародным жанром. Язык «тюрки» в своей композиционной основе все больше и больше приближался к особенностям языка Волго-Камья [442, л.4]. В ракурсе усовершенствования языка «тюрки» и усиления его мобильности в тюркской интеллигенции реализовывалась идея анализа инородных заимствований из других языков, которые представляли препятствия для читающей публики.

Многочисленным фактом реформирования «тюрки» признавалось издание 2-х специализированных пособий – сочинения «Люгат» под авторством С.Г. Джантурина и «Тюркки нахви» автором которого являлся А.Г. Максудов. Книга С.Г. Джантурина была издана в Уфе в известной типографии «Каримов. Хусаинов и К». Объем произведения составлял 466 страниц. Тиражность издания доходила до 3 тысяч экземпляров [442, л.5]. По жанру исполнения это сочинение представляло полный словарь восточных иностранных слов, вошедших в литературный татарский язык. Максудов получил известность в общественных кругах как редактор татарской казанской газеты «Юлдуз». Его произведение представляло систематическое изложение работ по усовершенствованию и очищению языка «тюрки». Эти издания затрагивали лексикологические, грамматические и синтаксические аспекты литературного языка.

В упрощенной вариации язык «тюрки» постепенно получил свое применение в начальной школе. В ряде школьных хрестоматий он обозначался как «материнский» язык. Сфера применения «тюрки» расширялась. Он использовался в газетных статьях, повестях и поэтическом жанре.

В развитии и территориальном расширении «тюрки» ассоциировалось духовное единение тюрков. На Кавказе и в Крыму распространялось употребление южного направления «тюрки» как объединительного языка местных тюрков. В этих регионах наблюдалась тенденция возможно большего схождения местных языков с турецким языком. На этом языке «тюрки» появилось небольшое количество сочинений. И все же доминирующее влияние в мусульманской печати приобретал «тюрки» Поволжья. Новый литературный стиль расширял область своего применения. Традиционно ранее хутба – пятничная проповедь произносилась на арабском языке. Впоследствии молодые муллы во время проповеди применяли татарский язык. В мусульманских сочинениях империи появились сборники мусульманских проповедей на «тюрки». Так в газете «Вакт» за 1911год по достоинству оценивался и рекомендовался к применению сборник на татарском «тюрки» «Тюрки хутбалар» (Проповеди на языке тюрки) под авторством Нияза Сулейманова Омского. Усовершенствованный тюркский язык все больше внедрялся в мектебах и некоторых медресе при преподавании религии и религиозного учения о нравственности. Тексты священных книг и Корана издавались в учебниках для школ с переводом на татарский язык. В этот же период выпускается арабский текст Корана с вольным переводом на казахский язык,

автором которого являлся М.С.Иманкулов [442, л.6].

Соответствующий метод изложения текста облегчил познание сути исламского учения тюркским населением. Преподавание общих предметов в мусульманских школах велось исключительно на языке «тюрки». В тюркской литературе этот язык признавался стилем изящной литературы, что подтверждалось изданием особой учебной хрестоматии «Мактебда миллий абабият ддрсляри» (Уроки национальной изящной литературы в мектебе) под редакцией А. Тукаева. Эта хрестоматия содержала фрагменты лучших сочинений современных татарских писателей и издавалась в объеме 5200 экземпляров для преподавания в мектебах государства.

Аналитики отмечали позитивные изменения в казахской литературе. В официальных отчетах комитета отмечалось стремление образованных казахов к созданию литературного языка для употребления в печати и в школе. По мнению татарского ученого Д.Валидова, в начале XX века идея Гаспринского о создании единого тюркского языка в империи претерпела существенные изменения вследствие гражданской активности тюркских прогрессистов. «Спор о языке, продолжавшийся несколько лет, был решен в пользу самостоятельности четырех тюркских наречий-волжского, киргизского, среднеазиатского (джагатайского) и османского. Решающее место имели жизненная практика и суровая необходимость» [10, с.53]. В русле литературных реформ казахские шакирды и младшие преподаватели уфимского медресе «Хусайния» организовали общество изучения казахского языка. Главная цель общества заключалась в проведении работы по организации и издании учебников для мектебов и книг на казахском языке, развитии казахской народной словесности и оказании помощи в издании и формировании будущего казахских газет на казахском языке. Лидеры общества заявили об их желании обогатить «тюрки» запасом тюркских слов, сохранившихся в казахском языке. Представители общества тем самым желали подготовить казахских учеников мектебе к восприятию и применению «тюрки». Новый литературный стиль идентифицировался как связующее звено между татарами и казахами в сознании реформаторов. По справедливому замечанию аналитиков, казахская литература обеспечивала проникновение: «... в инертную массу киргизских племен религиозных прежде всего, а затем почти одновременно и других идей, которыми живет настоящее время литература языка тюрков» [442, л.6].

Татарских сочинений на русском языке издавалось мало. Русский язык незначительно применялся в неофициальных сферах жизни мусульман империи и, по мнению членов комитета, совершенно не употреблялся как предмет преподавания в мусульманских медресе и мектебах старого и нового типа.

Динамика в развитии мусульманских литературы и печати задавалась идейными целями и задачами III Всероссийского мусульманского съезда, прошедшего в августе 1906 года в Нижнем Новгороде. Программа съезда совпадала с программой кадетов и имела дополнения применительно к сохранению и приумножению мусульманской цивилизации.

Работу съезда по проблемам народного просвещения продолжил съезд мусульманских учителей в 1906 году. Участники съезда приняли разработанный труд «Муал-Мимляр- Намуня» (Образец для учителей). По итогам работы съезда в программу обучения вводились общеобразовательные предметы и устанавливались европейские стандарты распределения занятий и комплекса учебно- воспитательных методов с сохранением их этнорелигиозной специфики [443, л.7]. Учительский съезд не успел закончить работу по составлению программы для средних классов в связи с его досрочным закрытием под давлением Казанской администрации.

Под влиянием политического роста мусульманского движения возрастает активность национальной печати и книгоиздательства. Ассоциируемое с кадимизмом консервативное течение в периодике отстаивало традиционные нормы права и морали, сложившиеся как незыблемые устои национальной культуры мусульманских народов. Прогрессивные издания выступали за инкорпорирование современных новаций в модернизирующуюся цивилизацию тюрков. Господствующая роль консерваторов сохранялась в массах рядового населения, что было характерно в большей степени для оседло-земледельческих регионов империи. Прогрессивное направление получило распространение в национальной литературе и периодике.

Анализирувавшие учебную тюркскую литературу по географии, истории, поэзии и литературе специалисты под руководством правителя Казанской канцелярии Н.Данилова в 1910 году заметили одну характерную особенность, прослеживаемую в содержательной части книг - краткое и сухое отношение авторов к империи как к родине, что, по мнению цензоров, не соответствовало идеологии патриотического воспитания молодежи [443, л.7].

В литературе нового направления наблюдалась процедура издания произведений русской классики на национальных языках. Зачастую переведенные варианты литературных произведений адаптировались редакторами к условиям жизни и быта татарской среды. Из казахских мыслителей переводами русской литературы занимались А.Кунанбаев и А. Байтурсинов. Произведения русской классики формировались в условиях изменения общественно- политической ситуации в государстве. Образцы норм культуры и стандартов поведения героев русских драм, поэзии и повестей в определенной мере были идентичны социальным ситуациям мусульманских народов и поэтому воспринимались местной тюркской публикой. Определенный контингент тюркских интеллигентов в школьный и университетский курс обучения получили ознакомление с основами европейской письменной культуры и фактически продолжали распространять ее достижения в местной этнической среде. Русские произведения для народного чтения издавались на тюркских языках.

Новометодные учебники интенсивно внедрялись в мусульманских училищах, постепенно ставших реальным сектором воспитания молодежи тюркскими прогрессистами. Чиновники выказывали беспокойство содержательной основой таких учебников: «Учебники нового направления

завоевывают почти все мусульманские школы, которые являются самым могущественнейшим средством в руках новаторов в деле воспитания подрастающего поколения в духе национальной сплоченности и отторженности от русской культуры и государственности» [443, л.9]. В служебной записке Казанского губернатора Стрижевского в Департамент полиции по особому отделу содержались рекомендации полицейскому и жандармскому руководству о необходимости возможного противодействия мусульманскому движению. Полиции вменялось внимательное изучение движения на местах и применение мер к ослаблению деятельности прогрессистов. На силовые структуры возлагались обязанности пресечения всякой агитационной деятельности пропаганды панисламизма, идейная суть которого ассоциировалась властью с тюрко-мусульманскими представителями общественности.

Произведения казахских авторов, равно как и мусульманских, подвергались ревизии со стороны Казанского комитета по делам печати. При комитете содержался штат русских переводчиков, владевших тюркскими языками.

В 1913 году начальнику Казанского жандармского управления был представлен список книг на казахском языке, признанных политически неблагонадежными: «Исель юртель» (Моя жалкая нация), «Окн» («Течение»), «Балалар бадвани» («Детская книжка»), «Насихати казакия» («Наставление казахам») «Адриать» («Пример»), «Чулпан» («Утренняя звезда»), «Карлыгач» («Ласточка»), «Кутубі хана чурнаги» («Уголок библиотеки»), «Адабият урнаги» (Образец литературы), «Яш гумрмі» («Моя молодость»), «Шикаят» (Неудовольствие) [444, л.1]. В служебной записке на имя начальника Казанского губернского жандармского управления содержался анализ родоплеменной структуры казахов. Автор записки отмечал присущие казахам богатство языка, остроумие, стремление к восприятию новаций и наличий собственной литературы. В документе фиксировалось распространение грамотности, под влиянием мусульманских вероучений и обрядности в казахском обществе посредством учеников татарских медресе. Главную роль в распространении исламской культуры играли питомцы Букинских, Чистопольских, Уфимских, Симбирских и деревни Кшкар медресе. Информатор отмечал привязанность казахов к школам нового метода. Джадидисты и учителя старой школы, выдававшие себя за джадидистов, нанимались в казахские семьи [444, л.2]. Эта тенденция набирала свое развитие в регионах расселения казахов.

В последней четверти XIX века в недрах казахского общества доминировала традиционная культура, яркие представители которой, представленные сказителями и музыкальными исполнителями, являли образец чести и мудрости. Наряду с ними в регионе формируется, слой служащих, ориентированных на сочетание казахского литературно-поэтического классического жанра с новационными элементами из других культур. Казахские прогрессисты кооперировались по общественным интересам. Учитель И.Алтынсарин откровенно призывал казахских студентов как

наиболее подготовленную часть общества, к научно-поисковой деятельности в частности, к познанию учебного пособия «Киргизская хрестоматия» [12, с.253].

Гражданская позиция просвещения и эволюции казахского социума активизировала мотивационную деятельность прогрессиста И. Алтынсарина, использовавшего выбранный им литературно-учительский дар в служебной сфере. Литературное творчество казахских интеллигентов получило распространение у казахоязычной публики посредством импровизаторского исполнения и печати. Сподвижники и продолжатели просветителей Байтурсынова, Дулатова и др. сохраняли свое влияние в казахском обществе. По замечанию краевого исследователя Белослюдова, русская общественность имела недостаточные представления о творческом потенциале казахских поэтов: «Но не знаем, мы русские, ни Абая Кунанбаева, ни Алтынсарина, ни новых поэтов киргизов Дулатова, Байтурсынова и других... Незнакомы мы с киргизским народным творчеством» [445, с.23].

Часто казахские интеллигенты в профессиональной деятельности совмещали увлечение литературой, учительством, публицистикой. Врач Х. Досмухамедов успешно реализовал себя в этих сферах [57, с.31]. По воспоминаниям современников, Х.Досмухамедов преподавал на краткосрочных медицинских курсах. Это было вполне актуально в ракурсе ликвидации эпидемий.

Рост национального самосознания казахов сопровождался критическим анализом казахскими мыслителями имевшейся научной литературы и устных источников. Ряд просвещенных казахов принял участие в поисковой работе исследования истории казахов. В этот период появляется произведение Ш.Кудайбердиева «Родословная летопись» или «Шежире». Как признавался сам автор, его сочинение представляло собой первое научное издание казахской историографии, направленное на исследование истории казахского народа [17, с.2]. Кудайбердиев официально не обучался в государственных школах. Творческий потенциал Ш.Кудайбердиева формировался под влиянием его родственника А.Кунанбаева. В результате сочетания национального воспитания самостоятельного обучения по широкому спектру дисциплин Кудайбердиев сумел достойно заявить о себе в научной среде.

В 1915 году издается первая в истории Казахстана историко-реалистическая поэма «Топ жарған», автором которой являлся М.Сералин. В 1912 году издается сборник Б.Утетлеуова «Дуниеге ақыретке кетпес». В этот же период издается его второй сборник «Жыйған терген». В данный сборник вошли его произведения и 16 переводов басен Крылова. В литературном романе С. Кубеева «Калым» подверглись критике архаические устои номадического общества, в частности, институт калымства, принижавший роль женщины и ее статусность. Аналогичная мысль прослеживается в прозаическом творении М. Дулатова «Бакытсыз Жамал». Литературное произведение Дулатова «Оян қазақ» содержало призыв к пробуждению казахского народа. Анализируя причины бед казахов, автор наставлял молодежь к усвоению передовых знаний, востребованных с целью сохранения

национальной культуры и развития. [446, л.3]. Таким образом, казахские литераторы содержательной основой собственных произведений пробуждали справедливые чувства необходимости переустройства казахского общества и восприятия ими необходимых новшеств.

Отсутствие или дефицит газет восполнялись другими печатными заменителями. На рубеже XIX-XX веков формируется плеяда казахских литераторов, которые в своем творчестве синтезировали казахские устные традиции и письменные жанры. По своей композиции и сюжетной линии произведения этих писателей ориентировались на массового казахского читателя.

Общественные лидирующие позиции в казахской интеллектуальной среде занимали те представители, которые оказались наиболее мобильными в защите жизненного пространства народа. Это, прежде всего юристы Х. Досмухамедов, Б. Каратаев, А. Беремжанов, А. Турлубаев и другие, т.е. личности, не ограничивавшиеся только деятельностью в нише производственной практики в территориальном ареале конкретной организации. Формирование новых ориентиров мировосприятия меняющейся ситуации предопределило активизацию поиска конструктивной реализации личностных потребностей названных персоналий. Данная категория личностей с течением времени консолидировалась в ведущее звено по схеме сближения выработанных взаимных принципов реформирования общества и государства. В начале XX века они лидировали во всех социальных сферах и оказались наиболее контактными с представителями интеллигентской общественной мысли национальных групп империи.

На ранней стадии производственной деятельности будущие лидеры «Алаш» не обладали тем политическим инструментарием, который определил их положение в обществе. Масштаб влияния их личного статуса зависел от сферы общения и каналов получения информации. Разносторонняя базовая подготовка предопределила другие способы реализации своих возможностей посредством либерализации государственных основ этими молодыми людьми. Деятельность в общественной сфере таковых казахских деятелей компенсировалась признанием их в национальной среде. Их статусность основывалась на собственном авторитете и стремлении к синтезу доминировавших в регионе национальных культурных эталонов восприятия действительности.

Фактически казахские специалисты, особенно юристы и учителя, развивали либерально-демократическую идеологию, носителями которой являлись российская интеллигенция и студенчество. Будучи учащимися гимназий, городских училищ и университетов, казахские юноши только осваивали городские условия жизни. Личное время и познавательные функции учащихся концентрировались на познании учебного материала и восприятия городского инонационального окружения. В период служебной деятельности при сформировавшемся личном статусе городского специалиста, адаптированном к окружающим условиям, продолжается дальнейший

творческий рост этих личностей ориентированных на общественную и политическую деятельность.

Итак, казахские служащие в исследуемый период занимались общественной работой. Общественная деятельность служащих обосновывалась объективными причинами оказания помощи своему народу. Национальные служащие реализовывали свои возможности и потенциал в научной, культурной, благотворительной сферах. Под влиянием служащих формируется национальная литература и журналистика необходимая в информировании и просвещении народа.

4 ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЗАХСКИХ СЛУЖАЩИХ

4.1 Казахские служащие и мусульманское движение

В процессе колонизации Казахстана Российской империей наблюдается постепенное изменение этноструктуры населения региона. Европейские народы, представленные славянскими группами, концентрировались в оседлых поселениях вдоль побережий пресных источников. Имперским правительством пришлые этнические группы идентифицировались как главная движущая сила экономического переустройства региона. Наибольшая плотность европейских народов фиксировалась в Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях. Переселенцы проживали в городах и посёлках. В социокультурной зоне контактов славян и казахов формировались смешанные этнические группы. При таких обстоятельствах происходило пополнение казачьих войск в приграничной зоне. В результате деятельности христианских миссий наблюдалось крещение казахов.

Очевидно, что этническое смешение доминирующих народов было незначительным. Данный фактор оказался возможным по причине значительной разницы образа жизни, хозяйственно-культурных типов, языка, религий проживавших народов. Таким образом, этнические ассимиляционные процессы в областях не получили характерной динамики для областей Зауралья и Сибири. В российской прессе соответствующая проблема нашла своё отражение. Аналитики и корреспонденты, оценивая ситуацию в степных областях, задавались вопросом, что такое ассимиляция и каким образом она должна проходить применительно в рамках государственной программы усиления российского влияния в национальных областях. Наблюдатели отмечали формирование у казахов сознания национального единства. Поэтому усвоение казахами русской культуры должно было проходить при условии соблюдения их национальных чувств. Аналитиками фиксировалась разлагающая роль государственного управления на родовой строй казахов [447].

Имперская программа интеграционных процессов подразумевала доминанту европейской культуры, образа жизни, государственно-правовых актов, наличии единой системы налогообложения и прочих стандартов имперской традиционной структуры взаимодействия государства и общества, сложившихся к XIX веку в центральных областях метрополии и на территории национальных окраин. В результате соответствующей политики произошло изменение социальной структуры казахов, коренная ломка менталитета и восприятия государственных императивов во всех сферах жизнедеятельности. Очевидно, социальные реформы в регионе в сфере образования, медицины основывались на постепенном внедрении в духовной культуре казахов европейской модели функционирования общества. Фактически унифицирование всех сфер жизнедеятельности казахов по искусственно внедрённым нормативам метрополии не соответствовало естественно-исторически сложившимся формам на территории Казахстана и имело двоякий

результат.

Аналогичные социально-экономические метаморфозы испытывали другие тюркские и мусульманские народы империи. При сложившейся политической ситуации объективно происходит зарождение различных идейных течений критического анализа и восприятия государственно-новационных тенденций во всех секторах общественной, экономической и бытовой жизни компактно расселенных этнически и религиозно близких тюркских народов. Локальные общественные центры адаптационной направленности формировались в основных территориях расселения тюркских народов – в Крыму, Поволжье и Средней Азии. Значительную идеолого-организующую функцию выполняли мусульманские священнослужители, авторитет которых сохранялся в оседло-земледельческих центрах распространения древней исламской цивилизации.

Вследствие неудовлетворенности значительными слоями населения государственной политики под влиянием религиозных деятелей формируется кадимистское движение, цель которого заключалась в защите национальных культурных ценностей и традиционного образа жизни. В XIX веке созревают условия для возникновения движения «джадидизм». Общественные мыслители тюркских народов подчеркивали прогрессивную значимость передовых образцов европейской цивилизации в модернизации традиционных культур. Основателем джадидизма являлся И.Гаспринский, продолживший реформаторские начала Ш.Марджани, А.Дониша и других.

По версии Н.С.Валихановой, джадидское движение пережило 4 этапа от периода его становления в 20-е годы XIX века под влиянием А.Курсави, Ш.Марджани и других татарских деятелей и в Средней Азии – А.Дониша, через период «просветительского» джадидизма в 80-е годы XIX века, далее «политического» джадидизма в 1905-1917 годы и дальнейшее разложение [39, с.29]. Несомненно, джадизм, носителями которого являлись просвещенные тюркские интеллигенты, проник в области расселения казахов.

По мнению отечественного ученого С.Ф. Мажитова «пантюркизм проявивший себя через движение джадидизма» являлся протестной формой против грядущей ассимиляции [19].

В городах Казахстана значительную общественную функцию выполняли татарские купцы, под влиянием которых в городах возводились духовные учреждения – мечети, светские школы. Так, в городе Кустанае проживали татарские купеческие семьи Яушевых, Мухамадеевых, Валиевых. Татарские общины инициировали открытие новометодных медресе и мектебов в Актюбинске, Кустанае и Иргизе. Татары и ассоциировавшиеся с ними эмигранты из Поволжско-Уральского области в Казахстане были активными сторонниками джадидского движения [40, с.35].

Казахские светские интеллигенты являлись сторонниками светского и религиозного образования. Миссионерская деятельность татарских мулл сопровождалась распространением ислама, консолидировавшего тюркские этнические коллективы региона на основе этнокультурного единства. Доминирование татар в торгово-экономической сфере на фоне исламизации

населения объективно предполагало эволюцию идеологического движения на суверенизацию регионов. С целью противодействия росту антиимперских настроений правительство начинает внедрять государственную программу локализации распространения татарского влияния. С конца 70-х годов XIX века по линии Министерства внутренних дел по императорскому указу происходит постепенная замена татарского языка казахским с написанием казахского текста кириллицей. В этот период разрабатывается кадровая политика замены татарских переводчиков казахскими специалистами [448, л.1].

Проводивший в этот период инспекционную проверку учебных заведений Оренбургского учебного округа министр народного просвещения отмечал динамику массированного воздействия на казахов татарских эмиссаров из медресе Западной Сибири. По его наблюдению дети из состоятельных казахских семей вдали от родины, обучаясь в мусульманских школах, проходили идеологическую обработку. В своем отчете министр откровенно указывал на ошибочность внутривосточного курса распространения арабского алфавита и татарского языка. Министр апеллировал к историческому сюжету «отатаривания башкир». По его мнению казахи не имевшие своей письменности алфавита и в перспективе могли подвергнуться «татаризации» с доминантой мусульманской культуры. В данный момент министр разрабатывал концепцию государственного образования тюрков, к которой привлекался и впоследствии стал одним из ее разработчиков директор Казанской учительской школы Ильминский.

С целью обучения казахских детей в областях вводится система интернатов, которые представляли собой стационарные учебные заведения и располагались лишь в городах. Численность учеников интернатов была небольшой. Учительский корпус, как правило, состоял из ограниченного класса учителей. Интернаты функционировали уже в 70-е годы XIX века. Например, в Семипалатинской области действовало 5 интернатов: Семипалатинский, Усть-Каменогорский, Зайсанский, Павлодарский, Каркаралинский. Учебный процесс в интернатах формировался в зависимости от местных условий и регулировался различными факторами. Так, ученики Семипалатинского интерната по причине отсутствия учителей обучались в синодских, приходских и уездных училищах. В Каркаралинском интернате преподавал местный служащий-переводчик, знавший казахский язык [181, л.12]. Вопрос о деятельности различных миссионеров на территории Казахстана в имперский период рассматривают такие исследователи как Ш. Елеукенов, Ж. Шалғынбаева. Авторы указывают на непосредственное участие миссионеров в 70-е годы XIX века в попытке замены арабской графики русской. Для более эффективной реализации данной идеи ряд миссионерских деятелей стали авторами учебников, букварей, которые внедрялись в процессе обучения в русско-казахских школах [449, с.59]. Руководство интернатов преодолеvalo возникшие трудности в меру собственных возможностей и имевшихся местных ресурсов.

С целью противодействия влиянию татарской культуры в областях развивается сеть русско-казахских школ, которые согласно официальным

отчетам достигли определенных успехов в образовании населения. В реальности сложившаяся ситуация неоднозначно оценивалась общественностью. К концу 80-х годов XIX века на станции Щучинской Кокчетавского уезда по желанию Тобольского епархиального начальства открылась миссионерская казахская школа, ориентированная на христианизацию казахов. По отчетным данным, в течение двух лет на обучении в школе состояло всего лишь 3 казахских ученика. Впоследствии эта школа закрылась как результат неэффективной работы. Редакция сибирской газеты критически оценивала качественное состояние государственных школ в степных областях. По мнению аналитиков, программа обучения школ не соответствовала потребностям, ментальным особенностям и традиционной культуре казахского народа: «А добровольное поступление киргизских детей в устроенную для них школу может быть обусловлено только с соблюдением их нравов и обычаев, бытовых особенностей, историей своего народа» [450].

В 1879 году по заданию министерства народного просвещения власти Западной Сибири произвели подсчёт количества так называемых мусульманских школ на территории региона. По официальным данным, в Акмолинской области располагалось 17, Семипалатинской – 11 низших учебных заведений, с общим количеством более 1000 учащихся. При этом только Омская казахская школа с объёмом в 25 учеников финансировалась за счёт казны. Финансовая сумма содержания казахской школы составляла 3465 рублей. Остальные школы финансировались от земств и частных лиц [451, л.2]. Официально все школы находились под патронатом государства. Вполне вероятно, что значительную часть учителей в школах составляли неугодные имперскому режиму представители из татарской среды.

В 80-90-е годы XIX века в процессе реализации программы внедрения имперской модели обучения в восточных регионах обсуждалась проблема её основных принципов. В частности, один из общественных деятелей Миропиев выдвигал тезис о распространении «русификаторской политики» с целью «обрусения» мусульманского населения. В российской общественной мысли термины «русификация» и «обрусение» имели различное значение и трактовались русификаторами по-разному. Например, И.О.Миропиев под понятием «обрусения» рассматривал изучение русского языка тюркскими народами и «игнорирование» религиозных аспектов духовной жизни мусульман.

Представители Казанской школьной системы предлагали пропагандирование православия во всех сферах социальной и культурной жизни мусульманских народов. По наблюдениям информаторов, из государственных школ наблюдался большой отток местной молодежи с крайне плохим знанием русской речи, русской грамоты и общего объема знаний о русском народе. В этот период оппоненты Миропиева и его сторонников предлагали развитие идеи нравственного объединения всех народов различных вероисповеданий через просвещение, социально-экономическое развитие, свободу вероисповеданий [452].

В русско-казахских школах с 70-х годов XIX века действовала образовательная программа санкционированная министром просвещения Д.А. Толстым. Основу образовательного курса составляла теория Ильминского, ориентированная на усиленное изучение нерусскими школьниками русского языка. Составной частью данной дисциплины являлся схоластический церковно-славянский язык. Информаторы в начале XX века отмечали консерватизм и несоответствие этой модели обучения, во всяком случае, для нерусских школьников. По наблюдению аналитика В. Моравского, затрачивалась значительная часть учебного времени в сибирских «инородческих» школах на обучение детей грамоте. Дополнительным компонентом обучения являлось заучивание 4-х правил арифметики. Учительские кадры зачастую состояли из специализировавшихся на учебных программах церковных школ или школ грамоты миссионеров. Качество обучения в подобных школах признавалось неэффективным. По наблюдению информаторов, прошедшие систему обучения в таких школах, ученики не получили должной подготовки. Значительная часть казахов начальное обучение получали в подобных училищах. В.Моравский в своём анализе ссылался на мнения деятеля образования Ильминского, озвученное им в письме к чиновнику К.П. Победоносцеву: «Вместо обычного, неуклюжего и неблагоприятного фанатизма инородец, получивший образование, начинает усваивать точку зрения национально-политическую под видом интеллигентного прогресса» [453, с.12].

Реалии ситуации свидетельствовали о необходимости реформирования системы образования с учетом национальных, бытовых, экономических, природно-климатических условий каждого региона Российской империи. В начале XX века представители демократической общественности пришли к убеждению ликвидации обрусительно-миссионерских тенденций в культурно-образовательном пространстве нерусских народов. Игнорирование соответствующего убеждения обостряло национально-религиозные противоречия в обществе.

По статистическим сведениям, татарские миссионеры распространяли исламскую культуру в регионе. Подобную миссионерскую функцию в основном выполняли татарские муллы. Особое опасение аналитиков вызывало сохранение татарского языка в системе делопроизводства. Вышеперечисленные факторы обуславливали усиление татар в Казахстане. Министр Народного просвещения предлагал внести коррективы в правительственный курс относительно стабилизации внутривнутриполитических отношений на территории расселения казахов. В своих рекомендациях он озвучил идею ликвидации процесса издания официальных документов на татарском языке. В качестве заменителя татарского языка в делопроизводстве автор записки настаивал на печатании документов на казахском языке с использованием «русского алфавита» [167, л.6].

Одним из организаторов этой идеи являлся специалист по восточным языкам директор Казанской инородческой школы Ильминский. На совместном

совещании, на котором присутствовали представитель министра народного просвещения, оренбургский генерал-губернатор, заведующий Тургайской областью, правитель канцелярии генерал-губернатора, попечитель учебного округа и Ильминский, вновь обсуждалась поставленная задача перевода делопроизводства для казахов на русскую грамоту. Ильминский в режиме эксперимента апробировал соответствующую модель на казахских гимназистах. Эксперимент в принципе признавался удачным. Отмечалось несоответствие алфавита особенностям звукового произношения в казахском языке. В дальнейшем в результате деловых контактов представителей министерства просвещения и внутренних дел данная метода признавалась эффективной в ракурсе противодействия правительством «татаризации» казахского населения [163, л.8]. В течение 1878 года секретная инструкция о внедрении соответствующего нововведения была разослана органам управления на местах. Составная часть соответствующей инструкции заключалась в замене татарских переводчиков «природными киргизами». Актуализировалась проблема обучения казахских учеников новому методу письменного делопроизводства. Реформирование системы делопроизводства, как и всей образовательной модели, преследовало цель усиления имперского влияния с европоцентристской идеологией в регионе. Эта реформа последовательно продолжала озвученные в «Степном Положении» 1868 года административно-судебные нововведения [163, л.8].

В этот период правительство озадачилось проблемой подготовки национальных учительских кадров по имперской образовательной системе. Вследствие осуществления долгосрочного социального заказа формирования казахского учительского корпуса разрабатывалась дальнейшая схема расширения и преобразования образовательной модели на этнотерритории казахов. Фактически в рубежный период 70-х – начала 80-х годов XIX века ставилась задача приема казахских детей в учительские семинарии с обеспечением определенных социально-бытовых условий, как, например, предоставления квартир или устройства пансионатов с дополнительным финансированием в виде стипендий [163, л.17].

В рамках осуществления программы ликвидации роли татарского языка во всех регионах вводилась процедура внедрения системы делопроизводства на казахском языке с использованием русской графики. Например, с 1880 года в Петропавловском городском училище начинается свертывание процедуры преподавания на татарском языке: «На заседании Петропавловской городской Думы было принято решение о прекращении преподавания татарского языка в Петропавловском пятиклассном приходском училище». Таким образом, государственные органы управления официально контролировали процесс преподавания татарского языка. Высказывалась мысль о реорганизации казахской школы при наличии подготовленных казахских учителей с преподаванием на казахском языке. Фактически на страницах периодической печати выдвигался тезис преобразования казахских школ с учетом национальной специфики местного населения.

Тюркские общины продолжали усиливать свое влияние на общественные процессы в городах Восточного Зауралья. Доминирующую роль сохраняли татарские общины с высоким удельным весом мещанства. В 80-годах XIX века Генерал-губернатор Западной Сибири обратился к губернатору Акмолинской области о возможности привлечения детей мусульманского населения в учебные заведения. В результате процедуры обсуждения данного предложения тюркские представители выразили согласие обязательного привлечения своих детей в государственные школы при условии открытия дополнительного класса татарского языка. Мусульмане выразили согласие содержания дополнительного класса за счет общин. Таким образом, тюркские представители преследовали 2 цели, взаимодополняющие друг друга - концентрацию тюркских учеников в одном классе и изучение ими татарской письменности во избежание культурной ассимиляции.

При этом особо складывались взаимоотношения мусульманских лидеров и казахских интеллигентов-служащих на территории Казахстана. Лидеры казахского прогрессизма на рубеже XIX-XX веков признавали основные постулаты мусульманской религии. В этот период ислам являлся составной частью казахской культуры. На рубеже XIX-XX веков наблюдается активность общественной деятельности казахских священнослужителей. В 1903 году по инициативе муллы в Петропавловске, Кокчетаве и Акмолинске создается подпольная религиозно-политическая организация, в которую входили священнослужители и мугалимы. Основателем организации стал мулла 3-ей мечети Петропавловска Мухамеджан Бекишев. Его брат Хусаин Бекишев занимал должность главного ишана в Акмолинске. С этой организацией контактировал студент Айдархан Турлубаев. На одной из встреч члены организации приняли решение об отправке петиции в Санкт-Петербург [53, с.222].

Во всех официальных сводках большинство казахских студентов, равно и как А. Турлубаев, финансировались как политически благонадежные. На рубеже XIX-XX веков фиксируется координация действий религиозных деятелей и казахских интеллектуалов. В общественно-идеологическом движении казахов не замечены столь острые противоречия, характерные для татарского движения периода середины XIX века. Если светски образованная малочисленная татарская интеллигенция конкурировала с религиозными догматами в эпоху культурной дифференциации татарского народа, то в недрах казахского общества процесс формирования казахской интеллигенции и страты исламских священнослужителей проходил синхронно с рубежного периода второй половины XIX века. Собственно удельный вес данных социально-профессиональных групп в казахской среде оставался незначительным. Логично сохранялись бытовые противоречия и различные взгляды на пути развития казахского народа в политических взглядах обозначенных категорий. В то же время социальный фактор поддержки интеллигентов и священнослужителей в казахском обществе только формировался. Объединение или во всяком случае, демонстрируемое лидерами светской

интеллектуальной мысли и религиозной системы сотрудничество являлось следствием программы повышения этнического самосознания и вынужденной консолидации аграрно-кочевого народа в оппозировании государственно-имперской системе. В последующих политических событиях доминанта в казахском народе сохранялась за светской интеллигенцией в отличие от ряда глубинных регионов Средней Азии.

В Казахстане развиваются идеи джадидизма, носителями которого являлись татарские подвижники. В общественно-политической деятельности казахские прогрессисты контактировали с джадидами. В процессе защиты национальных и гражданских прав казахские прогрессисты взаимодействовали с лидерами мусульманских народов империи. С начала XX века по инициативе тюркских прогрессистов в империи проводились мусульманские съезды, на которых участвовали представители различных социальных слоев тюркских и кавказских народов. Идеологическая природа съездов основывалась на этноконфессиональной близости нерусских общин. Делегатский состав съездов состоял из лидеров различных политических течений и направлений. Съезды, как правило, проводились в административных центрах, сохранявших этнокультурную объединяющую значимость для тюркских и кавказских народов. На съездах рассматривалась большая группа вопросов, охватывавших обширную гамму политических, социально-экономических и культурных проблем. Анализ ситуации состояния нерусских регионов в рамках империи демонстрирует определенную идентичность выявленных противоречий, оцениваемых общественными представителями в негативном аспекте.

Индикатор качества постановки школьного дела, религиозного вопроса, состояния национальных языков в делопроизводстве, свободы печати, культуры, равенства гражданских прав, автономии традиционного судопроизводства, земельных отношений в указанных областях охарактеризовывался с отрицательных позиций. Проводимые на легальной основе подобные съезды характеризовали начало объединительных тенденций мусульманских народов. При наличествовавших формах коммуникационных связей формировалась перспектива дальнейшей кооперации различных общественных движений на идеолого-объединяющей основе с единым координационным центром.

События гражданской войны и последующего периода показали противоречия выбора форм государственности между оппозиционными группами в каждом народе. Разрушение монархического государства обострило территориальные проблемы в ряде регионах компактного расселения указанных народов. Однако в исследуемое хронологическое время до 1917 года мусульманские лидеры концентрировались на задаче реформирования системы управления в интересах своих народов. С начала XX века в империи последовательно проводились мусульманские съезды. На рубеже XIX-XX веков тюрко-мусульманские прогрессисты осознавали необходимость совместного объединения политических усилий в оппозиционировании власти. В процессе эволюции джадидизма усиливаются взаимодействия между тюрко-

мусульманскими народами [18, с.41]. В августе 1905 года в Нижнем Новгороде состоялся I Всероссийский съезд мусульман.

В августе 1905 года в Санкт-Петербурге состоялся II Всероссийский съезд мусульман, в работе которого приняли участие казахские представители – У. Таначев, С. Джантурин, М. Смагулов, З. Кулманов, М. Оразалин. По итогам работы съезда была создана мусульманская партия «Иттифак-эл-мусулмани» (мусульманский съезд) и принят её устав из 23 пунктов. Учредительный комитет новой мусульманской партии состоял из 15 человек, в который вошли следующие представители: Исмаилбей Гаспринский, Абдулрашид Ибрагимов, Салимгерей Джантурин, Шаймерден Кошегулов [53, с.225].

В августе 1906 года в Нижнем Новгороде состоялся III Всероссийский съезд мусульман, в работе которого участвовало 800 делегатов. Одним из организаторов Нижегородского съезда мусульман являлся редактор газеты Санкт-Петербургских мусульман «Ульфат» Абдурашит Ибрагимов. Перед открытием съезда он огласил его цель – объединение мусульман России и осуществление идеи Корана [454, л.7]. Этнорелигиозная близость тюркских народов определила тенденцию сближения их лидеров на почве создания единой политической платформы. Географически Нижний Новгород был выбран весьма удачно для съезда. В городе регулярно проводились крупные ярмарки, обуславливавшие концентрацию торговых элементов. В городе и близлежащих регионах проживало тюрко-мусульманское население. Установленные коммуникационные сухопутные и водные магистрали облегчали возможность прибытия делегатов из других областей. Съезд проводился с согласия правительства. Депутатский состав съезда оказался смешанным от религиозных деятелей до торговцев и юристов. Данный съезд явился продолжением процесса складывания единого мусульманского движения. В ходе работы съезда был сформирован Президиум из 15 представителей. Председательские обязанности возлагались на азербайджанского лидера Али-Мардан бека Топчибашева. Функции товарищей председателя возлагались на 9-х делегатов, их которых наиболее популярным по праву оставался основатель джадидизма крымский татарин Исмаил бей Гаспринский. В числе товарищей фигурировали члены I Думы башкирский делегат Шахайдар Сыртланов и казахский представитель Шахмардан Кошегулов. В секретариат Президиума входили 5 депутатов и в частности от казахского народа Селим-Гирей Джантурин. Ряд депутатов представляли аристократические семьи или влиятельные купеческие кланы, сохранялся высокий удельный вес служащих религиозного культа. От казахской общины на съезде присутствовали Ш. Кошегулов, Н. Даулбаев, Н. Жаппаров, А. Кульбагаров, Ж. Алаунгаров, С. Джантурин, представлявшие интересы областей [53, с.225].

В данном ракурсе впечатляет количественный состав делегатов, который в сравнении с Санкт-Петербургским съездом увеличился в несколько раз. Социально-профессиональная стратификация участников съезда оказалась различной. Примечательно участие в этом съезде уже популярных в тюрко-

мусульманской политической среде Ш. Коцегулова и С. Джантурина, которые являлись депутатами Государственных Дум. Казахские делегаты отражали социально-региональное представительство народа. Служащий земской уфимской управы С.-Г Джантурин олицетворял своим присутствием сложившийся тип казахского служащего-интеллигента, получившего высшее образование и занятого в административно-чиновничьей или правовой сфере. Джантурин, подобно ряду других своих земляков, сделал карьеру за пределами своего этнотерриториального проживания и добился весомого социального статуса контактируя в иноэтнической среде. Мировоззрение Коцегулова сформировалось под влиянием религиозного окружения. Он доминировал в общественно-прогрессивных кругах Акмолинской области. И тот и другой входили в состав Дум.

Участники съезда по его итогам приняли объемное постановление, содержательная часть которого акцентировалась на анализе состояния духовно-религиозной обстановки империи. В постановлении указывалось на необходимость созыва Государственной Думы и фактическое осуществление свобод манифеста 17 октября 1905 года как реального средства к выходу из крайне тяжелого положения в империи [455, л.3]. Делегаты съезда в процессе работы сформировали комиссию по вопросу преобразования мусульманских школ – мектебе и медресе и о передаче заведования ими из ведения мусульманского духовенства под контроль общества.

По представлению комиссии, делегаты съезда ознакомились с 33 пунктами программы развития школьного дела. В частности, членами комиссии предлагалось в обязательном порядке открытие начальных и двухклассных училищ для мусульманского населения. При этом регламентировалось право обучения детей на арабском алфавите; изучение русского языка в начальных школах признавалось необязательным, а в средних школах русский язык предполагалось ввести как предмет обучения. По пункту №7 обучение мусульман в школах необходимо было вести по унифицированной программе. При этом для выработки единой для всех мусульманских школ программы планировалось провести учительские съезды синхронно в мае 1907 года в Казани, Петропавловске, Ташкенте, Тифлисе, Бахчисарае [455, л.35]. Точечное распределение грядущих съездов определялось с учетом компактного расселения мусульманского населения и концентрации в городских пригородных зонах его социально-активной части – интеллигенции, служащих, торговцев, религиозных деятелей и т.д.

Данная резолюция носила развернутый характер с предоставлением широких полномочий Духовным учреждениям. Согласно резолюции выдвигались пункты обязательного начального образования для каждого мусульманского мальчика и девочки. Члены комиссии предложили важный пункт учреждения достаточной численности учительских семинарий для подготовки необходимого количества учителей. Комиссия по школьным вопросам актуализировала проблему внедрения «Правил о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России»,

утвержденной министром народного просвещения графом И. Толстым. По мнению членов комиссии ряд пунктов положения, в частности 9, 11, 14, 17, 26, 32, 35 и 36 противоречили принципу начального обучения на русском языке. Представители комиссии пришли к выводу о том, что «Правила» от 31 марта 1906 года по преследуемым целям не приемлемы для интересов «инородческого» населения, реакция которого предвиделась отрицательной в случае осуществления их на практике.

В подтверждение прогнозов комиссии в период работы съезда на имя его делегатов пришла телеграмма представителей мусульман Семиреченской области с пожеланиями о присоединении участников съезда к протесту мусульман против министерских правил. Тогда же члены съезда ознакомились с докладом Оренбургских мусульман, постановивших на многочисленном собрании протестовать против этих правил [455, л.5]. Делегаты съезда ссылались на факты давления местных властей на мусульманские духовные учреждения. Например, согласно докладу одного делегата в Петропавловске, учебное начальство потребовало от мулл обязательного допущения в мусульманские медресе учителей русского языка. С целью приостановления подобных распоряжений учебного начальства впредь до полного пересмотра положений о мусульманских духовных училищах Президиум съезда принял решение отправить министру телеграмму подобного содержания.

На съезде подробно рассматривался вопрос реорганизации системы управления духовными делами мусульман. По факту данной проблемы функционировала другая комиссия из 15 депутатов под руководством муллы Галимджана Галиева. По итогам работы комиссия приняла 13 пунктов. Согласно принятым пунктам, выдвигалось положение о введении нового закона, изменяющего духовное управление мусульман. Данный фактор, по мнению разработчиков положения, мог способствовать улучшению положения духовенства и поднять религиозно-нравственный уровень мусульман. Преобразование духовных учреждений предполагало введение выборного принципа для муфтиев, численность которых в империи составляла 5 человек – 2 на Кавказе, по 1-му в Оренбургском, Таврическом и Туркестанском регионах [455, л.3]. Все религиозные дела мусульман, связанные с хозяйственными постройками, финансированием, кадровыми назначениями, освобождались от вмешательства правительственных учреждений.

В процессе принятия данного раздела вводилось примечание отдельно для казахского населения. Содержательная часть примечания выглядела следующим образом: «У киргизов в каждом аульном обществе должно быть по одной мечети и мектебе. У них, как у других мусульман, имамы обязаны обучать детей; при неспособности имамов к учительской деятельности в их приходы должны быть назначаемы особые учителя-мугалимы» [455, л.9]. Выполнение данного пункта в случае его легитимизации могло вызвать значительные сложности. Квалифицированных имамов и мугаллимов при дефиците специфических учебных заведений оказалось недостаточно. Значительные трудности существовали при постройке мечетей и медресе.

Традиционно казахи не являлись ортодоксальными мусульманами и их приобщение к исламской культуре началось значительно позже в отличие например, от уроженцев Средней Азии. В данном случае каноны этой культуры рассматривались казахскими прогрессистами как приемлимые общечеловеческие ценности, необходимые для сохранения в обществе этнических особенностей и правил этикета и приобщения к восточной цивилизации.

Члены комиссии разработали схему взаимоотношений и соподчинения мусульманских структур. Так, во главе каждого религиозного округа предполагалось назначение руководителя – Шейхум Ислама. В округах параллельно предлагалось созывать ежегодные советы из избранных народом духовных и светских лиц от 15 до 50 персон, известных и почитаемых населением. Планировалось для Туркестана и Семиреченской области учреждение особого Махкама-и-Исламия с Шейхум Исламом во главе в дополнении к существовавшим Таврическому, Оренбургскому и 2-м Кавказским округам. Разработчики проекта преследовали цель интеграции в рамках империи мусульманских народов, в том числе регионов Средней Азии и Южного Казахстана, относительно недавно включенных в орбиту государственного влияния. Комиссия соблюдала региональный принцип и исторические особенности развития народов и этнических групп. Организующая и координирующая роль, по модели членов комиссии, теоретически возлагалась на высшее в империи мусульманское духовное лицо - Раисул Улама, избираемого на должность мусульманами России.

Наиболее важная задача съезда заключалась в организации единой мусульманской политической партии. Обсудив этот вопрос, делегаты съезда признали необходимым создать эту партию и учредить Центральный комитет из 15 членов. Также из членов комитета предполагалось создать постоянное бюро в составе 3 человек, получающих вознаграждение и постоянно живущих в Петербурге. В контексте формирования партийной программы съезд избрал комиссию из 15 депутатов, которым вменялось в обязательном порядке обсудить программу мусульманской народной партии, разработанную и получившую одобрение на II-м съезде мусульман в январе 1906 года. В состав комиссии наряду с А.Топчибашевым, М.Бигеевым, Ш.Сыртлановым вошел Ш. Коцегулов [455, л.7]. Основную функциональную нагрузку в комиссии несли члены Думы, имевшие опыт политической работы и контактировавшие с членами думских региональных групп и партийных движений. По итогам работы комиссии партийная программа признавалась приемлемой. Программа состояла из 75 пунктов по кардинальным вопросам общественно-государственной, просветительской, религиозной, экономической жизни. Депутаты съезда методом выборов организовали Центральный комитет из 15 человек. Состав Центрального комитета оказался мозаичным от религиозных служителей до интеллигентов. К сословию мулл принадлежали А.Анапаев, Г.Галиев, Ш. Коцегулов. Почти половину составляли редакторы или сотрудники мусульманских газет, в частности, редактор «Тарджеман»

И.Гаспринский, редактор «Юлдуз» Х.Максutow и т.д. В члены ЦК вошел представитель партии кадетов Ю.Акчурун. Таким образом, на примере Акчурина, мусульмане регламентировали сохранение паритетных политических отношений с кадетами - союзниками по многим идейным вопросам в Думе. Думские делегаты имели значительный процент в мусульманском ЦК: С.Г.Алкин, А.Топчибашев, И.Г.Сыртланов, Ш.Коцегулов, С.Г.Джантурин. Ряд из них, например, И.Г.Сыртланов или С.Г.Алкин, являлись участниками I Думы. Данный исторический факт никоим образом не умалял роли и значимости бывших думцев, активно участвовавших в общественно-политической работе.

Систематическое участие казахских общественных деятелей в деятельности мусульманских политических организаций свидетельствует об увеличении координационной роли мусульманского центра, в составе которого значительную роль выполняли состоявшие в движении казахские представители. Обращает на себя внимание факт вовлечения в эту работу малоизвестных в общеимперских границах новых лиц. Соответствующая тактика способствовала установлению регулярных контактных связей между казахскими представителями и соответственно увеличению их статусности в казахском обществе. В то же время участие казахских делегатов в мусульманских съездах демонстрировало тенденцию их сближения с тюрко-мусульманскими лидерами в реализации программы достижения прав и свобод [53, с.225]. В динамике обострения политической ситуации мусульманские съезды проводились в центре империи – Санкт-Петербурге.

Выбор проведения съезда в столице носил весьма символический характер. В центральных городах империи концентрировалось татарское купечество. Синхронно в города происходит перемещение тюркских служащих и религиозных деятелей. В наглядно-образном представлении аграрных народов Санкт-Петербург ассоциировался как столичный центр и поэтому вполне объективно его выбор для проведения съездов внешне демонстрировал сохранение лояльности мусульманских общин к общеимперскому единству в существовавших административно-территориальных границах.

Очередной съезд мусульманских представителей состоялся в 1914 году. Съезд проходил с 15 по 25 июня. Временные рамки съезда были достаточно объемными, так как организаторами съезда планировалось рассмотреть ряд сохранявших свою актуальность узловых проблем. Анализ всех национальных и общемусульманских съездов свидетельствует о сохранении актуальности основного пакета документов по злободневным вопросам, не получившим своего разрешения за весь период работы Думы. Данный съезд проводился легально. Но по представлению властей он функционировал в закрытом режиме, т.е. без освещения в прессе. Соответствующая мера предпринималась с целью снижения общественного резонанса в государстве. Это решение властей встретило критические замечания делегатов. Так, депутат Джафаров скептически высказался по этому поводу: «Пусть знают, что не мы боимся света, а те, которые не разрешают представителям печати присутствовать на

съезде» [456, л.1].

На съезде с наблюдательной миссией присутствовал представитель департамента Духовных дел Г.Н. Тарановский. Общее количество участников съезда составляло 20 человек, из них 6 депутатов Государственной Думы и 14 делегатов с мест. В числе думских депутатов присутствовали известные своими политическими взглядами и популярными в обществе Кутлумухаммед Батыргиреевич Тевкелев, Али-Мардан-Бек Топчибашев, Гаджи-Баба-Оглы Джафаров. Численность депутатов оставалась низкой в сравнении с численностью депутатов ранее проходивших съездов. Социальную основу депутатского корпуса составляли интеллигенты и служащие. Например, Топчибашев работал в должности присяжного поверенного, М.З. Бигеев занимался публицистической деятельностью, С.Н. Мансуров состоял помощником присяжного поверенного, в аналогичной должности состоял А.М. Ахтямов, Б. Каратаев специализировался в правовой сфере, А.Н. Букейханов имел образование лесоведа

Очевидно, организаторы съезда акцентировали внимание на участие в съезде известных личностей выполнявших объединяющую роль в регионах. Региональный анализ депутатов подчеркивает представительство от основных областей с демографическим преобладанием коренных нерусских народов – Поволжья, Степных областей, Крыма и Кавказа. В частности, области Поволжья, представляли Тевкелев, Бигеев, Ахтямов; от Степных областей присутствовали Каратаев и Букейханов, от Кавказского сектора участвовал Джафаров, интересы Крыма выражал Заде. Примечательно наличие так называемой Санкт-Петербургской мусульманской группы, в которую входили отставной чиновник казах Сералы Лапин и редактор мусульманской Петербургской газеты «Милят» Исмаил Леманов. В отчетной документации выделялся район проживания депутатов на период работы съезда. Так, казахский представитель Букейханов обозначался по факту его политической ссылки как житель Самары. [456, л.138]

На профессионально-стратификационном уровне доминировали юристы. Данная тенденция сохранялась во всех мусульманских политических движениях. Обращает на себя внимание факт участия в съезде Лапина. По причине политической опалы его земляк Букейханов периодически лишался возможности постоянной государственной службы. Очевидно, его общественная деятельность проходила в сфере реализации общественных интересов казахского народа в сотрудничестве с мусульманскими прогрессистами в Санкт-Петербурге. В процессе открытия съезда актуализировалась проблема общения и делопроизводства. По этому моменту делегаты приняли решение изложения мыслей на разных языках, с обязательным переводом выступлений с татарского языка на русский [456, л.138]. Лингвистически близкий казахскому, башкирскому, крымско-татарскому языкам татарский идентифицировался как близкий в отличие от ряда кавказских языков. Участники съезда по образовательным параметрам оставались билингвами и поэтому языковой барьер не играл существенной

роли.

На съезде ожидалось участие Гаспринского, который, однако, приехать не смог. Помимо мусульман, на съезде присутствовал представитель русского кадетского издания газеты «Речь». Присутствие этого представителя вызвало едкое замечание на страницах периодического издания «Ель». Ряд депутатов по сводкам жандармского управления признавались политически неблагонадежными. Например, И. Ахтямов ранее за участие в студенческих волнениях подвергся исключению из Казанского университета и не имел права проживания в университетских городах. Впоследствии он классифицировался как соорганизатор «комитета рабочей организации» Санкт-Петербурга и находился под негласным надзором уфимской полиции. М. Бигеев подозревался в пропаганде панисламистских идей среди тюркского студенчества и мусульманского населения столицы. По аналогичной версии идентифицировался С. Максудов. По данным полиции А. Топчибашев имел контакты с социал-революционерами. А.Букейханов неоднократно подвергался гонениям по обвинению в неблагонадежности. Эти лидеры задавали тон и динамику в прогрессивном мусульманском движении империи. Фактически на съезде присутствием данных личностей была представлена ядровая часть общенационального мусульманского движения.

В период работы съезда рассматривались вопросы различного содержания от локально-областных до масштабных общегосударственных. По сути значительная часть региональных проблем оказалась идентична по целевой значимости и задачам. Депутаты заострили внимание на состоянии и качестве деятельности мусульманских духовных учреждений, равно как и всей ситуации, с общим положением исламского учения в империи. В выступлениях Леманова, Ахтямова и Мансурова в очередной раз прозвучала критика относительно сегрегационной политики властей. Леманов в своем выступлении актуализировал проблему необходимости выборности духовных лиц, точное и явное установление прав и обязанностей духовных лиц и духовенства, а также урегулирования имущественных отношений духовенства. Оратор Ахтямов в докладе «Об отношении Правительства к мусульманским духовным делам» реанимировал проблему закрытости и отсутствия гласности правительственных ведомственных совещаний по мусульманским делам. В своем выступлении он затронул значение и содержательную суть значений «панисламизм», «пантюркизм» и «сепаратизм», т.е тех определений, которые наиболее часто применялись в политической полемике между лидерами движения и Правительством. Депутат Дагфаров, раскрывая суть негативной политики Ермолова на Кавказе, отмечал рост сектантского течения «мюридизм». По сути изложения в его выступлении звучало предупреждение всем о возможности возникновения в государстве сепаратистского исламского движения антиимперского толка. По религиозному вопросу с развернутым докладом «Об основах преобразования учреждений мусульман» выступил С. Максудов. Докладчик предлагал, по примеру европейских государств, реорганизацию мусульманских духовных учреждений. Он инициировал такие вопросы, как

установление выборного начала для всех духовных лиц; создание всероссийского центрального духовного учреждения с концентрацией в нем всех духовно-религиозных дел мусульманских народов империи; передачу духовных школ из подчинения Министерства Народного просвещения в ведение духовных правлений.

На съезде присутствовал отставной генерал-майор Сахиб Гирей Еникеев. В его выступлении под названием «О положении мусульман Туркестанского края» обрисовывалась мрачная картина снижения экономического благосостояния населения и упадок общественных нравов. Примечательно в данном аспекте поведение ташкентского генерала Еникеева – татарина, с болью говорившего об отсутствии духовного управления в Туркестане [456, л133].

В пафосности выступления Топчибашева прозвучала мысль в защиту ислама. Апеллируя к историческому прошлому, он отмечал грандиозный территориальный размах исламской цивилизации, функционировавшей во многом благодаря сохранению духовной культуры мусульман. В развернутом докладе Топчибашева отмечалась культурно-образовательная роль Самарканда, когда-то являвшегося по его утверждению единственным городом, в котором получали образование мусульмане со всего мира. Топчибашев охарактеризовал состояние казахского населения как плачевное. Его удивление вызвала политика правительства относительно казахов: «Разве хорошее дело обращать в явных врагов таких преданных подданных» [456, л. 134].

В выступлениях депутатов отмечались их верноподданнические чувства империи. В официальных докладах ораторов не прозвучала мысль сепаратистской направленности. Депутаты съезда прекрасно осознавали всю сложность подобной тенденции в условиях функционирования империи при полной социально-экономической зависимости и отсутствия административно-политического и военного потенциала в областях. По сути своего содержания доклад Топчибашева охватывал все территории тюрко-мусульманского населения и содержал призыв к выработке единых требований в формирующейся концепции мусульманского движения.

Один из организаторов съезда Агеев признавал трудности получения разрешения на открытие съезда. По его утверждению, закрытость съезда никоим образом не снизила его значимости и присутствующие участники придали ему жизненную силу. В материалах газеты «Ель» обращалось внимание на солидарность членов съезда при выработке единой позиции. Съезд характеризовался смешанным этническим составом. Корреспонденты «Вакта» акцентировали внимание на наличие принципов сближения религиозных деятелей и просвещенных интеллигентов. При этом муллы, по максимальным подсчетам, составляли только треть участников съезда, но по их признанию, светски образованные интеллигенты искренне ратовали за расширение прав духовных учреждений.

От имени казахской общественности выступали С. Лапин, Б. Каратаев и А.Букейханов. С. Лапин в докладе «О реформе духовных правлений» обосновывал необходимость реформирования духовных правлений в

Туркестане в пользу сохранения шариата и норм обычного судопроизводства как привычных форм мусульманской культуры местного населения. Каратаев акцентировал проблему вывода Правительством казахов из введения Оренбургского Духовного Правления. Данная правительственная мера, по его мнению оказалась ошибочной, так как казахи опасавшиеся перевода в православие, консолидировались на религиозной почве и всячески поддерживали распространение исламского культа. По утверждению Каратаева, вместо одной волостной мечети казахи конспиративным образом создавали десятки духовных учреждений. Эмоциональная речь Каратаева сопровождалась обращением к 7 членам мусульманской фракции Государственной Думы. Его выступление произвело потрясающее впечатление. Описывая состояние духовного управления в степных областях, он отмечал полное бесправие казахов. От имени миллионов казахов Каратаев выступил о необходимости предоставления казахам прав участия в Думе. Оратор подчеркивал наличие в народе казахов с высшим образованием, т.е. той группы, которые соответствовали образовательному и социальному статусу: «... поручаю вам, любимой фракции, всю судьбу миллионов киргиз... постарайтесь добиться и для них прав попасть в Думу. Все мы не являемся недорослями, среди нас имеются лица с высшим образованием» [456, л.4].

Делегат Букейханов в сравнительном анализе положения казахского населения до эпохи реформ и в последующий период резюмировал общее ухудшение их состояния. Соответствующий вывод оратор подтверждал рядом фактов, утверждая о необоснованном усилении политического давления имперской власти на казахское население. В подтверждение гражданской позиции казахских делегатов была оглашена телеграмма из Уральской области представителей от казахской общины, в которой прозвучало следующее: «Мы не можем не обратить внимание съезда на Постановление Синода от 26 апреля 1912 года. Постановление это ставит своей целью обращение киргизов в православие, что является посягательством на свободу совести, возведенную с высоты престола. Никакое законодательство без участия представителей от инородцев в законодательных учреждениях не будет соответствовать их интересам» [456, л.133]. В телеграмме прозвучало желание казахского населения получения права представительства в Государственной Думе.

Оценивая перспективы съезда, Букейханов объявил свое желание озвучить его решения перед казахским населением Акмолинской и Семипалатинской областей, что вызвало одобрение депутатов. Позиция выборщиков двух областей была ясна и тем самым Букейханов демонстрировал на конкретном примере общественную поддержку съезда казахами двух областей. Примечательно предложение Букейханова о протесте казахов против принятия закона Думой о запрете ритуального убоя скота как специфического мероприятия во время религиозных празднований.

На съезде выступили: крымский делегат А. Заде о положении крымских татар; мусульманский лидер, депутат I Государственной Думы, белебеевский ахун Курамшин по злободневной проблеме предоставления женщинам

равноправия; член действовавшей Государственной Думы Г.Х. Еникеев о положении мусульманского школьного вопроса в России.

Характерно, что в заключительной речи Джафарова прозвучал тезис произвольного объединения мусульманских народов в защиту политических интересов под влиянием антинародной правительственной политики.

Основная цель проведения съезда заключалась в информировании Правительства и общественности о нуждах мусульманских народов и дальнейшей координации их действий. По прежнему депутатами учитывался легальный метод депутатской миссии через Государственную Думу. Делегаты съезда апеллировали к председателю мусульманской фракции Думы Тевкелеву с просьбой воспрепятствовать осуществлению, внесенными правыми депутатами законопроекта об отмене ритуального убоя скота [456, л.134]. Вероятно, данный законопроект с позиций светского человека носил второстепенный характер в сравнении с обострившимися земельно-водными вопросами во многих регионах расселения мусульман. Принятие или неприятие этого закона было весьма принципиальным в условиях жизнедеятельности аграрных народов, вековой уклад и мировоззрение которых подвергались деформационным процессам.

В целях реализации решения обсужденных вопросов депутаты съезда приняли резолюцию из 7 пунктов. По содержанию резолюции высказывалось пожелание о восстановлении избирательных прав в Государственную Думу для проживающего в Туркестане и Степных областях мусульманского населения. Таким образом, депутаты поддержали требования казахских прогрессистов относительно их участия в законотворческом институте управления. Большинство пунктов резолюции были ориентированы на развитие исламской культуры и образования. Съезд признал необходимым учредить духовные правления в Туркестане и на Северном Кавказе по примеру других губерний. В документе излагалось пожелание присоединения казахского населения Тургайской, Уральской, Семипалатинской и Акмолинской областей к округу Оренбургского Духовного правления. Съезд созывался по инициативе мусульманской фракции Государственной Думы. Большинство мусульманских думцев-участников съезда по политическим убеждениям оказались близки кадетам. Фактически на съезде собрались близкие по идейной платформе мусульманские лидеры. При этом депутаты съезда являлись не просто приглашенными лицами, а в большинстве своем выборными представителями от областей [456, л.110]. Природа официальных выборов в Государственной Думе соответствовала ментальности и общинно-коллективистской психологии мусульманских народов. В общественном сознании мусульманских народов мусульманские съезды ассоциировались ими как существенная инстанция, способная преломить сложившуюся ситуацию в их пользу. Реальное представительство съезда отражало степень популярности в общинах мусульманских депутатов и их взаимную комплиментарность. По данным информаторов выборы в регионах проводились неофициально и в ряде мест сопровождалась противоречивыми конфликтами. Например, в бакинских

газетах звучала критика против участия в съезде Топчибашева, которому, по мнению корреспондентов в Закавказье, существовала реальная альтернатива. В печатных материалах тюркской газеты «Ель» также содержалась информация присутствия на съезде так называемых «бесполезных» людей.

Закрытый режим проведения съезда вызвал возмущение мусульманской печати. В частности, корреспондент издания «Ель» Фуад Туктаров в сатирической статье, посвященной съезду, отмечал позицию депутатов в следующих тонах: «Вы мусульмане, народ наш смиренный и нас ему не нужно. Не нужно нас, не нужно и печати. Если и нужно, то другие этого не желают» [456, л.4]. По всей видимости этот упрек как и радикальные выступления других газет оказались необоснованными, так как организаторы съезда преследовали цель пропаганды официальных методов оппозиционирования режиму во избежание репрессий и как следствие разгрома мусульманского движения [456, л.11].

Впрочем, содержание съезда оказалось доступным для татарской печати во многом благодаря секретарю съезда Садретдину Максудову, передававшему сведения редакции газеты «Юлдуз» [469, л.12]. Синхронно материалы съезда стали достоянием периодических изданий: «Тарджеман», «Вакт», «Кояш», «Ялт-Юлт». Редакторский коллектив мусульманской прессы отражал полярные интересы и взгляды общественности. Так, например, на страницах сатирического журнала «Ялт-Юлт» пессимистически излагались все устремления делегатов равно как и выработанные ими постановления. Публицистический жанр коллектива «Кояш», напротив, сравнивая динамику и остроту съезда с прошедшим ранее, выделял его категоричность и определенность в выборе политической модели для достижения цели. Кояшевцы отмечали отсутствие «достойной научности и необходимых материалов» при наличии случайных и недостаточно подготовленных делегатов на предыдущих съездах в отличие от проходившего в 1914 году. По признанию корреспондента газеты «Вакт», именно на страницах периодики «Кояш» пропагандировалась идея формирования общего литературного языка для всех тюркских народов, что в перспективе могло явиться показателем их духовного объединения.

Касаясь процедуры функционирования мусульманских школ, депутаты инициировали потребность выработки законопроекта о разрешении правительством права преподавания в школах выпускникам, получившим образование в учебных заведениях Турции и Египта. Депутат Мирджамиллов высказал предложение о допущении к преподаванию в религиозных школах Туркестана учителей без учета их национальности.

Согласно интервью участника съезда муллы Х.Усманова, на членов президиума съезда депутатами возлагались обязанности упорядочивания всех материалов и их рассылки депутатам. Депутаты имели право дорабатывать и редактировать предложения съезда с отправкой их членам мусульманской фракции Думы. В дальнейшем предполагалось санкционирование дополнительного съезда для приведения исполнения решений в одно целое. В

любом случае думские мусульманские депутаты брали на себя обязательства ввести унифицированные предложения в виде законопроектов в Думе. Безусловно, тюрко-мусульманские лидеры накопили значительный опыт в организации освободительного движения. Количественный фактор очевидно не имел существенного значения. В данном случае проявилась координирующая роль ограниченной части присутствовавших, популярность которых вышла за территориальные рубежи конкретной административной области или этнорегиональной зоны конкретного социума. Фактически ряд депутатов, как например Букейханов, Топчибашев или Максудов, получили известность не только в областях компактного расселения своих соотечественников, но имели влияние в либерально-демократическом движении государства и были узнаваемы лидерскими кругами аналогичных общественных движений в регионах.

В материалах съезда не прослеживается строгая вертикаль иерархической соподчиненности. При этом наблюдалась дальнейшая тенденция к установлению действующего координационного центра в отношениях удаленных друг от друга национальных движений, локализованных по принципу этнической концентрации.

Анализ политической ситуации начала XX века доказывает, что действия просвещенных казахов были синхронны с политической активностью российской тюркской общественности. Тон в тюркско-мусульманском оппозиционировании государственной машине задавали представители татарской общины, развившие идеи Гаспринского о единении тюрков на фоне родства религии, языка, культуры.

В Российской империи татарские религиозные мыслители, образованные прогрессисты и буржуа играли весьма существенную роль. По сути все важные тюркские оппозиционные движения и сопутствующие им тюрко-мусульманские съезды зарождались и развивались в Поволжье - районе с повышенной концентрацией татарского населения. Таким образом устанавливается контактная сфера между татарскими и казахскими прогрессистами. Соответствующая связь ярко отразилась в событиях революции 1917 года, гражданской войны и последующем периоде становления национальной государственности в территориальных границах Советского государства.

Таким образом, в начале XX века мусульманское движение приобрело значительные масштабы в границах империи и способствовало консолидационным процессам лидеров оппозиционных режиму мусульманских организаций Крыма, Кавказа, Закавказья, Поволжья, Приуралья, Сибири, Средней Азии и Казахстана. Казахские общественные деятели взаимодействовали с региональными политическими деятелями с целью реализации политической программы эволюции общества и государства.

4.2 Казахские служащие – депутаты Государственных Дум

Общественно-политическая деятельность будущих лидеров «Алаш»

пришлась на период их начального становления в качестве служащих. Численное увеличение идеологов казахского либерализма и их сторонников происходило синхронно с увеличивавшимся количеством выпускников. Университетов, гимназий и училищ. Культурно-образовательный срез казахского общества начала XX века состоял из представителей одного поколения, связанных территориально-географически и объединенных схожестью культурно-образовательных параметров. Социальная характеристика казахских служащих оказалась мозаичной от султанов до выходцев из простонародья. Аульно-сельское происхождение казахских служащих определило сохранение их генетической памяти и традиционную привязанность к сохранению своей родословной.

Если в XIX веке сословно-генетические параметры дистанцировали казахских представителей в рамках традиционных отношений, то на рубеже XIX-XX веков происходит сближение, прежде всего, казахских служащих по образовательно-культурным характеристикам. Этот фактор консолидировал просвещенных казахов, которые являлись носителями европейского просвещения и в перспективе сформировали основу среднего сословия. Анализ родословных схем и мотивации поведения поколений, сложившихся семейных династий казахских служащих демонстрируют разницу в действиях представителей поколенческих групп с течением времени. Зачинатели семейных чиновничьих династий стремились органически вписаться в окружающий социальный мир, ограничиваясь грамотным исполнением делопроизводства и дисциплинированным соблюдением установленных нормативов общественного поведения. Их потомки прикладывали максимальные усилия, преобразовывая существующие реалии с учетом собственного мировоззрения. Если первое поколение чиновников стремилось удовлетворить собственные амбиции методом карьерного продвижения в ограниченно локальном пространстве, то их последователи выступали с инициативой преобразовательных процессов общественно-государственной структуры. В совокупном объеме количество поставленных целей и выполненных задач казахских прогрессистов начала XX века преобладало над соответствующими показателями их предшественников раннего периода.

Именно тогда отчетливо выделились как минимум два политических центра идейного сближения - Оренбург и Омск. В этих городах, равно как и в других городах Приуралья, Поволжья и Сибири, в культурной жизни и общественных процессах превалировало татарское городское мещанство.

Фактически в дореволюционное время казахские прогрессисты являлись свидетелями татарской модели либерально-демократического движения. Полная компиляция указанной схемы казахскими прогрессистами в Казахстане была невозможна, так как территориальные особенности, формы ведения хозяйства, уровень расселения и плотность населения, социальная структура, количественно-качественные характеристики ведущих социальных групп двух народов оказались различными. При этом казахские интеллигенты в сотрудничестве с тюркскими либералами в программных документах, в

частности, в решениях, петициях, обращениях, запросах к государственным органам власти отстаивали интересы казахского народа.

В университетах традиционно функционировали сибирские землячества, объединенные идеей взаимопомощи и исследования Сибири. Значительная часть студентов-сибиряков подверглись репрессиям по итогам социального брожения 1910-1911 годов. По мнению современника и исследователя сибирского студенчества В.Чепилова, региональное землячество в центральных городах утратило свое бывшее общественное влияние. Сибирские студенты объединялись по областному принципу в целях оказания материальной помощи. Таким образом, бывшая суть студенческих организаций сводилась на нет [457, с.54]. В начале XX века российское студенчество Санкт-Петербургского университета отличалось крайним радикализмом к имперской политике и характеризовалось поляризацией идеологических взглядов. По подсчетам сибирского корреспондента В.Бельденинова из 242 студентов-сибиряков 120 человек слушали лекции юридического факультета, что мотивировалось: «..стремлением изучать общественные науки,... в них находить ответы на текущие запросы общественной жизни». [95, с.82]. По данным наблюдателей, большинство сибиряков относилось к разным партиям от левых - социал-революционеров и социал-демократов до правых - кадетов, причём только 2 сибиряка сохраняли связи с правым движением. Казахские студенты аккумулировали в своей среде политические веяния периода XIX – начала XX веков. Регионально к сибирским студентам относились и казахские студенты. Казахские выпускники возвращались в места исходного проживания, выбирая городской сектор. Многочисленных фактов длительного проживания и трудоустройства казахских специалистов в Санкт-Петербурге и в Москве, за исключением высокопоставленных военных и единиц интеллектуалов, не обнаружено.

Немногочисленные образованные казахи постепенно осваивали провинциальные города. Казахские специалисты в первом и во втором поколении являлись яркими носителями поколенческих семейных связей с территорией проживания. Представители с высшим образованием в перспективе должны были составить основу городских просвещенных казахов. Преимущественно городской казахский сектор состоял из местных уроженцев областей с сельским прошлым, что существенно влияло на их миграционную подвижность.

Города северо-западного Казахстана возникли в хронологический период XVIII - XIX веков. В сравнении с городами европейской части империи оседло-земледельческие центры степных областей уступали им по численности и инфраструктуре. Города в основе своей возникали на базе крепостей по мере продвижения Российской империи вглубь Казахстана. Данные поселения фактически являлись основой областных и уездных центров. Ряд городов основывался в местностях с благоприятными географическими условиями, в частности, Актюбинск, Уральск, Кустанай. Национальную основу городов составляли уроженцы из центральных областей России. По данным

казахстанских ученых Алдабергенова К.М. и Мананбаева Ж.И. только на территории Павлодарского уезда в исследуемый период произошло резкое увеличение численности переселенческого населения из центральных губерний России, Поволжья и Украины [68, с.50]. В целом происходило увеличение численности переселенцев во всех Степных областях. Зачастую преобладали представители одного региона или области, которые являлись носителями традиционных культурных установок соответствующих местностей. В связи с административно-территориальными реформами в дальнейшем происходит изменение статусности перечисленных городов. Соответственно фиксируется увеличение территориального масштаба и количества населения. При этом городское население - мещане предпочитали заниматься земледелием, арендуя земельные участки у городской администрации и у казахов. Многие из них имели в различных местах одноименных уездов арендные площади на долгосрочных правах на казахских землях. Численность населения городов варьировала в разных пределах. Население перечисленных городов отличались немногочисленностью. Так, в начале XX века в Кустанае проживало чуть более 20 тысяч человек [458].

По мнению отечественной исследовательницы Г.Алпыспаевой «казахская степь привлекала русский капитал как громадный рынок сбыта продукции промышленности центральных областей страны» [51, с.27].

Являясь центрами обширных уездов, города превращались в крупные секторы развития торговли. В регионе продолжало наблюдаться увеличение татарского населения, часть которого специализировалась на торговых операциях. Так, в году Кустанае численность татар колебалась от 3 - 4 тысяч. В торговле доминировали татары, сарты и бухарцы. Значительные финансовые капиталы и сферы влияния концентрировались в семьях татарских предпринимателей – Яушевых, Мухаммадеевых, Файзуллиных, Валиевых и т.д. [459, с.231].

По данным казахстанских ученых Алексенко Н.В. и Алексеенко А.И. численность городского казахского населения Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской областей составляло 16% от 274,7 тыс. всего городского населения областей. По мнению исследователей «городское население Степного Казахстана было представлено в основном русскими, татарами и казахами» [37, с.36].

Миграционная мобильность казахского населения оставалась высокой. Существенные обстоятельства способствовали изменению маршрутных передвижений и смещению части коллективов в приграничную межэтническую зону контактов с европейско-христианским населением. Данный фактор определял разрыв и установление новых поколенческих общинно-семейных связей с территорией. Сохраняли влияние традиции семейной памяти в тех общинах, которые эффективно проходили процесс адаптации. Ранее не знакомые с хозяйственно-экономическим укладом европейского населения городов казахские мигранты в первом поколении обладали низкими профессиональными параметрами. Таким образом, социальные группы казахов

использовали различные методы адаптации к социальному пространству посредством приспособления к существующим реалиям или же подчинения действительности интересам собственного совершенства.

Верные традициям этнической солидарности, казахи предпочитали селиться компактными кварталами. Так, в Семипалатинске казахи проживали в расположенном на другом берегу Иртыша квартале под названием «Заречная слободка». Примечательно, что местные казахи именовали город «Семике» [460].

Социально-имущественный статус городских казахов, равно как и других представителей национальных групп, отличался разнообразием. Коренные городские казахи сносно владели русским языком и обладали адаптивным механизмом проживания в окружении других этнических групп. В начале XX века кустанайские казахи содержали постоянные дворы. Очевидно, данная тенденция наблюдалась и в других городах. Впоследствии казахское население увеличивалось за счет непрофессиональной массы наёмных рабочих и групп интеллигентов и служащих. В целом наблюдается дальнейший прогресс указанных городов, в которых ежегодно фиксировалось открытие новых лавок и торговых фирм. В Кустанае ежегодно проходили три ярмарки: Петровская, Покровская и Рождественская, при этом одна из них действовала в зимнее время. На эти ярмарки съезжались купцы и покупатели из Оренбургской, Самарской, Тобольской и Пермской губерний, а также из Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Сыр-Дарьинской областей. Основным торговым товаром являлись скот, сырье и продукты животноводства.

Жители новых городов немало способствовали эволюции социально-культурного сектора. Описывая социально-культурный сектор Кустаная современник отмечал были «..общественные собрания, городской сад и народный дом попечительства о народной трезвости, играет оркестр бальной музыки.., устраиваются любительские спектакли» [458]. Инфраструктура городов Казахстана и ближайшего пограничья создавалась под влиянием социально-экономических факторов. Культурные учреждения городов представляли копировальный вариант духовно-научного сектора типичных городов метрополии. Основную роль в организации данных учреждений брали на себя местные чиновники и мещанство. По степному Положению 1891 года административного управления уездное начальство региона синхронно выполняло обязанности городской головы и руководства всей полиции города и уезда.

На примере Кустаная городское управление состояло из 12 городских депутатов, избираемых горожанами на 3 года для решения под председательством уездного начальника всех городских дел. Малочисленность городских депутатов актуализировало проблему реального информирования населения города о всех нуждах. В думский период на примере Кустаная обозначалась задача введения в городском секторе городского положения и городской Думы с достаточным наличием гласных от всех социальных групп населения, что позволило бы учесть интересы различных классов [461]. В 1906

году жители города обратились с «Наказом...» к своему представителю в I Государственную Думу с ходатайством о переносе областного центра из Оренбурга в Кустанай. Данное решение вполне объективно диктовалось экономической целесообразностью и мобильностью управления краем. Горожане откровенно указывали на излишнюю расточительность для казны приездов различного рода чиновников, которые под предлогом служебных обязанностей занимались развлекательными мероприятиями: «разного рода увеселительные поездки лиц в Кустанай лиц, управляющих областью под предлогом ревизии далеко не так дешево стоят казне» [462].

Мотивация поведения и стиль коллективных действий разноуровневого населения городов являли исторический опыт и великолепную практику достижения целей для молодых, образованных казахских юношей на начальном этапе деловой карьеры достижения программы-минимума.

В начале XX века казахи перемещались из аулов в города при наличии четко установленных культурно-образовательных параметров с целью трудоустройства и работы в социально-бюджетной сфере и государственных организациях. География миграционных перемещений большинства перещавшихся ограничивалась территорией областного масштаба. В числе мигрантов преобладали молодые энергичные профессионально подготовленные граждане. При этом отмечалась тенденция усиления политической активности и увлечения различными идеями данных лиц в период проживания в городах.

Пребывание казахских прогрессистов в городах определило их сближение с представителями русского либерального движения. Одним из ярких представителей являлся А.Букейханов. Примечательно, что в городах казахи-интеллигенты консолидировались по политическому признаку. В Оренбурге формируется идейное течение во главе с А.Байтурсиновым и М.Дулатовым. В Омске свои усилия объединяют А.Букейханов и Ж.Акпаев. Идейная политическая подготовка Букейханова предопределила его деятельность в Сибирском регионе. В 1905 году он, будучи делегатом от Омска, принимает участие в Московском I-м съезде российских либералов. В категории казахских служащих и интеллигентов сохранялась дифференциация по социально-имущественному признаку и образовательным параметрам. Политические взгляды казахских прогрессистов формировались под влиянием бурных процессов в начале XX века. Очевидно, в этот период происходит разделение казахского национального движения по различным идеологическим принципам. Ориентированные на западную модель социальных отношений и политического устройства, казахские интеллигенты сотрудничали с российскими либералами имперских регионов. К направлению западников относил себя А.Букейханов.

Формирование политического мировоззрения части казахской интеллигенции происходит в русле буржуазно-демократических идей. Среди них был и Халел Досмухамедов, который в 1903-1909 годах обучался в Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге. Будучи студентом, во время известных событий 1905-1906 года он вместе с другими казахскими студентами

проводил разъяснительную работу среди населения Уральска, а также публиковал свои статьи на страницах газет «Фикр» и «Уральский листок». Впоследствии Х.Досмухамедов активно взаимодействовал с лидерами казахского прогрессивного движения [48, с.102].

Либерально настроенные казахские интеллигенты в сфере реализации поставленных задач последовательно претворяли свои возможности методом организации партии, систематической работы в Государственной Думе, развитии сети периодической печати и литературы. Прогрессисты в лице А. Букейханова и его соратников активно контактировали с мусульманскими организациями, подтверждая своими действиями участие в июньском мусульманском съезде 1914 году [21, с.22].

Таким образом, 18 сентября 1905 года создается конституционно-демократическая партия кадетов. Программные установки этой партии ориентировались на изменение политической модели управления. Фундаментальная основа идеологического движения кадетов основывалась решением национального вопроса. Реализовывая программные установки кадетов, во многом тождественные интересам казахского народа, Букейханов в декабре 1905 года проводит съезд в Уральске своих соратников для обсуждения итогов работы съездов кадетов. В результате работы съезда его участники выработали решение о создании казахского национального филиала партии кадетов. Казахские интеллигенты получили известность в казахском обществе по качеству служебной специализации и общественной работе. Организаторами первой казахской кадетской партии являлись личности вполне известные не только в русских политических кругах, но и получившие популярность в казахском обществе. Идейный размах и сила влияния казахских прогрессистов получили своё распространение в период ужесточения имперской политики, сопровождавшейся разрушением традиционной структуры и социально-экономических отношений, как справедливо отмечает Е.Б. Сыдыков [34, с.14].

Это решение казахских либералов не получило одобрения руководством партии и вторым съездом [463, с.20]. Впоследствии Букейханов принял активное участие в работе I Государственной Думы, в которой тон задавала партия кадетов. Таким образом, Букейханов и его сподвижники в политической деятельности продолжали сотрудничать с кадетами.

Идейными организаторами демократической казахской партии являлись казахские интеллигенты, политическое мировоззрение которых сложилось в период эволюции общественной мысли демократических сил в империи. Программные установки казахских либералов были опубликованы в газете «Фикир». Кадетская партия в отличие от многих других в государстве отстаивала общедемократические принципы. В то же время идейные вдохновители российских кадетов придерживались доктрины сохранения единства империи. Очевидно, соответствующие постулаты объективно способствовали возникновению противоречий между её представителями по форме будущего устройства и административного статуса народов империи. Букейханов входил в масонскую ложу, перспективная задача которой

заклучалась в реорганизации системы государственного управления. Он являлся одним из первых представителей народов Азии, избранным в организацию масонов [30, с 82]. Помимо А. Букейханова, членами ложи были ряд представителей кавказских и поволжских народов [46, с.14].

Необходимо выделить специфические особенности, характеризующие национальное казахское движение, под влиянием которой консолидировались лидеры других социальных сословий: в легальных методах контактирования с имперским режимом преобладали петиции и официальные письменные запросы; деятельное участие в Государственной Думе в сотрудничестве с мусульманской фракцией; сохранение конструктивной тактики взаимодействия с прогрессивными кругами мусульманского движения; сближение в частности с кадетами на фоне общей идеи реформирования государства без элементов насилия.

Знаменательным событием в истории национального движения стала реорганизация системы Верховного управления - организация Государственной Думы. Институт Государственной Думы, символизировавший прообраз европейских демократий, был малознаком и интересен для российской общественности. Процедура внедрения Государственной Думы в систему управления вызвала воодушевление творческих сил всех групп общества. Необычайную активность в соответствующих выборах проявили казахи. По многим параметрам цивилизационное поле казахов не имело аналогов с европейскими стандартами или общественному распорядку оседлых поселенцев западных и центральных районов империи. Общинный уклад жизни казахов с патриархально-родовыми особенностями соответствовал их хозяйственно-культурному типу, в большинстве своем занятых животноводством. Выборная система депутатов как средство коллективного выражения общественных интересов импонировала казахским общинникам в качестве условия в принятии ими Государственной Думы как очередного органа управления.

В результате революции 1905-1907 годов происходит рост этнического самосознания народов империи. В этот период наблюдается усиление политической активности и развиваются национальные движения народов государств. После неудачной русско-японской войны ухудшилась социально-экономическая ситуация в восточных провинциях. Представителями сибирской общественности актуализировалась проблема введения земства как формы самоуправления и необходимости ликвидации института крестьянских начальников. На фоне реформирования общественной жизни в регионе обсуждался вопрос административного и судебного устройства нерусских народов, в том числе и казахов на началах их автономности [464, с.26]. Открытие I-й Государственной Думы явилось следствием общественного давления на властные структуры. Национально-политические интересы казахов нашли отражение в политических программах казахских интеллектуалов. В этот период формируется идейное крыло казахского прогрессивного движения. В работе I-й Государственной Думы заявили о себе польская демократическая

партия, украинская демократическая партия, кавказские национальные движения. В этой Думе сложились этнорегиональные группы и фракции, выражавшие национальные и территориальные интересы. Немногочисленные казахские депутаты на протяжении своего пребывания в думский период консолидировались с думскими группами по этническим, конфессиональным, региональным интересам. Интересно, что казахские депутаты входили в различные фракции. Анализ работы Думы показывает схожесть политических интересов национальных организаций по злободневным национальным земельным и региональным вопросам. Сотрудничество казахов с партией кадетов определялось насущной необходимостью реорганизации системы управления и политического строя в империи. Казахские депутаты консолидировались регионально с сибирскими представителями по принципу отстаивания интересов смежных сибирских и степных областей.

Введенные правительством квалификационные характеристики к участникам в выборах, несмотря на их антинародность, позволили усилить мобилизационные ресурсы казахов. В период избирательской кампании по выборам в I Государственную Думу, в городах Казахстана большую популярность приобрела партия кадетов, предвыборные лозунги которых были обращены на защиту широких слоев населения. В процессе избирательной кампании в Казахстане происходит вовлечение масс населения в политическую борьбу, выявившую глубины социальных интересов. Именно избирательные кампании стали фактором повышения общественного сознания населения. Казахское население принимало активное участие в избирательных процессах оценивая Государственную Думу, как государственный институт освобождения от государственного гнета [28, с.242].

Очевиден тот факт, что европейски-просвещенные казахи были достаточно ознакомлены друг о друге и имели наладившиеся контакты. Соответствующий механизм отношений оказался весьма важным. Фактически в силу принятых законов о выборах, только представители этой незначительной страты получили право доступа в Государственную Думу. Более того, в выборной кампании в I-ю Государственную Думу и последующие приняли участие в большинстве интеллигенты с юридическим образованием, то есть та категория граждан, которые обладали способностью права выбора объекта работы в госучреждениях или частном секторе и имели возможность квалифицированной защиты собственной чести. Данная тенденция наблюдалась по всем областям Казахстана. В числе депутатов неюристов доминировали личности ангажированные, известные своей общественной деятельностью в области защиты гражданских интересов.

По результатам выборов в I Государственную Думу прошли депутаты от Степных областей. Депутаты представляли Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую, Семипалатинскую области. Казахские депутаты составляли 7 человек. Социальная характеристика депутатского корпуса от регионов оказалась неоднородной. По установленной квоте общее количество депутатов в среднем должно было составлять 400 человек. По материалам

предварительной статистики в апреле 1906 года в империи получили депутатский мандат уже 179 претендентов. Конфессиональная структура корпуса по этому анализу выглядела следующим образом: 154 православных, 10 католиков, 2 лютеранина, 5 иудеев, 8 магометан. По социальному критерию преобладали крестьяне – 99 человек. Большинство депутатов составляли русские. Редакция газеты «Томские губернские новости» по предварительным итогам выборов резюмировала следующее: «... нужно предположить, что крестьянский мир надеяться, что сумеет сам, без помощи ученых людей, постоять за свои нужды и идеалы» [465]. Статистика свидетельствует о политических симпатиях европейского населения, главным образом крестьян, к выходцам из аграрной среды или близкостоящих к ним по социальному критерию сельским учителям и священникам. Казахские депутаты А.Беремжанов, С.Джантурин, А.Букейханов, А.Кальменьев, Б.Кульманов, Д.Тундутов имели высшее образование и в отличие от крестьянских депутатов работали в государственных учреждениях, расположенных в уездных центрах со смешанным населением.

Алсбай Кальменов работал переводчиком в Темирском уезде. В 1902 году он выбирается руководителем Емби-Байсаринской волости. От имени избирателей Уральской области он вошел в состав 1 Государственной Думы [480, с.284]. В период действия царского указа о мобилизации казахов на тыловые работы Кальменов лично сопровождал 14539 казахских рабочих из Темирского уезда на работы в район города Минска. Также он защищал их религиозные права, занимался вопросами охраны здоровья и стремился к расширению взаимоотношений между казахскими и родственными татарскими и башкирскими рабочими. По мнению казахстанских исследователей О.Озганбая и Б.Курманбекова Кальменов играл значительную роль в общественно-политической жизни края [467, с.17]. Депутат Астраханской и Ставропольской губерний Давид Цанджинович по роду деятельности известен как землевладелец и имел высшее образование [56, с.295].

Вызывают интерес результаты выборов в Уфимской губернии. По итогам выборов от губернии в Думу прошли 8 депутатов. В числе депутатов состоял Салимгерей Сейтжанович Джантурин. В Уфимской губернии этнические казахи составляли минимум в сравнении с башкирами и татарами. Под влиянием агитационной работы тюркских прогрессистов указанный депутат получил большинство голосов в губернии по избирательным спискам. Этнолингвистическая близость этих народов явилась важным фактором избрания Джантурина. Программные положения Джантурина соответствовали интересам местного населения. Образовательный уровень рассматривался как важный критерий отбора кандидатов в общественном сознании этих народов. В условиях имперской модели государственности казахи возлагали процедуру защиты своих интересов на интеллигентов, сформировавшихся как социально-профессиональную группу при соответствующих обстоятельствах.

От астраханских казахов в I Государственную Думу избирается Бахтыгерей Кульманов – чиновник Временного управления Букеевской Ордой.

Кульманов имел университетское образование [468].

В процессе выборов от Тургайской области параллельно с Беремжановым от русского населения в Думу прошел крестьянин Н.Е.Дыхнич. Дыхнич закончил народное училище и занимал должность церковного старосты. Выборы русского депутата проходили в Кустанае и вызвали небывалый всплеск общественной активности. По данным наблюдателей, переселенческая община в динамике подготовки кандидатов в выборщики разделилась на многочисленные партии по социальному признаку. В частности в области выделились учительская, купеческая, чиновно-купеческая и мещанская группировки. В выборщики оказались избранными несколько человек, сочувствовавших партии народной свободы. Выборщики представляли русскую и татарскую группы населения. Таким образом, различавшиеся по имущественному статусу и профессиональной ориентации переселенцы поддерживали кадетскую партию [469].

Профессиональная компетентность и общественная работа в различных акциях явились главным фактором притягательной силы Беремжанова как и ряда других казахских прогрессистов. Хорошо спланированная агитационная программа и объединение казахских выборщиков по региональному принципу обеспечили победу Беремжанова. К моменту избрания в Думу Беремжанов имел статус беспартийного. Дыхнич и Беремжанов были объединены идеей защиты областнических интересов. По мнению аналитиков, в первую очередь в законодательном порядке следовало решить такие задачи как право арендования крестьянами земель у казахов; учреждение в области кредитов; упразднение института крестьянских начальников. Особую актуальность приобретала неотложная проблема улучшения отношений между переселенцами и казахами, прежде всего реализацией ходатайства прекращения дальнейшего изъятия земель под переселенческие участки. Потребность разрешения этносоциального противостояния ощущали представители областной общественности.

Мозаичным оставался партийный состав депутатов. Из числа казахских депутатов Степных областей к партии кадетов относился Букейханов [71, с.50]. Символично, что в период работы Государственной Думы казахские депутаты сотрудничали с несколькими партийными группами, как, например, с партией кадетов и мусульманской фракцией. В 1906 году в Петербурге состоялся мусульманский съезд. Съезд обязал своих думских представителей присоединиться к кадетам [24, с. 153]. В состав I Государственной Думы от Семипалатинской области вошли А.Букейханов и Н.Коншин. Анализируя количественный состав сибирских депутатов, сибирский ученый Г.Потанин выделил только 2-х из них, которые, по его признанию, действительно представляли интересы своих территориальных районов – казачьего депутата Лаптева и Букейханова. По его признанию именно эти лидеры в своих программах и своими действиями отражали надежды и пожелания этнических общин: «Таковыми представителями, которые действительно представляют интересы своего территориального района, можно назвать только двух:

Букейханова, представителя от киргиз, и Лаптева, депутата от казаков» [470].

Оба они входили в партию центра, коей являлась «Народная свобода». В состав сибирского филиала указанной партии входили 10 человек, что составило 62,5% от всех 15 сибиряков в Думе [71, с.55]. В союз правых партий монархистов и союз «17 октября» входил 1 депутат или 6,25%; в блок левых партий трудовиков и социал-демократов - 4 или 25%. Таким образом, большинство депутатов-сибиряков ориентировались на кадетскую программу. Распределение сибирских депутатов в Государственной Думе по сословиям выглядело следующим образом: крестьян – 8 (50%), казаков – 1 (6,25%), казахов – 1 (6,25%), сыновей купцов – 2 (12,5%), сыновей чиновников и прочих – 4 (25%). Профессиональный состав депутатов оказался различным. Высшее образование из числа сибиряков имели 6 человек, т.е. 37,5%. Соответствующие показатели свидетельствовали о качественном уровне подготовки депутатского корпуса.

Аграрные вопросы подвергались обсуждению в работе Государственной Думы. Депутат Беремжанов потребовал увеличения количества членов аграрной комиссии из которых 2 места он предлагал предоставить делегатам от Семиреченской, Семипалатинской, Тургайской, Уральской областей, Букеевской Орды и Астраханской губернии. В процессе работы Думы Беремжанов сделал запрос «О незаконных действиях земельных комиссий в Киргизских областях» [71,с.56]. Казахские депутаты и кадеты сформулировали аграрную программу из нескольких пунктов. Причем эти пункты получили свое освещение на съезде казахов в Уральске. Основное содержание этой программы заключалось в том, что земли, на которых проживали казахи на правах вечной собственности, принадлежали казахскому народу без всяких других совладельцев. Таким образом, казахские кадеты выступали против признания казахских земель государственной собственностью. По программным установкам прогрессистов закон о земельной собственности и передачи их переселенцам предлагалось ликвидировать. Причем переселение крестьян на казахские территории, по мнению кадетов должно было проходить с разрешения казахов. Эти пункты носили общий характер и требовалась их дальнейшая регламентация с указанием дат, механизмов исполнения, форм судопроизводства, методов внедрения. Однако основной мотив этой программы официально прозвучал и соответствовал интересам казахского общества.

В орбите сотрудничества казахских депутатов оказались представители разных партий и течений. Депутат Государственной Думы – прогрессист Седельников, обсуждая аграрную проблему, подчеркивал ухудшающееся положение казахов которые, по мнению современников, никому не верили, кроме Думы. Седельников сотрудничал с казахскими депутатами и был осведомлен об уральской встрече казахских лидеров. В выступлении в Государственной Думе он фактически озвучил позицию казахов относительно отмены государственной собственности на казахские территории с передачей их в вечное пользование на правах собственности казахскому народу. Он настаивал на предоставлении казахам равных прав и возможностей для

развития в государстве [471].

В Государственной Думе действовали сочувствовавшие казахским представителям депутаты из других фракций. Наиболее последовательным в сфере реализации пунктов предоставления казахам политических прав являлся депутат Седельников. Он на заседаниях Думы указывал на бедственное положение населения контактной сибирско-степной полосы. Седельников настойчиво подчеркивал необходимость землеустройства старожилов Сибири, казахов и башкир, земли которых несправедливо отводились под колонизацию. В Думе активизировалась деятельность фракции автономистов. Автономисты выдвигали идею предоставления автономии народам государства. Казахские депутаты активизировались с автономистами в реализации своей программы. [472].

Проблемой взаимоотношения коренного населения Сибири и прилегающих регионов с пришлыми славянскими народами исследователи занимались еще в имперский период. Одним из них был депутат Государственной Думы П.Г. Головачев. Работу данного политического деятеля достаточно скупно рассматривает такой ученый, как Таштемханова Р.М. В своей научной публикации автор приходит к выводу о том, что уже в начале XX века российские общественно-политические деятели открыто говорили о пагубности колонизаторской политики царского правительства для коренного населения Сибири и прилегающих территорий [473, с.64].

Во время работы в Государственной Думе депутаты А. Беремжанов и А. Калменов консолидировались с членами мусульманской фракции. Мусульманские народы связывали с Государственной Думой большие надежды. В данном государственном институте периода 1906-1907 годов в группе мусульманских депутатов были представители мусульманских народов, объединенные решением общих задач. Так, на заседаниях Думы башкирские депутаты Ш. Сыртланов и К. Хасанов выступали о расхищении правительством земель мусульман, кавказский делегат Т.Эльдарханов говорил о разрешении аграрного кризиса, ему вторил азербайджанский лидер Ф. Хан-Хойский. Депутаты относились к различным партиям – Например К.Хасанов являлся членом партии народных социалистов, Ф.Хан-Хойский входил в партию кадетов и так далее [23, с.163]. На заседаниях фракции казахские депутаты в своём запросе актуализировали земельные проблемы. По итогам их предложения члены фракции за подписью 53 депутатов выработали решение о прекращении переселения. Данный запрос подписывался и делегировался Председателю Совета Министров [53, с.225].

В результате разгона I Государственной Думы и наступления царской реакции, существенный урон потерпела интеллигенция. За подписание протеста тюремному аресту подвергся А.Букейханов. Подписанты Выборского манифеста, состоявшие из значительной группы подготовленных депутатов, поставили под сомнение законность политического акта.

Политический тон в I Государственной Думе задавали кадеты. Необычайную активность проявляли трудовики, мирообновленцы. Общие

результаты законодательной работы I Государственной Думы были незначительными. Из 29 подготовленных депутатами законопроектов получили одобрение на пленарных заседаниях только 2- об отмене смертной казни и оказании помощи голодающим губерниям. Думские запросы в министерства от депутатов оказались малоэффективными по причине отсутствия в законах точно установленного срока ответов министров на запросы. Другие более весомые причины заключались в том, что думцы имели право делать запросы по тем вопросам, которые находились в орбите влияния разрабатываемых ими законопроектов [474, с. 231].

Под влиянием общественности правительство санкционировало выборы во II Государственную Думу. От казахского общества реальные шансы на успех имели представители казахской интеллигенции, обладавшие широкой общественной популярностью. Статус европейски-просвещенных казахов существенно повышался в динамике избирательной компании в Думу. Казахские выборщики прекрасно осознавали эффективность действия этой категории граждан в Думе, в отличие от прочих национальных авторитетов. По воспоминаниям публициста Я.Полферова: «Единогласное избрание в Государственную Думу Урмамбет отклонил, отказавшись в пользу своего молодого с высшим образованием родича, но фактически руководил из степи» [475, с.46]. Из казахских претендентов по образовательному цензу и профессиональной подготовке доминировали юристы.

В Семипалатинской области претендовал на участие в выборах А. Букейханов. Впоследствии он не получил права участия в выборах по причине неблагонадежности.

В июне 1906 года Букейханов инициировал собрание казахских выборщиков в Семипалатинске. На этом собрании Букейханов ознакомил присутствующих с программой партии «Народная свобода». Впоследствии присутствующие казахские депутаты присоединились к этой программе [476]. А.Букейханов активно использовал легальные методы борьбы. Критикуя деятельность переселенческого правления, он публиковался в Санкт-Петербургских и Сибирских периодических изданиях, на страницах которых описывал процесс обезземеливания общинников в результате действий переселенческого правления. В газете «Речь» он обращался к Государственной Думе с анализом действий Переселенческого управления [476].

Значительно позже власти запретили А. Букейханову въезд в Кокчетавский уезд, в котором ему предлагалась работа по повторному исследованию этого уезда [477]. Впоследствии А.Букейханов ссылается в Самару, где он продолжил свою политическую деятельность. В это время он параллельно работал статистиком Донского земельного банка. Ему удалось продолжить свои научные разработки по истории и этнографии казахов, опубликованные в сборнике «Формы национального движения национального государства», в котором на основе научных данных им излагалась концепция складывания казахских областей на обширной территории от Волги до Алтая и от Урала до Ферганы [463, с.23].

В самарский период Букейханов состоял членом Самарского комитета кадетской партии. В 1912-1913 годы он контактировал с самарскими социал-революционерами. В политической организации казахов Букейханов пожалуй, играл ключевую роль. В самарский период А. Букейханов занимался политической работой. В ноябре 1912 года он участвовал в собрании, на котором произошла консолидация всех идейно-политических самарских течений от октябристов до левых групп. Тогда же он печатался с критическими статьями по поводу аграрной политики государства. Через некоторое время он принял участие в съезде социал-революционеров. Данный период характеризуется включением А. Букейханова в состав губернского комитета партии кадетов. В самарский период А. Букейханов контактировал с А.Ф. Керенским [478, с.40-41]. Выключенный силовыми методами из регионального общественно-политического движения, Букейханов оказался востребованным в Поволжском отделении кадетов. Лидеры «КД» привлекая Букейханова в руководящие структуры филиала, тем самым пытались установить контакт с казахскими прогрессивными представителями. А.Букейханов являлся членом I Государственной Думы. Впоследствии он активно сотрудничал с газетой «Казах».

Политическая деятельность Букейханова охватывала обширные регионы Казахстана, Сибири, Приуралья. Его имя было популярным в общественных кругах Санкт-Петербурга. В революционный период 1917 года он делегируется от казахов на 1-ый областной Сибирский съезд в Томске. Букейханов на этой встрече выступил о необходимости реорганизации государственной модели по федеративному принципу [479]. Букейханов отражал позицию той части казахских интеллигентов, которые учитывали ресурсные возможности казахского народа в перспективе политического реформирования на правах суверенитета и автономии.

По сообщениям современников, юрист Марсеков рассматривался выборщиками от казахов как будущий депутат в Государственную Думу. В списке претендентов числились другие казахские представители с соответствующим образовательным статусом. В то же время отмечалось ожесточенное противостояние с наличием враждующих партий прогрессистов и консерваторов в переселенческих группах населения. Минимизированный выбор претендентов в депутаты от казахской общины консолидировал его представителей в принятии решения в отличие от переселенческих групп, раздробленных наличием большого количества претендентов по социальным, имущественным и профессиональным критериям. Наблюдатели всей избирательной компании в Семипалатинской области отмечали единодушие казахов в ориентации выбора своих представителей по образовательно-профессиональным параметрам и личностным характеристикам: «Киргизы насколько можно судить, проявляют большой интерес к выборам... в Думу же намечают или б. депутата г. Букейханова или юриста г. Марсекова, говорят, впрочем и о дргих лицах из интеллегенции своей» [480].

В данное время в Семипалатинской области проживал вероятный кандидат

в Государственную Думу Ж.Акпаев. В 1901 году Акпаев впервые проявил свои юридические познания, находясь на каникулах в Каркаралинском уезде Семипалатинской области. Он вступил в конфликт с местными служащим-рассыльным, требовавшим верховую лошадь у его отца для выполнения важного поручения. Впоследствии Акпаев обратился с жалобой к Семипалатинскому окружному прокурору о противозаконности требований со стороны служащего. Проводивший расследование уездный начальник, отмечал: что «Акпаев ... позволяет себе распространять в степи между киргизами разные ложные свои взгляды ..., а так как мнения эти исходят от лица, пользующегося по своему общественному положению авторитетом в киргизском населении, демонстрируют последнее и вредно на него влияют, то уездный начальник сделал замечание Акпаеву». Данный инцидент подробно излагался в письме Семипалатинского генерал-губернатора к ректору университета. Однако каких-либо дисциплинарных действий со стороны руководства университета по отношению к Акпаеву не последовало [123, л.43-45].

На примере Акпаева выявляется образ независимой личности, сформировавшейся в условиях либерально-демократической среды больших городов империи. Методы воздействия Акпаева отличались от радикально-силовых действий его земляков, рассчитывавших на физическое сопротивление или помощь однородцев. Акпаев справедливо апеллировал к нормам судопроизводства, учитывая собственные ресурсы. Его практицизм действий опирался на знание законов и норм делопроизводства, выгодно отличавших его от остальной массы.

В 1905 году за участие в мирной манифестации в Омске после объявления манифеста от 17 октября Акпаева, по требованию председателя Палаты, увольняют с места работы. В Омской демонстрации принимали участие учащиеся местных учебных заведений [481, л.49].

Российское студенчество и ученичество являлись наиболее оппозиционно настроенной категорией общества к правившему режиму. Выразительными атрибутами демонстрации служили красные знамена, подтверждавшие приверженность демонстрантов к социалистическим идеям. Акпаев придерживался идеологических постулатов либерально-демократической ориентации, ярко проявившихся в последующих политических событиях. Омская демонстрация представляла собой выразительный пример консолидации значительных слоев общества. На данный период Акпаев служил помощником секретаря Омской судебной палаты и прекрасно осознавал возможность пагубности совершенного действия. Под влиянием событий гражданского противостояния Акпаев и его единомышленники включились в политическую деятельность. В условиях специфики казахского общества требовалось личное участие Акпаева, Букейханова, Байтурсынова и ряда других казахских интеллектуалов в формировании общей стратегии за достижение равенства политических и гражданских прав. Таким образом, действия Акпаева четко обозначили его позицию и предопределили будущие лидерские функции. Определенная часть сочувствовавших Акпаеву служащих

не приняли активного участия и не проявили какой-либо инициативы в оппозиционировании режиму. Острота эмоционального накала и массовое воодушевление политизированной городской публики обусловили радикализм Акпаева, жертвовавшего личным социальным благополучием во имя пропагандируемых идеалов, неоднократно озвучиваемых на политической авансцене сложного периода 1905 года.

Осенью 1905 года Акпаев проводил агитационную работу в Каркаралинске. В 1906 году в газете «Семипалатинский листок» Акпаев опубликовал статью, в решительной форме отстаивая политические и экономические права казахского народа, которые нередко ущемлялись чиновниками. За эту статью он и ответственный за публикацию статьи редактор газеты Коншин на страницах возлагаемого им издания, решением Степного вице-губернатора привлеклись к судебной ответственности. Один из судей окружного Семипалатинского суда, ознакомленный с делом Акпаева, отмечал: «Изложенные в корреспонденции суждения ... подходят отчасти под признаки преступления, предусмотренного 1036 ст. улож. наказ., но все таки полного состава означенного преступления, по моему кроткому разумению, не имеется: корреспонденция Акпаева вряд ли может быть признана «воззванием», указанным в ст. 1036 улож. и кроме того, едва ли в суждениях Акпаева при всей его тенденциозности можно усмотреть «возбуждение вражды» одной части населения против другой». Приговором Семипалатинского окружного суда в августе 1906 года он был оправдан [481, л.39]. Безусловно, Акпаеву удалось проявить собственные волевые качества и знание государственного судопроизводства, которым он занимался профессионально. Данный вердикт оценивался Акпаевым как значительный успех в его политической деятельности. После вынужденной отставки Акпаев по собственному признанию занимался разъяснением основных положений манифеста среди казахского населения.

По выходе в отставку Акпаев продолжал заниматься юридической практикой. Местом жительства он избрал Каркаралинск – небольшой уездный город. В Каркаралинске Акпаев получил известность у казахского населения как общественный деятель и профессиональный юрист. Он «неофициально занимался практикой по судебным делам» [482, л.106]. Акпаев консультировал местных казахов по уголовным делам и иногда выступал в качестве защитника. Будучи государственным служащим, Акпаев согласно правилам внутреннего распорядка, лишался права личной свободы и деловой инициативности. Занимаясь частной практикой, он получил возможность проявить свои личностные данные, предопределившие его популярность. По сведениям информаторов, Акпаев участвовал в разрешении споров между соперничавшими казахскими родами. Примечательно, что в рамках уезда местные традиционные лидеры апеллировали к мнению находившегося в опале светски-образованного Акпаева, возвышая его статус в сравнении с народными судьями. Юридической деятельностью Акпаев продолжал информационно-агитационную работу, тем самым распространяя собственное

влияние в области. В официальной характеристике прокурора Семипалатинского окружного суда он оценивался как бесспорный лидер [482, л.15].

В декабре 1905 года Акпаев выступал с разъяснением манифеста перед казахами в Каркаралинске. В диалоговом общении он пояснял населению функциональные обязанности и юридические полномочия уездных и крестьянских начальников. По доносам информаторов, Акпаев агитировал население за ликвидацию этих институтов управления. В качестве альтернативы он предлагал создать собственное управление текущими делами. Согласно решению собравшихся депутатов, Акпаеву делегировалось право председателя избранного правления [483, л.42]. Действия Акпаева оценивались государственными властями как антигосударственное преступление.

За политическую деятельность Акпаев, обвиненный полицией, при содействии властей и прокурора подвергся заключению в тюрьму. Из тюрьмы 30 марта 1906 года Акпаев написал следующее в письме своему учителю – профессору Санкт-Петербургского университета Льву Иосифовичу Петрожицкому, кандидату в Государственную Думу: «Глубокоуважаемый учитель Лев Иосифович ... я решил написать Вам настоящее письмо и выразить в нем Вам глубокую благодарность за те познания по части теории права и нравственности, которые я приобрел во время пребывания в Санкт-Петербургском университете, посещая аккуратно Ваши лекции в продолжение 4-х лет. Теоретические познания послужили к выработке нравственно-правовых убеждений и ... подготовили меня к стойкой борьбе с произволом, царящим в киргизской степи. ... Я счастлив, что мне удалось приподнять настроение киргизов, которые, несмотря на военное положение, чувствуют себя соколами и готовы защищать свои права с оружием в руках. Если даже мне пришлось бы идти в Восточную Сибирь и то я не стану огорчаться, помня, что я исполнил свой гражданский долг перед родиной, в частности, перед киргизским народом. Главный наш кандидат номер 1, мой друг и товарищ Алихан мурза Букейханов, по распоряжению Сухотина сидит в тюрьме за участие на 6-ом съезде земских деятелей» [484, л.3].

Репрессии 1905-1906 годов коснулись и ряда других представителей общественности, отстаивавших интересы казахского народа. После освобождения из заключения Акпаев продолжал активно заниматься политической деятельностью. Букейханов с 1902 года находился под негласным наблюдением полиции. С 1888 года он проживал в Омске. С этого времени Букейханов работал в экспедиции по обследованию Степных областей.

В 1909 году в Каркаралинске подвергся аресту другой популярный казахский интеллигент А.Байтурсинов по обвинению в антиправительственной пропаганде. С марта 1910 года он лишился права проживания в Тургайской, Семиреченской областях и Степном крае сроком на два года. В этот же период власти инициировали компанию высылки группы казахов, среди которых находился Ж.Акпаев, за пределы Степного генерал-губернаторства,

Семиреченской и Тургайской областей [22, с.28]. Практика искусственной изоляции точно локализовало действия казахских интеллигентов вне пределов своей этнотерритории. Таким образом, правительством сознательно проводилась тактика вытеснения из политической орбиты европейски образованных либералов, связанных с российскими демократическими кругами. В биографиях опальных прогрессистов выделяется интересная сюжетная линия – все они продолжали заниматься научно-исследовательской работой или статистическими изысканиями, привлекаясь местными органами власти как квалифицированные специалисты.

В январе 1907 года от казахов Беркаринской волости Акпаев избирается выборщиком [485]. По сути Букейханов, Марсеков, Акпаев имели одинаковые стартовые возможности и представляли огромный интерес для казахов на выборах в Думу. В феврале 1908 года Акпаев исключается областной комиссией по выборам из списков избирателей, что вызвало возмущение населения [486].

По закону о выборах в Думу городские казахи голосовали не в городах, а в волостях. Большинство казахов ориентировались на казахов-горожан, на предоставление голосов в пользу просвещенных казахских участников в выборах. В городе Каркаралы общее количество выборщиков неказахской национальности составляло 132. Из них татар – 86, русских – 45, евреев – 1. [486]. Именно Каркаралы стал организующим центром известной Каркаралинской петиции, составителями которой по сути являлись казахи-горожане. Пункты петиции во многом соответствовали программным установкам татар, связанных с казахскими прогрессистами.

Казахские прогрессисты учитывали национальные традиции концентрации казахов на ярмарках и рынках. Центр политической деятельности прогрессистов смещался в Семипалатинск по факту наличия в нем местных прогрессивных сил, взаимодействовавших с русскими общественными деятелями. Вероятно, данными обстоятельствами обосновывался приезд в Семипалатинск тургайца Дулатова.

По итогам выборов во II Государственную Думу из 500 депутатов только 30 являлись депутатами I созыва. Общее количество казахских депутатов составляло 7 человек [56, с.110]. Партийная стратификация Думы выглядела следующим образом: 89 монархистов; 37 правых; 43 умеренных, в том числе 22 октябриста; 285 левых в том числе 29 прогрессистов; 74 партии народной свободы; 9 левых партии народной свободы, 37 трудовиков, 37 левых [485]. По опыту I Государственной Думы казахи тесно контактировали прежде всего с членами партии народной свободы, программы и задачи которой по ключевым моментам соответствовали национальным и региональным интересам казахов.

Интересы казахов Акмолинской области представлял Шаймардан Коцегулов, Семипалатинской – Хаджи-Темиргала Нароконев. К моменту избрания Коцегулов занимал должность муллы в Кокчетаве. Ранее он получил духовное образование в Кокчетаве и Петропавловске. Уровень подготовки обусловил знание им пять языков, в том числе и русского. Первоначально во время выборов в I Государственную Думу ему отказывалось в участии якобы

по незнанию русского языка. По итогам выборов от казахского населения Акмолинской области Кощегулов вновь прошел во II Государственную Думу, которая признала его полномочия бесспорными. В период повторных выборов он получил в свою пользу 101 голос. Кощегулов оставался сторонником шариатского судопроизводства. По обвинению в агитации населения на религиозной почве он в 1903 году подвергся высылке на 5 лет в Якутскую область. В 1905 году по манифесту он возвращается на родину. В Кокчетаве он владел магазином русско-мусульманских книг и изданий. Подобно ряду других депутатов, Кощегулов будучи членом мусульманской парламентской группы был представителем Сибирской группы депутатов [70, с.31].

Х.Т. Нароконев родился в 1859 году. Он закончил казахскую начальную школу. Нароконев примыкал к партии Народной свободы. В Думе он входил в мусульманскую парламентскую фракцию [70, с.34].

Каратаев представлял казахскую общину Уральской области. В этот период кандидатами в Государственную Думу от казачьего населения Уральской области являлись ихтиолог Н.А.Бородин, генерал П.С.Тостов и доктор Ф.А.Еремин. Реальной конкуренции у Каратаева в казахской этнической среде не было. В официальных сводках он характеризовался как прогрессист. По профессии он являлся частным поверенным. Определенно, некоторые тюркские делегаты обладали популярностью и среди представителей российской общественности. Так, во время торжественного освещения здания Думы в первом ряду заседал башкирский депутат Уфимской губернии Сыртланов. Соседом Сыртланова являлся Петрожицкий – профессор Санкт-Петербургского университета тесно связанный узами дружбы с Ж.Акпаевым [472]. Сыртланов сотрудничал с партией кадетов, контактировал с такими представителями кадетской партии как Васильев, Кедрин, бароном Рооп, Лезницкий, Кузьмин-Караваев.

От казахов Тургайской области в состав Государственной Думы вошел А. Беремжанов. Ахмет Кургамбекович Беремжанов прошел на выборах при подавляющем количестве голосов на областном съезде выборщиков в Актюбинске. Выпускник Казанского университета, юрист А. Беремжанов занимал должность мирового уездного судьи и обладал популярностью среди населения. По мнению наблюдавшего за выборной кампанией специального корреспондента перед Беремжановым стояла задача «улучшения отношений между переселенцами и киргизами и ходатайство о дальнейшем прекращении отнимания у киргиз земель..» [487]. Достижение обозначенной цели состояло прежде всего в отмене Степного Положения 1891 года, юридически закреплявшего дискриминационно- сегрегационную политику в областях расселения казахов во всех сферах социально-экономического и политического характера. Как профессиональный юрист и общественник, Беремжанов осознавал пагубность «таласничества», консервировавшего этнообъединительные тенденции в крае. «Таласничество» на уровне межродовой борьбы обостряло акты насилия, террора и грабежей. Тенденция родового противостояния сохранялась в регионе на протяжении длительного

времени. Аналитики отмечали в период выборных кампаний акты беспорядков и неподчинения местного населения официальной власти [488, с.403]. Данный аспект сохранял локализацию общественного сознания казахов на ограниченном территориально-волостном уровне. Примечательно, что в ситуации выборов в Думу проявлялись элементы этносближения в не зависимости от социального или племенного происхождения. В выборной компании на должности волостных управителей проявлялся родовой партикуляризм, имевший негативные последствия в нормализации отношений между родами. Выборы в главенствующий институт власти объединяли ориентированные на светских прогрессистов казахские массы. Таким образом, казахские депутаты Степных областей, за исключением Кошегулова и Нароконева имели высшее образование.

Качественно-профессиональный состав казахских депутатов в Думах отличался образовательными стандартами, главным образом университетов, и специализированной подготовкой на уровне служащих в сферах права, экономики и т.д. Многомиллионная масса казахов-агров призывала идейно-политическую роль прогрессистов. За короткий промежуток времени молодым прогрессистам удалось получить социальное доверие благодаря пропагандируемым методам разъяснительной работы. Консолидация служащих на политической основе национального единства предопределила их лидерство в массе.

В процессе разрешения земельных вопросов казахи апеллировали к государственному судопроизводству. По опыту функционирования казахских депутатов Государственных Дум казахи делегировали своих представителей в высшие инстанции для удовлетворения земельно-имущественных запросов. Как правило, соответствующие полномочия возлагались на известных и образованных представителей. В 1909 году казахи Толстовского участка Кокчетавского уезда отправили своего депутата в Петербург с ходатайством о разрешении земельного спора. По Высочайшему рескрипту, казахские хозяйства наделялись по 15 дес. удобной земли, не считая джайляу. [489] Бесспорно, казахские интеллектуалы выступали в роли политических консультантов казахского общества.

В 1906 году в Семипалатинске на областном уровне обсуждались проблемы функционирования Степного Положения. Нарекания аналитиков вызывала ст.136 по содержательной части которой соблюдалось изолированное положение казахов от пришлых переселенцев. Данная ситуация определила слабость взаимных контактов доминировавших народов в зоне соприкосновения [490]. Проблема аренды и купли-продажи земли дискуссировалась на протяжении длительного времени. Ведущие аграрные народы отличались по социальному устройству и хозяйственно-культурным характеристикам.

По инициативе казахских депутатов и поддерживавших их кадетов уже в марте состоялось заседание по вопросу о земельном устройстве казахских земель. В работе совещания принимали участие директор лесного департамента

Л.Ф. Кублицкий-Пиоттух, начальник Переселенческого управления Г.В. Глинка, начальник азиатского отдела главного штаба полковник Цеатль и ряд высокопоставленных чиновников. Для участия в работе совещания приглашались депутаты Б.Каратаев, А.Беремжанов, Ш.Коцегулов, Х. Нароконев. Данная встреча проходила перед процедурой выработки законопроекта о земельном строитстве казахов. По существовавшему положению проект должен был пройти через обсуждение в Государственной Думе. Объективно кооперировавшиеся с кадетами, сибиряками и мусульманскими лидерами Думы казахские депутаты теоретически составляли оппозицию инициаторам и разработчикам проектов. По всей видимости основная цель организаторов совещания состояла в изучении позиции казахских депутатов по конкретному вопросу аграрной политики, которая в целом вызывала неприятие казахского населения. В процессе полемики депутаты актуализировали проблему выяснения причин спешной политики изъятия лучших земель у казахов Степных областей. Подготовленные к встрече депутаты апеллировали к «Положению о Степных областях», согласно 125 статьи которого запрещалось изъятие обрабатываемых казахами земель. Депутаты акцентировали неприкосновенность частно-владельческих рощ, лесных массивов и земельных участков с жилыми постройками и другими хозяйственными сооружениями. Юридически подготовленные Беремжанов и Каратаев были весьма осведомлены о соответствующих нормативах. По сообщению депутатов, работники землеустроительных комиссий отчуждали предназначенные для хозяйственных сооружений земли у казахского населения. По экономическому анализу казахских представителей в Уральской области отсутствовали излишки земли. В деловой беседе депутаты во избежание кровавых столкновений в крае потребовали немедленного приостановления переселения вплоть до разрешения аграрного вопроса в Думе. Председатель совещания обещал доложить запрос депутатов председателю совета министру Столыпину [491]. Стиль поведения и форма общения депутатов с властными структурами существенно различались с тактикой отношений предыдущих deputаций XIX века к имперским органам управления. В данный момент депутаты имели право выдвигать в резкой форме требования по формирующейся парламентской европейской модели взаимоотношения с властью. В думский период происходит изменение психологии поведения казахских депутатов, перенимавших образцы новой парламентской этики с ориентацией соблюдения правозаконности и юридического обоснования применения давления. Демонстративно проявилась гражданская позиция государственного служащего А.Беремжанова, осознававшего последствия содеянного.

В январе 1907 года состоялась встреча мусульманской депутации с председателем Совета министров П.А.Столыпиным. Столыпин обвинил мусульман в политических связях с кадетами. Действительно, большинство мусульманских деятелей имели непосредственное отношение к этой партии или разделяли убеждения кадетов. По мнению Столыпина, мусульманская печать

признавалась «слишком революционной» [492]. На страницах национальной печати в унисон либеральным изданиям излагалось собственное видение преобразовательных процессов в обществе. В этот период вновь обострилась проблема народного образования в мусульманских областях и её составная часть – замена арабского шрифта кириллицей, инициированная казанским профессором Ильминским. Казахские депутаты лично ходатайствовали перед премьер-министром о сворачивании перевода казахских земель Тургайской и Уральской областей под переселенческие участки до принятия Государственной Думой аграрного законопроекта. Столыпин заверил депутатов разобрать данную проблему на мартовском экстренном совещании с участием представителей министерства и министра Лыкошкина [492].

В марте 1907 года состоялась встреча казахских депутатов с министром Внутренних Дел по делу о нуждах казахского населения Степных областей. В процессе беседы депутаты акцентировали внимание министра на проблеме свободы вероисповедания. При этом критике подвергались законы, запрещающие строительства мечетей. Актуализировался вопрос квалификации мулл. Депутаты выставили на повестку дня аграрный вопрос, а именно устоявшуюся практику отторжения земель в пользу переселенцев. В Думе под председательством товарища министра действовала «особая комиссия по киргизскому вопросу», к сотрудничеству с которой привлекались казахские депутаты.

Весной 1907 года состоялась очередная встреча казахских депутатов с главноуправляющим земледелия и землеустройства К.Н.Васильчиковым, заявившим о необходимости перевода казахского населения на оседлость. Корреспондент «Сибирских вопросов» отмечал: «Киргизским депутатам, ходатайствовавшим о приостановке переселения в степи, кн. Васильчиков высказал заветное слово бюрократии, что считает необходимым прекратить кочевание киргиз и сделать их оседлыми» [74, с.5]. Предубеждения Васильчикова вызвали комментарии аналитиков. По утверждению региональных специалистов, государством систематически упорно отрицалось значение степного скотоводства при ситуации сокращения количества скота в империи. Корреспонденты приводили факты доминирования на Российском рынке зарубежных мясных товаров. Представители общественности обращали внимание Думы на доскональное изучение проблемы во избежание силового противостояния. Обсуждение аграрного вопроса акцентировало исторический опыт взаимоотношений метрополии и провинции периода включения значительной части казахов на добровольной основе в имперское подданство на строго регламентируемых условиях. Таковой была позиция депутатов сибирской группы и консолидируемых с ними казахских депутатов. По сути заявление Васильчикова отражало мнение значительной части государственной бюрократии, не учитывавшей природно-климатические особенности края. млеустроительные работы в районе Каркаралинска Семипалатинской области, проводимые с целью изъятия земель у казахов в пользу переселенцев, электризовали ситуацию в крае. Игнорирование интересов обезземеленных

казахов и неустроенных переселенцев привело к их прямым силовым столкновениям в Омском, Петропавловском, Уральском уездах [74, с.7]. Впоследствии динамика подобных конфликтов участилась.

Представитель Уральской области социал-демократ И.И. Космодамианский в своем выступлении раскритиковал позицию выразившего мнение государственной власти князя Васильчикова. Оратор указывал на необходимость учета экономических особенностей, специфики ведения хозяйства, внутреннего уклада казахского народа. Оратор актуализировал проблему переселенчества в Уральскую область. Выступающий негативно высказался об экономической миграции крестьянского населения, что по его мнению усугубляло ситуацию в крае. Примечательно апеллирование депутата к историческому аспекту объявления казахских земель государственной собственностью в 1868 году. Космодамианский применял терминологию «национальная собственность», призывая к учету настроений местного населения [493].

По итогам неудачной встречи казахских депутатов с Васильчиковым семипалатинские депутаты Лаптев и Коншин получили от каркаралинских казахов развернутую телеграмму [494, с.11]. Казахские выборщики обращались с различными жалобами, запросами и к областным депутатам. В частности уполномоченные от казахского населения Акпаев, Акаев, Орманбетов, Коймалов, Татымбетов отправили телеграмму депутатам Лаптеву и Коншину с предложением о приостановки переселенческого движения в степные районы до разрешения аграрного вопроса Думой во избежание печальных инцидентов. За незначительный срок каркаралинские казахи делегировали 3-ий подробный документ в Думу. В данном случае вдохновители письма отправили его адресно русскому и казачьему депутатам, символизируя надежду на выполнение поставленных задач демократически настроенными депутатами. Фактическая часть и стилистика письма характеризует глубокий уровень подготовки его составителей. Очевидно, в составлении и написании письма ключевую роль сыграл известный в Каркаралинске правозащитник Акпаев. Авторы письма апеллировали к ошибочности программы переселения. Они указывали цифру в 14% казахов Семипалатинской области, вынужденных от безысходности арендовать казачьи земли. Составители обосновывали доминанту кочевого хозяйственно-культурного типа казахов специфическими природно-климатическими условиями. Рациональный подход, по их мнению, являлся основой сохранения кочевого животноводства как рентабельного вида хозяйствования по примеру скотоводства в Австралии, Аргентине и США. В письме выражался протест от имени 5 миллионов казахов продолжению переселенческой политики и ее приостановления вплоть до решения Думы. В телеграмме авторы отмечали: «Обращаясь к Государственной Думе и обществу, просим в интересах наших, так и переселенцев, остановить переселение и тем самым спасти не одну сотню граждан от разорения и гибели, преподающих правительством под видом колонизации степи и разорения» [508, с.12]. В письме сохранялись надежды на положительное решение

проблемы.

Акмолинец Кошегулов, семипалатинец Нороконеv вместе с сибирскими депутатами Лаптевым, Коншиным, Скалозубовым, Колокольниковым, Алексеевым, Байдаковым образовали думскую сибирскую группу. Сибирская группа организовалась по инициативе И.П.Лаптева. Учредительное собрание группы состоялось 20 марта 1907 года. Свое принципиальное согласие войти в группу изъявили все прибывшие к тому времени в Петербург наличные депутаты Сибири и Степных областей.

Сибирская группа не являлась фракцией с определенной политической программой. Она представляла собой союз депутатов сибирских губерний и степных областей, связанных общностью интересов населения территории, уроженцами которых они являлись. Группа отличалась координированностью действий с целью обеспечения достижения результатов. В группе не регламентировалось жесткое подчинение меньшинства большинству.

Депутаты Государственной Думы от Акмолинской, Семипалатинской, Сибирских губерний Лаптев, Коншин, Скалозубов, Колокольников, Алексеев, Байдаков, Нороконеv, Кошегулов поддерживали контакты с идейным вдохновителем Сибири Г. Потаниным.

С целью регламентации деятельности и координированной разработки вопросов Сибири и Степных областей члены Сибирской группы создали «Проект временного устава Сибирской группы прогрессивных депутатов». В документе отмечалось, что «Думская группа Сибирских депутатов образуется с целью объединения депутатов Сибири и Степных областей» [495, с.10]. При комитете для разработки законопроектов формировались специальные комиссии. Согласно документу в деятельности комитета имели право участвовать депутаты других регионов, представлявших пользу при разрешении Сибирских проблем. При группе действовал комитет в составе председателя И.Н.Лаптева, членов Н.Я.Коншина, В.В. Колокольникова и Б.Б. Каратаева, на которого возлагались обязанности секретаря и казначея. По решению группы в ее состав принимались Туркестанские депутаты от мусульманского населения края. При комитете была сформирована свободная «касса» на деловые расходы, причем обязательный взнос каждого депутата группы составлял 10 рублей.

Состав Сибирской группы был интернациональным и состоял из представителей местных этнических групп. Помимо казахских и русских депутатов в группе состояли православный калмык Даниил Михайлович Тобоков, буряты Жамцарано и Бато-Далай Очиров.

Первоначальный состав группы составлял 22 члена. Из них от Семипалатинской и Акмолинской областей входили по два делегата, из которых были 2 этнических казаха - Нароконеv и Кошегулов. Из всех депутатов, группы только 4 состояли членами I Государственной Думы: И.П. Лаптев, Т.В. Алексеев, Н.Я. Коншин, Ш.Кошегулов. Причем Кошегулов в реальности не принимал участия в работе I Думы. Члены группы распределялись по партиям. В партию центра – кадетов, демократических

реформ, прогрессистов, входили 8 депутатов или 36,4%. К прогрессистам относили себя Коншин, Кошегулов и Нароконев. В группировку левых партий входили 14 депутатов или 63,6%. По национальному составу ситуация в группе выглядела следующим образом –17 русских (77,4%); 2 казаха(9,9%); 1 еврей(4,5%);1 бурят(4,5%); 1 калмык(4,5%). По профессиональной структуре доминировали земледельцы, скотоводы и торговцы скотом -по 5 депутатов. От казахской депутатской группы к категории скотоводов относились Кошегулов и Нароконев. Остальные депутаты в единичных показателях распределялись по профессиям лесоводов, агрономов и учителей. В группе состояли по 1 профессору и священнослужителю. К категории адвокатов относились 3 делегата; врачей -2. По образовательному цензу преобладали депутаты с незаконченным высшим и средним образованием и с низшим образованием-14 членов. Остальные имели высшее образование [69, с.26].

Депутаты Акмолинской области Кошегулов, Виноградов; Семипалатинской-Нароконев, Коншин; Тургайской-Беремжанов, Голованов; Уральской–Каратаев; Тобольской губернии-Скалозубов, Колокольников, Байдаков, Алексеев изъявили желание сотрудничать в составе группы. К сибирякам присоединился делегат Сырдарьинской области Алдабергенов [496, с. 42] Решение Алдабергенова мотивировалось стремлением к коллективному сотрудничеству прежде всего с казахскими депутатами по защите прав населения. В перспективе члены сибирской группы планировали обсуждение таких вопросов как: введение в Сибири земства, организация переселенческого дела, землеустройство в Сибири и т.д. По решению группы печатным органом группы признавался журнал «Сибирские вопросы».

Сибирские депутаты представляли интересы Сибири. Депутат Тобольской губернии В.В. Колокольников родился в Верном в чиновничьей семье. Закончил Санкт-Петербургский Лесной институт. Впоследствии он работал по лесному ведомству в уездах Западной Сибири. Являлся беспартийным, примыкая к народно-социалистической партии.

Интересы Акмолинской области представлял А.К.Виноградов. Будучи выходцем из семьи священнослужителей, он обучался в Духовной семинарии Тобольска. В 1904 году он закончил медицинский факультет Томского университета. Осенью 1905года Виноградов принял активное участие в антиправительственных выступлениях и подвергся опале. Затем проработал военным рачом в Семипалатинском крае и вскоре перевелся в Омск. Виноградов входил в парламентскую фракцию социал-демократов.

Представитель Томской губернии А.Г. Мягкий имел образование церковно-приходской школы. По экономическому статусу он являлся земледельцем, по политическим убеждениям он относил себя к беспартийным левым. К группе беспартийных левых относился депутат Томской губернии А.А. Ревякин. Калмык Тобоков выражал интересы калмыков Бийского уезда Томской губернии. Б.Д. Очиров в Думе представлял агинских бурят Читинского уезда. Образование он получил в 3-классном городском училище. Активно занимался общественной деятельностью. Перечисленные русские

депутаты, за исключением Виноградова, не являлись коренными сибиряками. На период избрания в Думу их возраст колебался в пределах 30-35 лет. Европейское население Сибири по историческим причинам делилось на старожилов и переселенцев. В общественном мировоззрении сибиряков доминировала крайняя неудовлетворенность их политическим статусом. По коллективному мнению сибирских деятелей, Сибирь несправедливо ассоциировалась как вторичный придаток империи. Русские депутаты отражали интересы европейского населения Сибири, настаивавшего на признании абсолютного равенства их прав с населением центральных губерний.

Некоторые депутаты Сибирской группы имели статус политически неблагонадежных. Например, Акмолинский депутат И.П. Лаптев, будучи членом I Государственной Думы, подписал Выборский манифест, за что подвергся увольнению из государственной службы. Во II Государственной Думе Лаптев контактировал с казачьей группой, впоследствии вошел в сибирскую группу. Представитель городского и крестьянского населения Семипалатинской области Н.Я. Коншин на момент избрания в течение 3-х лет тсидел в Ярославской, Московской и Павлодарской тюрьмах. По окончании тюремного заключения он отбывал административную ссылку в Зайсане. Перечисленные депутаты имели высшее образование. Дворянин Коншин обучался в 2-х университетах но за политическую деятельность неоднократно подвергался наказанию. Коншин определенный период курировал прогрессивное периодическое издание «Семипалатинский листок» и сотрудничал с РГО. В I Государственной Думе он входил в кадетскую партию; во II Государственной Думе причислял себя к левым беспартийным прогрессистам. Коншин профессионально занимался адвокатурой и выступал как частный поверенный при Семипалатинском окружном суде [513, с.17]. Примечательно, что в биографиях Коншина и его казахских сподвижников Букейханова и Акпаева наблюдалось много общего в общественной и служебной деятельности.

Состав группы оказался самым пестрым от социал-демократов до кадетов и мусульман. По мнению одного сибирского депутата, в данной группе доминировали представители с высшим образованием, что существенно повышало квалификацию группы в сравнении с другими регионами. По данным сибирского информатора, в группе оказался высокий удельный вес просвещенных интеллигентов в сравнении со многими депутатскими представительствами центральных губерний России. Казахские депутаты консолидировались с сибиряками, очевидно, по территориальной близости, культурно-образовательным параметрам и духовному складу. Обозреватель деятельности сибирской депутатской группы И.П. отмечал: «... сибирские депутаты, по составу своему относительно богаче интеллектуальными силами, чем депутаты российские, и поэтому проходят во все почти комиссии» [514, с.35]. Создание партийной фракции оказалось невыгодным, так как при минимальном количестве депутатов в 10-12 человек они могли получить самое

ничтожное представительство в комиссиях. Предвыборные платформы сибиряков совпадали по важным проблемам административно-территориального устройства, изменения судебной системы, расширения социальной сферы и аграрных преобразований. Изначально депутаты сконцентрировались на выполнении заданных проектов участием в думских комиссиях. При сибирской группе по инициативе ее депутатов функционировала аграрная комиссия. В состав комиссии входили Лаптев, Каратаев, Коншин, Скалозубов, Голованов, Малодых. Цели и задачи комиссии состояли в разработке схемы анализа земельного вопроса в Сибири и Степных областях [497, с.11].

С Сибирской группой сотрудничали казахи-депутаты из других областей. В частности, в комиссии по реформе местного суда с сибиряками Байдаковым и Коншиным состоял тургаец Беремжанов. Выбор участия Беремжанова оказался оправданным по причине его юридического образования. Реформирование судебного порядка соответствовало его желанию в реализации предвыборного обещания населению [497, с.14].

Численность сибирских депутатов применительно к Сибири традиционно оставалась незначительной. Согласно решения Думы к работе депутатских комиссий по сибирским вопросам привлекались специалисты из других регионов. Спектр проблем, прорабатываемых применительно к Сибири и Степным областям, носил объемный характер. Участником 2-х комиссий - реформы местного суда и по запросам являлся Н.Я.Коншин. Коншин часто привлекался к работе группы и, вероятно, ему принадлежали лидерские функции генератора идей. Именно ему представители казахской общины вручили коллективный программный документ «Наказ семипалатинских киргиз». «Наказ ...» состоял из 16 пунктов [497, с.27].

В составлении данного документа непосредственное участие принимали казахские интеллигенты, несомненно тесно связанные с Коншиным. В этом документе актуализировался земельный вопрос. Составители согласно казахскому обычному праву предлагали передать в вечное пользование казахов казенные земли, находившиеся у них во временном пользовании. Разработчики настаивали на приостановлении переселенчества в Семипалатинскую область. Актуализировалась проблема возвращения брошенных переселенцами земель казахам. Разработчики инициировали необходимость составления правил, регулирующих аренду казахами войсковых запасных земель и офицерских участков на условиях долгих сроков. Акцентировались острые вопросы введения всеобщего земского самоуправления, сохранения казахского народного суда до изменения их социально-экономических основ, отмены института крестьянских начальников. Авторы обращения предлагали меры по развитию народного просвещения в крае: введения обязательного бесплатного начального обучения; передачи начальных школ под контроль земства; обязательное преподавание на казахском языке; изучение русского языка по желанию; предоставление каждому права открытия школ; открытие учительских казахских семинарий для подготовки учителей начальных школ с

обязательным изучением государственного языка. Составители предлагали упразднить «киргизскую духовную миссию» с передачей отведенных ей земель казахскому населению, объявить равноправие всех вероисповеданий, отделить церковь от государства. Авторы указывали на необходимости передачи общественных казахских капиталов из ведения администрации в распоряжение казахов [497, с.28].

Впоследствии демократически настроенные депутаты в прениях по аграрно-переселенческим вопросам выступали в унисон с изложенными в документе пунктами. Журнал «Сибирские вопросы» с апреля 1907 года издавался еженедельно при близком участии сибиряков В.В.Колокольникова, И.П. Лаптева, Н.Л.Скалозубова, Н.Я.Коншина. Соответствующие документы публиковались на страницах журнала и стали объектом обсуждения. Выбор кандидатуры Коншина казахскими активистами не оказался случайным. Ранее Коншин выступал с критическим анализом действий имперского режима по отношению к казахскому населению в регионе.

Члены Сибирской группы, анализируя принципы работы экономических ведомств по земельному вопросу в восточных провинциях – управления государственного имущества, переселенческого управления и поземельно-устроительной партии, резюмировали проблему формирования земельных комитетов на местах. Предполагалось силами группы в перспективе выработать схему организаций, ведающих земельным вопросом с обязательным участием в них представителей всех этнических групп. Данный метод признавался эффективным в защите интересов населения [70, с.23].

Казахские депутаты стремились попасть в аграрную комиссию. Количество членов аграрной комиссии составляло 94 депутатов. Партийная характеристика комиссии выглядела следующим образом: С-Д – 14; С-Р – 7; Н-С – 3, трудовиков – 20; правых, умеренных и октябристов – 20; кадеты, казахи, мусульмане и поляки – 30. По признанию сибирского информатора сибирская группа имела внушительное представление: Скалозубов от Тобольской губернии, Лаптев от Сибирского казачьего войска, Голованов от оседлого населения Тургайской области, Каратаев от Уральской области [497, с.11]. Изначально сибиряки претендовали на 2 места. Консолидация сибиряков и степных депутатов и их апробированная тактика голосования в разных фракциях определили предоставления им 4-х мест. Казахские депутаты входили в состав фракции. Данный фактор обеспечил прохождение Каратаева в комиссию, так как голосование проходило по фракциям. Партия «КД», мусульмане и поляки составляли центральный блок в Думе. Программные пункты по аграрному вопросу, национальной политике названных партий и движений совпадали и поэтому их представители консолидировались в союз.

Традиционно значительная часть казахских делегатов являлась членами «КД» и активно взаимодействовала с Мусульманской фракцией. Кадетский проект ликвидации земель у коренных народов с возмещением их стоимости по справедливой цене в большей степени импонировал членам Мусульманской фракции. От Мусульманской фракции данную мысль высказывал депутат

Елизаветинской губернии Ф.И. Хан-Хойский. Подобной позиции придерживались представители Сибирской группы. Хан-Хойский от мусульманской фракции предлагал передать отчуждаемые земли у старожилов в областной фонд с правом пользования им лицам, «постоянно проживающими» в пределах данной области. По предложению мусульманского депутата с целью расселения населения в пределах области требовалось создать органы «областного самоуправления на демократических началах» [497, с.27].

Весной сибирские депутаты получили «Наказ Акмолинских киргиз по аграрному вопросу» из 5 пунктов. Составителями «Наказа ...» предлагалась программа приостановки переселения в Акмолинскую область до разрешения аграрного вопроса Думой в законодательном порядке. Авторы, апеллируя к 120 статье Степного положения, настаивали на первоначальном обустройстве казахского населения с передачей им достаточного количества удобных земель для скотоводства и земледелия. Разработчики акцентировали внимание депутатов на брошенных переселенцами ранее выделенных им участков. Соответствующие участки, а также находящиеся в казенных личных дачах покосы и поляны предлагалось вернуть казахскому населению. Авторы выступили с предложениями разумного распределения лесных массивов между казахскими уроженцами и переселенцами. Несомненно, действия составителей Акмолинского и Семипалатинского «Наказов...» носили синхронный характер и координировались из одного центра, связанного с казахскими делегатами Думы. Основными формами влияния населения на государственные структуры являлись обращения, ходатайства и жалобы. Практиковался механизм обращений выборщиков членов Государственных Дум в администрацию. Так, в июне 1906 года местные выборщики Семипалатинской области добились аудиенции с Семипалатинским губернатором Галкиным. Таким образом, доверенные лица казахских депутатов возлагали на себя общественные нагрузки в области.

Делегаты сибирской группы занимали твердую позицию относительно обоснованности правомерных действий Переселенческого управления в Сибири. В словесных прениях депутат Скалозубов убедил думцев в незакономерности действий переселенческого управления. По итогам работы Дума приняла предложенную сибирской группой формулу: «признавая разъяснения, данные главному управляющим землеустройством и земледелием по запросу относительно мер, принятых к ускорению образования переселенческих участков в Сибири, недостаточными, а мероприятия главного управления по организации переселенческого дела не обеспечивающими интересы переселенцев и нарушающими интересы коренного сибирского населения, Дума переходит к очередным делам» [498, с.26]. Сибирякам при поддержке Думы удалось отстоять интересы Сибири. Ситуация в Семипалатинской и Акмолинской областях, территориально связанных с Сибирью и Уральско-Тургайским районам, оставалась противоречивой.

Весной 1907 года в состав сибирской группы вошел депутат от

Семиреченской области М. Тынышпаев. Именно от сибирской группы он, как и 4 других депутата, дополнительно избирается в аграрную думскую комиссию. Сибиряки последовательно проводили намеченную тактику в аграрных вопросах. Территориально представитель Семиреченской области Тынышпаев не имел отношения к сибирской группе. Привлечение Тынышпаева в группу логически увеличивало удельный вес ее представителей в думских комиссиях. Несомненно выбор Тынышпаева проходил под влиянием казахских депутатов, объединившихся по этническому признаку и политическим мотивам.

Руководствуясь принципами защиты национальных интересов казахские депутаты консолидировались с думской фракцией автономистов. Автономисты выступили за представление национальным территориям империи права политического самоуправления и развития национальной культуры. Основу фракции автономистов составляли депутаты украинской думской группы, объединенной по принципу защиты национальных прав, интересов Украины и ее автономного управления. Численность фракции автономистов достигала свыше 70 активных членов. Лидеры фракции предлагали существенно расширить политическое влияние в Санкт-Петербурге. Немногочисленные казахские депутаты многовариативным методом участия в различных фракциях и группах предпринимали все усилия для достижения поставленных целей.

В процессе депутатской деятельности делегаты национальных областей практиковали метод корпоративного объединения в реализации запросов и выработки важных решений. Эмоциональный накал страстей приводил к столкновениям представителей национальных территориальных групп с русскими депутатами. Так, на думском заседании 4 мая 1907 году значительная часть ораторов, представлявших интересы нерусских народов, выступила с резкой обличительной критикой в адрес существующего имперского режима. Это вызвало ответную реакцию в поведении депутатов И.П. Сазоновича, Н.П.Келеповского и В.М.Пуришкевича, к которым со стороны председателя применялись жесткие санкции. Действия председателя вызвали возмущение 47-депутатов, обратившихся с письменным запросом об изменении меры наказания Келеповскому и его товарищам [493, с.147]. В Думе позиции региональных национальных групп по жизненно-важным социально-экономическим и государственным проблемам воспринимались неоднозначно.

В это же время из мусульманских представителей формируется мусульманская фракция. Во фракцию поступило несколько заявлений от русских депутатов, избранных в местностях с преобладающим мусульманским населением. Во фракцию стремились попасть мусульманские депутаты, выбранные в Думу от местности с преобладающим русским населением. Депутаты фракции включились в работу аграрной комиссии. На состоявшемся 30 марта 1907 года совещании рассматривался вопрос о выборе представителей фракции в думскую аграрную комиссию. Было решено выбрать 6 представителей от каждой обособленной территориальной местности. В состав комиссии от Крыма вошел Р.-М.-О. Медиев, от казахских областей – Б.Б.Каратаев, Северного Кавказа – Т.Э. Эльдарханов, Туркестана –

Абдухаликов, Закавказья – М.-Т.-С. Шахтагинский [499].

Казахские депутаты принимали участие в работе комиссий и запросных дел по другим областям и губерниям, не имеющим отношения к Степному краю. В мае 1907 года А.Беремжанов и Ш.Коцегулов и еще 20 депутатов Государственной Думы по инициативе депутата Северного Кавказа Т.Эльдарханова потребовали провести расследование инцидента противозаконного применения войск в Терской области с обязательным наказанием виновных лиц [493, с.611]. Таким образом, каждый депутат выражал локальные интересы своего народа и в совокупности все делегаты отражали национальные права тюркских и мусульманских народов.

Некоторые мусульманские депутаты сотрудничали с кадетами, в частности, кавказский депутат Султанов. Султанов по этнорелигиозному принципу консолидировался с казахскими депутатами. От данной партии он работал в Распорядительной комиссии по хозяйственным делам и корреспонденции Думы. Согласно распорядку в комиссию входили только по 2 представителя от партии [500]. Таким образом, через мусульманских представителей и кадетских депутатов в Думе казахские лидеры пытались сохранить свое влияние. Количество кадетов в Думе было существенным. Соответствующее решение ядра партии демонстрировало степень доверия к нерусским депутатам, в частности тюркам, находившихся в пограничном состоянии выбора политических приоритетов либеральных партий и мусульманской фракции.

Ранее, под давлением общественности, удалось остановить переселенчество в регионы Сибири – Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии. Очевидно, казахские представители рассчитывали на сибирских депутатов в разрешении аграрной проблемы. Вопросы переселенческой программы неоднократно поднимались сибиряками. Непосредственно участие в составлении запроса о переселении принимали Н.Л.Скалозубов, С.И. Колокольников, Н.Я. Коншин, Б.Б.Каратаев. Названные подписанты в Думе выступали о срочном обсуждении аграрной проблемы. В постановлении Думы запросы депутатов о переселенческом деле признавались срочными [501, с.43]. В процессе обсуждения запроса о переселении социал-демократ Джапаридзе внес вопрос о недоверии председателю ввиду его отношения к ораторам. Очевидно, сибирякам удалось привлечь социал-демократов в лоббировании вопросов о переселении.

Будучи профессиональным юристом Б.Б.Каратаев искал решение аграрного вопроса на основе законодательной базы. Апеллируя к имперскому законодательству казахский депутат предпринимал попытки прекращения массового изъятия земель у казахов. В 1907 году во время выступления в Государственной Думе Б.Б.Каратаев указывал на факты незаконного изъятия и выселения казахов с их земельных участков. Позиция казахского представителя получила поддержку левой оппозиции в лице социал-демократов, «трудовиков», эсеров.

Каратаев сотрудничал с Мусульманской фракцией. Весной 1907 года

фракция постановила поручить своим членам по областям составить доклады по реформированию духовных мусульманских правлений. В зоне охвата оказались такие территории как Крым, Оренбургский край, Закавказье, Северный Кавказ, Туркестан, Степной край. Разработкой вопроса по Степным областям и Туркестана соответственно занимались Б.Б. Каратаев и Б.Б.Султанов [502].

Члены сибирской группы, руководствуясь областными интересами, стремились принять участие в думских комиссиях. В комиссии по реформе местного суда оказался задействован правовед А.К.Беремжанов. В этой же комиссии участвовали сибиряки Ф.И.Байдаков и Н.Я.Коншин. Параллельно Каратаев совместно с сибиряками Н.Л.Скалозубовым, И.Ф.Головановым, И.П.Лаптевым, В.М.Коншиным и П.С.Молодых занимался разработкой аграрного вопроса.

Местное судопроизводство, основанное на обычном праве, сохранялось во многих районах империи. По факту ликвидации крепостного права в империи проводилось реформирование суда. Институт мировых судей признавался правительством и ведущими специалистами как эффективный метод реорганизации правовой сферы. Обязанности председателя комиссии возлагались на В.М.Гессена. В процессе обсуждения этого вопроса в крае уществовали противоречия относительно правомочности применения обычного права [503, с.7].

Новый законопроект готовился для внутренних губерний империи. В динамике обсуждения указанной проблемы депутаты А.К. Беремжанов, Н.Я.Коншин, Г.М.Мусин, С.Ф.Сундерлянд обратились к председателю комиссии с просьбой об определении официального языка судопроизводства. Депутаты Беремжанов, Мусин, Сундерлянд, выражавшие интересы казахской, татарской, польской общин, предлагали ввести в проект пункт обязательного знания национального языка судьями в населенных пунктах компактного расселения нерусских народов. Подписанты отмечали наличие подобных пунктов и даже уездов в Казанской, Самарской, Симбирской, Тамбовской губерниях и в Крыму, население которых не владело русским языком, равно как и местные судьи не знали языки местных нерусских национальных групп. Депутаты предлагали ввести систему языковых экзаменов при избрании судей на должности. В процессе обсуждения данного пункта большинство членов комиссии – 12 депутатов – проголосовали против мнения 7 депутатов относительно языкового ценза. Данный пункт считался трудновыполнимым в районах со смешанной этнической структурой населения. На заседании комиссии рассматривался вопрос функционирования «инородческого суда». Представители национальных районов и Сибири выступили с пожеланием формирования особых подкомиссий для разработки вопроса об «инородческих судах». Данная инициатива большинством комиссии признавалась как преждевременная до определения основных принципов и положений местного суда, которые должны были получить свое изложение в законопроекте [504, с.39].

Депутат Беремжанов как профессиональный юрист, принимал участие в Думской комиссии по разработке законопроекта об отмене военно-полевых судов [493, с.180]. На заседании Государственной Думы разгорелась острая полемика между сторонниками продолжения Переселенческого движения в Сибирь и Степной край и их противниками. Правые отмечали обилие свободных земель в указанных областях, настаивая на их заселении. Им страстно в 10-минутной речи оппонировал Каратаев. Впоследствии он получил возможность передать материалы в аграрную комиссию. Известный сибирский общественный деятель Л. Чермак, критически настроенный к переселенческой программе, отмечал в своей статье: «киргизы, встревоженные наплывом переселенцев посылают депутации... Каратаев, в своих речах в заседании Думы и, в более резкой форме, в заседании аграрной комиссии ... просил народных представителей помочь киргизам в трудное для них время» [76, с.69]. Обсуждение проблемы в Думе происходило на фоне острого противостояния правых и левых группировок относительно политических убийств и в целом террора в государстве. Колеблющиеся позиции в принятии формулы осуждения террора занимали польская фракция и мусульманская группа. С негативной реакцией выступали левые: социал-революционеры, социал-демократы, трудовики. Обстановка в Думе накалялась и, по признанию очевидцев существовало предчувствие ее роспуска по причине острых противоречий.

Проблема земства в восточных районах являлась причиной неоднократных прений. Четко выработанной позиции к модели земского управления в группе не существовало. Делегаты осознавали сложность разрабатываемого вопроса. Этнокультурная мозаика региона накладывала отпечаток на разработку схемы формирования земства. Различие в специфике хозяйственно-культурных типов ведущих этнических групп населения в совокупности с присущими им судебной системой и административным управлением предопределили отказ депутатов от создания унифицированной формы земства. Принятие какой-либо единой модели с учетом интересов конкретной этнической общины отвергалось. Представители мусульманских депутатов акцентировали проблему социально-экономических отношений казахов и татар. По мнению ряда депутатов, предоставление татарам права аренды казахских территорий в перспективе способствовало бы обнищанию казахов. По сообщению секретаря совещания Н.Колокольникова: «Все эти соображения принимаются во внимание мусульманской группой, где представители русского населения принимают участие и надеются прийти к соглашению» [505, с.36]. Фракционерами учитывались специфика хозяйственного устройства, социального быта и самоуправления казаков в системе их отношений с казахами на фоне формирования земских органов власти. Увеличение удельного веса пришлого населения в Акмолинской и Семипалатинской областях вызвало опасение депутатов за сохранение культуры казахов.

Официальной разработкой законопроекта о самоуправлении и в частности законов о выборах уездных земских властных в Думе занимались

представители партии народной свободы и трудовой партии. По причине своей малочисленности сибирская группа не имела права внести в Думу свой макет земской реформы. Сибиряки решили принять за основу законопроект о самоуправлении партии народной свободы в случае его легитимности, адаптируя его к региональным особенностям и указаниям разрабатывающих вопрос о введении самоуправления в Сибири обществ и союзов. Привлекательность проекта еще и заключалась, по мнению разработчиков, в устранении механизма административного вмешательства в деятельность земства. Фактически основная цель земства заключалась в создании нормальных условий самоопределения населения в системе и достижения к обеспечению достойного уровня жизни [506, с.41].

В 1905 году публицист М. Соболев в своей статье проанализировал эффективность работы волостных управлений. Сравнительный анализ экономической ситуации обширной богатой Сибири и других областей актуализировал неутешительный вывод исследователя о некачественности функционирования устоявшихся форм власти как громоздкой структуры. Предложенная автором Земская схема управления вырабатывалась в кулуарах местной общественности и предлагалась как более действенная мера использования ресурсного потенциала в реформировании управления [507, с.80].

Земский вопрос активно будировался в российских политических кругах начала XX века. Данная административная реформа должна была практически осуществиться в Степном крае в начале XX века. Особую актуальность этот вопрос приобрел после роспуска I Государственной Думы. В мае 1906 года вводятся «Правила о введении в губернии и областях Сибири положений о губернских (областных) и уездных земских учреждениях». Данные «Правила ...» распространялись на Степные области. Земская реформа являлась либеральным социально-экономическим направлением, разработка которой и внедрение в Степных областях возлагались на местные власти. В 1907 году Степной генерал-губернатор генерал Надаров с целью реализации программы земства инициировал процедуру обсуждения коллегиальным присутствием правления Акмолинской и Семипалатинской областей. Участники данного совещания признали себя некомпетентными по незнакомству с бытом населения областей, тем самым делегируя процедуру обсуждения вопроса о земстве съезду: «...правление постановило передать вопрос о земстве на суд выборных от местного населения: киргиз, крестьян, горожан и казаков» [508, с.43]. Таким образом, местные власти фактически дистанцировались от земского вопроса демонстрируя свое нежелание или слабость в условиях неопределенной ситуации политического накала в империи.

Впоследствии степные власти приняли решение созыва казахских уездных съездов, на которых их участникам разрешалось обсуждение многочисленных вопросов, ранее направляемых ими в обращениях и петициях с 1905 года. При этом функции председателей на съездах передавались мировым судьям, тогда как аналогичные обязанности по форме должны были исполнять крестьянские

начальники. С 1902 года в степных областях вводится институт крестьянских начальников. На содержание крестьянских начальников только в Семипалатинской области затрачивалось 70 тысяч рублей в год, что составляло 1/5 часть земского сбора с казахского населения Степного края. В среднем в каждом уезде насчитывалось от 3 до 5 крестьянских начальников. Неконтролируемые действия крестьянских начальников вызывали возмущение со стороны казахского населения. Несовершенство российского законодательства осложняло процедуру контроля чиновников [73, с.3].

Казахское население традиционно не доверяло крестьянским начальникам, поэтому власти стремились избежать очага напряженности и недопонимания между местным населением и администрацией посредством введения соответствующего механизма. Сроки совещания совпали с моментом роспуска II Государственной Думы, когда стало известно о лишении казахов избирательных прав в Государственную Думу. Репрессивный механизм в Российской империи нарастал. В Степном крае за 10 месяцев управления Надарова без суда и следствия административной высылке подверглись около 300 казахов. Председательские функции съезда казахских выборных возлагались на Надарова. При соответствующих обстоятельствах откровенно-диалоговая форма сотрудничества между степной администрацией в лице Надарова и казахскими выборными ставилась под сомнение. На июньское совещание 1907 года созывалось 20 казахских делегатов и 20 административных чиновников.

По квоте интересы каждого уезда представляли два казахских делегата. Предварительно казахские делегаты устроили совещание для обсуждения программы с целью выработки общей позиции. Волевым решением Надарова предварительное совещание казахов санкционировалось как незаконное, что являлось грозным предвестником планируемых официальных контактов. Фактически на совместный съезд прибыло всего 9 казахских депутатов, оказавшихся не в состоянии защитить интересы населения вследствие административного прессинга: «... киргизы – члены совещания – молчали, памятуя, что язык дан и для молчания и, высказываясь о наболевших ранах родины, облекая свои речи в форму жалобы» [508, с.43]. Анализ ситуации демонстрирует неспособность решения земского вопроса казахскими общинниками на местах в процессе репрессивных актов и административного давления. Стала насущной задача законодательной проработки земской модели в Государственной Думе.

В целом сибиряки склонялись к мысли о повсеместном введении земства в Сибири с учетом особенностей местностей. Для разработки вопроса о введении земства в кочевых районах члены группы уполномочили Н.Я. Коншина вступить в сотрудничество с мусульманской группой. При этом представители Степных областей и мусульманские делегаты обращались с ходатайством приостановить введение земства в Степных областях до разработки приемлемой формы местного управления [506, с.52].

Осознав важность выполняемой миссии, сибиряки почти в полном составе

работали в Санкт-Петербурге в каникулярный период апреля 1907 года. За это время члены группы трижды собирались с целью рассмотрения проекта закона о выборах уездных земских гласных применительно к условиям жизни Степного края и Сибири. Сибиряки намеревались использовать в качестве основы кадетский проект программы. В перспективе планировалась совместная встреча кадетских идеологов и прокадетски настроенных членов Думы, в том числе и от сибиряков по вопросам принятия поправок.

Сибиряки, кадеты, мусульмане сходились во мнении о реорганизации системы управления на местах методом создания органов областного самоуправления, организованных на демократических началах. Гораздо раньше передовыми сибирскими лидерами и основателями сибирского областного союза разрабатывался проект местного земства. Сибирский (Томский) земский вариант положительно воспринимался на совещаниях представителей Кавказа [509, с.8].

В империи актуализировалась проблема земства. По сообщению думского информатора, у казахских депутатов формировалась собственная позиция по этой проблеме [501, с.14]. В прениях Сибирской группы обсуждался проект введения всеобщего земства. В Степном крае и Семиреченской области проект не вызывал принципиальных возражений за исключением пункта определения количества гласных от двух крупных этнических общин региона. Коншин и его сторонники выдвигали условие временного соблюдения количества гласных в каждом уезде от оседлой части населения (русских и татар) и казахов. Его оппоненты настаивали на пропорциональном представительстве гласных от этнических групп населения.

Лидеры сибирской группы разрабатывали вопрос установления земства как гражданского института на правах самоуправления в Сибири. Казахско-общинная форма управления в определенной мере оказалась близка земской модели. Безусловно, казахские прогрессисты изучали опыт земства Центральной России и имели собственное суждение, выработанное в условиях земельно-социального кризиса в Казахстане. Земство являлось европейской формой управления. Политически-образованные казахи готовились к ее принятию. Досконально природу земства изучал А.Букейханов. Он составил раздел проекта «Местная свобода». В своих публикациях на эту тему А.Букейханов акцентировал значение земства как реального механизма государственности казахов. В этот период он озвучивает идеи создания автономии в составе Российской Федерации [78].

Земский вопрос неоднократно обсуждался общественностью. В Семипалатинской области состоялось совещание по земскому вопросу. По мнению наблюдателя съезда Коншина в областях Казахстана существовали различные версии принципов организации и методов работы земских комитетов. Консерваторы предлагали наряду с народными депутатами ввести в земство назначаемых правительством представителей. По их утверждению данная модель сохраняла свою востребованность в крае по причине дефицита образованных личностей от всех слоев общества. Их оппоненты настаивали на

введении земства, характерного для центральных губерний России. По утверждению последних в Степных областях имелись необходимые кадры от всех национальных групп для реализации земской идеи: «...среди местного населения как русского, так и туземного, всегда найдутся люди, прекрасно знающие нужды и интересы своей среды» [79].

Опасения аналитиков вызывали взаимоотношения казахов и казаков на почве земельных противоречий. В общественных кругах существовало ясное осознание притяжения земства как формы общественного управления или притяжения как обязательного института в территориальных рамках областей.

Проблема земства нашла свое отражение в позиции членов группы. Сибиряки однозначно склонялись к принятию и введению земства в регионе. По одной версии предлагалось взять за основу земскую модель от 1864 года; по другой версии высказывались предположения принять форму земства без административного вмешательства. Существовало мнение введения земства с учетом местных локальных особенностей обширной территории [510, с.12].

Идея введения земства в Степных областях вызвала критические высказывания отдельных представителей о неподготовленности казахов к земскому самоуправлению. Звучали опасения откровенного давления малообразованной массы казахов на представителей переселенчества. Журналист под псевдонимом «Посторонний» оппонировал данным предубеждениям, характеризуя психологию казахов с ссылкой на утверждение многих о их «высоких умственных способностях» [511]. В исследуемый хронологический период казахи сохраняли коллективные формы отношений и проявляли необычайный интерес к массовому обсуждению частных и общественных дел. Как показал исторический опыт выборов в Государственную Думу, казахи сохраняли интерес к общественным делам. Общественное сознание казахов не испытывало деформационных потрясений крепостного права и тяжелого физического труда в отвратительных условиях. Традиционный образ жизни казахов актуализировал их потребность к созерцательному наблюдению и анализу. За короткий промежуток времени казахи быстро усваивали новые элементы действительности, демонстрируя практицизм и рациональный подход.

Анализируя закон о выборах уездных земских гласных, выработанных партией народной свободы, сибиряки предложили корректирующие действия в интересах казахского населения. В частности, это относилось к пункту обозначения «населенного места». Предлагалась редакция определения населенного места кочевое население как летние или зимние пастбища. Данный проект актуализировался как управленческая альтернатива существовавшему административному устройству [512, с.36].

В целях комплексного изучения Тургайской и Семиреченской областей, Сибири и смежных с ней Степных областей – Акмолинской, Семипалатинской представители сибирской общественности и члены сибирской депутатской группы планировали в перспективе создать «Общество изучения Сибири и содействия реформам в ней» с центром в Санкт-Петербурге. Членами

«Общества» имели право быть все просвещенные представители населения указанных территорий. Ожидалась эффективная помощь «Общества» в содействии реализации реформ [513, с.36].

Ранее в этих местностях успешно функционировали отделы РГО. Организаторы общества отмечали отвлеченность науки от общественных процессов. В их представлении предполагалось комплексное изучение обширной территории с целью дальнейшей эволюции социума в ракурсе обновления государства. В проектной части планировалось открытие филиалов с количеством членов не менее 10 человек. Крайне незначительный членский взнос в 1 рубль предполагал открытие в кратчайшие сроки подобных филиалов. Вдохновители общества рассчитывали на финансовую помощь и административное влияние бывших сибиряков, осевших в центре империи. Данная схема корпоративных отношений сибирского землячества оказалась востребована и активно внедрялась казахскими лидерами, контактировавшими с сибирскими депутатами.

На заседании II Думы планировалось обсуждение законопроекта о местном суде, действие которого в реформированном виде необходимо было распространить в Сибири. По решению Сибирской группы, в думскую комиссию по законопроекту о местном суде вошли 10 депутатов группы, в том числе Кошегулов и Нароконев. В этот период синхронно Коншиным разрабатывался макет законопроекта об отмене статей 17 и 38 и изменении статьи 39 с примечанием, статей 80-85, утвержденных 25 марта 1891 года Степного положения. В составлении законопроекта принимали участие казахские делегаты. Основными экспертами по всем жизненно важным законопроектам Сибири и Степных областей по признанию депутатов группы являлись они сами, выступая по этим проектам докладчиками на общих собраниях Думы.

Депутаты Степных областей неоднократно получали телеграммы и «прошения» от населения по поводу непрекращающихся административных высылки из Акмолинской в Семипалатинскую область и наоборот. Деятельность родовых управителей и уездных начальников фактически признавалась неконтролируемой, что вызывало опасения у общественности.

С подобными запросами к депутатам Степных областей обращались казахские общинники. В большинстве случаев казахи высылались по обвинению в уголовных преступлениях. При этом составителями списков высылаемых, как правило, являлись волостные начальники. Родовое противостояние определенным образом проявлялось в действиях волостных управителей агрессивно настроенных против своих врагов. Аналитиками рекомендовалось обратить внимание степным депутатам на этот фактор. Таким образом, поведение волостных демонстрировало дистанцированность уездного начальства от ситуации в волости по причине сложности проведения расследования, административной загруженности, или нежелания. Многочисленные жалобы, к сожалению информаторов не имели положительного разрешения вопроса.

На основании 17 статьи Степного положения продолжались массовые административные высылки населения из Степного края. Депутаты Степных областей во главе с Коншиным создали группу по разработке законопроекта об отмене этой статьи и других Степного положения. В думский период казахи обращались не только к казахским делегатам, но и к представителям других этнических групп. К депутату от Тобольской губернии Алексееву обращались казахи Крутинской волости с ходатайством о разрешении финансового спора [514, с.45].

Последнее собрание сибирской группы состоялось 11 июня 1907 года. В завершающей части последнего собрания члены группы обрисовали общие контуры надлежащей платформы требований и положений, идеологическая основа которых ориентировалась на объединение населения. В целом эта программа включала пункты направленные на установление демократического представительства Сибири по четырехчленной формуле в центральной Российской Думе; создание областной или областных сибирских Дум с законодательными функциями в связи с невозможностью центральной Думы заниматься местными территориальными проблемами; разрешение переселенческой проблемы без ущерба для местного старожильческого и нерусского населения; реформирование местного управления на основе широкого самоуправления с ликвидацией института крестьянских начальников и других административных единиц, заменяемых органами местного самоуправления от низших земских чинов до областных Дум и Государственной Думы; разрешение нужд аборигенных народов Сибири. На оставшихся членов группы возлагалась задача окончательного редактирования ранее выработанного депутатами общего положения самоуправления в Сибири [515, с.31]. На аккордном заседании группы присутствовали Коцегулов и Нароконев.

Принимая во внимание указ от 3 июня, сибиряки прогнозировали ситуацию лишения ряда местностей Сибири депутатского представительства в III Думе. Поэтому члены группы общим постановлением решили сохранить это представительство: «Сибирской группой признано необходимым это представительство сохранить, хотя бы представительством в группе выражающей сибирские интересы и нужды» [515, с.32].

Роспуск II-ой Государственной Думы вызвал возмущение широких слоев российской общественности. По сообщению современника, казахи Степных областей находились в подавленном состоянии: «Сообщают из Омска, что роспуском Государственной Думы киргизы удручены. Они потеряли последнюю каплю веры в доброжелательство правительства» [516, с.38].

По итогам работы II Думы не оказались решенными глобальные проблемы империи и Степных областей. Продолжалась переселенческая программа в Степные области, усугублявшая дальнейшую поляризацию казахов по социально-имущественному признаку. Репрессивные акты относительно прогрессивных элементов проходили на фоне экономической дороговизны и роста преступности. В духовной, социальной, и просветительской сферах

восточных провинций империи наблюдался откат в прошлое. Обозреватели отмечали ухудшение социально-правового статуса казахов и других коренных народов края: «Положение сибирских инородцев ... даже ухудшилось, так как буряты и киргизы лишились представительства в Государственну Думу» [517, с.67]. Дистанцированность власти от масс культивировало недоверие и агрессию различных слоев общества к основам государственности. В мировоззрении казахов укреплялось негативное восприятие чуждых элементов власти, как и всей природы самой власти. Чиновничество всех рангов ассоциировалось местным населением с произволом и коррупцией [73, с.16].

В сложившейся системе управления казахские прогрессисты не имели официальных рычагов воздействия, но на личностно-обыденном восприятии общинников наблюдался рост их авторитета. В данный исторический момент 5-миллионный казахский народ осознавал свое будущее от социальной роли немногочисленных интеллектуалов, статус которых возвысился в их мировосприятии в сравнении с чиновничьим корпусом [55]. Лишенные средств к существованию в результате репрессий начала XX века, интеллигенты продолжали жить и содержать собственные семьи. Этот сюжет до сих пор не исследован в историографии. По всей видимости, функционировали каналы оказания помощи пострадавшим. Исключенные из административной системы в период падения монархии прогрессисты сумели достигнуть победы на выборах в Учредительном Собрании, выступая в роли объединительного начала. Многочисленное сословие волостных управленцев не составляло существенной конкуренции прогрессистам, которые казалось бы были чужды общинникам по стилю жизни и образу мысли подобно Ч.Валиханову первой половины XIX века. Уровень политической культуры и степень социально-экономического развития казахов начала XX века оказались выше периода прошлого. Социальное звено интеллигентов логически вписывалось в переходное состояние казахского народа эпохи общественной и государственной модернизации.

Работа в Государственной Думе послужила хорошей практикой для дальнейшей политической деятельности казахских депутатов. В частности, члены Думы М.Тынышпаев, А.Беремжанов, А.Букейханов впоследствии лидировали в казахской политической партии. Политическими союзниками по думской работе казахских депутатов являлись представители казачества – М.Караулов, С.Таскин, Г.Седельников. После революции 1917 года казачьи депутаты работали в местных правительствах [518, с.218].

Социально-профессиональный состав казахских депутатов в двух Думах оставался различным как и контактировавших с ними членов сибирской группы, мусульманской фракции и других групп и фракций. В этой среде доминировали депутаты, отражавшие интересы отдельных социальных групп или населения областей. По мнению патриарха Сибирской автономии Г.Потанина, русские депутаты сибирской группы сохраняли свою известность в ограниченном территориальном пространстве избиравшей их общины.

Единого лидера, выражавшего мнение Сибири и популярного среди полиэтничного и многоконфессионального населения обширных территорий, в этот период по утверждению Потанина, не было. По факту незначительности Сибирской группы, не способной пролоббировать интересы Сибири, существовала потребность организации Сибирской областной Думы с присущими ей законодательными основами власти и механизма подчинения региональных депутатов в основной Думе [470].

Потенциальные ресурсы казахских делегатов оставались незначительными. Казахам в сотрудничестве с другими фракциями не удалось реализовать большинство важных программных установок. Качественный состав II Государственной Думы по образовательным и социальным характеристикам уступал I Государственной Думе. По аналитическим сведениям, численность членов партии кадетов и их союзников мусульман составляла 1/5 всего состава. При этом решающую роль в центристском блоке, куда входили кадеты, играли члены польского кола. Большинство - 2/5 составляли социалисты, кооперировавшиеся с поляками. Правые и умеренные имели 1/5 членов Думы. Политическая мозаика Думского состава способствовала инициированию и разработке большого количества законов, из которых только 2 - закон об амнистии и закон о «военно-полевых» судах прошли обсуждение в Думе, но не оказались реализованными [474, с.308]. Исторический опыт взаимодействия в свете достижения цели послужил реальной основой для дальнейшей практической работы казахских депутатов и их сторонников. В Думский период участились поездки национальных лидеров внутри казахских областей. Перед началом Думской избирательной кампании кандидаты в депутаты сохраняли влияние в локальной областной среде казахского народа. Взаимные перемещения казахских прогрессистов, сопровождавшиеся встречами и организацией собрания общинников популяризировали их влияние за пределами своих областей. Казахские прогрессисты комбинировали европейские методы политической работы с традиционными установками казахской общины.

Немногочисленные казахские депутаты не имели достаточной силы влияния в Думе. Вкупе с депутатами этнических и социальных групп населения регионов они составляли незначительное меньшинство. Сибирская группа, в которую входили казахи, не сложилась в политическую партию. Представители сибирской группы в реальности осознавали невозможность организации политической платформы на местных областных вопросах. В самой группе проходили противоречия из-за разной трактовки определения этой организации. Например, сибирские депутаты социал-демократы не соглашались с необходимостью объединения представителей от Сибири [519].

Период обучения казахских юношей в столичных университетах начала XX века совпал с деятельностью Государственной Думы. В это время продолжается практика налаживания контактов между казахскими студентами и политическими деятелями. В Санкт-Петербурге завязались отношения между думским депутатом Б.Каратаевым и казахскими студентами Х. и Дж.

Досмухамедовыми и Н.Ипмагамбетовым [57, с.21]. Во время встречи казахские студенты обратились к Б. Каратаеву с просьбой провести расширенную беседу с проживавшими в Санкт-Петербурге казахской студенческой публикой и тюркскими представителями.

Некоторые студенты активно занимались общественной деятельностью. В частности, М. Чокаев после смерти своего отца, имевшего статус бия, вынужден был вернуться на родину. Выполняя волю отца, он взял на себя ответственность исполнения бийских полномочий. Фактически, местная казахская община делегировала молодому человеку общественно-правовые функции в отстаивании своих интересов [42, с.23].

По воспоминаниям супруги М. Чокаева – Марии Чокай, он вошел в состав Государственной Думы в качестве секретаря. В этот период санкт-петербургские казахи продолжали сохранять контактные связи с лидерами тюркского движения. Сотрудничая с думцами, М. Чокаев сошелся с представителями тюркских народов. В политические тюркские круги М. Чокаев вошел по рекомендации А. Букейханова. Образованный Чокаев выполнял политические поручения представителей волжско-крымских татар и народов Кавказа. В этот период от Туркестана отсутствовала квота на членство в Думу. Представители тюркского сообщества предполагали ввести Чокаева в Думу от Уфимского округа. При этом, известный уфимский помещик С.Джантурин подготовил М. Чокаеву дарственную в виде земель и дал своё согласие на выдвижение кандидатуры молодого специалиста в Думу.

Казахско-тюркские прогрессисты использовали любую возможность для реализации поставленной цели, успешно ангажируя своих представителей на политическом поле. Именно М. Чокаев в 1916 году в качестве переводчика сопровождал думскую комиссию в Туркестан для расследования карательных акций военных частей против казахского населения. В состав комиссии входили член Сената татарский общественный деятель, лидер прогрессистов К.М. Тевкелев и член Думы А.Ф. Керенский [42, с.32]. Участие 24-летнего М.Чокаева в бюро при Мусульманской фракции Государственной Думы оценивалось исследователем Т.Чагатаем как косвенное представительство лишенных права действия в политическом институте туркестанцев. [520, с.159].

Царский Указ 1916 года о мобилизации на тыловые работы вызвал негативную реакцию казахского населения. По мнению казахстанского исследователя Ш.Т. Омарбекова ряд национальных лидеров поддерживали реализацию этого указа во избежание карательных действий со стороны царского правительства по отношению к казахам [521, с. 139].

В работе ученого Г.М. Карасаева освещены события восстания 1916 года на территории Зайсанского уезда Семипалатинской области. По материалам исследователя трагические события кровавых столкновений 1916 года официально прозвучали на общем собрании депутатов Государственной Думы [522].

Казахские депутаты принадлежали к разным политическим партиям. Большинство из них входило в кадетскую партию. Бесспорно, определенную

роль в координационной деятельности казахских интеллигентов выполняли представители кадетства в лице Букейханова и его сторонников. По мемуарам З.В. Тогана в революционный период 1917 года Чокаев сотрудничал с кадетами [29, с.116].

В относительно короткий промежуток времени казахским лидерам удалось подготовить почву для организации массовой партии Алаш, охватившей все социальные звенья казахского народа в 1917 году. Привлекательность этой партии наряду с провозглашаемой политической задачей создавали просвещенные прогрессисты, общественная деятельность которых пришлась на начало XX века.

Консолидационная суть прогрессистов отразилась в их лидирующей роли создания казахской государственности в период свержения правящей монархии. Сторонниками идеологической платформы Букейханова, Байтурсынова, Чокаева, Дулатова выступили местные либерально-демократические представители из среды служащих. Так, на апрельском Всеказахском съезде в Оренбурге в 1917 году присутствовала значительная группа служащих. Работники бывшей имперской административно-управленческой системы оказались востребованными в организации новой структуры управления на идеологической основе автономности. Например, в Тургайской области подобную реорганизационную миссию выполняли письмоводители Б.Каралдин, секретарь Оренбургского суда С.Кадырбаев, канцелярский служащий И.Тлеугабылов, школьный учитель А.Алмасов [286, л.22]. Подобная ситуация корпоративных действий части служащих наблюдалась и в других областях. В числе сторонников Дулатова и Байтурсынова были лидеры аристократических семей А.Темиров, Ж.Сейдалин и ряд других, состоявшихся как успешные функционеры на чиновничьей службе [523, л.57]. Чиновники и аристократы своей позицией отражали интересы казахского общества, объединенного под влиянием светски просвещенных казахов.

Согласно новому избирательному закону в III Государственную Думу казахи лишались своего представительства. Между тем, по манифесту от 3 июня декларировалось право участия депутатов от «иных народностей» в Думе. Казахское население Степного края лишалось избирательных прав по причине численного преобладания над переселенческим. В Прибалтийском крае, Польше и Закавказье фиксировалось громадное преобладание «инородческого» населения над пришлым. Однако в этих районах сохранялось избирательное право неславянских народов. В результате принятия закона о выборах в III Государственную Думу казахи потеряли надежду на имперскую власть в защите национальных интересов. Данные настроения отразились в публикации русского корреспондента Я.Полферова. По его информации, разочаровавшиеся в государственной власти казахи одного аула под воздействием влиятельного авторитета Урмамбета настроились переселиться в Китай. Данное решение, по сообщению информатора, созрело под впечатлением избытка нерешенных проблем. В резюмирующей части Полферов заключил безысходные настроения

в сознании казахов [475, с.210]. В сознании казахского населения Государственная Дума воспринималась как некий Верховный институт власти, посредством которого существовала возможность изменить существующую политическую реальность. В результате деятельности казахских прогрессистов уровень информированности казахов был достаточно большим.

Лишение казахского населения права участия в избирательной кампании по образовательному цензу, по мнению аналитиков, вступило в логическое противоречие с новым избирательным законом. По данным корреспондента «Сибирских вопросов» количество грамотных в Семипалатинской области составляло 39 тысяч, в Акмолинской – 66 тысяч человек, тогда как в Амурской и Приморской областях, население которых допускалось к выборам соответственно 27 тысяч и 52 тысячи человек. Редакция журнала критически оценивала статус казахского населения: «Защиты в Государственной Думе лишены киргизы, и притом в самый критический момент их жизни, когда само их существование поставлены на карту, благодаря все растущему и не урегулированному переселенческому движению в степной край» [524, с.29]. Несомненно, лидеры казахского общества ходатайствовали о восстановлении несправедливо утраченных гражданских прав. Реакционный закон о выборах 3 июня 1908 года сократил количество депутатов Думы. По итогам этого закона изменился социальный состав и этнорегиональная специфика Думы. Из 23 депутатов Казахстана и Средней Азии сохранилось 1 место для уральских казаков. Новый избирательный закон способствовал ослаблению депутатского корпуса. Из 500 депутатов членами «старого» созыва являлись не более 30 человек [525, с.22]. Сочувствовавшая казахским депутатам сибирская группа сокращалась вдвое и составляла 14 человек. Фактически сибирская группа, отстаивавшая интересы казахов, теряла былое влияние в Думе. По итогам выборов от Сибири в Думу прошли почти исключительно беспартийные прогрессисты, оппозиционно настроенные к политическому режиму. По информативным данным, сибирские делегаты, представленные в основном крестьянами и казаками, не имели достаточной образовательной подготовки. Сибирские обозреватели в процессе работы Государственной Думы рассчитывали на проживавших в Санкт-Петербурге способных оказывать консультации сибиряков. Очевидно, учитывались потенциальные возможности столичной сибирской общины. Несомненно, казахские прогрессисты ориентировали казахское население на сотрудничество с территориально близкой сибирской группой.

Движение сибирской общественности, ориентированной на удовлетворение потребностей населения Сибири, способствовало пробуждению регионального самосознания социальных слоев. Динамика корпоративной солидарности проявилась в психологии приказчиков, подмастерьев и рабочих. В этот период в городах края формируется казахский пролетариат. Аналитики отмечали настойчивую работу казахских рабочих Семипалатинских предприятий, добивавшихся обеспечения достойного уровня

жизни [525]. Аналогичная реакция была характерна для иных этнически пролетарских групп. Большинство казахских рабочих работали на низкопрофильных специальностях, сохраняя особенности ментальности, специфику поведения вчерашних аграриев. Социальный статус и образовательный уровень подготовки рабочих оказались низкими.

С периода XIX века в общественном сознании сибиряков укрепилось негативное мнение о своем статусе как о «пасынках» государства, отправляющего в Сибирь во все управленческие звенья отбросы общества. Наличие беспартийных депутатов свидетельствовало о недоверии сибирского населения к идеологической платформе известных партий, представители которых дискредитировали себя в представлении общества. В то же время только единицы казахского народа сотрудничали с партией «КД». Поэтому политическим определителем прогрессистов являлись не только их партийно-идеологические взгляды, а в сущности свершенные дела и пропагандируемая миссия консолидации социальных групп народа. Умеренно-правые и центристские движения ориентировались на европейски-подготовленных интеллектуалов, левые движения на маргинализованных радикалов. Данные категории в казахском народе в пропорциональном соотношении оказались невелики. В 1917-1918 годах казахские аристократы и интеллигенты с высшим образованием объединялись с кадетами. В лагерь их идейных противников перешли некоторые малооплачиваемые учителя и низовые сотрудники канцелярии.

Сибирские депутаты Н.Н.Скалозубов, В.И. Дзюбинский, К.И.Молодцов, А.Ф.Коншин представляли интересы Тобольской губернии в III-ей Государственной Думе. Скалозубов и Коншин активно взаимодействовали с казахскими лидерами, в особенности с А.Букейхановым.

Проблема целевого назначения казахских общественных капиталов неоднократно будировалась казахскими выборщиками. Казахские представители требовали прозрачной отчетности использованных денег. Ими неоднократно подвергалась критике администрация семипалатинского губернатора, расходовавшего финансовые суммы не по назначению. В 1905 году казахи Семипалатинской области в своих петициях на имя Царя просили привести этот капитал в известность и употребить его на обучение казахских детей в русских школах. В обращениях звучали просьбы о создании пансионов при Омской и Семипалатинской гимназиях. Впоследствии эти просьбы неоднократно повторялись населением в запросах депутатов Думы. В обращениях часто актуализировался вопрос увеличения количества стипендий для казахских мальчиков. В письмах казахов горели надежды на адекватные действия депутатов по ликвидации злоупотреблений местной администрации [526, с.8].

В заметке журналиста под псевдонимом «V» с ссылкой на факты подтверждались обращения казахских подписантов о неконтролируемых нецелевых расходах казахских общественных сумм. Журналист указывал на эпизод передачи генерал-губернатором области в 1895 году 6 тысяч рублей в

пользу Западно-Сибирского отдела ИРГО. Информатор сообщал об эпизоде передачи Акмолинскому губернатору 25 тысяч рублей на постройку дома из казахских сборов. Казахские общинники обращались к депутатам с запросом о пересмотре сметы расходования общественных сумм и ориентации их на нужды казахов. Действительно в области проживало около 700 тысяч казахов и при этом только несколько казахских мальчиков обучались в мужской гимназии. В женской гимназии стипендии для казахских девочек отсутствовали. В этот момент на казахские общественные суммы претендовали Семипалатинское городское управление и городской родительский комитет при женской гимназии. Данное обстоятельство вызвало возмущение казахов. Казахские общинники по отсутствию своих этнических представителей в Думе с подобными запросами обращались к сибирским депутатам. Деловые контакты взаимного сотрудничества казахских и сибирских депутатов в прошлых Думах закрепили статус «сибиряков» в общественном сознании казахов, которые находились под большим влиянием казахских прогрессистов.

Летом 1908 года в Тургае произошел межнациональный конфликт. Аналогичный инцидент свершился на Атбасарской ярмарке. По данным корреспондентов увеличилась динамика уголовных преступлений против личности. В подобных преступлениях все чаще фиксировали ранее законопослушные казахи. В процессе переселения в область отправлялись прежде всего беднейшие безземельные крестьяне. Помимо этой категории крестьянства в области устремились различного рода арендаторы и спекулянты. Информаторы отмечали изменение психологии переселенцев, рассматривавших местные переселенческие участки как временное благо для удовлетворения хозяйственных запросов. Проживавшие на территориях переселенцы после истощения почвенных ресурсов добывались различными способами переселения на новые участки, изымаемых у казахов. В Тургайской области усиливалась тяжба между переселенчеством и казахами за «миллионный надел» - плодородный территориальный массив, принадлежавший казахам и закрытый для переселения.

Мигрирующие переселенцы арендовывали участки у казахов с целью поселения. Впоследствии по окончании договоренностей переселенцы не желали покидать возделанные земли, что приводило к многочисленным конфликтам. Казахи неоднократно обращались в Санкт-Петербург с ходатайством о прекращении незаконной передачи земли переселенцам. Первоначально Тургайский генерал-губернатор Барабаш поддерживал обращение казахов, но впоследствии под влиянием властей вынужден был изменить свою позицию. В областях усилились противоречия между казахами, и переселенцами. Истощение земельных ресурсов способствовало обеднению значительной части населения. Люмпенизированные слои переселенчества характеризовались элементами культуры социальных низов – алкоголизацией, азартными играми и т.д., что усугубляло уголовную ситуацию в регионе и свидетельствовало о растущей апатии деградирующих групп населения. Основная масса переселенцев освобождалась от уплаты налогов. Значительное

бремя налоговых обложений ложилось на заселившихся в областях задолго до переселенческой программы старожилов. Данный фактор обострял социальную картину в обширной территории на фоне роста цен на все виды услуг при отсутствии земства, которое, по мнению многих могло взять на себя административно-управленческий механизм регулирования отношений в крае [527, с.27].

Переселенческая проблема являлась темой специального обсуждения в ноябре–декабре 1908 года по инициативе депутатов Думы, создавших переселенческую комиссию. Члены переселенческой комиссии интересовались перспективами и задачей переселенческой политики в восточных районах империи. Переселенческую комиссию интересовали следующие вопросы: во-первых, объемы норм переселенческим хозяйствам; во-вторых, возможность изменения размеров переселенческих наделов; в-третьих, значение законопроекта о землеустройстве казахов и его готовность. В процессе переговоров выяснилось, что с целью упорядочивания земельного переустройства был издан циркуляр об уменьшении размера отводимых переселенцам наделов. На данный момент в правительственных кругах существовали противоречия о дальнейших формах переселенческой колонизации – насаждении хуторских хозяйств, подворного землевладения или расселения переселенцев мелкими хозяйствами. Согласно отчету начальника Переселенческого управления по вопросу землеустройства казахов в стадии разработки находилась только процедура землеустройства в тех уездах, в которых большинство казахских хозяйств склонялись к оседанию. Основные предполагаемые принципы землеустройства казахов в таких уездах заключались в следующем: те казахские хозяйства, которые по данным статистов, нуждались в земельном наделе для обеспечения своего функционирования в объемах, не превышающих переселенческих норм, получали наделение землей в собственность по обычной переселенческой норме; полускотоводческие или полужемледельческие хозяйства по размерам превышающие тип крестьянского хозяйства, должны были получить землеустройство по другим, приспособленным к размерам их хозяйств нормам, т.е. большие размеры, превышающие переселенческие нормы; сохранявшим кочевой образ жизни казахским хозяйствам предлагалось либо перекочевка в другие районы так называемых государственных земель, либо сокращение их земель до переселенческой нормы. Такие положения предлагало переселенческое ведомство для проведения земельной компании [528, с.32].

Депутат Тобольской губернии В.И.Дзюбинский в очередной раз поднял проблему переселенчества в Сибирь и Степные области на заседании III Думы. В своем выступлении он констатировал увеличение финансовых ресурсов на переселенческую кампанию с 5 500 000 рублей в 1906 году до 23 000 000 рублей в 1909 году. Увеличение расходов напрямую связывалось с интенсификацией переселенчества в области. Оратор с ссылкой на статистические материалы, заявил о дефиците пригодных для земледелия свободных земель. Трагический опыт разорения переселенцев на непригодных

участках обострил проблему их переселения к старожильческим поселкам и к казахским поселениям. По замечанию Дзюбинского, как и ряда других депутатов, в Степных областях чиновники переселенческого управления часто нарушали юридические нормы и выходили за грань дозволенного, реализовывая задачу наделения землей переселенцев. На конкретных примерах он озвучил примеры нарушения прав казахского населения. По его сведениям, произошло искусственное выселение казахских хозяйств с побережья озера Алакуль, берегов Ишима и многих участков Омского, Кокчетавского, Петропавловского уездов. Дзюбинский апеллировал к официальным жалобам казахских хозяйств на его имя. Казахи лишались домов, надворных построек, скотных дворов, колодцев. По данным оратора только в 1908 году казахи Акмолинской области потеряли 198 участков и 6500 распаханых десятин земли. Потерянные постройки членами различных комиссий оценивались предумышленно низко и не достигали справедливой нормы. По его данным в среднем таковые казахи получали 10 или 5 рублей за потерянные хозяйства. Между тем, главноуправляющий землеустройством и земледелием в бюджетной комиссии при обсуждении вопроса о субсидиях крестьянства при переводе их на хуторские и отрубные участки считал неудовлетворительной выделяемую сумму в 100 рублей.

Дзюбинский, апеллируя к материалам частного совещания от 20 мая 1907 года при Степном генерал-губернаторе, реанимировал проблему использования так называемых непригодных участков, изъятых у казахского населения. Под влиянием переселенцев подобные участки становились непригодными для проживания. Более того, в результате применения неэффективных методов земледелия переселенцами цветущие места в Кокчетавском уезде, как, например, побережье озера Таранкул и озера Белекаш теряли свою хозяйственную привлекательность, превращаясь в пустыню. Переселенческое управление признавало эти недостатки. С целью решения проблемы переселенцев управление практиковало процедуру обмена старых использованных земель на новые участки, что способствовало увеличению земельных наделов переселенческих хозяйств в ряде поселков до 73-74 десятин земли и соответственно снижению земельной нормы терявших земли казахов. Обезземеленные казахские хозяйства зачастую имели земельную норму ниже 15 десятин. При относительном безземелье казахи вынуждены были арендовать ранее изъятые земли у них же в пользу крестьян. В процессе выступления он заявил следующее: «Я знаю таких лиц и целые группы, которые возражают против существующей системы переселения, которые говорят, что в Сибири земли свободные есть. Но не все они пригодные на немедленное заселение. К таким лицам принадлежу и я» [529].

Члены Мусульманской фракции, представленной уроженцами других регионов, продолжали защищать интересы казахского населения [530]. Члены Мусульманской фракции III Государственной Думы инициировали создание аграрного проекта с целью разрешения земельного кризиса в Степных

областях. Суть проекта заключалась в поземельном устройстве казахского населения [531, с.12]. Мусульманские депутаты сотрудничали с партией кадетов. По многим вопросам мусульмане консолидировались с представителями других партийных групп. В 1909 году мусульмане, кадеты, октябристы, умеренно правые, выступили против смертной казни [532].

Совместная парламентская работа объединила мусульманских депутатов в достижении общих национальных и региональных целей. В июне 1909 году в Думе, по инициативе депутатов фракции Х.Б.-Г.Б. Хасмамедова и Максудова, обсуждался законопроект ассигнования 600 рублей для преподавания вероучения воспитанникам-мусульманам Оренбургской учительской семинарии. Во многих светских государственных школах мусульмане не имели возможности изучать мусульманское богослужение. В Оренбургской гимназии за ее период существования обучались десятки тюркских учеников. Инициатива мусульман нашла поддержку центристов в лице фон-Анрепа. С трибуны Максудов откровенно заявил об игнорировании интересов казахов в школах [530]. После бурных обсуждений законопроект был принят и передан в комиссию по народному образованию. Представители фракции прекрасно осознавали значимость этого законопроекта, равно как и других, продвигаемых ими. Демонстрация их коллективных действий характеризовала в целом сближение идейно-политической платформы тюрко-мусульманских региональных движений государства. Казахские прогрессисты продолжали поддерживать контакты с депутатами Думы.

Мусульманские депутаты привлекались к участию в комиссиях, которые по своей содержательной направленности имели отношение к другим регионам империи. Так башкирский депутат Сыртланов Ш.Ш. действовал в комиссии по составлению законопроекта «О привлечении населения Приморской и Амурской областей к отбыванию воинской повинности». Ему было поручено оглашение доклада по законопроекту [533]. Он принимал участие в работе легитимности применения военно-полевого суда [534]. Соратниками Сыртланова являлись известные в думских фракциях деятели: представитель либеральных демократов Гегечкори Е.П., известный в кавказской группе своей прогрессивной позицией и не менее популярный в депутатских кругах Караулов. Репрессии 1905 и последующих годов показали, насколько сильна государственная тактика подавления. По признанию политического деятеля Думы, против смертной казни единым блоком выступили кадеты, мусульмане, социал-демократы, мирообновленцы, октябристы, польское коло, умеренно-правые [532]. Сыртланов входил в состав Мусульманской фракции. Будучи членом мусульманской фракции Сыртланов Ш.Ш. выступал с требованием отмены религиозных и гражданских притеснений для 20 миллионов мусульман империи. За консультациями к депутатам обращались представители тюркских общин других регионов империи.

С партией кадетов сотрудничал казахский интеллигент О.Сыртланов. В 1909 году Сыртланов выступал в роли посредника между МВД и Сандазимбаевым, организовавшим паломническое движение мусульман из

Одессы и Средней Азии в святые места [535].

В 1911 году в результате двухлетнего неурожая от голода казахское население Уральской области. В Государственную Думу на имя депутата П.Н.Милюкова поступила телеграмма от султана Б.Б.Каратаева. В телеграмме сообщалось об отказе казахскому голодающему населению в продовольственной помощи со стороны властей. Возмущенный вопиющей несправедливостью, Каратаев призывал депутатов оказать влияние на правительство с целью предоставления помощи бедствующему населению. По подсчетам Каратаева, оседлые пункты Базар, Каратобе, Кемилгуга, Уил, Темир, Гурьев, Борлинский, Карагачанский, Чиликский, Джиренкулинский оказались переполненными голодающими казахами. В телеграмме Каратаев подчеркивал государственный статус казахов как верноподданных империи и их долготерпение. В преддверии глобальной трагедии Каратаев проявил личную гражданскую позицию, настаивая на выделении помощи казахам из имперского продовольственного капитала: «... как бывший депутат Второго созыва Государственной Думы, взываю к вашей совести для склонения правительства к немедленному оказанию помощи голодающему киргизскому населению» [536]. Телеграмма Каратаева получила свое звучание в кадетской периодике. По всей видимости, влияние Каратаева сохранялось в кадетских, сибирских и мусульманских депутатских кругах, прогнозирувавших ситуацию в областях. Примечательно, что Каратаев в официальной метрике подчеркивал свое султанское происхождение с указанием титула. На личностно-психологическом уровне восприятия и в общественном сознании обозначение султанства выполняло информационно-знаковую роль в политической статусности личности.

От неурожая и грозившего голода пострадало население Сибири и Степных областей. Бедствовавшим от неурожая казахам-земледельцам Омского уезда местное начальство отказало в выдаче ссуды на обсеменение полей по причине того, что «именной хлеб для киргиз не заготовлялся». Удрученные реакцией уездного руководства казахи по спекулятивной цене – 1 рубль 75 копеек за пуд скупали пшеницу у купцов. Неопытные в хлебопашестве казахи сеяли некачественную пшеницу и остались без урожая, вконец разорившись [537]. Массовый голод охватил районы Тургайской области. Местное казахское, русское, казачье население выражало недовольство неповоротливостью областной администрации. Негативную реакцию местных властей вызвало письмо членам Государственной Думы, авторы которого обрисовали мрачную картину голода [538]. В Думе отсутствовали казахские представители. В связи с этим казахи посредством национальной интеллигенции обращались с письменными запросами к депутатам разных фракций. На продовольственную помощь и семенные нужды переселенческого населения Акмолинской области властями выделялась 3 648 300 рублей. Нужды казахского населения не учитывались. На запросы продовольственной комиссии представители ведомства апеллировали специфическими особенностями ведения хозяйства казахами, скотоводству и

наличию в области национального казахского капитала в 90 тысяч рублей. Ответ чиновников вызвал недоумение сибирского общественного деятеля депутата Скалозубова Н.А. По его мнению, этих денег оказалось недостаточно для ликвидации последствий неурожая [289]. В этот момент интересы казахского населения выражали представители мусульманской фракции и сибирские депутаты, ряд из которых поддерживали контакты с казахскими прогрессистами и сочувствующими российскими либералами.

С целью реализации поставленной проблемы распределения земельных участков областные власти апеллировали к общественным приговорам, т.е. документам, юридически закрепляющим мнение казахских выборщиков определённой административной единицы. Зачастую «приговоры» по сути своего содержания противоречили интересам казахов. По оценкам наблюдателей, правовое оформление «приговоров» выборными представителями совершалось по их элементарной неграмотности и под давлением контролируемых уездной администрацией волостных правителей [539, с.35].

В Думский период в областях продолжал усугубляться земельный вопрос. Представители общественности продолжали критиковать земельную политику в печати. С особой настойчивостью данная проблема обсуждалась в центральном журнале сибирских думцев – «Сибирских вопросах». В аналитической статье публицист под псевдонимом V на конкретных фактах с обилием цифровых материалов описывал незаконные действия землеотводных партий в Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской области по отношению к земледельцам-казахам. Автор отмечал изъятие 1 6910 десятин возделанной земли у 234 казахских семей. При этом автор ссылаясь на 122 статью Степного положения, согласно которой за казахами в бессрочное пользование закреплялись зимние пастбища и обрабатываемые земли. Автор, ссылаясь на официальные данные многочисленных управлений, отмечал, что в уезде из 15101 казахских хозяйств занимались земледелием 10488 или 69,5%. Земледельческая комиссия под председательством В.А. Саенко подтвердила распространение земледелия у местных казахов. Экспедиция Щербины ранее зафиксировала высокий процент земледельцев-казахов в регионе. Публицист констатировал кровавое столкновение между казахами и переселенцами в поселке Воскресенском как следствие земельной тесноты [77, с.9].

Соответствующая процедурная часть крайне осложняла общественную деятельность казахских интеллигентов, стремившихся к установлению непосредственных контактов с выборными и поддерживающих их общинами. Поэтому наиболее приемлемой формой коммуникационных отношений являлись личные поездки и встречи прогрессистов в аульную среду. В данных обстоятельствах в аульно-сельской среде наибольшим доверием со стороны населения и интеллигентов пользовались сельские специалисты в лице учителей, которые по занимаемой должности и профессиональному статусу

дистанцировались по служебным характеристикам от управленческого корпуса. Безусловно, казахскими интеллигентами использовался принцип сотрудничества с местными авторитетами-старейшинами и хозяйственно преуспевающими людьми казахской аульно-сельской структуры. Корпоративную солидарность в защите политических национальных интересов проявляли юристы, тесно контактировавшие в депутатский период сложных перипетий деятельности Государственных Дум. Общественно-политическое казахское движение в широких народных массах персонифицировалось с определёнными именами, выступающими централизующими лидерами круга сподвижников на уровне областей. В соответствующей иерархии сельские интеллигенты локализовывались на уровне аульных общин и родовых подразделений.

Итак, в период политического обострения и накала общественной ситуации в империи казахские интеллигенты использовали принципы легитимного отстаивания интересов народа организованных участием в Государственной Думе. Образовательный ценз и уровень социализации подавляющего большинства казахских депутатов оказались идентичны. Социально-экономический сектор и культура населения Казахстана развивались на основе взаимопроникновений национальных культур [540, с.15]. Просвещенные казахские интеллигенты благожелательно воспринимались казахским большинством в ипостаси реализаторов идеологии национального освобождения. Как справедливо отмечает отечественный ученый А.Гали идеология джадидизма основывается на синтезе традиций и новационного прогресса [541, с.36]. В думский период казахские депутаты в сотрудничестве с прогрессивными кругами общественности приобрели бесценный политический опыт.

Таким образом, просвещенные казахи консолидировались с целью защиты интересов казахского народа. Казахские лидеры и их сторонники пытались использовать легитимные методы в реализации своих задач. Казахские общественные деятели сотрудничали с мусульманским движением и российскими либерально-демократическими партиями. Казахские представители принимали участие в работе Государственных Дум.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XIX веке завершается процесс установления имперского господства на территории Казахстана. Российская империя в данный период представляла поликонфессиональное многоэтническое государство. В имперском пространстве сохранялась существенная разница между регионами по социально-экономическим параметрам, индустриальному развитию, техногенным и урбанизационным процессам. Казахстан, равно как и большинство сегментов империи, представлял типическую провинцию, находившуюся в политической зависимости от метрополии. В данную эпоху в регионе по глобальной причине природно-климатических особенностей доминировал аграрный способ производства с ярко выраженной номадной направленностью. Казахский народ проживал на огромной территории. При этом в наиболее благоприятных сегментах сохранялось взаимодействие аграрной и оседло-земледельческой цивилизации. Казахи как единая социоэтническая структура по форме производства, уровню и качеству жизни основополагающих элементов материальной и духовной культуры отличались от народов империи и прежде всего сконцентрированных в метрополии европейских народов.

Именно в XIX веке усиливается государственная политика влияния на этнотерритории казахов, сопровождавшаяся притоком переселенческого населения и строительством новых городов, прежде всего в маргинальной зоне взаимовлияния местного аборигенного и пришлых народов, т.е. русских, украинцев, татар, немцев и т.д. Соответствующий процесс в перспективе обусловил постепенную ликвидацию традиционной казахской государственности с характерными элементами авторитарно-общинного управления. Ликвидация институтов власти на фоне целого комплекса административных, судебных и территориально-земельных реформ сопровождалась переносом в местную социокультурную среду классических императивов европейской цивилизации и доминировавшей в империи российской модели государственности.

В результате внедрения долгосрочной программы имперского присутствия происходит изменение системы взаимовлияния и вертикально-горизонтальных отношений между социальными группами казахского народа. В определенной мере начинается длительный период реструктуризации казахского общества, по итогам которого складываются новые социальные группы в отдаленном будущем определявшие вектор развития и динамику политической ситуации в регионе.

Смещение ролевых функций казахской аристократии и рядовой верхушки предопределяло изменение ментальности представителей этой категории, ориентированных на восприятие новой тенденции с целью выработки адаптационного потенциала дальнейшего лидирования в казахской этнической среде. Внедрение в регионе военно-административной схемы управления сочеталось инкорпорированием во власть представителей вышеперечисленных,

социальных групп. Сам принцип военного управления подразумевал установление четкой иерархии, жесткой дисциплины и беспрекословного подчинения нижестоящих структур власти. Очевидно, данная метода оценивалась как адекватная реакция государства на антиимперские выступления в регионе местного населения. Включенные в новую систему администрирования казахские служащие, первоначально рекрутируемые из аристократии, лишались привычных властно-управленческих рычагов былой казахской действительности. В то же время казахские служащие новых официальных структур обладали правом значительных льгот, дистанцировавших их от этнической среды.

Усложнение делопроизводства и разветвленная сеть бюрократического аппарата актуализировали задачу подготовки профессиональных чиновничьих кадров всех уровней от толмачей-переводчиков до руководителей крупных подразделений. Очагово на территории Казахстана и сопредельных зон в единичной вариации действовали различные школы. Наибольшей прерогативой у казахской аристократии пользовались кадетские корпуса, в которых в XIX веке готовилось казахское офицерство. Анализ жизненного пути казахских кадетов демонстрирует участие большинства из них в местной модели управления. Только лишь незначительная часть из них принимала участие в военных акциях и компаниях. Следует отметить, что именно кадетские школы сыграли существенную роль в формировании плеяды служащих, которые возможно при неприятии определенных звеньев имперской сути впоследствии ориентировали своих потомков на государственно-светскую образовательную модель.

В первой половине XIX века в регионе продолжалась доминанта султанских фамилий, в числе которых выделялись признавшие имперское влияние аристократические династии Сейдалиных, Таукиных, Бабаджановых, Темировых и других. Фактически представители указанных семей в первом поколении становились основой нарождающейся национальной бюрократии. На уровне мировоззрения юных казахских аристократов формируется дальнейшая картина восприятия реалий государственного преимущества. Состоявшие на службе казахские офицеры продолжали сохранять связь с казахской этнической средой. В системе управления их властные полномочия ограничивались определенно-установленным должностным уровнем, отчетливо проявляемым в служебной стезе. Большинство офицеров-администраторов, за исключением Ч. Валиханова, Г.Б. Валихана, Чингисхана локализовались исполнительской деятельностью в провинциальной среде, присущей им этнородовой территории. Таким образом, подготовленные по имперской модели казахские офицеры на уровне своего воспитания сочетали приверженность национальным традициям и приобретенные навыки русско-европейского городского сообщества. Будучи первыми и единственными европеизированными членами казахской общины эти единицы неоднозначно воспринимались своими соплеменниками, что особенно отчетливо проявилось в их участии в реализации колониционных

мероприятий регионального масштаба. В истории функционирования казахских офицеров не фиксируется их массовое участие в протестных антиимперских акциях, проявившихся в этот период. Известны единичные факты преследования властью представителей этой категории администраторов, которые впоследствии подверглись процедуре амнистии. Амнистиционная форма применялась режимом как средство реанимации кризиса доверия прогосударственной части служащих дефицит которых сохранялся в регионе.

Деполитизированные казахские офицеры сыграли важную роль в установлении контактных связей с общественными и научными кругами. В данное время служащие и их последователи пополняли социальные и исторические дисциплины результатами самостоятельных научных изысканий. В имперском научном пространстве получили известность Ч.Валиханов, М.С. Бабаджанов, М.Таукин, братья Сейдалины, Г.Б. Валихан. Ряд казахских военных на пике своей карьеры состоялись за пределами этнотерритории казахов, собственным примером демонстрируя возможность проникновения в столичные центры империи своим современникам.

Примечательно в проблеме социальной истории казахов отсутствие большого количества военных династий. Потомки состоявшихся функционеров впоследствии выбрали гражданские учебные заведения под впечатлением изменявшейся ситуации в крае, характеризовавшейся разветвлением бюрократического аппарата с постоянно расширяющейся орбитой его влияния без обязательных когда то условий военного статуса.

Интеграция империи в международную политику обусловила фактор реформирования системы образования как реальной составляющей имперского будущего. Таким образом, в государстве во второй половине XIX века формируется университетское образование. Казахская молодежь получила право обучения в университетах в конце 60-х начале 70-е годов XIX века. Изначально на указанную систему образования ориентировались выходцы из семей казахских служащих, в которых за длительный исторический сюжет прошлого разрабатывалась программа перспективного развития своих представителей. Впоследствии, как показали события, социальная среда казахского студенчества отличалась разнородностью, что являлось показателем преломления сознания казахов, оценивших значимую роль государственного образования как весьма важного аспекта акклиматизации в процессе государственных новшеств. Казахское студенчество обучалось в большинстве университетов империи. Рационально подходившие к процессу социализации казахские юноши выбирали университеты и специальности по таким важным критериям, как востребованность профессиональных качеств в этнической среде, конкурентоспособность. Из исследования университетов наиболее высокая численность казахских студентов сохранялась в Санкт-Петербургском и Казанском университетах. Это вполне логично, так как соответствующие города являлись административно-статусными центрами в имперском пространстве. Большинство казахов обучалось на правовых и

медицинских факультетах, т.е. тех специальностях, познания в которых соответствовали ментальным установкам юношей ориентированных на восприятие социально-гуманитарных дисциплин в ракурсе традиционной казахской цивилизации. В национальной студенческой среде сохранялся высокий удельный вес султанской и прочей аристократической молодежи. Анализ архивной документации свидетельствует о разноуровневом материальном обеспечении выходцев из этой категории, оценивавших университетскую подготовку средством их повышения качества жизни. Очевидно, социальная статусность основателей чиновничьих фамилий и терявших авторитет родовых авторитетов являлись показательным стимулятором поведенческой деятельности выбравших студенческий путь молодых людей. Казахские юноши, не удовлетворенные имевшимися ролевыми функциями, выбирали ранее неизвестный путь длительной адаптации в инонациональном городском окружении. Изначально казахское студенчество отличалось социальной разнородностью в отличие от кадетской среды. Соответствующий аспект резюмирует ориентацию широких слоев общества на университетское образование. Молодые люди и их родители осознавали выгоды университетского просвещения, обеспечивавших инкорпорирование в местную систему управления и сопутствующие ей социальные бюджетные сферы труда. В казахском народе четко сформировались следствия преимущества, патронируемых государством профессиональных направлений в сравнении с функционировавшими традиционными группами национальных специалистов, подготовленных по принципу постепенного изучения накопленного опыта в структуре функционировавшей вертикали поколенческих связей. Именно с этого периода начинается планомерное складывание профессионально подготовленных по университетским стандартам групп казахских служащих в области правоправедения, медицины и других социальных сфер.

Синхронно продолжалась процедура формирования групп специалистов переводчиков, техников, ветеринаров и т.д. Следует отметить процесс возвращения большинства выпускников университетов и прочих учебных заведений в места исходного этнотерриториального проживания казахов. Акклиматизированные в городах просвещенные казахи оставались носителями аграрной национальной культуры, сохраняя приверженность соответствия типическим социально-экономическим условиям среды проживания. Большинство служащих имели статус специалистов в первом поколении. Наряду с ними в народе выявляются служащие во втором поколении, прежде всего из ранее доминировавших в областях аристократических династий, трансформировавшихся в чиновничьи группы. Наследственный фактор обладания образованием обеспечивал карьерное продвижение казахских служащих и как следствие их проживание в городской среде. В крупных городах региона казахи сохраняли численное меньшинство. Включение казахских служащих в городскую среду сопровождалось постепенным притоком казахского населения. Образованные граждане

оказались востребованными в организациях с целью установления деловых связей между властными структурами и этническими представителями. На рубеже XIX-XX веков в областях действует социальная группа казахских служащих стратифицированных по профессиональным параметрам, финансово-имущественной обеспеченности, социальным характеристикам. Специалисты рассредоточивались в огромной территориальной зоне. В то же время происходила их концентрация в смежных регионах взаимовлияния оседло-земледельческой и кочевой культуры – стационарных поселках, волостных и уездных центрах.

Казахские служащие по профессиональному статусу имели численное меньшинство во всех структурах. С течением времени наблюдается медленное изменение удельного веса национальных служащих в размерах административной территории. Так, например, по производственной необходимости в исторических реалиях начала XIX века ека наблюдаются изменения количественной характеристики всех казахских служащих в областях. Синхронно в этот период в регионах действуют учителя, фельдшеры, канцелярские работники всех уровней. При этом существенным аспектом социализации служащих являлся их уровень образованности. Тогда же в регионах в единичной вариации появляются казахские работники различных контор, ведомств и т.д.

Наиболее высокая численность казахов сохранялась в учительском корпусе. Большинство учителей работали в сельских школах. Только несколько казахских учителей впоследствии состоялись в городских училищах. В аграрном секторе функционировали казахские фельдшеры и ветеринары. Производственная специфика актуализировала их ролевые функциональные обязанности в местах компактного расселения аграрного населения. По признанию современников, медицинский, просветительский сектор, равно как и другие сферы социального направления, получили незначительное развитие в Казахстане в отличие от ряда других регионов. По сути, сохранялась хроническая нехватка специалистов во всех секторах.

Существенным элементом формирования и обучения казахского студенчества университетов, равно как и других училищ, например, учительских семинарий, фельдшерских школ, технических заведений, являлись стипендии, количество и суммы которых носили фиксированный характер. Многие казахские учащиеся обучались за свой счет. Очевидно, финансовая сторона ограничивала рост количества казахских специалистов в исследуемую эпоху. Анализ социальной структуры групп казахских служащих демонстрирует наиболее высокий удельный вес выходцев из султанства в составе юристов. В авторитарно-бюрократическом государстве реальным механизмом противодействия чуждому европейскому чиновничеству являлось совершенное знание законодательной системы.

Эпохальные события второй половины XIX века акцентировали долгосрочную программу реформирования имперского общества, ориентированного на рыночные капиталистические отношения и как следствие

вынужденное признание монархическим режимом демократических институтов и свобод по европейской версии. Это, в свою очередь подразумевало развитие элементов гражданственности и индивидуализма. Казахские юристы действовали в судебной-правовой сфере. Именно в это время в областях сохранялась перманентная ситуация параллельного существования государственного порядка и традиционной национальной юриспруденции, сочетание которых обуславливало востребованность казахских правоведов в реализации политики сохранения имперского единства. Анализ производственной деятельности казахских правоведов демонстрирует отток значительной части из них за пределы этнотерриториального проживания. Данный процесс со всей очевидностью характерен именно для этой профессиональной группы. В Приуралье и Сибири удачно стартовали и продолжали карьеру юристы А.Темиров, Ж.Акпаев, А.Турлубаев, Д.Досмухамедов, А.Беремжанов. В условиях хронической нехватки правоведов в регионе актуализировался вопрос их стационарной деятельности по месту жительства. Большинство приезжих специалистов в регионе не имели существенных познаний в области культуры, традиций и языка казахов, что сохраняло их изоляционное положение.

Имперская кадровая политика командирования специалистов юридического профиля акцентировала значимость распространения и утверждения единой унифицированной государственно-правовой сферы. Эффективные результаты службы казахских юристов резюмируют качество их подготовленности и работоспособности в различной этносоциальной среде. На рубеже XIX-XX веков интенсифицировались капиталистические отношения в империи, сопровождавшиеся расширением частной сферы и появлением новых профессий. Частная сфера обслуживания выделялась в социально-ориентированных видах деятельности, как, например, в медицине, адвокатуре и т.п. Казахские служащие в подавляющем большинстве действовали в государственных секторах. Закономерно отставание региональной экономической специфики от общих новационных стандартов метрополии и как следствие этого относительно слабая развитость частно-рыночных отношений. Представленные в первом или даже во втором поколении казахские специалисты в подавляющем большинстве психологически придерживались этатистских форм сотрудничества в обществе, прагматично оценивая собственные ресурсы и возможности. Единичные представители корпуса национальных юристов, как, например, Ж.Акпаев, А.Турлубаев комплектовали группу специалистов-частников, задействованных в адвокатской работе.

Казахские служащие осознавали двойственность ситуации их участия в реализации основных постулатов государственной идеологии, заключавшейся в колонизации региона. Примечательно, что именно в категории профессиональных служащих происходит постепенное нивелирование родоплеменных и социальных противоречий. Европейски подготовленные по единым унифицированным образовательным стандартам казахские

прогрессисты сближались в стационарных центрах, прежде всего на фоне этнорелигиозной близости и духовной идентичности. Казахские прогрессисты продолжили практику коллективного сближения своих предшественников по принципу взаимной комплиментарности и деловых качеств. Квартиры образованных граждан превращались в объединительные центры малочисленной категории служащих. В этих спонтанных контактах закладывались основы координированной общественной взаимопомощи. В данном процессе причудливым образом сочетались сохранявшиеся родоплеменные отношения и патронатные меры воздействия локализованных городскими условиями казахских уроженцев. Определенно значительная часть чиновничества добровольно оказалась вне сферы общественного воздействия, ограничиваясь индивидуально-личностной деятельностью во имя собственного блага. Прогрессивно настроенные служащие кооперировались в организационные структуры по благоприятной мотивации эволюции народа. Сам факт развития подобной программы подразумевал критический настрой ее инициаторов к существовавшим реалиям. Методы ее реализации оказались самыми различными. В частности многие просвещенные казахи, как, например, И. Аблайханов, А. Сейдалин, Т. Сейдалин и другие занимались информационно-пропагандистской миссией распространения положительного опыта цивилизованного развития мирового сообщества. И. Алтынсарин, Г. Балгинбаев и плеяда казахских учителей добровольно в силу профессиональных возможностей и служебных полномочий устраивали сеть учебных учреждений. Во всяком случае, частные порывы казахских интеллектуалов с течением времени заменялись слаженной коллективной работой служащих созданием постоянно действующих организаций. Индивидуально-личностное сознание просвещенных граждан ориентировалось на выработку общей позиции защиты национальных интересов. В силу служебной статусности специалисты в большинстве своем ограничивались формированием общественных организаций, направленных на оказание легальных видов помощи казахскому народу.

Коллективными действиями казахские прогрессисты продолжили известные в казахском обществе традиции общинно-родовой помощи и взаимовыручки. Ранее из среды европейски подготовленных казахов выделилась незначительная группа казахских деятелей, как например, Ч. Валиханов, М.С. Бабаджанов, хан Жангир и др. стоявшие у истоков создания подобных организаций и формирования единого коммуникационного пространства. По примеру русских прогрессистов казахские служащие формируют различные официально разрешенные властью общественные организации – тюремные комитеты, сельскохозяйственные общества, общества взаимопомощи и т.д. Определенно подобные организации создавались по компилятивному способу на примере работы подобных клубов и комитетов в других центрах империи. Специализировавшиеся в сугубо специфической профессиональной направленности служащие фактически возлагали на себя функции, подразумевавшие динамику постоянного саморазвития с учетом

социокультурных особенностей каждой организации. Характерно, что еще в университетский период ряд казахских студентов в независимости от хронического безденежья и перегрузок параллельно обучались в нескольких учебных заведениях, максимально используя полученный шанс проживания в крупных городах.

Информационно-коммуникационное пространство в регионе контролировалось имперскими структурами. Под влиянием государственной власти начинается процедура создания первых казахских газет. На рубеже XIX-XX веков казахские общественники способствовали созданию казахских официальных газет, издававшихся по регионально-областному принципу – «Тургайская газета», «Особое прибавление Акмолинским ведомостям» и прочие. Перечисленные издания ограничивались изложением официальной хроники и выполняли функции информативного характера. Подвижническую роль организации официальной периодики выполняли казахские служащие, отстраненные по ранговой дисциплине от политики. Ими практиковались методы привлечения в корреспондентский корпус газеты просвещенных казахов, стиль изложения и научные знания которых способствовали разнообразию газетного материала. В этот период корпус казахских журналистов пополнялся мыслящими, пишущими личностями. Казахские прогрессисты трезво оценивали перспективы и преимущества периодики как средства распространения материала. По примеру русских и мусульманских газет, в частности, татарских, в кулуарах казахской интеллигенции реализовывалась идея издания политической периодики. Казахские интеллигенты фактически апробировали ранее неизвестную модель в регионе формирования общенационального объединяющего на политической основе противостояния режиму печатного органа. Примерно в одно время под воздействием творческой интеллигенции возникло несколько печатных изданий, не имеющих принципиальных различий по принципу поиска благоприятных альтернатив казахскому народу в сложившейся ситуации. Издания «Казахстан», «Айкап», «Казах» и им подобные рассчитывались на местного читателя по анализу злободневных проблем современности.

Центры периодики базировались в крупных городах с наличием развитой инфраструктуры и коммуникационных средств передачи. Объективно, главным фактором функционирования газет являлось сосредоточие интеллектуально-творческого потенциала в образе национальной интеллигенции и прогрессивных служащих. Актуализировалась проблема налаживания и сохранения деловых контактов с либерально-мыслящими представителями других этнических групп. Несомненно, происходит возрастание ролевого участия молодых общественных деятелей А.Букейханова, Ж.Акпаева, А.Байтурсынова, М.Дулатова и их сторонников, получивших известность в интернациональной среде смежных областей Казахстана, Поволжско-Приуральского региона и Сибири. Именно тогда казахские прогрессисты усилили тенденцию преодоления самоизоляции по примеру одиночных интеллектуалов XIX века. Идея долгосрочного издания либеральной

национальной печати казахов потерпела фиаско по факту усиления реакции режима на национальное движение. Российские либеральные слои активизировали свою деятельность в восточных районах империи. Накануне грядущего социального раскола с конца XIX века российские демократы продолжили тактику создания оппозиции в империи, в том числе в Сибири и Казахстане. Негативные стороны трагедийной проблемы казахского народа получили широкое освещение в региональных изданиях, как, например, в журнале «Сибирские вопросы». Несомненно, сибирские информаторы взаимодействовали с казахскими прогрессистами в достижении единой цели, направленной на установление равенства гражданских и политических прав населения. Эти мероприятия казахских прогрессистов были частично направлены на устранение следствий колониционных реформ, но не могли изменить причины социально-экономической деградации региона.

Синхронно в этот же период под влиянием политических процессов в империи нарастает оппозиционное движение, в котором все большую роль приобретают казахские служащие и особенно интеллектуальная элита в виде интеллигенции. Реально осознававшие военно-политические и технические преимущества имперской машины казахские интеллигенты в большинстве своем отрицали военно-силовое противодействие, апеллируя к опыту работы либерально-демократических партий и движений в империи и за ее пределами. Основу новой волны просвещенной казахской оппозиции составили вчерашние выпускники училищ и университетов. Таким образом, в начале XX века интеллектуальное ядро казахских реформаторов составили образованные личности, пытавшиеся за короткий исторический период аккумулировать опыт предшествующих поколений и движений мирового сообщества. В процессе борьбы казахские интеллектуалы использовали все возможные методы противостояния власти. Прежде всего, они акцентировали свое внимание на содружестве с ведущими демократическими силами государства, т.е. мусульманскими прогрессивными движениями, национальными партиями и либеральными кругами российского общества, главным образом, с кадетами. Тандем казахских прогрессистов с мусульманским сообществом нашел свое отражение в организации их совместной координационной работы уже с конца XIX века. Следует выделить отсутствие ярко выраженного реального противостояния по принципу взаимного неприятия светской интеллигенции и религиозной элиты. Данные категории в казахском обществе находились на стадии формирования и не имели существенного удельного веса, как, например, в татарской среде. Более того, в этот период происходит сближение прогрессивных слоев этих категорий на фоне выработки концепции казахской государственности.

Начало XX века ознаменовано расширением орбиты воздействия национальной литературы, определенную часть которой составляли религиозные служащие, признававшие значение научно-технического европейского прогресса. Безусловно, в литературе авторами воспевались исторически сюжеты былой казахской государственности и наблюдалось

апеллирование к историческим личностям. Некоторые литературные произведения по мнению цензуры, признавались актуализированными по факту изложения радикальных идей. Рассчитанные на национальную публику, большинство книг по своей содержательной сути содержали призыв к усвоению молодежью лучших образцов европейской цивилизации в ракурсе неизбежных изменений в казахском обществе. Казахские прогрессисты являлись активными участниками всех важных мусульманских съездов, на которых фактически происходила процедура кооперирования мусульманских и тюркских лидеров по принципу отстаивания национальных интересов этнических групп.

В общественной сфере состоялись служащие Б.Каратаев, С.Лапин, А.Букейханов, С.Г. Джантурин. Анализ социальной структуры мусульманских съездов свидетельствует о росте роли национальных служащих в политике в сравнении с другими социальными группами. Таким образом, практически во всех мусульманских ареалах служащие, тождественно именуемые термином «интеллигенция», получили признание. В историографии и источниках применительно к казахскому делегатскому корпусу главным образом участвовали служащие.

Очевидно, представители этой категории обладали широкой популярностью у казахской общественности. В рамках масштабной кампании реформирования образования, а впоследствии и политического режима в государстве расширялось влияние джадидизма. По роду деятельности, целевым задачам казахские прогрессисты фактически ассоциировались с джадидами, центры которых располагались в Крыму, Поволжье и Средней Азии. Казахские лидеры контактировали с мусульманской печатью, главным образом с татарскими изданиями, игравшими доминирующую роль в информационном пространстве Поволжья, Сибири, Приуралья и частично прилегающих территориальных ареалов. Соответствующая практика выражения этноколлективного единства получила свое развитие во времена работы Государственной Думы.

В начале XX века казахские интеллектуалы начинают процесс установления контактной сферы с массовой демократической партией кадетов, олицетворявших вкуче с рядом других партий ориентацию части российского общества на европейский прогресс и идеалы свободы. Примечательно, ролевое участие единиц казахских интеллектуалов в работе этой партии, которая за относительно короткий промежуток времени сумела распространить ее влияние в группах казахских служащих. Со всей очевидностью казахские прогрессисты пытались использовать всевозможные методы давления на власть.

После трагических событий 1905 года казахские лидеры мобилизовали творческий потенциал общества для участия в новом институте управления – Государственной Думе. Регулярная общественно-политическая работа национальных прогрессистов оказалась положительной для них в свете выборной думской компании. Депутатский казахский корпус Дум являлся социально и профессионально неоднородным. Численное большинство составляли университетски подготовленные казахские служащие. Таким

образом, молодые интеллектуалы в очередной раз продемонстрировали степень их популярности в обществе. В данный момент со всей полнотой определялись контуры этнообъединительного начала в группе казахской интеллигенции, синтезировавшей европейскую образованность и либеральные взгляды западных течений с приверженностью к национальной культуре и особенностям экономической модели казахов. Исследование грядущих событий подтвердило доминанту в политической сфере казахского народа этих интеллектуалов. Казахским депутатам удалось избежать раскола по политическим идеалам, то есть выбранной ими партийной платформе. В документации отсутствуют указания на существенные противоречия в казахском корпусе при разнополярной векторности участия их представителей в Думах.

Будучи крайне немногочисленными казахские депутаты применяли схему многовариативного взаимодействия с мусульманским движением, национальными партиями, русскими кадетами и рядом других организаций. За весь период депутатской деятельности казахи тесно сотрудничали с Сибирской депутатской группой, объединяясь с её делегатами по принципу взаимной защиты локальных территориально-областных интересов во всех жизненно важных сферах социально-экономической и политической жизни. В Государственной Думе казахи продолжали практику взаимного сближения защиты национальных интересов вне зависимости от региональной и социальной специфики.

В думский период продолжала действовать отлаженная схема взаимосотрудничества казахских делегатов и их сторонников в областях. Под влиянием созданного координационного центра в областях проводились массовые протестные акции в виде письменных просьб, жалоб, петиций, адресованных в Государственную Думу. Официальные жалобы находили свое отражение в выступлениях казахских депутатов и их сторонников, что в реальности создавало прецедент для обсуждения злободневных проблем, идентично проявлявшихся в других районах империи. Казахские интеллектуалы продолжали тактику легального давления на власть посредством официально функционировавших средств. Думские депутаты стремились к участию во всех жизненно-важных для региона комиссиях: аграрной, судебной и т.д. Источники характеризуют активную деятельность казахских делегатов в обеспечении желанной цели разрешения кризиса в регионе. Результаты деятельности Дум оказались малосущественными. Казахским думцам и их союзникам не удалось решить глобальную задачу свертывания аграрной программы в регионе. Казахское представительство в государственном управленческо-законодательном органе продемонстрировало их ролевую функцию в казахском народе. Организационный опыт мобилизации ресурсов и управления краем несомненно рационально использовался прогрессистами, что проявилось в выборах в Учредительное собрание после революции 1917 года. По итогам событий 1905-1907 годов либералы продолжали оппозиционировать власти в сотрудничестве с российским

демократическим и мусульманским движением. Репрессивные акции имперского режима способствовали изоляции казахских интеллектуалов от своей этнической среды. Данные методы получили обратный эффект роста их популярности в казахском обществе и политических кругах империи.

Прогнозы прогрессистов проявления силовых противоречий в областях на фоне обострившихся нерешенных проблем подтвердились задолго до событий национально-освободительного движения 1916 года. Общественные лидеры пытались остановить восстание, предвещая его разгром и многочисленные жертвы. Анализ ситуации показывает правильность их выводов относительно итогов движения.

Примечательно участие в восстании радикально настроенных представителей студенческой молодежи и служащих, как, например, Т.Рыскулова, Б.Каралдина и других. С начала XX века в крае нарастает тенденция изучения марксистской идеологии и прочих социалистических направлений казахским студенчеством. Этот исторический аспект в имперском масштабе демонстрирует разнополярность антимоноархических сил, все сильнее проявлявшихся во всех регионах империи. В начале XX века в империи отчетливо обозначились проблемы интенсивного реформирования во всех сферах социально-экономического и политического строя. Корпус казахских служащих формировавшихся с XIX века, в результате трансформации за короткий исторический отрезок претерпел существенные изменения в социальной структуре и политической истории казахского народа в начале XX века.

Результаты исследования представляют научно-практический интерес. В ракурсе реализации программы «Культурное наследие» рекомендуется продолжить исследование по истории профессиональных групп служащих, сыгравших значительную роль в казахском народе. Предлагается организация координированной научно-поисковой работы по данной теме в архивохранилищах, библиотеках и музеях Казахстана, России и других государств. В перспективе предлагается задача выпуска специальных исторических изданий по деятельности малоисследованных казахских служащих, что, в свою очередь, акцентирует необходимость формирования банка данных по каждой казахской личности, обучавшейся в государственных учреждениях исследуемого периода. Обнаруженные автором источники материалы и примененные им научные методы позволяют реализовать эту идею в приемлемые сроки. При разработке государственной программы о деятельности служащих необходимо учитывать исторический опыт регламентации деятельности категорий работников государственных учреждений в исследуемый период.

Список использованных источников

1 Назарбаев Н.А. Выступление Президента Республики Казахстан на Международной научно-практической конференции «Роль государственной службы в повышении конкурентоспособности страны». 17 июня 2008 год // Казахстанская правда. – 2008, 19 июня.

2 Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начала XIX в): Генезис личности, демократической семьи гражданского общества и правового государства. - СПб.

3 Баш Л.М., А.В. Боброва, Г.П. Вичеслова, Р.С. Кимятарова, Е.М.Синдровиц. Современный словарь иностранных слов. Толкование словоупотреблений. Словообразование. Этимология. Издание.- М.: Цитадель-Трейд, 2006.- 110 с.

4 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка:80000слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка.им. Виноградова В.В. - 4-е издание дополнено.-М.: « А ТЕМП», 2004.- 944 с.

5 ГАГА Ф.430 «Объединенный фонд коллекция». Оп.3. Д.2. «Положение о киргизах, об их правах, управлении духовными делами, устройства медицинской части, школы в степи. Расписания и управления Акмолинской области 1822год».

6 ГАГА Ф.430 «Объединенный фонд коллекция». Оп.4. Д.1. «Положение о штатах Управления Акмолинской области».

7 НА РТ Ф.977 «Казанский императорский университет». Оп.Л/Д. Д.29958.

8 Назарбаев Н.А. «Стратегия трансформации общества и возрождения Евразийской цивилизации» - М.: «Экономика», 2000. - 543 с.

9 Васильев В.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. - Оренбург, 1896. - 226 с.

10 Д.Валидов. Очерки образованности и литературы волжских татар. Государственное издательство. –М., 1928. – 112 с.

11 Валиханов Ч.Ч. // Соч.: в 5 томах. -Алма-Ата, 1975.-175 с.

12 Алтынсарин И. // Соч.: в 3-х томах. -Алма-Ата: Наука, 1978.- Т.3.-252 с.

13 Познанский В.С., Калашников А.А.. Первый казахский врач в Якутии // Известия сибирского отделения Академии Наук СССР. - Новосибирск, 1983.- 117 с.

14 Абай. Слова Назидания. - Алма-Ата: «Жалын», 1983.-160 с.

15 Гармс И.Я. Педагог-просветитель Александр Васильев. - Алма-Ата: «Рауан», 1990.- 491 с.

16 Бурабаев М.С. Общественная мысль Казахстана в 1917-1940 гг.- Алма-Ата: «Гылым», 1990. – 47с.

17 Кудайберды-улы Ш. Родословная тюрков, казахов, киргизов. Династии ханов. - Алма-Ата: «Дастан», 1990. – 118 с.

- 18 Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – Лондон, 1990.- №18. -187с.
- 19 Мажитов С.Ф. Религиозный фактор в национально-освободительном движении в Казахстане и Центральной Азии. (конец XVIII- начало XXвв.) // Валихановские чтения-8: сборник материалов Международной научно-практической конференции. - Кокшетау, 2003.Т.1 – 165 с.
- 20 Аккылыулы С. Алихан Букейханов // Простор.-Алма-Ата, 1993.- №3.- 213 с.
- 21 Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. 1917–1920 гг. – М.: ИЦ «Россия молодая», 1994.-210 с.
- 22 Кул-Мухамед М. Жакып Акпаев. Патриот // Политик.- Алматы: «Атамура», 1995. -234 с.
- 23 Ланда Р.Г.Ислам в истории России. – М.: «Восточная литература», 1995.- 312 с.
- 24 Анохина З.К. Уральские депутаты-мусульмане в I и II Государственных Думах Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов // Национальный вопрос и политические движения. - Челябинск, 1995.- Ч.2.-153 с.
- 25 Кенжетев Б.А. Казанские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в сер. XIX – начале XX вв. – Казань: «ПИФ», 1996.- 87с.
- 26 Бабаджанов Х. М-С. Сочинения. (Сборник статей 1861-1871). – Алматы: «Санат», 1996.-144 с.
- 27 Устинов В.М. Турар Рыскулов. (Очерки политической биографии).- Алматы: «Казахстан», 1996. – 460 с.
- 28 Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX-XX вв.- Алматы, 1996. -242 с.
- 29 Тоган З.В. Воспоминания.- М., 1997.- 613 с.
- 30 Қозыбаев М.Қ. Тарих зердесі. -Алматы: Ғылым, 1998.- Т.2.- 280 б.
- 31 Храпченков Г.М., Храпченков В.Г. История школы и педагогической мысли Казахстана. – Алматы: «Кайнар», 1998.- 168 с.
- 32 Абдеш М. Ертеден Ел таныған // Егемен Қазақстан. – Алматы, 1998.
- 33 Хеезбаева Н. Первый редактор первой газеты // Наука Казахстана. - Алматы, 1998.- №20.
- 34 Сыдыков Е.Б. Российско-казахстанские отношения на этапе становления тоталитарной системы. -Алматы: «Гылым», 1998. – 272 с.
- 35 Алтынбаев М.К., Балакаев Т.Б., Белан П.С., Григорьев В.К., Козыбаев М.К., Нурмагамбетов С.К., Нурпеисов К.Н., Тасбулатов А.Б. Исторический опыт защиты отечества.- Алматы: «Борки», 1999.- №90.- 94 с.
- 36 Абуев К.К., Валиханов Ч.Ч.: страницы жизни и творческой деятельности // Материалы международной научно-практической конф.: «Валихановские чтения - 10». - Кокшетау, 2005.- С.7-16.
- 37 Алексенко Н.В., Алексеенко А.И. Население Казахстана за сто лет (1897-1997 гг.). Восточно-Казахстанский университет // Лаборатория социально-демографических исследований. - Усть-Каменогорск, 1999.-36 с.

- 38 Турсунов И.А. Очерки истории казахов Омского Прииртышья / Учебное пособие. - Омск: ООИПКРО, 2000. – 76 с.
- 39 Валиханова Н.С. Национальные движения и партии Средней Азии. Историография // «Народный учитель». – М., 2000.- 202 с.
- 40 Султангалиева Г. «Татарские» диаспоры в конфессиональных связях казахской степи XVIII-XIX вв // «Вестник Евразии».- М., 2000.- №4.-35с.
- 41 Осадчий Ф. Великий творец добра и света. - Алматы: «Арыс», 2001. – 103 с.
- 42 Чокай М. Я пишу Вам из Ножана... (воспоминания, письма, документы). - Алматы: Кайнар, 2001.
- 43 Арапов Ю. Ислам в Российской империи. – М., 2001. - 367с.
- 44 Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М. Репрессированная тюркология. – М.: «Восточная литература», 2002.- 294 с.
- 45 Қарасаев Ғ. 1916 жылы Қазақстандағы отарлық езгіге қарсы азаттық қозғалысы: сабақтастығы; кейбір ерекшеліктері: Шығыс Қазақстан өлкесі бойынша // Қазақстан жоғары мектебі.- Алматы, 2003.- №4.- Б.157-163.
- 46 Нурмагамбетова Р.К. Движение Алаш и Алаш-Орда. Историография проблемы 1920–1990-е годы XX века. - Алматы, 2003. - 155 с.
- 47 Нурбаев К.Ж. Из истории крестьянской колонизации Северо-Восточного Казахстана в XVIII-XIX вв // Вестник КазНУ. Серия историческая. - Алматы, 2004.- №4 (35).- С. 20-25.
- 48 Нұрпеис К. Тулға. Личность. Ағартушы Халел. Жинақ / Құраст. Қабдолқайырұлы Ғ.- Алматы: Арыс, 2004. – Б.276.
- 49 Абжанов Х.М., Селиверстов С. Критическое столетие // «Мысль».-М., 2004.- №2.-6 с.
- 50 Есбайұлы Ә. Халқының Қарабаевы // Отбасы және денсаулық. - Алматы, 2005.- №4.-3 с.
- 51 Алпыспаева. Г. Астана в новое и новейшее время. -Астана, 2010. - 200с.
- 52 Қуандық Е. Қазақстан тарихы (Кеңес және тәуелсіз Қазақстан дәуірі).- Алматы: ЖШС «Дәуір», 2009.- 488 с.
- 53 Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (2 пол. XIX-XX вв.). - Алматы, 2005.
- 54 Абжанов Х.М. Отечеству преданно служить // Казахстанская правда.- Алматы, 2005.-24 июня.- №4.
- 55 Абжанов Х.М. Миссия интеллигенции // Казахстанская правда.- Алматы, 2006.- 24 февраля.- №9.
- 56 Озганбай О. Государственная Дума России и Казахстан.1905-1917гг. – Алматы: «Арыс», 2000.-281с.
- 57 Озганбай О. Дорога в будущее. (Х. Досмухамедулы: жизнь и судьба).- Алматы: «Нурлы Алем», 2006.- Изд.2.- С.60.
- 58 Кульбаев Т., Айтиева Р. А. Айтиев – жизнь полная мужества и трагедии. - Алматы: «Арыс», 2006. - 400 с.
- 59 Кабульдинов З. Асылбек Сеитов – видный общественный деятель Казахстана // «Наука и образование Казахстана». - Алматы, 2007.- №1.

- 60 Қеменгер Қ. Омбыда оқыған қазақтар // Полиграфия. - Астана, 2007. - 211б.
- 61 Кошанов А., Сабден О., Догалов А. Турар Рыскулов: государственная деятельность и экономические воззрения. - Алматы: «Арыс», 2008.-140с.
- 62 Беданова А. Союз любви и мысли // Казахстанская правда.- Алматы, 2008.- №4.
- 63 Ермекбаев Ж.А. Казахские коллекции, представленные на российских и международных выставках XIX-XX вв. как важнейшие источники по изучении истории, этнографии и культуры казахского народа //Документ в контексте истории. Материалы II-й международной конференции.- Омск, 2009.-125 с.
- 64 Конкаева О.Б. Санжар Асфендияров және Халел Досмухамедов //Роль национальной интеллигенции в истории в нач. XXв // Материалы международной научно-практической конференции. - Орал, 2009.-С.145.
- 65 Садырбаев А.С., Ибраимова М.С., Ахмеджан Қозбагаровтың қоғамдық-саяси қызметі // Роль национальной интеллигенции в истории XX в. Материалы международной научно-практической конференции. - Орал, 2009. – С.162 .
- 66 «Алаш» қозғалысы» / Құраст: Тілешов Е., Қамзабекұлы Д., Нұрахмет И.-Алматы: Сардар, 2008. -324 б.
- 67 Ахметова Л.С., Григорьев В.К., Шойкин Г.Н. Қазақстан: елдің XX ғасырдағы басты тұлғалары сериясы.- Астана, 2009.- 214 б.
- 68 Алдабергенов К.М., Мананбаев Ж.И. Павлодар облысы халқы санының өсу динамикасы мен этникалық және әлеуметтік құрамы // Саясат-Policy. - 2010. - №4.- С.24-27.
- 69 Родионов И. Состав сибирских депутатов II Государственной Думы (20февр. 3 июня 1907г // Сибирские вопросы.-СПб., 1907.- 3 июля .- №16.
- 70 Родионов И. Краткие биографии сибирских депутатов // Сибирские вопросы. - СПб.,1907.-10 июня.- №13.
- 71 И.П.Л Состав сибирских депутатов I Государственной Думы // Сибирские вопросы. - СПб.,1906.- №4.
- 72 Чермак Л. Статистическое предприятие переселенческого управления // Сибирские вопросы. - СПб, 1907.- №8.
- 73 Полферов А. Сибирские письма // Сибирские вопросы.- СПб, 1909.- №16.
- 74 XVZ. Приближающийся кризис // Сибирские вопросы.-СПб, 1907.- №10.
- 75 L Оценка выборов //Сибирские вопросы.- СПб, 1907.- №2.
- 76 Чермак Л. Формы киргизского земледелия // Сибирские вопросы. – СПб, 1907. - №22.
- 77 V. Отчуждение киргизских орошаемых пашен // Сибирские вопросы. - СПб, 1908.- №16.- С.14-20.
- 78 Абельдинов Д. Наш современник Алихан Букейханов // «Казахстанская правда».- Алматы, 1996.- №3.

79 Коншин Н.А. К роспуску Думы // Семипалатинский листок. - Семипалатинск, 1906.- №49.

80 Ауэзов М. Эдебиет тарихы. - Алматы: «Ана тілі», 1991.-240 с.

81 Зорин И. Научный отдел // Вестник Оренбургского учебного округа. - Уфа, 1912.- №6.-134 с.

82 ГАГА Ф.430 Объединенный фонд-коллекция. Оп.10, Д.9 «Катанов Н.Ф. «Отрывки из книги посвященной Н.И. Ильминскому»

83 РГИА СПб Ф. 14 Санкт-Петербургский университет, Оп.3. Д.34521 «Дело студента Турлубаева Айдархана»; 25945«Каратаев Султан Бакит-джан»; 35843«Акпаев Якуп Джантурдинович»; 64558«Сейдалин Аббас Жансултанович»; 23168 «Дело Джантурина Селим Гирея Сеид Хан Султана»; 55955 «Дело студента Мустафы Чокаева. 1910-1911 учебный год» начато 1910 г. – окончено 1911 г.; 29087 «Дело студента Ниязова Батыр-Каира Юсуфова»; 36393 «Дело студента Нуралиханова Селим-Герее Зулкарнаевича» Начато 1899; окончено 1899 г.; 29082 «Дело Абдул-Керима Ниязова»; 28856«Султан Искандер Гази Вали-хан»; 68344 «Дело студента Темирова Аббаса Абдуловича»; Д.28856. «Султан Искандер Гази Вали-хан»; Д.37347«Сейдалин Шах Жиган»; НА РТ. Ф. 977 Казанский императорский университет., Оп. Л/Д, Д.32559«Дело о принятии студента Магзум Каратаев»14.08.1895»; Д.33565«О принятии в число студентов Абубакира Бурмухамедовича Алдиярова 18.09.1891г.»; Д.34056 «О принятии в число студентов университета Гали-Ахмеда Арунгазиева 4.10.1906-24.09.1907»; Д.43039 «Дело о принятии Султанбека Мангельдина»; Д.41150«Дело о принятии Мукуча Бочтаева»; Д.32859 «Дело студента Ихсангалия Тукберлиновича Тукберлинова»; Д.32110 «Дело Ахмета Кургамбека Беремжанова»; Д.29900. «О принятии в число студентов Абубакира Бурмухамедовича Алдиярова», Д.39141 «О зачислении в студенты сего университета Султана – Асадулли Идигина», Д.32559 Дело о принятии студента Мухамеджана Карабаева», Д.33565 «О принятии в число студентов Абубакира Бурмухамедовича Алдиярова 18.09.1891г.», Д.34056«О принятии в число студентов университета Гали-Ахмеда Арунгазиева 4.10.1906-24.09.1907», Д.33390. «О принятии в число студентов Нурмухамеда Айчувакова»; Д.39686. «О принятии в число университета Бахитгерее Хузи-Ильясовича Ямбулатова»; Д.34747 «Бахытгерее Нуралиханова», Д.40976 «О принятии Хаджи-Мурата Сарыкулова», Д.40506 «О принятии Исы Кашкинбаева», Д.41564 «О принятии в число студентов Исы Кисыкова», Д.43289 «Дело о принятии Мухамеда Чинтаева», Д.40542 «Батыргалия Юсупгалиева», Д.42579 «Дело студента Мухамеда-Казы Казы-Гиреевича Чутаева», 43039 «Дело о принятии Султанбека Мангельдина», Д.41150«Дело о принятии Мукуча Бочтаева», Д.29954 «О принятии Э.Бекмухамедова», Д.32966 «О принятии Ахмедбека Балгожина»; ГАТО. Ф.102 Томский университет, Оп.2, Д.1340. «Личное дело Исхака Джаксалыкова», Д.4664 «Личное дело Таначева Сабира», Д.2769 «Личное дело Мирамеда Ниязова», Д.1463 «Личное дело Исенгалия Касабулатова», ГАТО. Ф.102 Томский университет, Оп.4, Д.1763. «Дело студента юр.фак. Сеит-Гирее Нуралиханова», ГАСО. Ф. 393, Оп.1,

Д.1434 «Исенгулов Гумар Кужахмедович», Д.2888 «Дело Ихласа Шугуловича Шугулова»

84 Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство.- Алма-Ата: «Наука», 1982.- 168 с.

85 ГАОрО Ф. 79 Оренбургская мужская гимназия, Оп.1. Д.17 «Переписка с попечителем Оренбургского учебного округа о заселении воспитанников в пансионат при Оренбургской гимназии январь 1889-4 января 1904гг», Д.20 «Сведения об учащихся в мужской гимназии», Д.216 «Переписка с попечителем Оренбургского учебного округа»; Ф.82 Оренбургское реальное училище. Оп.1, Д.46 «Экзаменационные списки учащихся разных классов», Д.51 «Свидетельства и аттестация учеников оренбургского реального училища за 1899-1903гг; 1915-1917года», Д.89 «Списки лиц, которым выданы свидетельства».

86 Чернявский С.Н. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. - Оренбург, 1900.- Вып.1.- С.123.

87 ГАГА Ф.430 Объединенный фонд коллекция, Оп.10.Д.7. «Н.Н. Балкашин о миссионерах в Алтайском крае и киргизских степях».

88 ГАОрО Ф.79. Оренбургская мужская гимназия, Оп.1. Д.20. «Сведения об учащихся».

89 Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1900 г. - Томск: паровая типо-литография П.И. Макушина, 1900. - 42с.

90 Курочкин И.М. Составитель Томская мужская гимназия. Статистика и материалы для истории Томской мужской гимназии с 1889 по 1899г. - Томск: паровая типография П.И.Макушкина,1899.

91 Седельников А.П. Распределение населения Киргизского края по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Киргизский край. - СПб., 1992.- Т.2.- 220 с.

92 ГАГА Ф. 430 Объединенный фонд-коллекция, Оп.13, Д.4. «Личное дело студента Казанского университета Ахмеда Беремжанова».

93 НА РТ Ф. 977 Казанский императорский университет, Оп. Л/Д, Д.32110 «Дело Ахмета Кургамбека Беремжанова».

94 Малиновский И. Семинаристы в университете // Вестник воспитания. - М., 1905.- №6.- 129 с.

95 Бельденинов С. Сибирская молодежь в Казанском университете // Сибирские вопросы.- СПб, 1907.- №2.- 2с.

96 Оренбургский кадетский корпус, как первое учебное заведение в истории русского образования киргизов.- Оренбург: типолитография Н. Жаринова,1896. -14с.

97 РГИА СПб Ф.14 Санкт-Петербургский университет, Оп.3, Д.37347 «Сейдалин Жиган-Шах», Т.7, Д.68344 «Дело Темирова Аббаса Абдуллоевича»; НАРТ Ф.977 Казанский императорский университет. Оп. Л/Д. Д.43039 «Дело о принятии Султанбека Мангельдина».

- 98 Исмаилов С.С. Диссертация «Социально-экономическое и культурное развитие казахов Южного Урала 1917-1940гг.- Костанай, 2009.- 149 с.
- 99 РГИА СПб Ф.14 Санкт-Петербургский университет, Оп.3. Д.23168 «Дело Джантурина Селим Гирея Сеид Хан Султана»; НА РТ. Ф.977 Императорский Казанский университет, Оп.Л/Д., Д.32565 «Дело Кудайбергенова Заир-Мухамеда» , Д.43039 «Дело о принятии Султанбека Мангельдина», Д.39437 «Дело Иманбаев Аубакир Ишмухамедович»
- 100 ГАГА Ф.430 Объединенный фонд-коллекция, Оп. Л/Д.«Личное дело Итпаева».
- 101 РГИА СПб Ф.14 «Санкт-Петербургский университет», Оп.3, Д.64558 «Сейдалин Аббас Жансултанович».
- 102 ГАОО Ф.430 Омское техническое училище, Оп.1, Д.64 «Аттестаты, окончивших полный курс учения в Омский императорский Александра III низшем механико-техническом училище Джусупа Омара», Д.752 Аттестаты, окончивших полный курс учения в Омский императорский Александра III низшем механико-техническом училище Иманкулова Д.», Д.942 Аттестаты, окончивших полный курс учения в Омский императорский Александра III низшем механико-техническом училище Нурмухамедова А.».
- 103 ГАТО Ф.125 Канцелярия Главного инспектора училищ Западной Сибири, Оп.1, Д.898. «Переписка с канцелярией Степного генерал-губернатора и директоров Училищ Акмолинского и Семипалатинского областей о преобразовании киргизских интернатов в сельскохозяйственные, ремесленные и профессиональные школы».
- 104 Полферов Я.Я. Земледелие в Тургайской области (очерк). Издание Тургайского Областного статистического Комитета. - Типо-литография П.Н.Жаринова.- Оренбург, 1896.- С.7-50.
- 105 Эбдеш М. Ертеден Ел таныған // Егемен Қазақстан. - Алматы, 1998.- 7 тамыз.
- 106 Эбдеш М. «Алаш Орда» министрлері // Министры «Алаш Орды». ТОО «Типография оперативной печати. - Алматы, 2008. – С.114.
- 107 НА РТ Ф.977 Казанский императорский университет, Оп.Л/Д. Д33565. «Дело о принятии в число студентов Абубакира Бермухамедовича Алдиярова».
- 108 ГАГА Ф.430 Объединенный фонд-коллекция, Оп.10, Д.11 «Казанский университет. Прощение К.Айчуакова о его принятии на медицинский факультет Казанского университета «Аттестат зрелости» Н. Айчуакова».
- 109 НА РТ Ф.977 Казанский императорский университет, Оп.Л/Д, Д.40542. «Дело Батыргалия Юсупгалиева»
- 110 ГАСО Ф.399 «Саратовский университет», Оп.1, Д.2594. «Личное дело Бейсенова Бахтигалия», Д.1434. «Исенгулов Гумар Кужахмедович», Д.1463 «Личное дело Исенгалия Касабулатова».
- 111 ЦГА РК Ф.64 Канцелярия Степного Генерал-Губернатора, Оп.1, Д.2874 « Доклад управляющего канцелярией Степного Генерал-Губернатора об учреждении в Омске ученической квартиры для обучения в гимназии

киргизских мальчиков и отчеты по управлению ученической квартирой с 1881-1891гг. Нач.17.08.1881-ок.1.08.1891г.».

112 ГАТО Ф.102 Томский университет, Оп.13, Д.481 «Списки российских мужских гимназий и их выпускников за 1910-1911гг.».

113 ВК фон-Герн. Характер и нравы казахов. - Караганда, 1995.- 35 с.

114 407. ЦГА РК Ф.25, Оп.1, Д.467. «О зачислении детей киргиз Тургайской области в Оренбургскую и Троицкую мужскую гимназию».

115 РГИА СПб Ф.14 Санкт-Петербургский университет, Оп.3, Д.37347 «Сейдалин Жиган-Шах».

116 ЦГА РК Ф.25 Тургайское областное правление, Оп.1, Д.1546 «Об определении Ирмухамедова в Казанский университет на земскую стипендию 26.07.1909-26.01.1910».

117 РГИА СПб Ф.14 Санкт-Петербургский университет, Оп.3, Д.34521 «Турлубаев Айдархан».

118 РГИА СПб Ф.14 Санкт-Петербургский университет, Оп.3, Д.23168 «Дело Джантурина Селим Гирея Сеид Хан Султана».

119 РГИА СПб Ф.14 Санкт-Петербургский университет, Оп.3, Д.25945 «Каратаев Султан Бакит-жан».

120 ГАТО Ф.102 Томский университет, Оп.4, Д.2105 «Джанайдаров».

121 РГИА СПб Ф.14«Санкт-Петербургский университет», Оп.3 Д.32559 «Дело о принятии студента Магзум Каратаев».

122 РГИА СПб Ф.14 Санкт-Петербургский университет, Оп.3, Т.7. Д.29087. «Дело Ниязова Батыра».

123 РГИА СПб Ф.14 Санкт-Петербургский университет, Оп.3, Д.35843 «Акпаев Якуп Джантурдинович».

124 РГИА СПб Ф.14 Санкт-Петербургский университет, п.3, Т.7.Д.28856 «Дело студента султана Искандера Гази-Валихана».

125 ГАГА Ф.430, Оп.1, Д.18, «Личное дело студента Казанского университета Мухамед Газы Чутаева».

126 РГИА СПб, Ф.14 Санкт-Петербургский университет, Оп.3, Т.13, Д.68344 «Дело Темирова Аббаса Абдуллоевича».

127 ГАТО. Ф.102 Томский университет, Оп.1, Д.149. «Свидетельства об окончании курсов при Томской повивальной школы за 1899г».

128 ГАСО.Ф.399, Оп.1, Д.2594. «Личное дело Бейсенова Бахтигалия».

129 РГИА СПб. Ф.14 Санкт-Петербургский университет. Оп3.Т7.Д29082 «Дело Абдул-Керима Ниязова».

130 ГАТО. Ф.102 Томский университет, Оп. 2-ОЦ.Д.1340. «Дело Джаксалыкова Исхака».

131 РГИА СПб Ф.14 Санкт-Петербургский университет, Оп.3, Д. 23168. «Дело Джантурина Селим Гирея Сеид Хан Султана».

132 ЦГА РК Ф. 64, Оп. 1. Кн. 2, Д. 2996. «Канцелярия Степного генерал-губернатора», «Об определении в 1888-1889 учебном году киргизских детей на киргизские стипендии в разные учебные заведения».

133 ГАСО Ф.393, Оп,1, Д.2769. «Личное дело Мирамеда Ниязова».

- 134 ГАСО Ф.393, Оп.1, Д.1463. «Личное дело Исенгалия Касабулатова».
- 135 ГАГА Ф.430 Объединенный фонд-коллекция, Оп.10, Д.14. «Казанский университет. Титульный лист о принятии в число студентов университета Рахимжана Марсекова. Постановление правления университета о принятии Р. Марсекова на 2 курс юридического факультета Казанского университета».
- 136 ГАТО. Ф. 102 Томский университет, Оп.2, Д. 4664. «Личное дело Таначева Сабира».
- 137 ГАГА Ф.430 Объединенный фонд-коллекция, Оп.10, Д.19. «Казанский университет. Личное дело Ували Таначева (фотография, аттестат зрелости)».
- 138 ГАТО Ф.102 Томский университет, Оп.4, Д.1763. «Дело студента юр.фак. Сеит-Гирея Нуралиханова».
- 139 ГАТО Ф.102 Томский университет, Оп.4, Д.680. «Дело о студенте юр.факультета Сеил-Беке Джанайдарове».
- 140 ГАТО Ф. 102 Томский университет, Оп.4.Д. 2105. «Дело Рамазанова Нуха-Габдул Галимов».
- 141 Хроника // Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям.- Омск, 1892.- №24.
- 142 ЦГА РК.Ф.4 Областное правление Оренбургских киргизов, Оп.1.Д.2929 «Дело об отправке депутации казахов в Санкт-Петербург».
- 143 Санкт-Петербургские ведомости №55- СПб, 1 июля 1856.
- 144 Санкт-Петербургские сенатские ведомости №54-СПб, 5 июля 1856.
- 145 История Неплюевского корпуса очень любопытна.-«Оренбуржье».- Оренбург, 1870. - №151(939).
- 146 Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870.- Оренбург, 1870. - 84 с.
- 147 Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1903г. -Оренбург, 1903.- 48 с.
- 148 ЦГА РК Ф.25 «Тургайское областное правление»,Оп.2.Д.260. «Личное дело Джантурина, Баймухамедова и Сейдалина.29ноября 1866г.».
- 149 ГАОрО. Ф. 162 Просвещение и здравоохранение, Оп.12, Д.753 « О прошении Султана Гумара Мухамедова с заявлением ему с киргизом Куттыбаем Даулбаевым поступить в состав 2-го сводного Оренбургского казачьего полка, командиру на усиление действующей армии».
- 150 ЦГА РК Ф.25, Оп.2, Д.764 «Дело помощника Тургайского уездного начальника коллежского советника Сейдалина Тлеу-Мухамед Айториновича».
- 151 ЦГА РК Ф.4 Областное правление Оренбургских киргизов, Оп.1, Д.2496 «Дело о присвоении чинов есаулов султану Джигангирову и хорунжему бию Чегенову».
- 152 ЦГА РК Ф.4 Областное правление Оренбургских киргизов, Оп.1, Д.2512 «Алфавитные списки управителей – султанов, биев и других и переписка по этому вопросу».

- 153 ЦГА РК Ф.25 Тургайское областное правление, Оп.2, Д.259.«Послужной список султана Мухамед Джантурина – бывшего правителя воинской части».
- 154 Справочная книжка Оренбургской губернии на 1868г. - Оренбург, 1868.- 50с.
- 155 ЦГА РК. Ф.25 Тургайское областное правление, Оп.2., Д. 258. «Джантурин Сеид-хан подполковник (султан) послужной список».
- 156 Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1868г.- Оренбург, 1868.- 64с.
- 157 Адрес-календарь Оренбургской губернии на 1899. -Оренбург, 1899.
- 158 Справочная книжка Оренбургской губернии на 1867.- Оренбург, 1868.
- 159 Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1915 г. - Оренбург, 1915.-15с.
- 160 ГАОрО Ф.6 «Просвещение и здравоохранение», Оп.10, Д.7202 «Дело о ссылке Нуралиханова Зулхарная».
- 161 ГАОрО Ф.6 Просвещение и здравоохранение, Оп.10, Д.8388 «Дело о высылке султана Бабина 1872-2874гг».
- 162 Алтынбаев М., Балакаев Т., Белан П., Григорьев В., Козыбаев М., Нурмагамбетов С., Нурпеисов К., Тасбулатов А. Исторический опыт защиты Отечества. Военная история Казахстана. - Алматы, 1999. -352с.
- 163 ГАТО Ф-125 Канцелярия Главного инспектора училищ Западной Сибири, Оп.1, Д.597. «Выписка из отчета Министерства народного просвещения о порядке замены татарского языка киргизам в учебных заведениях Степных областей Западной Сибири».
- 164 Санкт-Петербургские сенатские ведомости. №37. - СПб, 4мая 1856.
- 165 Корреспонденции // Восточные обозрения. №19.- Спб, 12 мая.1883.
- 166 ЦГА РК Ф.25 Тургайское областное правление, Оп.1. Д.1994 « О командировании в Петербург депутации 1875-1877гг».
- 167 Часть неофициальная //Особые «Прибавления» к Акмолинским областным ведомостям. - Омск, 1893.- 26 февраля. -№9.
- 168 Қарасаев Ғ. Қазақ жеріндегі тұңғыш мектептер: (XIX ғ. – XX ғ. Басындағы Қазақстан жерінде, соның ішінде Шығыс өңірінде ағарту мен мектеп ашу ісінің тарихы) // Қазақ тарихы.- Алматы, 1999.- №4-5.- Б.31-34.
- 169 Ермекбаев Ж.А. Российские казахи в составе РСФСР и СССР в 1917-1991гг.- Омск, 1999.- 183с.
- 170 Дала уалаятының газеті. / Под ред. Сухамбердина, Бердыбаева.- Алматы: Ғылым, 1994.- 816 б.
- 171 Сибирская жизнь.- Томск, 1912.
- 172 Акмолинские Областные ведомости. -Омск, 1902. - № 3.
- 173 ГАТО Ф.126 Управление Западно-Сибирского учебного округа, Оп.3, Д.109. «Личное дело Сиротенко И.».
- 174 Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1900-й год. - Томск, 1900.

- 175 Шишилов И.Н. Перепись детей школьного возраста города Томска. - Томск, 1904.-157с.
- 176 ГАТО Ф.125 Канцелярия Главного инспектора училищ Западной Сибири, Оп.1, Д.487. «Документы о перечислении 6930 рублей из сметы Министерства в смету Министерства народного просвещения».
- 177 ГАТО. Ф. 102 Томский университет, Оп.2, Д. 1639. «Личное дело Джаксалыкова Исхака».
- 178 ГАОО. Ф.43 Омское техническое училище, Оп.1, Д.14 «По отношению Акмолинского губернатора о помещении киргизских мальчиков в число пансионеров технического училища».- 1884, 1891.
- 179 ГАТО. Ф. 125 Канцелярия Главного инспектора училищ Западной Сибири, Оп. 1, Д. 1032. «Отчеты по управлению учебными заведениями Семипалатинской области за 1874».
- 180 Справочная книжка. Адрес-календарь Тургайской области на 1915г. - Оренбург, 1915.-150 с.
- 181 ГАТО. Ф.125 Канцелярия Главного инспектора училищ Западной Сибири, Оп.1, Д.748. «Список учителей сельских училищ, киргизских секторов и казахских школ Алтайского горного округа и Семипалатинского уезда за1879г».
- 182 Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1888-1889г.- Томск, 1889.
- 183 ЦГА РК. Ф25 Тургайское областное правление. Оп. 1. Д1547. «О стипендиатах в Оренбургском реальном училище. Начато 7.03.1909г. окончен 27 июля 1917г.».
- 184 Корреспондент. Омск // Восточное обозрение. – СПб, 1883.- №43.
- 185 Министерство народного просвещения и права женщин на образование // Речь - СПб, 1915.-2 апреля.
- 186 Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1905. -Оренбург, 1905.- 114с.
- 187 Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1901. -Оренбург, 1902.- 53с.
- 188 Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1895. -Оренбург, 1895.- 49 с.
- 189 Адрес-календарь Оренбургской губернии на 1891. -Оренбург, 1891. 92 с.
- 190 Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1916 г. - Оренбург, 1916.-С.112.
- 191 Адрес-календарь и справочная книжка. Тургайской области на 1915г. - Оренбург, 1915.
- 192 К предстоящему в Томске съезду по внешкольному образованию// Сибирь. - Томск, 1915.- 20 ноября.
- 193 Официальный отдел // Вестник Оренбургского учебного округа.-Уфа, 1912.- №4.-179 с.

194 ГАОрО Ф.6 «Просвещение и здравоохранение» Оп.10, Д. 7832 «Дело об увольнении».

195 Данилов В.Д. Из истории строительства Омской мечети // Материалы V-ого Сибирского симпозиума «Культурное наследие Западной Сибири» (9-11 декабря 2002г., Тобольск).-Тобольск, Омск, 2002. -165с.

196 ГАОО Ф.115 «Омская учительская семинария», Оп.1, Д.109 «Аблайханов Султан Мадалыхан. 8 июня 1900».

197 ГАОО Ф.115 «Омская учительская семинария», Оп.1, Д.620. «Султангазы Динмухамед. 4 июня 1886».

198 ГАТО. Ф.125 Канцелярия Главного инспектора училищ Западной Сибири, Оп.1, Д.609. «Ведомости о числе учащихся в сельских училищах Тобольской губернии и переписка с военным губернатором Акмолинской и Семипалатинского областей об открытии мужских и женских интернатов в Акмолинской, Кокчетавской, Каркаралы и др.».

199 ГАТО Ф.125 Канцелярия Главного инспектора училищ Западной Сибири, Оп.1, Д.607. «Ведомости о месте оседлости инородцев, инородческих школ и училищ Западной Сибири и переписка с начальником Тобольской губернии и военными губернаторами Акмолинской и Семипалатинской областей о введении изучения русского языка в киргизских школах.4.08.1877-28.04.1879гг.».

200 ГАТО Ф.125 Канцелярия Главного инспектора училищ Западной Сибири, 5, Оп.1, Д.1032. «Отчеты по управлению Тобольской и Томской дирекциями училищ Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей за 1884: Дело по представлению отчетов в казахских училищах за 1884г.».

201 ГАТО Ф.125 Канцелярия Главного инспектора училищ Западной Сибири, Оп.3, Д.109. «Переписка с директорами учительских семинарий».

202 ГАОО Ф.10 Омские училища, Оп.1, Д.1283 «Мусульманбек Сеитов».

203 Степаненко Н. Учение медицине - вещь нужная для спасения // Вечерний Оренбург.- Оренбург, 1995.-21 декабря.- №51.

204 Обзоры Акмолинской области за 1914г. -Омск, 1915.

205 ГАОрО Ф.6 Просвещение и здравоохранение, Оп.13, Д. 3627 «О награждении учеников Оренбургского фельдшерской школы, окончивших курс в 1871г.».

206 ГАОрО Ф.6 Просвещение и здравоохранение, Оп.10.Д.8059 «Дело об обучении 1866-1867годы».

207 ЦГА РК. Ф.64 Канцелярия Степного Генерал-Губернатора, Оп.1, Д.2918 «Списки воспитанников пансионата для киргизских детей, стипендиях Омской фельдшерской школы и училищ. 27.05.1888-18.11.1891».

208 ГАОрО Ф.6 Просвещение и здравоохранение, Оп.17. Д.31 «О назначении в киргизскую Орду фельдшера жалованием в 150 рублей в год».

209 Врачебное дело в Семипалатинской области // Сибирь. – СПб, 1897.- 31 октября.

210 Сибирь. - Томск, 20 марта 1911.

- 211 О.С. и В.В. Фельдшерский съезд // Омский телеграф. - Омск, 1909.- 26июня .- №13.
- 212 Обзор Тобольской губернии за 1904г. - Тобольск, 1905.- 22с.
- 213 Медицина и медики в России.//Сибирская мысль.- Томск, 1906.- 28 ноября.
- 214 ЦГА РК Ф25 Тургайское областное правление, Оп.2, Д.372. «Прощение Николаевского городского врача, титулярного советника М.Карабаева».
- 215 Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа за 1895г.- Томск, 1895. -127с.
- 216 Приказ Акмолинского Вице-Губернатора //Акмолинские областные ведомости.- Омск, 1911.- 25 мая.- №31.
- 217 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1902.- №31.
- 218 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1902.- №1.
- 219 Й. г.Кустанай Тургайской области //Сибирская мысль. -Томск, 1907.- 6 февраля .
- 220 Медицина // Сибирская мысль №129.- Томск, 1907.- 3 апреля.- №129.
- 221 Журнал Присутствия Акмолинского Областного Правления. Отделение ветеринарное. - Омск, 1910.-26 ноября.
- 222 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1901.- №84.
- 223 Приказ Акмолинского губернатор //Акмолинские областные ведомости.-Омск, 1911.- 9ноября.- №45.
- 224 Приказы Акмолинского губернатора//Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1908.-19ноября. -№47.
- 225 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1901.- №27.
- 226 Акмолинские областные ведомости.- Омск, 1904.- №7.
- 227 Особое «Прибавление» к Акмолинским областным ведомостям. - Омск, 1892.-3 июля.- №27.
- 228 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1900.- №110.
- 229 Акмолинские областные ведомости.- Омск, 1904.- №32.
- 230 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1904.- №52.
- 231 Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1904.- Оренбург, 1904. -123с.
- 232 Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1894 г.- Оренбург, 1893.- Вып.1.-5 с.
- 233 Тургайские областные ведомости.- Оренбург, 1910.- 9 января.- №2.
- 234 Тургайские областные ведомости.-Оренбург, 1910.-8 мая.- №19.
- 235 Памятная книжка Томской губернии. -Томск, 1910.- С.92-94.
- 236 Обзоры Томской губернии за 1909 г.- Томск, -1910.-3с.
- 237 Акмолинские областные ведомости. - Омск,1902.- №36.
- 238 ГАОО Ф.10 Омский окружной суд, Оп1, Д.1088 «Ережеп Итбаев».
- 239 ЦГА РК Ф.25 «Тургайское областное правление», Оп.1, Д.1540 «Дело о стипендиатах в Оренбургском кадетском корпусе.18.05.1908г.-15.01.1918г.».
- 240 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1902.- №40.

- 241 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1909.-9 сентября.- №36.
- 242 Приказы Председателя Омского окружного суда //Акмолинские областные ведомости.- Омск, 1911.- 15 ноября.
- 243 Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1901-1915 гг. - Оренбург, 1901-1915.- 10с.
- 244 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1901.- №46.
- 245 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1901.- №17.
- 246 Приказы по Степному Генерал-Губернаторству, //Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1908.-2 апрель.- №28.
- 247 Акмолинские областные ведомости.- Омск,1901.- №26.
- 248 Приказы председателя Омского окружного суда//Акмолинские областные ведомости.-Омск, 1910.-9июня.-№23.
- 249 Акмолинские областные ведомости.- Омск, 1911.-25 мая.- №11.
- 250 Приказы по Степному Генерал-губернаторству.//Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1911.- 28декабря.- №52.
- 251 Тургайские областные ведомости. - Оренбург, 1912.-3 марта.- №33.
- 252 Тургайские областные ведомости.- Оренбург, 1912.-1 декабря.- №48.
- 253 Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1905 г., Оренбург 1905 на 1914, Оренбург 1914; на 1915.- Оренбург, 1915.
- 254 Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1899г.- Оренбург, 1899.- 39с.
- 255 Тургайские областные ведомости.- Оренбург, 1903.- 21 сентября. - №39.
- 256 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1908.-11 октября.- №41.
- 257 Тобольские губернские новости.- Тобольск, 1906.-7 марта.- №10.
- 258 Тобольские губернские ведомости. - Тобольск, 1906.-1 августа.- №32.
- 259 Тобольские губернские ведомости. - Тобольск, 1906.- 28 ноября .- №49.
- 260 Сибирь. – СПб, 1897.- 10 октября.
- 261 Приказы начальника Омского почтово-телеграфного округа //Акмолинские областные ведомости. – Омск, 1906.- 18октября.- №42.
- 262 ЦДНИ ВКО Ф.266. «Губернский суд» Оп.1 Д.14. «Анафин Султан» Л.1.
- 263 Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1904 г. - Оренбург, 1905.- 52 с.
- 264 Приказы тобольского губернатора // Тобольские губернаторские ведомости. - Тобольск, 1906.-27 октября.- №43.
- 265 Акмолинские областные ведомости. – Омск, 1908.- 30 апреля.- №18.
- 266 За бычками. Путевой очерк // Тургайская газета.- Оренбург, 1903.- 5октября .- №41.
- 267 Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. - М.,1983. -195с.
- 268 ГАОО Ф.115 Омские учительские семинарии. Оп.1, Д.356 «Кокенев Хажиахмед. 3 июня 1907».

- 269 Акмолинские областные ведомости.- Омск, 1900.- №4.; Омск,1901.- №10.; Омск, 1901.- №38.
- 270 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1910.- 5 мая.- №18.
- 271 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1908.- 3 сентября.- №36.
- 272 Акмолинские областные ведомости.- Омск,1901.- №14.
- 273 Акмолинские областные ведомости.- Омск, 1911.-28 декабрь.- №52.
- 274 Памятная книжка Семипалатинской области. - Семипалатинск,1902.-19 с.
- 275 Памятная книжка Акмолинской области на 1912.- Омск, 1912.-12с.
- 276 Акмолинские областные ведомости.- Омск, 26июль 1906. - №30.
- 277 Семипалатинская памятная книжка за 1903.- Семипалатинск,1903.-90 с.
- 278 Приказ начальника Омского почтово-телеграфного округа // Тобольские губернские ведомости. - Тобольск, 5 апреля 1905. - №4.
- 279 Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана).- Алматы: председателя Тобольского окружного суда о службе помощником секретаря Тобольского окружного суда неимеющих чина Якупа Акпаевича Акпаева. 05.05.1904г.-08.02.1904г.».
- 280 Сибирские и Тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. /Авторы и составители: Бакулина Т.И., Гриценко Н.В., И.И.Ермаков, Конев А.Ю., Коновалов В.В., Переплеткин Ю.И., Скипина И.В., Туров С.В. -Тюмень, 2000. - 299с.; Из записок А.О.Дюгамеля «Русский архив» за 1885// Сибирский вестник.-Томск, 1885.-25 июля.- №7.
- 281 Приказы по Степному Генерал-Губернаторству//Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1908.-16 апреля.- №16.
- 282 Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1906. -Оренбург, 1906.-18с.
- 283 Адрес-календарь Оренбургской губернии на 1905.-Оренбург,1905.-13с.
- 284 Адрес-календарь Оренбургской губернии на 1895.- Оренбург, 1986.-54с.
- 285 Тургайские областные ведомости. - Оренбург,12 июня 1910.- №24.- -11с.
- 286 ЦГА РК Ф.25 Тургайское областное правление, Оп.2, Д.379 «Личное дело Каралдина Байкадама».
- 287 Тургайские областные ведомости. – Оренбург, 10 июля 1910. - №28.
- 288 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 17 января 1907. - №3.
- 289 Сибирский листок: 1908-1911/Составитель В.Белобородов (при участии Ю.Мандрики) -Тюмень: Мандр и К. 2003-640с. (Газеты Сибири) -148с.
- 290 ЦГА РК. Ф.25 Тургайское областное правление, Оп3.Д.498 «Сведения о подразделении на поколения и роды».
- 291 Адрес- календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1914. -Оренбург, 1914.- 18с.
- 292 История политических движений Казахстана. - Алма-Ата, 1991.-24 с.

- 293 Письмо в редакцию //Семипалатинская жизнь.- Семипалатинск, 1906.- №8.
- 294 Акмолинские областные ведомости.- Омск, 1902.- №2.
- 295 Акмолинские областные ведомости.- Омск, 1903. - №10.
- 296 Акмолинские областные ведомости.- Омск, 1904.- №48.
- 297 Памятная книжка Тобольской губернии на 1909г.-Тобольск, 1909.- С.293.
- 298 По выборам в Государственную Думу // Тобольские губернские ведомости. -Тобольск, 1906.- 51.
- 299 Тобольские губернские ведомости.-Тобольск, 1909.- №44.
- 300 ГУТО ГАТО Ф.И-183 «Тюменский окружной суд» Предисловие.
- 301 Памятная книжка Акмолинской области на1916. - Омск, 1916.-91с.
- 302 Условия деятельности Мирowych судей в Сибири //Сибирь. -Иркутск, 1897.- №68.
- 303 ГУТО «ГА в Тобольске». Ф.158 Окружной суд, Оп.2, Д.195 «Годовой отчет за 1907год».
- 304 ГУТО «ГА в Тобольске». Ф.158 Окружной суд, Оп.2, Д.30 «Производства по делам председателя Тобольского окружного суда. Формулярные списки».
- 305 ГУТО «ГА в Тобольске». Ф.158 Окружной суд, Оп. 2, Д.192. «Ведомость о деятельности мирowych судей и судейских следователей за январь 1907год».
- 306 Памятная книжка Томской губернии на 1915. - Томск,1915. -108с.
- 307 Приказ старшего председателя Омской Судебной Палаты // Акмолинские областные ведомости.- Омск, 1904.- №50.
- 308 ГУТО «ГА в Тобольске». Ф.158 Окружной суд, Оп.2, Д.139 «Дело по канцелярии Занимался ли Дунин-Геркович плагиатом.- Лукич, 2002.- №2.- 158с.
- 310 Акмолинские областные ведомости.- Омск, 1904.-№51.
- 311 ГУТО «ГА в Тобольске» Ф.И.-158 Окружной суд, Оп.2, Д.176. «Дело по канцелярии председателя Тобольского окружного суда о службе и дело Марсекова. 8июля1906-16 января 1908гг.».
- 312 Акмолинские областные ведомости.- Омск, 1902.- №43.
- 313 В приказ ИД Старшего Председателя Омской судебной палаты //Акмолинские областные ведомости.-Омск, 1904.- 50.-50с.
- 314 Акмолинские областные ведомости.- Омск, 1908.- №47.
- 315 Памятная книжка Томской губернии на 1915г. -Томск, 1915.- 109с.
- 316 Майский В. Характеристика современной политической ссылки в Тобольской губернии //Сибирские вопросы.- СПб., 1907.- №16.
- 317 Кабдиев Д. Развитие экономической мысли в Казахстане (конец XIX – начало XXвв.). - Алма-Ата: «Ғылым», 1978.- 192с.
- 318 ЦГА РК.Ф.25 Тургайское областное правление, Оп.2, Д.77. «Личное дело Балгимбаева Абубакира (1912-1917гг)».

- 319 ГУТО ГАТО. Ф.И.-65 «Ялуторовский суд», Оп.1, Д.429 «Формулярные списки о службе членов суда».
- 320 Дунин-Горкавин А. Этнографический состав Тобольской губернии // Тобольские губернские ведомости. - Тобольск, 1904.- №6.
- 321 Тобольские губернские ведомости.- Тобольск, 1905.- №14.
- 322 Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири.- Ново-Николаевск,1923.- 203 с.
- 324 ГУТО «ГА в Тобольске», Ф.158 Окружной суд. Оп 2. Д.195. «Годовой отчет за 1907год».
- 323 ГУТО «ГА в Тобольске», Ф.158 Окружной суд, Оп.2, Д.255. «Личный состав чинов и адвокатуры округа Тобольского окружного суда. 1908».
- 324 Тобольские губернские ведомости.- Тобольск, 1905.- № 14.
- 325 ГУТО ГАТО Ф.И. - 2 Тюменские училища Оп.1, Д.68 «Астное училище Колокольниковых».
- 326 Сибирская мысль. -Томск, 1908.
- 327 Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков или энциклопедия русского быта XIX в. - М.:«Флинта», 1998.- 101с.
- 328 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Акмолинские областные ведомости.- Омск, 1908.- №18.
- 329 Адрес-календарь Тургайской области на 1909г.- Оренбург: изд-во Областного статистического комитета, 1909.- 32 с.
- 330 ЦГА РК Ф.25. Тургайское областное правление, Оп.2. Д.259 «Джантурин Сеитхан Ахметович.1872».
- 331 НА РТ Ф.977 Казанский императорский университет, Оп.Л/Д. Д.40157. «Дело о принятии в число студентов Казанского университета Шавката Мохамед-Джановича Бекмохаммедова».
- 332 ЦГА РК Ф.25 Тургайское областное правление, Оп.2, Д.35 «Послужной список Алтынсарина».
- 333 Производство и награды по Сибири //Сибирская мысль. -Томск, 1907.
- 334 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1906.
- 335 Приказы Акмолинского губернатора //Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1911. №25.
- 336 Приказы Акмолинского губернатора//Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1908. - №33.
- 337 Вестник Оренбургского учебного округа. - Уфа, 1912. - №16. – 23 с.
- 338 Приказы по Степному Генерал-Губернаторству. //Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1908.- №24.
- 339 Приказ по Степному Генерал- губернаторству //Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1910.- №27.
- 340 Приказы // Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1910.--№11.
- 341 Приказы по Степному Генерал-Губернаторству.//Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1908.- №18.
- 342 Приказы Акмолинского губернатора //Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1911. №45

- 343 Акмолинские областные ведомости.- Омск, 1908.- 3 сентября.- №36.
- 344 ЦГА РК Ф.25, Оп.1. Д. 970 «Об определении детей киргизов стипендиатами в Оренбургскую гимназию. 17.02.1883 – 24.08.1906».
- 345 Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII - начале XX века.- Алма-Ата: «Наука», 1971.- С.620.
- 346 Мариям Жагорқызының әні. Дудар-ай // Қазақ әндері. - Алма-Ата: «Жазушы», 1992.- Т.2.-171б.
- 347 Есимуратов А.К. Алихан Букейханов в изучении проблемы русского переселения и особенностей казахского землевладения и землепользования // Вестник КазНУ. Серия историческая.- Алматы, 2000.- № 3 (18).- С.33-46.
- 348 Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А. Национальные меньшинства Томской губернии // Хроника общественной и культурной жизни 1885-1919 гг.- Томск, 2001.- С.52-57.
- 349 Несколько слов о киргизах, бывших в С-Петербурге в 1860г// Русский художественный листок, издаваемый с высочайшего изволения Василием Тиммом.-СПб., 1861.
- 350 Радлов В.В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии.- Иркутск, 1929.-125 с.
- 351 Санкт-Петербургские сенатские ведомости.-СПб., 1856.- №24.
- 352 Санкт-Петербургские ведомости№59.-СПб, 1856.- 20 июля.- №59.
- 353 ЦГА РК Ф.4 Оренбургская пограничная комиссия, Оп.1, Д.2312 «Дело о присвоении Тарханского Мусину Чегеню. 19.08.1844 – 23.07.1847».
- 354 ГАОрО Ф.6 Просвещение и здравоохранение, Оп.10, Д.7805.Л.3 « о просьбе султана Саматова о перемещении его на службу в канцелярию».
- 355 Мейндорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару.- М.: «Наука», 1976.- 225 с.
- 356 Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России, и слияние иноземцев с русскими.- М.: «ЛКИ», 2007.-С.169-189.
- 357 ГАОрО Ф 6 Просвещение и здравоохранение Оп.10.Д 8338 «Дело о присвоении генерал-майору султану Баймухамедову звания потомственного дворянина. 1871-1874».
- 358 Костанайский историко-краеведческий музей. НВФ, ОТД XVI.
- 359 Тургайский. Из Тургайской степи (Бесплодные мечтания). // Сибирские вопросы. - СПб, 1909.- №42.
- 360 ЦГА РК. Ф.25, Оп.1, Д.3833 «О назначении особого врача с правами государственной службы для жителей поселения Кустаная Николаевского уезда Карабаева. 06.07.1887 – 30.12.1891».
- 361 ЦГА РК Ф.25 Тургайское областное правление, Оп.1, Д.467. «О зачислении детей киргиз Тургайской области в Оренбургскую и Троицкую мужскую гимназию».
- 362Добросмыслов А.И. Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества // Тургайская область. Исторический очерк. - Тверь,1902.- Вып.17.-404 с.
- 363 Акмолинские областные ведомости. - Омск,1904.-№10.

- 364 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1903.- №1.
- 365 Женщина в Сибири // Сибирская жизнь.- Омск,1914.- №233.
- 366 ГАТО Ф.125 Канцелярия Главного инспектора училищ Западной Сибири, Оп.1. Д.507. «Переписка с военным губернатором Акмолинской и Омской областями об открытии русско-киргизских детей в Акмолинской и Семипалатинской областях 4.10.1875-12.02.1877гг.».
- 367 Приказы Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1902. - №9.
- 368 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1911.- №12.
- 369 Приказы Акмолинского Губернатора Акмолинские областные ведомости.- Омск, 1908. - №7.
- 370 ЦГА РК Ф.4 Областное правление Оренбургских киргизов, Оп.1, Д.4082 «Дело о пожертвованиях на постройку гимназии в городе Оренбурге. 03.10.1865 – 25.10.1868».
- 371 Особое «Прибавление» к Акмолинским областным ведомостям. - Омск, 1893.
- 372 Күрманбеков С. Батыс Қазақстанда сауда буржуазиясының қалыптасуы. (XIX аяғы - XX ғ. Басы // Отан тарихы. - Алматы, 2009. - №3. - 92 с.
- 373 Памятная книжка Тобольской губернии на 1914г. - Тобольск, 1914. -62 с.
- 374 Памятная книжка Томской губернии на 1912 г. - Томск, 1912.
- 375 Санкт-Петербургские сенатские ведомости. - СПб, 1856.- №44.
- 376 ЦГА РК Ф.25 Тургайское областное правление Оп.1.3628 «Об учреждении обществ попечения о начальном образовании в Николаевском и Илецком уездах Тургайской области. 19.03.1890 – 20.06.1894».
- 377 Тургайская газета №47.-Оренбург, 1910.- 21ноября.
- 378 ЦГА РК Ф.25 Тургайское областное правление, Оп.1, Д.906 «Об образовании».
- 379 Особое «Прибавление» Акмолинским областным ведомостям.- Омск, 1892.-4 декабря.-№49.
- 380 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1900.-27 декабря.- №52.
- 381 Приказы Военного губернатора Акмолинской области //Акмолинские областные ведомости.- Омск , 1904.-15 декабря.- №51.
- 382 Белая ромашка // Оренбуржье - №125 - Оренбург, 1905.- №125.- 913 с.
- 383 Письма о голоде // Сибирская жизнь. -Томск, 1912.- 8 апреля.- №79.
- 384 Справочная книжка Семипалатинской области за 1903г.- Семипалатинск, 1903.- 82с.
- 385 ЦГА РК Ф.25. Тургайское областное правление, Оп.2, Д.74 «Личное дело Байгузина Алимбая. 14.02.1872 – 21.02.1873».
- 386 Тургайские областные ведомости.-Оренбург, 1910.- №33.
- 387 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1909.- №35.
- 388 Акмолинские областные ведомости. - Омск, 1909.- №29.
- 389 Акмолинские областные ведомости.- Омск, 1909.- №32.
- 390 Акмолинские областные ведомости.- Омск,1910.- №4.

- 391 Акмолинские областные ведомости.- Омск, 1907.- №14.
- 392 Тургайские областные ведомости Приказы Военного Губернатора // Тургайской области. - Оренбург, 1903.- №3.
- 393 Тургайские областные ведомости. - Оренбург, 1903.- 28 апреля.- №18.
- 394 Особое «Прибавление» Акмолинским областным ведомостям.- Омск, 1893.-19 март.- №12.
- 395 Из городской жизни // Тургайская газета.-Оренбург, 1903.- 21 декабря.- №52.
- 396 Успехи культуры среди мусульман //Сибирская жизнь.- Томск, 1912.- 1 июня.
- 397 Ченцов В.Н. К вопросу об организации сибирской драматической школы в Томске //Сибирская жизнь. - Томск, 1912.-11 мая.-№104.
- 398 Сәкен Сейфуллин (өмірі, қызметі туралы материалдар мен құжаттар). Сакен Сейфуллин (материалы и документы о жизни и деятельности) / Под. ред. Какенова А.- Акмола, 1994.-53с.
- 399 Қарібжанова Г.А. Нәзипа Құлжанова – ағартушы, қайраткер. - Алматы: Информ-Арна,2004.-198 б.
- 400 Каркаралинск //Сибирь.- Иркутск, 1897.-19февраля.- №22.
- 401 Самосуд над околоточным надзирателем //Сибирская жизнь.- Томск, 1912.-20июня.- №137.
- 402 Какишев Т. Сакен Сейфуллин. (Жизнь замечательных людей). –М, 1972.- 67с.
- 403 ГАГА Ф.430 Объединенный фонд-коллекция, Оп.10, Д.1. « Письмо профессора К.Ф. Фукса ректору Казанского университета о пожертвовании ханом Д. Букеевым для университетской библиотеки».
- 404 ГАГА Ф.430 Объединенный фонд-коллекция, Оп.10, Д.2. «Казанский университет Диплом об избрании Д.Букеева почетным членом Императорского Университета. Предписание директору типографии о наличии диплома по избранию Д.Букеева почетным членом университета».
- 405 Культурная деятельность Министерства Внутренних дел в Сибири //Сибирские вопросы.-СПб.,1907.-19 августа.- №21.
- 406 Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство.- Алма-Ата, 1986.-Т.1- .22-23с.
- 407 Отчет о деятельности Областного статистического комитета в 1896 году. – Оренбург: Типография Жарикова П.Н., 1898.-20с.
- 408 Отчет о деятельности Семипалатинского Подотдела за 1904г. с протоколами общих собраний членов Подотдела и заведений Распорядительного комитета с 1 января 1904г. по июль 1905г // Записки Подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. - Семипалатинск, 1905.- 34 с.
- 409 Букейханов А. Абай (Ибрагим) Кунанбаев //Записки Подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. - Семипалатинск, 1907.- Выпуск III. – 6 с.

- 410 Козьмин Н. Григорий Николаевич Потанин //Сибирь.- Иркутск, 1910.- 7февраля.
- 411 Надежды и ожидания Сибири // Неделя-СПб, 1881.-1 ноября.- №44.
- 412 Юбилей Дарвина // Омское слово-Омск, 1909.- 4февраля.- №38.
- 413 Букейханов А.Соляная монополия в Западной Сибири //Сибирские вопросы. - СПб, 1909. - №26.
- 414 Акпаев Ж. наброски по обычному, в частности брачному праву киргиз-казахов // Сибирские вопросы.- 1910.- №26.
- 415 ЦГА РК. Ф.25 Тургайское областное правление, Оп, Д.988 «О чрезвычайных съездах в области. 22.12.1897 – 12.03.1903».
- 416 Международный Чубарагачский съезд //Семипалатинский листок.- Семипалатинск, 1906.- 4 ноября.
- 417 Об отношении киргиз к суду //Сибирь. – СПб, 1897.- 17 октября.
- 418 А.Ш.-ов. В Западно-сибирском отделе Импер. Русского Географического общества //Сибирь.- СПб, 1897.- 28 мая.
- 419 Адрес-Календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1903.- Оренбург, 1903.- 69с.
- 420 Сейдалин Т.А., Джантурин С.А. Образцы киргизской поэзии, собранные и переведенные //Записки Оренбургского отдела императорского русского географического общества.- Оренбург, 1875.- Вып.3.
- 421 Яковлева Ф.Я. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района // Лбищенский уезд. Издание переселенческой организации Тургайско-Уральского района.-Оренбург, 1914 .
- 422 Записки Западно-Сибирского отдела Имп. РГО, книжка XXXII. -Омск, 1906.
- 423 Баян-Аул // Сибирь. – СПб, 1897.- 3 сентября.
- 424 ЦДНИ ВКО Ф.22. «Губернский комитет города Семипалатинска. Оп.3.Д.166. «Сатылган Сабатаев».
- 425 ГАОО. Ф.190 «Прокурор Омской судебной палаты», Оп.3, Д.252 «Производство прокурора Омской судебной палаты по наблюдению за делом о киргизе Мир-Якубе Дулатове, обвиненного по статье уголовного изложения».
- 426 ЦГА РК.Ф.25 Тургайское областное правление, Д.419 «Сообщение губернатора о поступлении на службу юридический отдел врача Алдиярова и сотрудник газеты «Казах» Дулатова».
- 427 Ибрагимов М. Из киргизских преданий // Особое «Прибавление» Акмолинским областным ведомостям.- Омск, 1891.- №13.
- 428 Копеев Ю. Киргизская правда // Особое «Прибавление» Акмолинским областным ведомостям.-Омск, 1893.-26 марта.- №12.
- 429 Копеев Ю. Местные известия //Особое «Прибавление» Акмолинским областным ведомостям. - Омск, 1892.- 31 июля.- №32.
- 430 Понятие киргиз о самодержавии // Тургайская газета. - Оренбург, 1909.-12октября.- №42.

- 431 Съезд киргиз // Омское слово.- Омск, 1909.-11 апреля.- №80.
- 432 Из киргизской жизни в Семиреченской области // Сибирь.- СПб., 1897.- 24 декабря.- №151.
- 433 Мусульманские журналы и газеты // Сибирская мысль.- СПб., 1907.- 3 января .
- 434 Веджихи Сефа Фуат Хекимоглу. Исмаил Гаспыралы және түрік бірлігі мұраты // Отан тарихы. -Алматы, 2009.- №3.-15с.
- 435 ГАГА. Ф.430 Объединенный фонд-коллекция, Оп.10, Д.31. «Казанское губернское жандармское управление. « Мусульмане в Аулие-Ата», представленной Военно-уездной комиссией для Казанского губернского жандармского управления.
- 436 Сибирское обозрение // Сибирь.-Иркутск, 1911.- 4 августа.- №172.
- 437 ГАГА Ф.430 Объединенный фонд-коллекция, Оп.10, Д.10. «Письмо попечителя Казанского учебного округа директору Казанской учительской семинарии по поводу Джарылгасынова и Ситбаева учащихся семинарии».
- 438 Чокаев М. Отрывки из воспоминаний о 1917 г.- М.: Токио, 2001. – 53с.
- 439 Костанайский историко-краеведческий музей, отд. XX, НВФ, 12162, «Казах».
- 440 Қазақ газеті /Бас редактор Нысанбаев Ә. – Алматы: «Қазақ энциклопедиясы» Бас редакциясы, 1998.- Б.560.
- 441 ЦГА РК. Ф.25 Тургайское областное правление, Оп.1,Д.331 «Список лиц состоящих по надзором полиции в Актюбинском уезде по положению «Об усиленной и чрезвычайной охране за 1908 годы и прочее. 5.04.1908 – 23.12.1908».
- 442 ГАГА Ф.430 Объединенный фонд-коллекция, Оп.13, Д.15. «Произведения неповременной мусульманской печати в 1910 гражданском году».
- 443 ГАГА. Ф430, Оп.10, Д.22. «Канцелярия Казанского губернского Собрания обзоров и донесений по обозрению и содержанию произведений политической печати».
- 444ГАГА Ф.430 Объединенный фонд-коллекция, Оп.10, Д.28. «Казанский временный комитет по делам печати. Письмо Н.Катанаева в Казанский временный комитет по делам печати о ходатайстве перед судебной палатой в наложении ареста на брошюру М.Дулатова «Оян казак».
- 445 Белослюдов А.Критика и библиография киргизской поэзии// Сибирский студент. -Семипалатинск,1915.- №3-4.- 78с.
- 446 ГАГА Ф.430 «Казанский временный комитет по делам печати» Оп.11, Д.14 «Заключение на брошюру Мир-Якуба Дулатова».
- 447 Россия в Сибирских степях //Сибирский вестник. - Томск, 1885.- 29 августа.- №16.
- 448 ГАТО. Ф125 «Канцелярия Главного инспектора училищ Западной Сибири», Оп.1, Д.97. «Выписка из отчета Министерства народного просвещения и переписка с военным губернатором Акмолинской области о

порядке проведения замены татарского киргизским в учебных заведениях степных областей Западной Сибири».

449 Елеукенов Ж. Шалғынбаева. Миссионерлік мерез //Ақиқат.-1999.- №1.- Б.57-61.

450 К вопросу о школьном образовании у киргиз //Сибирь. – СПб, 1897.- 8 августа.

451 ГАТО. Ф-125 Канцелярия Главного инспектора училищ Западной Сибири, Оп.1, Д.725. «Переписка с Министерством народного просвещения о предоставлении сведений о числе мусульманских школ на территории Западной Сибири 24.01.18-21.05.1879 гг».

452 Искандер Мурза. Русские школы для мусульман в Туркестане // Восточное обозрение. - СПб, 1883.- 22 сентября.- №38.

453 Моравский В. Иностранческое образование в Сибири // Сибирские вопросы.- СПб, 1909.-31 июля.- №28.

454 ГАГА Ф.430, Оп.13, Д.8. «Гаспринский Шафик. Материалы III Всероссийского мусульманского съезда».

456 ГАГА. Ф.430 Объединенный фонд-коллекция, Оп. 10, Д.30. «Казанское губернское жандармское управление.Донесение мусульманском съезда проходившего в г. Санкт-Петербурге с15 по 25 июня 1914г.».

455 ГАГА. Ф.430 Объединенный фонд-коллекция, Оп.13, Д.17. «Казанское губернское жандармское управление. Материалы мусульманского съезда проходившего в г. Санкт-Петербурге».

457 Чепилов В. Сибирские землячества в Москве // Сибирский студент.- Томск, 1914.- №2.-54 с.

458 Корреспонденции г. Кустанай Тургайской области // Время. – СПб, 1906.-2 февраля.

459 История Оренбуржья. - Оренбург, 1996.-С.231-232.

460 XYZ Письма из Семипалатинска // Сибирский вестник. - Томск, 1885.- 5 дек.

461 Корреспонденции г.Кустанай, Тургайской области (от нашего корреспондента) // Время. - СПб, 1906.-- 18 февраля.- №37.

462 Сибирские письма. Кустанай (чиновничье упрямство) // Сибирские вопросы.- СПб, 1909.- 8 октября.- №38.

463 Григорьев В.К. Алихан Букейханов // История Казахстана в лицах.- Астана, 1999.- Вып.1.-107с.

464 Сибирь в 1907 // Сибирская мысль. - Томск, 1907.- 9 января.

465 Часть неофициальная. Итоги выборов. // Томские губернские ведомости. - Томск, 1906.-23апреля.- №9.

466 Курманбаев Б.Ж. Алаштың ардақтасы Алпысбай Қалменов // Роль национальной интеллигенции в истории XX в.: Материалы международной научно-практической конференции. - Орал, 2009.-284с.

467 Озғанбай Ө., Құрманбеков Б. Қайраткер Алпысбай Қалменов. - Алматы: Нұрлы Әлем, 2006. -176 б.

468 Корреспонденции // Время.-СПб., 1906.-20 мая.- №106.

- 469 Избиратель. Корреспонденции г. Кустанай (Тургайской области) // Время. – СПб, 1906.-2 мая.- №76.
- 470 Потанин Г. Лозунг Сибири // Сибирская мысль.- Томск, 1907.- 14 февраля.
- 471 Аграрный вопрос в киргизской степи //Омский телеграф.- Омск, 1907.-12 октября.- №78.
- 472 Петербург // Время.- СПб, 1906.- 26 апреля.- №87.
- 473 Таштемханова Р. М. Национальные окраины Российской империи в начале XX века: драматический опыт модернизации (на материалах очерка Головачева П.Г. «Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири») // Саясат-Полісу. -Алматы, 2010.- №4.- Б.62 - 66.
- 474 Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской империи 1906-1917гг. // Историко-правовой очерк: «Книги и бизнес».-М.,1998. -231с.
- 475 Полферов Я. Доехали //Сибирские вопросы. - СПб, 1909.- 16-28 октября.-№39.- 40с.3-7.
- 476 Койгельдиев М. Инакомыслящий // Казахстанская правда.- Алматы, 1991.-7 сентября.
- 477 Хроника // Сибирские вопросы. - СПб, 1907.-17 июля.- №17.
- 489 Хроника //Сибирские вопросы. - СПб, 1909. - 30 мая.- №20.
- 478 Букейхан А. Тандамалы. Избранное. - Алматы: Казак энциклопедиясы, 1995. – С. 479.
- 479 Первый сибирский областной съезд //Сибирская жизнь. - Томск, 1917.- 14 октября.
- 480 Из Семипалатинской области. (Сведения о выборах выборщиков). //Сибирская мысль.- Томск, 1907.- 10 января.
- 481 ГАОО Ф.25 «Омская судебная палата», Оп.2, Д.1 «Акпаев Якуп (анкетные данные, удостоверение) 25.10.1905».
- 482 ГАОО Ф.190 «Прокурор Омской судебной палаты», Оп.1, Д.225 «Представление прокурора Омского округа о Якубе Акпаеве».
- 483 ГАОО Ф.25 «Омская судебная палата», Оп.1, Д.127 «Следствие произведенное мировым судьей первого участка Каркаралинского уезда Семипалатинской области окружного суда по делу Якупа Акпаева».
- 484 ГАОО Ф.270 «Омское жандармское управление (1868-1917)», Оп.1, Т.2. Д.271 «Букейханов Алихан».
- 485 Телеграмма Петербургского Телеграфного агентства // Сибирская мысль. - Томск, 1907.-15 февраля.
- 486 Хроника //Сибирская мысль. - Томск, 1907.- 21 февраля.
- 487 Корреспонденции. Кустанай.Тургайская область // Время. №106. – СПб, 1906.-29 мая.- №106.
- 488 Материалы по истории политического строя Казахстана.-Алматы, 1960.- Т.1.- 403с.
- 489 Хроника //Сибирские вопросы.- СПб, 30 мая 1909-№ 20.

- 490 Журнал общего присутствия Семипалатинского областного правления, 12 августа 1906.-№86.; По вопросу о возможности отмены ст136 Степного Положения //Семипалатинский листок. - Семипалатинск, 1906.- 25 июля.
- 491 Совещание о поземельном устройстве киргизских областей // Речь. - СПб, 1907.-17 апреля.- №7.
- 492 Хроники русской жизни //Сибирская мысль.- Томск, 1907.- 4 февраля.
- 493 Государственная Дума. Второй созыв стенографического отчета. 1907г. Сессия вторая. заседания31-53.(с 1 мая по 2 июня). – СПб, 1907.- Т.2.- С. 627-630.
- 494 Околодумская хроника //Сибирские вопросы. – СПб, 1907. - 6 мая.- №8.
- 495 Проект временного устава сибирской группы прогрессивных депутатов //Сибирские вопросы.-СПб., 1907.-22апреля.- №7.
- 496 Сибирская группа //Сибирская мысль.- Томск, 1907.- 3 апреля. -№122.
- 508 Краткая биография сибирских депутатов //Сибирские вопросы.- СПб, 1907.-15апреля.-№6.
- 497 Сибирь в Государственной Думе // Сибирские вопросы. – СПб, 1907.- 3 апреля.
- 498 Сибирь во второй Государственной Думе. Письма сибирского депутата о Государственной Думе //Сибирские вопросы.- СПб, 1907.-21 июня.- №14.- С.33-38.
- 499 Мусульманская фракция // Речь. – СПб, 1 апреля 1907. - №77
- 500 Распорядительная комиссия// Речь. – СПб, 28 февраля 1907. - №49.
- 501 Письма сибирского депутата о Государственной Думе //Сибирские вопросы. - СПб, 6 мая 1907. - №8.
- 502 Мусульманская фракция // Речь. - СПб, 19 апреля (2 мая) 1907. - №92.
- 503 Государственная Дума. Периодические обзоры ее работы. Последняя неделя Государственной Думы. - СПб, 28 мая – 2 июня 1907.- 7с.
- 504 Султангазы Г.Ж. Общественно-политическая деятельность Ахмеда Беремжанова: автореферат дисс. на соискание канд.ист. наук. – Костанай. 2002. – 70 с.
- 505 Колокольников Н. Протокол заседания Сибирской группы //Сибирские вопросы. - СПб, 1907. - №10. - С.36-38.
- 506 Протоколы заседания Сибирской группы //Сибирские вопросы. – СПб, 1907. - №10
- 507 Соболев М. Земство в Сибири и его местные особенности.//Сибирские вопросы. – СПб, 1905. - №1. – С.80-90.
- 508 Киргизы на совещании Степного генерал-губернатора //Сибирские вопросы. - СПб, 1908. - №21-22.
- 509 Краткая биография сибирских депутатов // Сибирские вопросы. – СПб., 1907. – 15 апреля. - №6.
- 510 Колокольников Н. Протокол собрания сибирской группы депутатов //Сибирские вопросы. - СПб, 1907. - №11.

- 511 Посторонний. Необходимость введения земства и его задачи в Семипалатинской области. //Семипалатинский листок. - Семипалатинск, 1906. №49.
- 512 Протоколы заседания Сибирской группы //Сибирские вопросы.- СПб, 1907.- 3мая.- №9.-36с.
- 513 Приветствие крестьян. Новое общество //Сибирские вопросы. – СПб, 1907. - №25
- 514 Околотумская хроника //Сибирские вопросы. – СПб, 1907. - №5. – С. 42-45.
- 515 Колокольников В. Последние протоколы собрания сибирской группы // Сибирские вопросы. - СПб, 1907. - №16. – С.31-35.
- 516 Хроника //Сибирские вопросы. – СПб, 1907. - №17.
- 517 Мертвый год//Сибирские вопросы - СПб, 12 января 1908. - №1.
- 518 Циунчук Р.А. Государственная Дума в географии власти этнорегиональных процессов Российской империи //Регионология.Научно-публицистический журнал. - Саранск, 2005. - №1. – 218с.
- 519 Скалозубов Н.А. Доклад Н.А.Скалозубова в Народной аудитории 10 сентября.//Сибирский листок. Составитель. Белобородов 1912г. при участии Ю.Мандрики)-Тюмень: Мандр и К., 2003. - 94с.
- 520 Чокай-оглы М. Туркестан под властью Советов (К характеристике диктатуры пролетариата). - Алма-Ата: «Айкап», 1993. – 159-160с.
- 521 Омарбеков Ш.Т. Қазақ интеллигенциясының 1916 жылға байланысты тарихи көзқарасы // Вестник КазНУ. Серия историческая. - Алматы,2000. - № 4 (19). – Б.137-144.
- 522 Қарасаев Ғ. 1916 жылғы Қазақстандағы отарлық езгіге қарсы азаттық қозғалысы: сабақтастығы, кейбір ерекшеліктері (Шығыс Қазақстан өлкесі бойынша)
- 523 ЦГА РК. Ф.14 «Военно-революционный комитет по управлению киргизским краем», Оп.3, Д.2 «Копии протоколов заседания Киргизского военного комиссариата Джамбейтинского районного продовольственного управления».
- 524 Сибирь и новый избирательный закон //Сибирские вопросы. – СПб, 1907. - №6.
- 525 Сибирская мысль. - Томск, 1907.
- 526 Ничьи деньги //Сибирские вопросы. – СПб, 1908. - №47-48.
- 527 Старый Степняк. Будущая пустыня // Сибирские вопросы. – СПб, 1907. №45-46.
- 528 Депутат. Сибирские вопросы в думских комиссиях. Переселенческая комиссия // Сибирские вопросы. – СПб, 1908. - №45-46.
- 529 Речь В.И. Дзюбинского в Государственной Думе.// Сибирские вопросы. – СПб, 1909.- №15. – С.51-62.
- 530 Школы для мусульман //Речь. – СПб, 1909. - №117.
- 531 Мусульманский аграрный законопроект и его принципы. //Сибирские вопросы. – СПб, 8 мая 1908. - №14.

- 532 Омское слово - Омск, 30 января 1909. - № 35.
- 533 Законопроект о привлечении населения приморской и Амурской областей к отбыванию воинской повинности// Речь. - СПб, 1908. - №313.
- 534 Поправка//Речь. – СПб, 1909. - №77.
- 534 Письмо в редакцию.// Речь. – СПб, 1909. - №104.
- 536 Речь. – СПб, 1911.
- 537 Виды на урожай //Сибирская жизнь. - Томск, 1912. - №139.
- 538 В голодной степи // Сибирская жизнь. - Томск, 1912. - №139.
- 539 Полферов Я. Иностранческие приговоры // Сибирские ведомости.- Оренбург, 16 февраля 1909 . - №6- С.35.
- 540 Шалекенов М.У. Социально-экономическая и культурная жизнь Южного Казахстана во второй половине XIX – XX веков // автореферат дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. – Фрунзе, 1987.
- 541 Гали А.Б. Неоджадидизм – национальная идеология нового Казахстана // Саясат, 2004. - № 1. – С. 4-7.